

УЧРЕДИТЕЛЬ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Челябинский государственный университет»

Главный редактор

Таскаев Сергей Валерьевич — доктор физико-математических наук, доцент
(Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия);
ORCID: 0000-0001-6352-2816; Scopus Author ID: 55886287900;
ResearcherID: AAU-9890-2021

Ответственный секретарь
Саломатова Оксана Ивановна

(Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Болдырев Николай Николаевич, доктор филологических наук, профессор (Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина, Россия); **Бубнов Юрий Александрович**, доктор философских наук (Воронежский государственный университет, Россия); **Голованова Елена Иосифовна**, доктор филологических наук, профессор (Челябинский государственный университет, Россия); **Желтухина Марина Ростиславовна**, доктор филологических наук, профессор (Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Россия); **Качалов Роман Михайлович**, доктор экономических наук, профессор (Центральный экономико-математический институт РАН, Россия); **Невелев Анатолий Борисович**, доктор философских наук, профессор (Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия); **Нижегородцев Роберт Михайлович**, доктор экономических наук (Институт проблем управления РАН, Россия); **Питина Светлана Анатольевна**, доктор филологических наук, профессор (Челябинский государственный университет, Россия); **Попов Евгений Васильевич**, доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент РАН (Уральский институт управления — филиал РАНХиГС, Россия); **Эндер Демир**, Университет Рейкьявика (Рейкьявик, Исландия); **Ж. Ришар**, PhD, профессор (Университет Париж-Дофин, Франция); **Роберт Филлипсон**, PhD, почетный профессор (Копенгагенская школа бизнеса, Дания).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ НАУЧНОГО НАПРАВЛЕНИЯ

Е. В. Шелестюк, доктор филологических наук, доцент, председатель редакционной коллегии (Челябинск); **Е. И. Минина**, кандидат филологических наук, заместитель председателя редакционной коллегии (Челябинск); **Е. Н. Бекасова**, доктор филологических наук, профессор (Оренбург); **Н. Н. Болдырев**, доктор филологических наук, профессор (Тамбов); **Т. В. Борисенко**, кандидат филологических наук, доцент (Челябинск); **Г. К. Валеев**, кандидат филологических наук, доцент (Челябинск); **Т. А. Воронцова**, доктор филологических наук, профессор (Челябинск); **Е. И. Голованова**, доктор филологических наук, профессор (Челябинск); **С. Ю. Двинина**, кандидат филологических наук (Челябинск); **М. Р. Желтухина**, доктор филологических наук, профессор (Волгоград); **М. В. Загидуллина**, доктор филологических наук, профессор (Челябинск); **Ю. С. Замышляева**, кандидат филологических наук (Челябинск); **Л. А. Месеняшина**, доктор педагогических наук, профессор (Челябинск); **А. А. Миронова**, доктор филологических наук, доцент (Челябинск); **Л. А. Нефёдова**, доктор филологических наук, профессор (Челябинск); **Н. С. Олизько**, доктор филологических наук, профессор (Челябинск); **С. А. Питина**, доктор филологических наук, профессор (Челябинск); **О. Ю. Редькина**, кандидат филологических наук (Челябинск); **Ал. А. Селютин**, кандидат филологических наук, доцент (Челябинск); **А. А. Селютин**, кандидат филологических наук, доцент (Челябинск); **Е. М. Хакимова**, доктор филологических наук, профессор (Челябинск); **Т. В. Чернышова**, доктор филологических наук, профессор (Барнаул); **Марьям Шафаги**, кандидат филологических наук (Университет имени Алламе Табатабаи, Иран); **Маджид Эстири**, кандидат филологических наук (Государственный университет Гонбад-Кавус, Иран).

Журнал включен в перечень рецензируемых научных журналов,
утвержденный ВАК Минобрнауки РФ, по отраслям:
экономические науки, филологические науки, философские науки.

Издание включено в базы данных: UlrichsWeb Global Serials Directory;
EBSCO's research collections.

Журнал выходит 12 раз в год

Адрес издателя:
Россия, 454001, Челябинск,
ул. Братьев Кашириных, 129

Адрес редакции:
Россия, 454001, Челябинск,
ул. Братьев Кашириных, 129

Адрес редакции научного
направления
«Филологические науки»:
Россия, 454084, Челябинск,
пр. Победы, 162-в
Тел.: (351) 799-70-26
e-mail: russlang@csu.ru

С требованиями к оформлению
статей можно ознакомиться на сайте
[http://journals.csu.ru/index.php/
BulletinCSU](http://journals.csu.ru/index.php/BulletinCSU)

Редакция журнала может
не разделять точку зрения авторов
публикаций

Ответственность за содержание
статей и качество перевода аннотаций
несут авторы публикаций

Журнал зарегистрирован
в Роскомнадзоре.
Свидетельство ПИ № ФС77-66312
от 01.07.2016 г.

Индекс 33077
в каталоге «Пресса России»

Корректурa *М. В. Трифоновой*
Верстка *М. В. Трифоновой*

Подписано в печать 03.02.26.
Выход в свет 27.02.26.
Формат 60×84 1/8. Бумага офсетная.
Гарнитура Times. Усл. печ. л. 20,2.
Уч.-изд. л. 17,3.
Тираж 500 экз. Заказ 24.
Цена свободная

Отпечатано:
Издательство Челябинского
государственного университета
Россия, 454021, Челябинск,
ул. Молодогвардейцев, 576

ISSN 1994-2796 (print)

ISSN 2782-4829 (online)

doi 10.47475/1994-2796

ACADEMIC
PERIODICAL

Founded in 1991

№ 2 (508) 2026

FOUNDER

Chelyabinsk State University (CSU)

Editor-in-chief

S. V. Taskaev, Dr. Sci. (Physics and Mathematics), Prof. (Assoc.)

Executive secretary

O. I. Salomatova

EDITORIAL COUNCIL

N. N. Boldyrev, Dr. Sci. (Philology), Prof. (G. R. Derzhavin Tambov State University, Russia); **Yu. A. Bubnov**, Dr. Sci. (Philosophy), Prof. (Voronezh State University, Russia); **E. I. Golovanova**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk State University, Russia); **M. R. Zheltukhina**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Volgograd State Socio-Pedagogical University, Russia); **R. M. Katchalov**, Dr. Sci. (Economics), Prof. (Central Economics and Mathematics Institute of RAS, Russia); **A. B. Nevelev**, Dr. Sci. (Philosophy), Prof. (Chelyabinsk State University, Russia); **R. M. Nizhegorodtsev**, Dr. Sci. (Philosophy), Prof. (Institute of Control Sciences of RAS, Russia); **S. A. Pitina**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk State University, Russia); **E. V. Popov**, Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Corresponding Member of RAS (Ural Institute of Management — branch of RANEP, Russia); **E. Demir**, PhD, University of Reykjavik (Reykjavik, Iceland); **J. Richard**, PhD, Prof. (Paris-Dauphine University, France); **R. Phillipson**, PhD, Prof. Emer. (Copenhagen Business School, Denmark).

EDITORIAL BOARD OF SCIENTIFIC DIRECTION

E. V. Shelestyuk, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Assoc.), Chairperson of Editorial Board (Chelyabinsk); **E. I. Minina**, Cand. Sci. (Philology), Deputy Chairperson of Editorial Board (Chelyabinsk); **E. N. Bekasova**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Orenburg); **N. N. Boldyrev**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Tambov); **T. V. Borisenko**, Cand. Sci. (Philology), Prof. (Assoc.) (Chelyabinsk); **G. K. Valeev**, Cand. Sci. (Philology), Prof. (Assoc.) (Chelyabinsk); **T. A. Vorontsova**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk); **E. I. Golovanova**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk); **S. Yu. Dvinina**, Cand. Sci. (Philology) (Chelyabinsk); **M. R. Zheltukhina**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Volgograd); **M. V. Zagidullina**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk); **Yu. S. Zamyshlyayeva**, Cand. Sci. (Philology) (Chelyabinsk); **L. A. Mesenyashina**, Dr. Sci. (Pedagogical), Prof. (Chelyabinsk); **A. A. Mironova**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Assoc.) (Chelyabinsk); **L. A. Nefedova**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk); **N. S. Olizko**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk); **S. A. Pitina**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk); **O. Yu. Redkina**, Cand. Sci. (Philology) (Chelyabinsk); **Al. A. Selyutin**, Cand. Sci. (Philology), Prof. (Assoc.) (Chelyabinsk); **A. A. Selyutin**, Cand. Sci. (Philology), Prof. (Assoc.) (Chelyabinsk); **E. M. Khakimova**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk); **T. V. Chernyshova**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Barnaul); **M. Shafaghi**, Cand. Sci. (Philology) (Allameh Tabataba'i University, Tehran, Iran); **M. Estiri**, Cand. Sci. (Philology) (Gonbad Kavous University, Iran).

The journal is included into the list of peer-reviewed journals, approved by the State Commission for Academic Degrees and Titles of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, in the following branches of knowledge: Economic Sciences, Philological Sciences, and Philosophical Sciences.

This journal is currently listed in: UlrichsWeb Global Serials Directory;
EBSCO's research collections.

The journal is published
12 times per year

Address of Publisher:
129 Bratiev Kashirinykh St.,
Chelyabinsk, 454001, Russia

Editorial office's address:
129, Bratiev Kashirinykh St.,
Chelyabinsk, 454001, Russia

"Philological Sciences" editorial
office's address:

162v, Prospect Pobedy,
Chelyabinsk, 454084, Russia
Telephone: + 7(351) 799-70-26
e-mail: rus slang@csu.ru

All the requirements
are available on the web-site
[http://journals.csu.ru/index.php/
BulletinCSU](http://journals.csu.ru/index.php/BulletinCSU)

The Editorial Board may not share
the views of the authors

Authors are responsible
for the article content and quality
of annotations' translation

Academic periodical
is registered
in Federal Supervision Agency
for Information Technologies and
Communications
Certificate III № ФЦ77-66312
dated 01.07.2016

Index 33077
in the "Press of Russia" catalog

Proofreader *M.V. Trifonova*
Imposition by *M.V. Trifonova*

Approved for printing 03.02.26.
Date of publication 27.02.26.
Format 60×84 1/8. Litho paper.
Font Times.
Conventional print. sh. 20,2.
Ac.-publ. sh. 17,3.
Circulation 500 copies.
Order 24. Open price

Printed:
Publishing Office
of Chelyabinsk State University
57b Molodogvardeitsev St.,
Chelyabinsk, 454021, Russia

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКЦИИ

- Шелестюк Е. В.* «Вестник Челябинского государственного университета»: от первых строк к научному диалогу эпох (к 50-летию Челябинского государственного университета и 35-летию филологической серии журнала) 7

ТОПОНИМИКА, ОНОМАСТИКА

- Антоненко Н. В.* Названия креативных кластеров в ономастическом пространстве города 11
- Петешова О. В.* Сравнительный анализ кампаний по переименованию населённых пунктов и улиц Калининградской области 20
- Родина Н. А.* Имя собственное в военном социуме: когнитивные особенности бытования периферийных онимов 28

ТЕРМИНОВЕДЕНИЕ

- Хуан Ш., Тимофеева М. К.* Классификация соотношений между общеупотребительным и специальным значениями консубстанциональных лингвистических терминов 37

СОЦИОЛИНГВИСТИКА, РЕГИОНАЛЬНЫЕ ВАРИАНТЫ ЯЗЫКА

- Волошина Т. Г., Богданова М. Д., Пересыпкин А. П.* Лексико-семантическая нативизация английского языка в англоязычной нигерийской онлайн-газете *Punch* 50

КОНЦЕПТОЛОГИЯ, ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ, КОГНИТИВНАЯ МЕТАФОРА

- Борисенко Т. В.* Место концепта ГРАНИЦА в структуре концептуальной категории СЕМЬЯ . . . 59
- Тиллоева С. М., Касумова Т. Р.* Концептуализация эмоций через метафору жидкости в арабской фразеологии: когнитивно-лингвистический подход 68
- Шнякина Н. Ю.* Метафоризация геометрического понятия «плоскость» в немецком инженерном дискурсе 77

ПРАГМАЛИНГВИСТИКА, ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ГРАММАТИКА И СЕМАНТИКА, ЛИНГВОСЕМИОТИКА

- Бускунбаева Л. А.* Функционально-семантические типы вопросительных предложений в жанре интервью (на материале устного подкорпуса средств массовой информации башкирского языка) 86
- Замышляева Ю. С.* Особенности номинации женщин по профессиональной принадлежности в современных резюме и объявлениях о работе 96
- Киселева Л. А., Леготина А. Э.* Основные приёмы языковой игры в жаргоне геймеров (на примере имён собственных) 103
- Мехраби К.* Междометия и звукоподражания в русско-персидском контексте: данные опроса . . 111
- Новикова О. Н., Мурашов Р. З., Азнабаева А. Ф.* Языковые средства выражения оценки в интернет-отзыве как жанре ветеринарного дискурса (британский сегмент) . . . 119

<i>Сюткина Н. П.</i> Функционально-прагматический потенциал эмотивных каузативов с семой интенсивности.	128
--	-----

МЕДИАЛИНГВИСТИКА, ДИСКУРСОЛОГИЯ, РЕЧЕВОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ

<i>Гузикова В. В., Нестерова В. Е.</i> Оказание речевого воздействия в процессе моделирования пейоративного образа полиции в русскоязычном газетном дискурсе	136
<i>Дементьев В. В.</i> Жанр опросника и его роль в блиц-интервью	144
<i>Ленкова Т. А.</i> Категория ретроспекции в креолизованном медиатексте: реминисценция и прецедентность как способы её выражения (на материале прессы Германии) . .	155

ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ, КОГНИТИВНОЕ КАРТИРОВАНИЕ ДИСКУРСА

<i>Валиева А. В., Ремхе И. Н.</i> Когнитивное картирование дискурса как метод организации экспертного знания переводчика	165
---	-----

CONTENTS

FROM THE EDITORIAL BOARD

- Shelestyuk E. V.* Bulletin of the Chelyabinsk State University: from the first lines to the Scientific Dialogue of the Epochs (Commemorating the 50th Anniversary of Chelyabinsk State University and the 35th Anniversary of the Journal's Philological Series) 7

TOPONYMY, ONOMASTICS

- Antonenko N. V.* Names of Creative Clusters in the Onomastic Space of the City 11
- Peteshova O. V.* Comparative Analysis of Campaigns on Renaming Settlements and Streets in the Kaliningrad Region 20
- Rodina N. A.* Proper Name in Military Society: Cognitive Features of the Existence of Peripheral Onims 28

TERMINOLOGY SCIENCE

- Huang Sh., Timofeeva M. K.* Classification of Semantic Relations Between Common and Special Meanings of Consubstantial Linguistic Terms 37

SOCIOLINGUISTICS, REGIONAL LANGUAGE VARIANTS

- Voloshina T. G., Bogdanova M. D., Peresykin A. P.* Lexical and Semantic Nativization of English in Nigerian English Online Newspaper *Punch*. 50

CONCEPTOLOGY, LINGUOCULTUROLOGY, COGNITIVE METAPHOR

- Borisenko T. V.* Position of the concept BORDER (ГРАНИЦА) in the conceptual category FAMILY (СЕМЬЯ) 59
- Tilloeva S. M., Kasumova T. R.* Conceptualization of Emotions Through the Metaphor of Liquid in Arabic Phraseology: a Cognitive-Linguistic Approach 68
- Shnyakina N. Yu.* Metaphorization of Geometric Concept "Plane" in German Engineering Discourse 77

PRAGMALINGUISTICS, FUNCTIONAL GRAMMAR AND SEMANTICS, LINGUOSEMIOTICS

- Buskunbaeva L. A.* Functional and Semantic Types of Interrogative Sentences in the Interview Genre (Based on the Material of the Oral Subcorpus of the Bashkir Language Mass Media) . . 86
- Zamyshliaeva Yu. S.* The Features of Female Nomination by Professional Affiliation in Modern Resumes and Job Advertisements 96
- Kiseleva L. A., Legotina A. E.* Main Techniques of Language Play in the Jargon of Gamers (Based on Proper Names) 103
- Mehrabi Q.* Interjections and Onomatopoeias in the Russian-Persian Context: Survey Findings 111
- Novikova O. N., Muryasov R. Z., Aznabaeva A. F.* Language Means of Expressing Evaluation in Online Review as a Genre of Veterinary Discourse (British Segment) 119
- Siutkina N. P.* The Functional-Pragmatic Potential of Emotive Causatives with the Intensive Seme . . . 128

MEDIA LINGUISTICS, DISCOURSE STUDIES, AND SPEECH INFLUENCE

Guzikova V. V., Nesterova V. E. Providing Speech Impact in the Process of Modelling the Police
Pejorative Image in the Russian Language Newspaper Discourse. 136

Dementyev V. V. Questionnaire Genre and its Role in the Blitz Interview 144

Lenkova T. A. The Category of Retrospection in Creolized Media Text: Reminiscence and Precedence
as Ways of its Expression (Based on the German Press) 155

TRANSLATION STUDIES, COGNITIVE MAPPING OF DISCOURSE

Valieva A. V., Remkhe I. N. Cognitive Mapping of Discourse as a Method of Structuring
Translator Expertise 165

ОТ РЕДАКЦИИ FROM THE EDITORIAL BOARD

---

*Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 2 (508). С. 7–10.
Bulletin of Chelyabinsk State University. 2026;(2(508)):7-10.*

Редакторская статья

УДК 001.89

DOI: 10.47475/1994-2796-2026-508-2-7-10

«ВЕСТНИК ЧЕЛЯБИНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА»: ОТ ПЕРВЫХ СТРОК К НАУЧНОМУ ДИАЛОГУ ЭПОХ (к 50-летию Челябинского государственного университета и 35-летию филологической серии журнала)

Елена Владимировна Шелестюк

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, shelestiuk@yandex.ru, 0000-0003-4254-4439,
Scopus Author ID: 26034958400

Аннотация. Освещены история и развитие научного журнала «Вестник Челябинского государственного университета» с момента его основания в 1991 г. Представлена уникальная серийная структура издания, унаследованная от традиций советского университетского книгоиздания и адаптированная к новым реалиям: описаны ключевые серии, а также эволюция в цифровую эпоху. Особое внимание уделено филологической серии как «душе» издания и вкладу ведущих ученых в становление научной школы. Отмечены современный статус журнала и его роль как площадки для диалога поколений исследователей и отражения развития уральской филологии.

Ключевые слова: «Вестник Челябинского государственного университета», научная периодика, университетский журнал, серийная структура издания, филологические науки, история журнала, научная школа, уральская филология, редакционная коллегия, индексация в базах данных, академический диалог

Для цитирования: Шелестюк Е. В. «Вестник Челябинского государственного университета»: от первых строк к научному диалогу эпох (к 50-летию Челябинского государственного университета и 35-летию филологической серии журнала) // Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 2 (508). С. 7–10. DOI: 10.47475/1994-2796-2026-508-2-7-10.

Editorial article

BULLETIN OF CHELYABINSK STATE UNIVERSITY: FROM THE FIRST LINES TO THE SCIENTIFIC DIALOGUE OF THE EPOCHS (Commemorating the 50th Anniversary of Chelyabinsk State University and the 35th Anniversary of the Journal's Philological Series)

Elena V. Shelestyuk

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, shelestiuk@yandex.ru, 0000-0003-4254-4439, Scopus Author ID: 26034958400

Abstract. The paper outlines the history and evolution of the academic journal “Vestnik Chelyabinskogo Gosudarstvennogo Universiteta” (“Bulletin of Chelyabinsk State University”) since its establishment in 1991. It describes the publication’s distinctive serial structure, which inherits the traditions of Soviet university publishing while being adapted to contemporary realities: key series are presented, along with the journal’s digital-age transformation. Special emphasis is placed on the philological series as the “soul” of the publication, and on the contributions of leading scholars to the formation of a scientific school. The current standing of the journal is highlighted as well as its role as a platform for intergenerational scholarly dialogue and for documenting the development of Urals philology.

Keywords: Vestnik Chelyabinskogo Gosudarstvennogo Universiteta (Bulletin of Chelyabinsk State University), academic periodicals, university journal, serial publication structure, philological sciences, journal history, scientific school, Urals philology, editorial board, database indexing, academic dialogue

For citation: Shelestyuk EV. Bulletin of Chelyabinsk State University: from the first lines to the Scientific Dialogue of the Epochs (Commemorating the 50th Anniversary of Chelyabinsk State University and the 35th Anniversary of the Journal's Philological Series). *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2026;(2(508):7-10. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2026-508-2-7-10.

Четвертого октября 1976 г. был официально учрежден Челябинский государственный университет — первый классический вуз Южного Урала, завершивший формирование полноценной университетской инфраструктуры в крупнейшем промышленном центре региона. Первым ректором стал член-корреспондент Академии педагогических наук СССР, профессор С. Е. Матушкин; университет начал работу с двух факультетов — физико-математического и историко-филологического, уже к 1979 г. став лучшим по оснащенности вычислительной техникой среди вузов области. Особую славу принесла университету археологическая школа Г. Б. Здановича, открывшая в 1987 г. знаменитое поселение Аркаим. В 1991 г. был учрежден «Вестник Челябинского государственного университета», а последующие десятилетия ознаменовались расширением гуманитарного и естественнонаучного блоков, созданием филиалов, стратегическим партнерством с ведущими научно-производственными центрами региона и выходом на международный уровень — вплоть до получения мегагранта на создание лаборатории квантовой топологии и первых исследований челябинского метеорита. Сегодня, в год своего 50-летия, ЧелГУ сохраняет статус ведущего классического университета Урала, развивая фундаментальные исследования и готовя научные кадры для региона и страны.

«Вестник Челябинского государственного университета» появился в переломные годы начала девяностых, когда Челябинскому государственному университету пришлось решать важную задачу — сохранить научно-академическую традицию региона. Именно тогда, в 1991 г. университет запустил собственное научное издание, ставшее не просто периодическим приложением к университетской жизни, но полноценным голосом уральской науки, претендующим на важное место в общероссийском академическом пространстве.

Отличительной чертой «Вестника» стала серийная структура — гибкая и продуманная модель, унаследованная от лучших традиций советского университетского книгоиздания, но адаптированная к новым реалиям. Каждая серия стала

самостоятельной научной площадкой: Серия 1 «История» — первая «ласточка» 1991 г., под редакцией И. В. Нарского, а затем Н. Н. Алеврас; «Филология. Искусствоведение» — мост между словом и образом, между лингвистикой и эстетикой; «Математика. Механика. Информатика» (1991–2015) — точные науки в формате гуманитарного диалога; серии по философии, праву, экономике, педагогике — целая галактика знаний под одним издательским небосводом.

В 2016 г. историческая серия обрела новую жизнь в виде электронного журнала «Magistra Vitae». Это было не расставание, а эволюция — шаг навстречу цифровой эпохе, когда наука учится говорить на языке новых технологий, не теряя глубины и строгости.

Сегодня «Вестник ЧелГУ» — это не просто журнал с ISSN 1994-2796. Это издание, входящее в перечень ВАК, индексируемое в РИНЦ и международных базах, — живой организм научной коммуникации. Его страницы хранят не только результаты исследований, но и историю становления целых научных школ Южного Урала — от первых публикаций 1990-х до современных междисциплинарных проектов, устремленных в будущее.

Если «Вестник» в целом — это голос университета, то его филологическая серия — это его душа. С первых номеров 1991 г. серия «Филология. Искусствоведение» (впоследствии преобразованная в «Филологические науки») заняла особое место в сердце издания. Здесь слово переставало быть лишь объектом изучения — оно становилось инструментом познания мира.

Фундамент научного авторитета серии был заложен Людмилой Александровной Шкатовой (1939–2023) — доктором филологических наук, профессором, заслуженным деятелем науки РФ. С 1976 г., с момента основания университета, она стала первым деканом историко-филологического факультета, а затем более сорока лет возглавляла кафедру русского языка. Научная школа Л. А. Шкатовой, сформированная в стенах Института русского языка АН СССР, нашла свое продолжение на страницах «Вестника»: ее имя

на протяжении десятилетий фигурировало в выходных данных журнала как главного редактора научного направления — символ строгости и преемственности.

В 2000–2010-е гг. редакционную коллегию филологической серии «Вестника ЧелГУ» составляли ведущие представители филологической школы университета: доктор филологических наук, профессор Е. Н. Азначеева — специалист по германской филологии, семиотике художественного текста и когнитивной лингвистике, автор докторской диссертации об интрасемиотических связях литературного и музыкального текстов; доктор филологических наук, профессор Н. Б. Попова (1938–2021) — первая заведующая кафедрой иностранных языков историко-филологического факультета, специалист в области когнитивной лингвистики и прагматики; доктор филологических наук, профессор М. В. Загидулина — литературовед, публицист, специалист в области истории русской литературы XIX–XX вв., заведующая кафедрой русской и зарубежной литературы; кандидат педагогических наук, доцент Н. Б. Приходкина — исследователь методики преподавания русского языка и школьного письма; кандидат филологических наук, доцент О. Ю. Редькина — специалист в области лингводидактики и теории дидактического дискурса, заместитель декана историко-филологического факультета по учебной работе; кандидат филологических наук Д. В. Харитонов, работавший в университете более двадцати лет и занимавший, в числе прочего, должность проректора по общим вопросам. Вклад этих ученых обеспечил преемственность научных традиций и высокие стандарты редакционной экспертизы на этапе становления журнала как значимой площадки уральской филологии.

В настоящее время научные традиции филологической школы продолжают развивать талантливые исследователи, каждый из которых вносит свой вклад в развитие филологической мысли Южного Урала.

Елена Иосифовна Голованова, доктор филологических наук, профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания, — исследователь, для которого язык становится зеркалом сознания. Ее работы в области когнитивной лингвистики и терминоведения раскрывают механизмы формирования языковой картины мира, а исследования языковой личности позволяют увидеть за лексикой и грамматикой живого носителя языка с его уникальной системой ценностей и восприятия.

Светлана Анатольевна Питина, доктор филологических наук, профессор и заведующая кафедрой теории языка, — один из архитекторов современной лингвистической школы ЧелГУ. Как один из организаторов факультета лингвистики и перевода, она заложила основы междисциплинарного подхода к изучению языка. Ее исследования в области когнитивной семантики и межкультурной коммуникации помогают преодолевать не только языковые, но и культурные барьеры в эпоху глобальных коммуникаций.

Татьяна Александровна Воронцова, доктор филологических наук, профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания, — специалист, чьи работы выводят лингвистику за пределы академических кабинетов в живую ткань общественной жизни. Ее исследования в области дискурс-анализа и научно-популярной коммуникации показывают, как язык формирует общественное мнение, а работы по прагмалингвистике раскрывают тонкие механизмы речевого взаимодействия. В 2020-х гг. она возглавляла редакционную коллегию научного направления, обеспечивая преемственность традиций при открытии новых тематических горизонтов.

Людмила Александровна Месеняшина, доктор педагогических наук, профессор кафедры русского языка и литературы, — исследователь, обративший внимание на один из самых уязвимых этапов языкового развития: становление письменной речи у детей и подростков. Ее работы по детской письменной речи, жанровой норме и лингвистическим аспектам школьного письма наполняют теоретическую лингвистику практическим смыслом, помогая учителям и родителям лучше понимать путь ребенка к грамотности.

Елена Владимировна Шелестюк, доктор филологических наук, профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания, — нынешний председатель редакционной коллегии научного направления. Ее исследования в области когнитивной лингвистики, исторической семантики и речевого воздействия расширяют горизонты понимания языковых процессов в их динамике и функциональной многомерности. Под ее руководством серия «Филологические науки» продолжает развиваться как площадка для смелых идей, сохраняя при этом академическую строгость, заложенную еще Л. А. Шкатовой.

От диалектологических записей уральской глубинки до когнитивных моделей сознания, от истории русского литературного языка до прагматики межкультурной коммуникации — тематический

спектр серии поражает своим размахом. Это не просто сборник статей: это живой диалог поколений ученых, где классическая филология встречается с современными лингвистическими парадигмами, а литературоведение переплетается с культурной антропологией.

Четыре раза в год — ритм, заданный не календарем, а пульсом науки. Каждый выпуск проходит через двойную слепую рецензию, гарантируя, что на страницах журнала остается только лучшее. При этом публикация остается бесплатной — принципиальная позиция университета: наука должна быть открыта, а не коммерциализована.

Сегодня серия «Филологические науки» — это площадка для диалога — где молодой аспирант может увидеть свою первую статью рядом с ра-

ботой признанного профессора; мост в науку — для исследователей со всего Урала, Сибири, всей России, а также из других стран мира; хроника эпохи — в ее страницах отражается не только развитие лингвистической мысли, но и динамика культурно-исторических процессов — от глубинных сдвигов до преемственности традиций в истории страны.

В то время как цифровые технологии угрожают обесценить слово, «Вестник ЧелГУ. Филологические науки» напоминает: язык — это не просто инструмент коммуникации. Это память народа, лаборатория мысли, пространство свободы. И пока на его страницах звучат живые голоса исследователей, филология остается не ремеслом прошлого, а наукой будущего.

Информация об авторе

Е. В. Шелестюк — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания, председатель редакционной коллегии научного направления «Филологические науки» «Вестника Челябинского государственного университета».

Information about the author

E. V. Shelestyuk — Dr. Sci. (Philology), Associate Professor, Professor of the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Chair of the Editorial Board of the “Philological Sciences” section of the Bulletin of Chelyabinsk State University.

Статья поступила в редакцию 12.12.2025; одобрена после рецензирования 19.12.2025; принята к публикации 14.01.2026.

The article was submitted 12.12.2025; approved after reviewing 19.12.2025; accepted for publication 14.01.2026.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

ТОПОНИМИКА, ОНОМАСТИКА

TOPONYMY, ONOMASTICS

Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 2 (508). С. 11–19.
Bulletin of Chelyabinsk State University. 2026;(2(508):11-19.

Научная статья

УДК 811.161.1

DOI: 10.47475/1994-2796-2026-508-2-11-19

НАЗВАНИЯ КРЕАТИВНЫХ КЛАСТЕРОВ В ОНОМАСТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ ГОРОДА

Наталья Владимировна Антоненко

Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет, Санкт-Петербург, Россия,
nantonenko@lan.spbgasu.ru, 0000-0002-9628-1040

Аннотация. Интерес к развитию креативных кластеров появился не так давно, но уже можно отметить растущее количество площадок, связанных с формированием в городской среде пространств, положительно влияющих на внешний вид города и ориентированных на творческий рост людей и их самореализацию. Организация креативных кластеров влечет за собой необходимость закрепления за ними имен, пути появления которых еще недостаточно изучены лингвистами. Статья посвящена рассмотрению путей образования названий креативных кластеров, расположенных в разных городах России. Цель исследования — определить место названий креативных кластеров среди других онимов и рассмотреть способы образования новых имен внутригородского пространства. Принимая во внимание, что названия креативных кластеров связаны с деловым и творческим объединением людей, данные имена следует отнести к эргонимам. Использование описательного метода, методов систематизации и компонентного анализа позволило охарактеризовать композиционную структуру названий креативных кластеров и проанализировать способы их образования. Согласно результатам исследования, можно заключить, что название креативного кластера имеет двухкомпонентную структуру. Первый компонент носит функциональный характер и содержит указание на творческую составляющую деятельности пространства, выполняя в большей мере идентифицирующую функцию. Второй компонент — ономастический, само имя кластера выделяет, индивидуализирует именуемый объект среди других аналогичных. В ходе исследования были проанализированы способы образования второго компонента имени креативного кластера. Пути создания подобных эргонимов разнообразны, но самым распространенным является трансонимизация — переход производственных эргонимов в разряд названий креативных кластеров. В таких случаях в ономастическом пространстве города сохраняется название, которое дает представление о значимом этапе развития региона и страны в целом. Проведенное исследование позволяет сделать вывод, каким образом изменение функционального назначения некоторых внутригородских территорий и объектов, расположенных, как правило, в бывших промышленных зонах, связано с обновлением ономастического материала.

Ключевые слова: оним, эргоним, урбаноним, трансонимизация, номинация, креативный кластер

Для цитирования: Антоненко Н. В. Названия креативных кластеров в ономастическом пространстве города // Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 2 (508). С. 11–19. DOI: 10.47475/1994-2796-2026-508-2-11-19.

Original article

NAMES OF CREATIVE CLUSTERS IN THE ONOMASTIC SPACE OF THE CITY

Natalia V. Antonenko

Saint Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering, Saint Petersburg, Russia, nantonenko@lan.spbgasu.ru, 0000-0002-9628-1040

Abstract. The interest in the development of creative clusters has recently emerged, with a growing number of sites associated with the formation of spaces in the urban environment. These sites not only positively affect the

appearance of the city, but also focus on the creative growth and self-realization of individuals. The organization of creative clusters entails the necessity of giving names to them; the ways of their emergence are still insufficiently studied by linguists. This article focuses on examining the ways of name formation of creative clusters located in various cities across Russia. The aim of the study is to determine the place of creative clusters names among other onyms and to analyze the ways of formation of new names of urban spaces. Since the names of creative clusters are associated with business and creative organizations of people, these names belong to ergonyms. The use of descriptive method, systematization and component analysis methods allowed us to characterize the compositional structure of the names of creative clusters and analyze the ways of their formation. According to the results of the study, it can be concluded that the name of a creative cluster has a two-component structure. The first component is functional and highlights the creative function of the space's activity, fulfilling to a greater extent an identifying function. The second component is onomastic, the name of the cluster itself — it singles out, individualizes the named object among other similar ones. In the course of the study we analyzed the ways of formation of the second component of the creative cluster name. The ways of formation of such ergonyms are diverse, but the most common is transonymization — the transition of industrial ergonyms into the category of names of creative clusters. In such cases, the onomastic space of the city retains the name, which gives an idea of a significant stage in the development of the region and the country as a whole. The research allows us to draw conclusions how the change of the activity of some inner-city territories and buildings, located, as a rule, in former industrial zones, influences the renewal of onomastic material.

Keywords: onym, ergonym, urbanonym, transonymization, nomination, creative cluster

For citation: Antonenko NV. Names of Creative Clusters in the Onomastic Space of the City. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2026;(2(508)):11-19. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2026-508-2-11-19.

Введение

В последние десятилетия внимание урбанистов сконцентрировано на интеграции бывших промышленных зон в городскую среду и оживлении интереса населения к подобным объектам, как правило, занимающим большую часть территории города. Одним из путей решения этой задачи стало образование креативных кластеров. Появление новых объектов внутригородского пространства повлекло за собой необходимость в их наименовании. Названия креативных кластеров, выполняя номинативную функцию для ориентации в городской среде, также призваны вносить вклад в формирование локальной и социокультурной идентичности города. Целью данной работы является определение места онимов — названий креативных кластеров — в ономастическом пространстве города, также в задачи входит обобщить подходы к номинации креативных кластеров, что позволит проследить пути обновления ономастического материала. Актуальность исследования обусловлена, с одной стороны, ростом количества общественных пространств, вызванным необходимостью активизации городской жизни и ревитализации промышленных зданий, с другой стороны, отсутствием работ, связанных с изучением названий креативных кластеров в рамках ономастических исследований.

Материалы и методы исследования

В качестве единиц анализа выступают названия 85 креативных кластеров, действующих в разных

городах Российской Федерации, которые приведены и подробно описаны в «Атласе креативных кластеров» [17]. В работе анализируются функции и терминологический статус названий креативных кластеров, их композиционная структура и способы образования. Анализ осуществляется с использованием методов систематизации, компонентного и лексико-семантического анализа, а также описательного метода.

Результаты исследования и их обсуждения

1. Креативный кластер: основные характеристики

В сфере территориального планирования под кластером понимается «ограниченная совокупность территорий, включающая производственный, научно-исследовательский, учебно-образовательный элементы и инфраструктуру, функции которых сконцентрированы, технологически взаимосвязаны и объединены общим направлением инновационного развития отрасли экономики» [16, с. 72]. В городской среде кластер может занимать как отдельное здание, так и комплекс зданий с прилегающими территориями.

Среди функциональных особенностей креативных кластеров, позволяющих отличать их от других творческих объединений, отмечается состав резидентов, которые являются представителями креативных индустрий, и направление деятельности пространств, а именно, создание условий для появления и вывода на рынок креативных продуктов [17]. Понятие «креативный кластер»

является обобщающим для обозначения публичных пространств с подобными характеристиками. С этой же целью в рамках термина «креативный кластер» возможно использование сочетаний «арт-кластер», «творческий кластер», «творческое пространство», «арт-резиденция» и т. п.

Важным является также то, что креативные кластеры возвращают интерес к территориям, которые перестали выполнять свою первоначальную функцию; они способствуют созданию рабочих мест, развитию туризма и улучшению общей экономической ситуации в регионе [2]. Перечисленные факторы могут оказать влияние на выбор или образование имени анализируемого городского объекта с целью повышения его привлекательности и узнаваемости.

2. Урбанонимы и эргонимы в ономастическом пространстве города

Под ономастическим пространством города в данной работе понимаются имена собственные, зафиксированные на территории конкретного города [20]. Собственные имена городских объектов объединены термином «урбаноним», но границы его остаются размытыми. Термин был закреплен в 1978 г. в «Словаре русской ономастической терминологии» Н. В. Подольской [12] и дополнен во втором издании, согласно которому урбанонимом является собственное имя «любого внутригородского топографического объекта, в т. ч. агороним, годоним, хороним городской, экклезионим, ойкодомоним» [12, с. 139].

В процессе продолжающегося многостороннего исследования лингвистами границ термина отмечаются расхождения относительно включения в состав урбанонимов эргонимов. Эргонимы используются для обозначения названий в рамках внутригородской среды, но не объектов, а деловых объединений людей. По этой причине полагается, что эргонимы не могут быть привязаны к определенному месту в городе, следовательно, не относятся к урбанонимам [13] или отчасти пересекаются с урбанонимом [15]. С другой стороны, существует мнение, что «нетопонимические» имена могут характеризоваться как урбанонимы, так как часто они становятся, например, ориентирами в городском пространстве [8; 20; 14]. Необходимо отметить, что под влиянием темпов урбанизации и изменений внутригородского ландшафта определения видовых терминов продолжают дополняться, а границы урбанонима расширяться. В этой связи предлагается рассматривать термин «урбаноним» в качестве «зонтичного» как для имен собственных топографических объектов, так и для

названий организаций, предприятий, учреждений, деловых объединений, корпораций (эргонимов) [4].

Креативные кластеры имеют четкую локализацию в городской среде с закрепленным адресом, более того, они, как правило, располагаются на территориях и в зданиях уже давно существующих внутригородских объектов (например, на территориях бывших заводов, промышленных зон, домов культуры и т. п.), поэтому названия этих мест можно отнести к урбанонимам, но, будучи обозначением организационной структуры, объединяющих творческие индустрии, название креативного кластера относится к эргонимам. Следует заметить, что креативные кластеры — относительно новое явление, получившее распространение преимущественно в XXI в., но уже есть примеры, когда подобные пространства прекращают свою деятельность по разным причинам, исчезая с карты города в качестве названия объекта.

Таким образом, в данной работе по отношению к названиям креативных кластеров будет использоваться термин «эргоним», входящий в состав урбанонима.

3. Структурные особенности и способы образования названий креативных кластеров

Композиционная структура эргонимов разнообразна и может состоять из нескольких компонентов, указывающих на организационно-правовую форму предприятия, на предназначение предприятия и собственно ономастический компонент [18]. Но общего мнения относительно того, сколько и какие компоненты стоит считать входящими в состав эргонима, не сложилось [19]. В данной работе принимается за основу положение, что структура эргонима двухкомпонентная. Первый компонент — функциональный, указывающий на тип пространства, подчеркивающий творческую/культурную направленность объекта, второй компонент — ономастический элемент, имя собственное объекта.

Остановимся сначала на функциональном компоненте — апеллятиве-индексаторе [10] — в структуре наименований креативных кластеров. Введение понятия «функциональный компонент» в рамках данной работы связано с необходимостью отдельно рассмотреть этот элемент, поскольку его наличие в структуре эргонима позволяет определить принадлежность пространства к творческим кластерам, идентифицировать его функцию среди других объединений людей. В большинстве случаев функциональный компонент представляет собой словосочетание, где существительное — ключевое слово — обозначает

объект, а прилагательное характеризует объект: *творческое пространство, социокультурное пространство, творческий кластер, креативный кластер, творческий индустриальный кластер, инклюзивный кластер, креативно-технологический квартал, культурно-деловой квартал, культурный квартал, ремесленно-медийный лофт*. Также функциональный компонент может включать в себя имя существительное в родительном падеже, как, например, *центр дизайна, центр творческих индустрий, мультипространство современной культуры*. Наблюдается использование и сложных слов, первым компонентом которых является заимствованное слово «арт»: *арт-квартал, арт-пространство, арт-центр, арт-завод*. Такого рода функциональный компонент связан с устойчивым употреблением слова «арт» в контексте описания творчества, а также с возможностью лаконично охарактеризовать функцию пространства.

Наличие функционального компонента есть во всех анализируемых примерах эргонимов. Очевидно, что без апеллятива-индексатора многие названия могут быть неоднозначно поняты [10], например, эргонимы «*Типография*», «*Редакция*» не дают четкого представления о деятельности организации без функционального компонента.

Но больший интерес для автора данной работы представляет второй компонент композиционной структуры исследуемых эргонимов — ономастическая часть, поскольку она в большей мере, чем функциональный компонент, способствует индивидуализации креативного кластера, формированию его уникальности, а также позволяет проследить, каким образом современный адресант эргонимической номинации пытается достичь «взаимопонимания» с адресатом [10].

Лингвисты неоднократно отмечали, что способы словообразования эргонимов представляют собой комплексное явление, которое включает в себя «семантические связи в лексической системе, традиционные грамматические модели словообразования и переход группы онимов из одного ономастического пространства в другое» [1, с. 71]. При этом способы образования эргонимов продолжают меняться и расширяться под влиянием экстралингвистических факторов, в связи с чем их классификация также находится на стадии становления [6]. Одной из наиболее полных классификаций образования эргонимов можно считать типологию, предложенную М. Г. Курбановой [6; 11], в которой выделяются морфемная деривация, субстантивация, лексико-синтаксический способ, аббревиация, усечение, языковая игра (сюда отно-

сится и графическая игра), лексико-семантическая онимизация, лексико-стилистическая онимизация, заимствование [6].

В ходе анализа способов образования ономастического элемента названий креативного кластера было определено, что путем морфемной деривации (аффиксации) образовались эргонимы по модели «усеченное основа» + «-к-(а)»: «*Патефонка*» и «*Табачка. Центр*». Подобные названия мотивированы локализацией кластеров. Суффикс «-к-(а)» в приведенных примерах добавляется к усеченным основам прилагательных «патефонный» (завод), «табачная» (фабрика), указывающих на род деятельности промышленных предприятий, здания которых занимают в настоящей момент кластеры. Вероятно, данная модель используется с целью сделать название лаконичным и удобным для дальнейшего обмена информацией о кластере, а также для дополнительной экспрессии [5] и лучшей запоминаемости, что, несомненно, является важным фактором при индивидуализации объектов городского пространства. Отсутствие же других эргонимов, образованных путем аффиксации, может быть обусловлено сложностью использования этого способа при создании наименований и при их восприятии и запоминании [6].

Словосложение также применяется при образовании названий креативных кластеров. В качестве примера можно привести эргоним «*Арт-муза*», причем слово «муза» здесь, скорее всего, является усеченной основой от слова «музыкальный»: объект находится в помещениях бывшего завода музыкальных инструментов «*Муздеталь*». Авторы названия таким образом смогли связать современную функцию объекта с его историческим контекстом. Путем словосложения образовано название «*Дизайн-завод*» (Москва), где первый элемент указывает на творческую составляющую деятельности объекта, а второй — на связь с промышленным прошлым территории — местом расположения хрустально-стеклянного завода. Подобным образом образовался эргоним «*Севкабель ПОРТ*»: Севкабель (Северный кабельный завод) — это историческое название предприятия, на территории которого расположен кластер, а добавление графически выделенного элемента «ПОРТ» позволяет подчеркнуть современную функцию пространства — место встречи на берегу Финского залива (Санкт-Петербург). В восточной части пространства «*Севкабель ПОРТ*» развивается еще один креативный кластер — «*Исткабель*», название которого образовано по аналогии с эргонимом Севкабель, где

элемент «ист» указывает на восточное расположение объекта.

Среди эргонимов, образованных лексико-синтаксическим способом, можно выделить те, в качестве названия которых используется словосочетание. Так, «*Квартал труда*» расположен на улице Труда в Якутске; «*Нормальное место*» отражает инклюзивный характер пространства, в работе студий и мастерских этого пространства может принять участие каждый человек; «*Синий коридор*» получил название в том числе и из-за цвета коридора одноименного кластера. Эти же примеры стоит рассмотреть в рамках языковой игры, так как в них очевидна заложенная на лексическом уровне двузначность.

Аббревиация также используется для образования названий креативных кластеров. В основном это синтаксически усложненные аббревиации, например *Design District DAA*, где D — Design, A — Architecture, A — Art. Название «*Дизайн-завод ЗИП*» (или «*Технопарк ЗИП*») унаследовало аббревиатуру ЗИП от исторического названия Краснодарского завода измерительных приборов. Частично сокращенное слово *NIMLOFT* состоит из полного слова *loft* и аббревиатуры *NIM*, которая является отсылкой к истории места — фабрике «Новая Ивановская мануфактура» (НИМ) — месте расположения кластера. Стоит отметить, что в Петропавловске-Камчатском реализуется проект создания креативного кластера «*ИКРА*», название которого тоже является примером аббревиации (простой): ИКРА — это инкубатор, коворкинг, резиденция, арт-галерея [9].

Сюда также можно отнести название с числовым компонентом «*С52*», кластера, который находится в Ростове-на-Дону по адресу ул. Суворова, д. 52а, «*К-8*» — в Глазове на ул. Короленко, д. 8, «*К-7*» — в Санкт-Петербурге на ул. Казанская, д. 7.

В рамках лексико-семантического способа путем простой онимизации (то есть название объекта прямо указывает на его профиль) образованы эргонимы «*Дом культуры*» (Санкт-Петербург), «*Московский дворец молодёжи*». Сюда же относятся названия кластеров с числовым компонентом: «*Фабрика 1887*», «*ЦЕХ 1939*», «*Фабрика 1830*». Числовой компонент в этих названиях имеет историческую привязку и указывает на год основания (или важного события) объекта, на территории которого расположен кластер. В названии «*Дом 77*» числовой компонент связан с адресом, где располагается творческое пространство — в Самаре на улице Ленинградская, 77.

При помощи лексико-семантических преобразований, а именно, путем метонимической онимиза-

ции, образованы, например, эргонимы «*Авиатор*» (кластер расположен на территории Московского авиационного завода), «*Московский шелк*» (на территории Шёлкового комбината им Я. М. Свердлова), «*Фабрика*» (на месте бумажно-красильной фабрики «Октябрь» в Москве), «*Трест*» (на месте тепличного комплекса «Трест зеленого хозяйства» в Нижнем Новгороде), «*Редакция*» (на месте издательско-полиграфического предприятия в Кемерово). К эргонимам-метафорам стоит отнести «*Third Place*»: «третье место», согласно концепции Рэя Ольденбурга, это часть пространства для неформального общения, которая не связана с «первым местом» — домом или «вторым местом» — работой. При помощи метафорической онимизации образовалось название «*Пенаты*», таким образом проводится параллель между творческим пространством и домашним очагом, родным домом, усиливая ассоциацию с уютным пространством.

Среди названий креативных кластеров есть номинации, которые являются результатом трансонимизации. Например, путем перехода антропонимов в разряд простого или многокомпонентного эргонима образованы: «*Брусницын*» (расположен на территории бывшего кожевенного завода Н. М. Брусницына), «*Бертгольд Центр*» (расположен в здании, которое ранее занимала «Г. Бертгольд. Словолитня и фабрика медных линеек»), «*Завод Шпагина*» (на месте завода им. А. А. Шпагина), «*Доренберг*» (на месте завода, основанного Ф. Ф. Доренбергом), «*Вавилов лофт*» (занимает одно из зданий института оптики им. С. И. Вавилова). В данных случаях эргоним происходит от антропонима — фамилии человека, с которым исторически ассоциируется занимаемое кластером пространство.

Самый большой пласт среди анализируемых эргонимов составляют названия, на протяжении многих лет закрепленные за предприятиями, на территории которых расположились сейчас креативные кластеры. Хотя многие заводы и фабрики прекратили работу, их имена сохранились в ономастическом пространстве города: «*Октябрь*», «*Октава*», «*Плутон*», «*Красный Октябрь*», «*Трехгорная мануфактура*», «*Гамма*», «*Заря*», «*Правда*», «*Суперметалл*», «*ЛЕНПОЛИГРАФМАШ*», «*Пальма*», «*НИЖПОЛИГРАФ*», «*Фабрика “Корд”*», «*Хлебозавод*», «*Завод “Арма”*», «*Электрозавод*», «*Винзавод*», «*Электрические мастерские*». Переход производственных эргонимов в разряд имен креативных кластеров рассматривается также как результат трансонимизации. Названия перечисленным заводам и фабрикам были даны в период

работы промышленных объектов, функциональный компонент подобных эргонимов в тот период был связан с их индустриальной деятельностью. В настоящее же время функциональный компонент эргонимов изменился — содержит указание на творческий характер пространств. Подобный прием позволяет сохранить связь современного объекта с промышленным и культурным наследием города.

Также среди анализируемых примеров есть ряд названий креативных кластеров, в которых топонимы переходят в класс эргонимов, чаще всего это адреса объектов: «*Правая набережная, 21*» (Калининград), «*Пушкинская-10*» (Санкт-Петербург), «*Тургенева 22*» (Екатеринбург), «*Хохловка*» (Москва).

Среди эргонимов часто встречаются наименования иноязычного происхождения [6]. В ряду названий кластеров, полученных путем заимствования из английского языка, можно выделить «*Third Place*», «*Design District DAA*», «*Artplay*», «*MORE PLACE*». К этой группе эргонимов стоит отнести транслитерованные эргонимы, их графическое оформление реализовано путем транслитерации русских слов средствами латиницы: «*NAZAVOD*», «*SAMORO.doc*», «*NIMLOFT*», «*SVOBODA 2*», а также есть примеры со смешанным графическим оформлением: «*Галерея Революция*», «*LiKĚRKA LOFT*». Интересно, что именно в этих эргонимах активно используется графическое выделение — написание заглавными буквами.

Несмотря на то, что территории, на которых располагаются в данный момент креативные кластеры, чаще всего связаны с ревитализацией исторических объектов, устаревшие слова (лексико-стилистическая онемизация) для создания новых названий не используются практически. Среди анализируемых примеров можно отметить только эргоним «*Пенаты*». Креативный кластер «*Пенаты*» расположился в старинном особняке XIX в. (Томск), что, вероятно, также повлияло на выбор названия.

В результате проведенного анализа композиционной структуры эргонимов — названий креативных кластеров можно сделать вывод, что их структура двухкомпонентная, где первый компонент, функциональный, указывает на творческое назначение пространства и его кластерный характер, а второй компонент индивидуализирует объект, выделяя его среди подобных пространств. Способы образования ономастической части названий креативных кластеров разнообразны, среди которых деривация не пользуется популярностью,

эта же тенденция наблюдается и при образовании других эргонимов [6].

Анализ имен креативных кластеров позволил сделать выводы об отличительных особенностях образования данных эргонимов. Во-первых, необходимо отметить частое использование заимствований из английского языка и тенденцию к транслитерации русских слов при помощи латиницы с графическим выделением. Подобные приемы, возможно, применяются для привлечения внимания к пространству путем противопоставления, например, советского промышленного объекта, на территории которого находится кластер, и его современной функции, направленной прежде всего на молодежную аудиторию (например, «*LiKĚRKA LOFT*»).

Во-вторых, ведущую роль в процессе создания названий креативных кластеров играет трансономизация. Переход антропонимов в эргонимы обусловлен тем, что при реконструкции бывших заводов или иных объектов архитектурного наследия возрождается жизнь на заброшенных территориях. В таких случаях имена людей, исторически ассоциировавшиеся с этими объектами и используемые в названиях восстановленных пространств, позволяют сохранить связь с прошлым (например, «*Доренберг*»). Переход топонимов в разряд имен творческих пространств способствует легкости запоминания адреса креативного кластера. При этом стоит отметить, что, вероятно, стремление к экономии речевых ресурсов, быстрой запоминаемости и идентичности названия привело к использованию сокращения улицы до одной первой буквы в сочетании с числовым компонентом — номера дома («*C52*», «*K-8*», «*K-7*»). Самым же популярным приемом является переход эргонимов из класса производственных в имена креативных кластеров, когда сохраняются исторические названия объектов, указывающие на их индустриальное прошлое («*Октава*», «*Гамма*», «*Заря*»). Очевидно, что в большинстве случаев процесс создания имен креативных кластеров связан с инкорпорированием «в современный культурный фонд и городскую среду значимых имен прошлого, которые взаимодействуют с современными культурными кодами и становятся знаками современного восприятия пространства» [4, с. 68]. Историко-культурный контекст подобных наименований позволяет воспринимать город как пространство «духовной культуры с ее символическим капиталом и тем, что позволительно в общем смысле назвать гением места» [3, с. 189].

Заключение

Имя креативного кластера является уникальным именем собственным, рассматриваемым в ряду эргонимов, входящих в ономастическое пространство города. Уникальность его заключается в том, что называемые кластеры располагаются, как правило, в давно существующих объектах внутригородского пространства, но утративших свою первоначальную функцию, стремление к сохранению исторической связи оказывает влияние на процесс номинации. Таким образом, можно предположить, что при образовании названий креативных кластеров авторы учитывают следующие аспекты: историческую функцию территории, на которой располагается кластер; историко-культурную особенность территории;

новую функцию кластера; адрес расположения кластера; удобство запоминания названия; уникальность и идентичность объекта. Проведенный структурно-семантический анализ названий креативных кластеров позволяет сделать вывод, что самым популярным приемом является сохранение исторического названия объекта с изменением его функционального компонента (апеллятива-индексатора), который сигнализирует о смене деятельности пространства с промышленного на творческий. Изучение эргонимов является актуальным, поскольку они находятся под влиянием социальных и экономических факторов конкретного периода развития общества, в связи с чем способы их взаимодействия и функционирования постоянно изменяются и совершенствуются [7].

Список источников

1. Абдуллина Г. Р., Абубакирова Л. Ф., Аюпова Л. Ф. Лексико-семантические, словообразовательные особенности тюркских эргонимов, функционирующих в лингвистическом пространстве Республики Башкортостан // Проблемы востоковедения. 2019. № 3 (85). С. 70–75.
2. Бурмич А. К. Креативный кластер как стратегия развития территории // Стратегии развития социальных общностей, институтов и территорий : материалы IX Международной научно-практической конференции. Екатеринбург, 2023. Т. 2. С. 65–70.
3. Голомидова М. В. Современная урбанонимическая номинация: стратегические подходы и практические решения // Вопросы ономастики. 2017. Т. 14, № 3. С. 185–203. DOI: 10.15826/vopr_onom.2017.14.3.029.
4. Голомидова М. В., Разумов Р. В., Дмитриева А. В. и др. Городская топонимия: современная политика и практика именования : монография. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2023. 216 с.
5. Казак М. Ю., Бекетова Н. А. Современное словообразование в массмедиа: основные процессы в суффиксальных именах существительных // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2012. № 12 (131). С. 137–145.
6. Курбанова М. Г. Эргонимы современного русского языка: семантика и прагматика : дис. ... канд. филол. наук. Астрахань, 2014. 191 с.
7. Масгутова М. Ф. Особенности функционирования эргонимов в русском языке // Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 5 (487). С. 45–51. DOI: 10.47475/1994-2796-2024-487-5-45-51.
8. Мезенко А. М. Урбанонимия Белоруссии. Минск : Университетское, 1991. 167 с.
9. Министерство по развитию Дальнего Востока и Арктики. На Камчатке в рамках реализации мастер-плана создается креативный кластер «Икра» // Министерство по развитию Дальнего Востока и Арктики. URL: <https://minvr.gov.ru/> (дата обращения: 01.04.2025).
10. Никулкина О. Г. Коммуникативно-прагматический аспект изучения эргонимов // И. А. Бодуэн де Куртенэ и мировая лингвистика : междунар. конф. : VI Бодуэновские чтения. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2017. Т. 2. С. 163–165.
11. Пантелеенко О. А. Лексико-семантические способы образования эргонимов Вальдостанского региона Италии (на материале наименования отелей) // Вестник МГЛУ. 2015. Вып. 37. С. 34–70.
12. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. М. : Наука, 1988. 192 с.
13. Разумов Р. В. Об упорядочивании ономастической терминологии // Верхневолжский филологический вестник. 2015. № 2. С. 14–19.
14. Соловьев А. Н. Урбаноним как ономастический термин: постановка проблемы // Ученые записки УО «ВГУ им. П. М. Машерова». 2018. Т. 25. С. 198–203.
15. Суперанская А. В. Что такое топонимика? Из истории географических названий. М. : Книжный дом «Либроком», 2011. 178 с.

16. Тарасова Ю. И., Киншт А. В. Кластер как структурная единица территориально-пространственной организации среды в России // Вестник ТГАСУ. 2018. № 6. С. 66–74. DOI: 10.31675/1607-1859-2018-20-6-66-74.
17. Токарев И., Свистухина М., Филиппова А., Троценко С. Атлас креативных индустрий Российской Федерации. М. : Союз профессионалов креативных кластеров, Институт развития городов «Полис», 2023. 614 с.
18. Хоанг Тхи Бен. Эргонимы городов Минска и Ханоя: компонентный состав и грамматическая структура // Весн. БДУ. Сер. 4, Філалогія. Журналістыка. Педагогіка. 2016. № 1. С. 56–61.
19. Шавлюк В. Б. О структуре эргонима // Вестник ННГУ. 2019. № 6. С. 253–256.
20. Шмелева Т. В. Великий Новгород: ономастический портрет : научная монография. Великий Новгород : Печатный Двор, 2020. 288 с.

References

1. Abdullina GR, Abubakirova LF, Ayupova LF. Leksiko-semanticheskie, slovoobrazovatel'nye osobennosti tyurkskikh ergonimov, funktsioniruyushchikh v lingvisticheskom prostranstve Respubliki Bashkortostan = Lexico-semantic and word-formation features of Turkic ergonyms in the linguistic space of the Republic of Bashkortostan. *Problemy vostokovedeniya*. 2019;(3(85)):70-75. (In Russ.).
2. Burmich AK. Kreativnyy klaster kak strategiya razvitiya territorii = Creative cluster as a strategy for territorial development. In: Strategii razvitiya sotsial'nykh obshchestv, institutov i territoriy: materialy IX Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii = Strategies for the development of social communities, institutions and territories: proceedings of the IX International Scientific and Practical Conference. Yekaterinburg; 2023. Vol. 2. Pp. 65–70. (In Russ.).
3. Golomidova MV. Modern urban naming practices: strategic approaches and practical solutions. *Voprosy onomastiki*. 2017;14(3):185-203. (In Russ.). DOI: 10.15826/vopr_onom.2017.14.3.029.
4. Golomidova MV, Razumov RV, Dmitrieva AV et al. Gorodskaya toponimiya: sovremennaya politika i praktika imenovaniya: monografiya = Urban toponymy: modern policies and naming practices: monograph. Yekaterinburg, Izd-vo Ural. un-ta; 2023. 216 p. (In Russ.).
5. Kazak MY, Beketova NA. Contemporary word formation in mass media: general processes in suffixal nouns. *Voprosy zhurnalistiki, pedagogiki, yazykoznaveniya*. 2012;(12(131)):137-45. (In Russ.).
6. Kurbanova MG. Ergonimy sovremennogo russkogo yazyka: semantika i pragmatika = Ergonyms of modern Russian: semantics and pragmatics. Dissertation Cand. Sci. in Philology. Astrakhan; 2014. 191 p. (In Russ.).
7. Masgutova MF. Peculiarities of functioning of ergonyms in the Russian language. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2024;(5(487)):45-51. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2024-487-5-45-51.
8. Mezenko AM. Urbanonimiya Belorussii = Urbanonymy of Belarus. Minsk, Universitetskoe; 1991. 167 p. (In Russ.).
9. Ministerstvo po razvitiyu Dal'nego Vostoka i Arktiki. Na Kamchatke v ramkakh realizatsii master-plana sozdaetsya kreativnyy klaster "Ikra" = In Kamchatka, a creative cluster "Ikra" is being created as part of the master plan implementation. Ministerstvo po razvitiyu Dal'nego Vostoka i Arktiki. Available from: <https://minvr.gov.ru/> [Accessed 01 April 2025]. (In Russ.).
10. Nikulkina OG. Kommunikativno-pragmaticheskiy aspekt izucheniya ergonimov = Communicative-pragmatic aspects of ergonym studies]. In: I. A. Boduen de Kurtene i mirovaya lingvistika: mezhdunar. konf.: VI Boduenovskie chteniya = I. A. Baudouin de Courtenay and world linguistics: International conference: VI Baudouin Readings. Kazan, Izd-vo Kazan. un-ta; 2017. Vol. 2. Pp. 163–165. (In Russ.).
11. Panteleenko OA. Lexico-semantic methods for forming ergonym in the region of Valle d'Aosta of Italy (based on hotel names). *Vestnik MGLU*. 2015;(37):34-70. (In Russ.).
12. Podol'skaya NV. Slovar' russkoy onomasticheskoy terminologii = Dictionary of Russian onomastic terminology. Moscow, Nauka; 1988. 192 p. (In Russ.).
13. Razumov RV. On regulating onomastic terminology in the field of urbanonymy. *Verkhnevolzhskiy filologicheskiy vestnik*. 2015;(2):14-9. (In Russ.).
14. Solov'ev AN. Urbanonym as an onomastic term: formulation of the problem. *Uchenye zapiski UO "VGU im. P. M. Masherova."* 2018;25:198-203. (In Russ.).
15. Superanskaya AV. Chto takoe toponimika? Iz istorii geograficheskikh nazvaniy = What is toponymy? From the history of geographical names. Moscow, Knizhnyy dom "Librokom"; 2011. 178 p. (In Russ.).

16. Tarasova YI, Kinsht AV. Cluster as a structural unit of territorial-spatial organization in Russia. *Vestnik TGASU*. 2018;(6):66-74. (In Russ.). DOI: 10.31675/1607-1859-2018-20-6-66-74.
17. Tokarev I, Svistukhina M, Filippova A, Trotsenko SA. Atlas kreativnykh industriy Rossiyskoy Federatsii = Atlas of Creative Industries of the Russian Federation. Moscow, Soyuz professionalov kreativnykh klasterov, Institut razvitiya gorodov "Polis"; 2023. 614 p. (In Russ.).
18. Hoang Thi Ben. Minsk and Hanoi ergonyms: components and grammatical structure. *Vesnik BDU. Ser. 4, Filalogija. Zhurnalistyka. Pedagogika*. 2016. No. 1. P. 56–61 (in Russ.).
19. Shavlyuk VB. About the structure of ergonyms. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo*. 2019;(6):253-256. (In Russ.).
20. Shmeleva TV. Velikiy Novgorod: onomasticheskiy portret: nauchnaya monografiya = Veliky Novgorod: Onomastic Portrait: Scientific Monograph. Velikiy Novgorod, Pechatnyy Dvor; 2020. 288 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Н. В. Антоненко — кандидат филологических наук, доцент кафедры межкультурной коммуникации.

Information about the author

N. V. Antonenko — Cand. Sci. (Philology), Associate Professor of the Department of Intercultural Communication.

Статья поступила в редакцию 22.04.2025; одобрена после рецензирования 10.05.2025; принята к публикации 14.01.2026.

The article was submitted 22.04.2025; approved after reviewing 10.05.2025; accepted for publication 14.01.2026.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 81-112

DOI: 10.47475/1994-2796-2026-508-2-20-27

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КАМПАНИЙ ПО ПЕРЕИМЕНОВАНИЮ НАСЕЛЁННЫХ ПУНКТОВ И УЛИЦ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Ольга Викторовна Петешова

Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, Калининград, Россия, Opeteshova@yandex.ru,
0000-0002-2902-5135

Аннотация. Сопоставляются результаты массовых реноминаций 2 497 поселений и 1 000 улиц, проведенных советским руководством после включения Северо-Восточной Пруссии в состав Советского Союза. В теоретическом плане данные переименования рассматриваются как послевоенное систематическое обновление топонимического пространства, направленное на формирование новой региональной идентичности. Особое внимание уделяется способам согласования исходных и новых топонимов обоих классов, большинство из которых используется в ходе обеих кампаний по переименованию. Вместе с тем доля согласованных реноминаций населенных пунктов, имена которых нередко обладают неясной семантикой, уступает аналогичной доле для переименования улиц, между исходными и новыми номинациями которых почти никогда не фиксируется формальное сходство. Самыми распространенными при замене топонимов обоих классов являются условные способы согласования типа идеологической антонимии и одинаковой тематической соотнесенности. Среди семантических способов согласования в обеих рассмотренных выборках наиболее активно используется перевод, а другие способы такого рода реализуются только при реноминации одного из классов географических объектов (для поселений это семантическая антонимия, а для улиц — ассоциативное название и метонимическая соотнесенность). Для демонстрации основных семантических различий в ойконимической и урбанонимической сферах автор характеризует советонимы и мемориальные топонимы Калининградской области. При переименовании улиц названия приобретают большую значимость, чем при переименовании поселений, и чаще несут выраженную идеологическую окраску. Обе кампании по переименованию географических объектов, согласно результатам исследования, были целенаправленными и идеологически мотивированными, однако характеризовались отсутствием единой системной стратегии на уровне практической реализации и значительной вариативностью в выборе новых названий.

Ключевые слова: переименование, ойконим, урбаноним, идеологическая антонимия, советоним, мемориальный топоним, Калининградская область, Восточная Пруссия

Для цитирования: Петешова О. В. Сравнительный анализ кампаний по переименованию населённых пунктов и улиц Калининградской области // Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 2 (508). С. 20–27. DOI: 10.47475/1994-2796-2026-508-2-20-27.

Original article

COMPARATIVE ANALYSIS OF CAMPAIGNS ON RENAMING SETTLEMENTS AND STREETS IN THE KALININGRAD REGION

Olga V. Peteshova

I. Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia, Opeteshova@kantiana.ru, 0000-0002-2902-5135

Abstract. The article compares the results of mass renominations of 2,497 settlements and 1,000 streets carried out by the Soviet authorities after the incorporation of Northeast Prussia into the USSR. In theoretical terms, these renamings are interpreted as a post-war systematic renewal of the toponymic landscape aimed at establishing a new regional identity. Special attention is paid to the ways of harmonising the original and new toponyms of both classes, most of which are used in both renaming campaigns. At the same time, the share of agreed renominations of

settlements, whose names often have unclear semantics, is inferior to the similar share of renominations of streets, where formal similarity between the original and new names is almost never recorded. The most common methods for replacing toponyms of both classes are conventional methods of coordinating the type of ideological antonymy and the same thematic correlation. Among the semantic methods of coordination in both samples considered, translation is most actively used, while other methods of this kind are implemented only when renominating one of the classes of geographical objects (for settlements, this is semantic antonymy, and for streets, an associative name and metonymic correlation). To illustrate key semantic differences between oikonymic (settlement) and urbanonymic (street) domains, the author examines sovetonyms and memorial toponyms in the Kaliningrad region. Street names acquired greater prominence during renaming than settlement names and more frequently carried explicit ideological connotations. Both campaigns to rename geographical objects, according to the findings of the study, were purposeful and ideologically motivated; however, they were characterized by a lack of a unified systematic strategy at the level of practical implementation and considerable variability in the selection of new names.

Keywords: renaming, oikonym, urbanonym, ideological antonymy, sovetonym, memorial toponym, Kaliningrad Region, East Prussia

For citation: Peteshova OV. Comparative Analysis of Campaigns on Renaming Settlements and Streets in the Kaliningrad Region. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2026;(2(508):20-27. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2026-508-2-20-27.

Введение

Как известно, времена постепенных трансформаций сменяются в истории региональных топонимических систем скачкообразными, революционными преобразованиями, к числу которых относятся переименования географических объектов [6, с. 6]. Одним из самых ярких в этом отношении периодов в истории России считается период так называемой «культурной топонимики» (1927–1957 гг.), отличающийся наиболее масштабными и быстрыми топонимическими изменениями под влиянием кардинальных перемен в советском обществе [4, с. 221]. Многие из этих изменений были обусловлены необходимостью закрепления на карте страны победы советского народа над внешними агрессорами и последовательной реализации государственной политики по формированию новой социалистической топонимической среды.

В научной литературе эти процессы иногда характеризуются как «топонимические чистки пространства» [5, с. 101] или «топонимические войны» [1], что отражает масштаб и решительность топонимических преобразований, проведенных в СССР после Великой Отечественной войны. В их числе в первую очередь называют реноминации на Карельском перешейке (в бывшей Финской Карелии), на юге Сахалина и в Калининградской области [14, с. 86].

Калининградская область РСФСР была образована на части территории бывшей Северо-Восточной Пруссии, вошедшей в состав Советского Союза после победы над нацистской Германией. До конца 1940-х гг. все имевшиеся на данных землях географические объекты были массово переименованы советским руководством. С одной

стороны, осуществленные здесь реноминации были направлены на формирование новой топонимической среды, не связанной с предшествующим немецкоязычным этапом истории региона [9, с. 103]. С другой стороны, можно говорить о намеренном конструировании новой картины мира переселенцев в область посредством переименования осмысленных участков окружающего их пространства [10, с. 78], а также о том, что топонимы являются здесь «способом публичной манифестации идентичности» [2, с. 152].

В архивных источниках кампании по переименованию населенных пунктов и улиц в этих населенных пунктах освещены в разной степени. Так, историкам достаточно хорошо знакомы экстралингвистические условия реноминации региональных поселений, предложения по которым, как правило, исходили от местных органов власти [8], но окончательные решения принимались на более высоком уровне Президиума Верховного Совета СССР¹. Тем не менее причины выбора новых названий для населенных пунктов Калининградской области документально обоснованы только для 18% всей их выборки, состоящей из 2497 пар ойконимов, построенных по модели «исходный восточно-пруссский ойконим — новый советский ойконим»².

Сами переименования осуществлялись в сложных условиях послевоенного периода — среди разрухи, спешки и отсутствия единых методических

¹ Указы Президиума Верховного Совета СССР // Материалы Государственного архива Калининградской области. Ф. 297. Оп. 1. Д. 102а.

² Материалы о переименовании населенных пунктов Калининградской области // Материалы Государственного архива Калининградской области. Ф. Р-297. Оп. 7. Д. 1.

норм. При этом на сегодняшний день уличные реноминации в региональных поселениях остаются значительно менее изученными по сравнению с переименованиями населенных пунктов. Об этом свидетельствует тот факт, что глубокому анализу в научных работах до сих пор подвергались только реноминации улиц областного центра — города Калининграда (см. краеведческую статью [3], в которой архивный список переименований³ характеризуется как неопрятный, написанный полностью на кириллице и изобилующий ошибками и опечатками, что, впрочем, свойственно и всем документам по реноминации прочих географических объектов области). Опираясь на этот источник, мы просмотрели документы всех районных Управлений по гражданским делам, поскольку именно их приказами проводились переименования в сфере урбанонимии, однако нам удалось обнаружить соответствующие перечни только для Советского⁴ и Славского⁵ районов. В итоге чуть меньше половины итоговой выборки переименований улиц, охватывающей по нашему решению 1 000 случаев, составили акты реноминации, информация по которым получена на основании изучения картографического материала и неофициальных сетевых перечней⁶.

Сравнение согласованных переименований поселений и улиц

При сопоставлении кампаний по переименованию населенных пунктов и улиц Калининградской области целесообразно отталкиваться от особенностей применения в их ходе согласованных переименований, то есть ситуаций подбора новых топонимов с учетом формы или семантики исходных топонимов. Разные способы согласования номинаций используются в 11 % всех случаев реноминации населенных пунктов и в 33 % всех случаев реноминации улиц региона. Более под-

робные количественные сведения по этому поводу приводятся в табл. 1.

Два из способов, перечисленных в табл. 1, являются способами формального согласования, поскольку основаны только на сходстве графического облика исходных и новых единиц. При этом речь идет о переосмыслении, под которым мы подразумеваем подбор в русском языке топонима, производного от слова, которое в фонетическом плане напоминает исходный топоним [7, с. 21], и о заимствовании, предполагающем запись восточно-прусского топонима кириллическим шрифтом с возможными незначительными трансформациями.

Как видно из таблицы, для урбанонимов применение этих способов согласования совершенно не свойственно (единственным примером является переосмысление *Otto-Parschau-Straße* ‘улица имени Отто Паршау’ → ул. *Парашютная*), а количество случаев их реализации в ойконимии не превышает 13 % от всего массива согласованных переименований, что можно проиллюстрировать примером переосмысления *Sawadden* (ойконим с этимологически неясной основой) → пос. *Завидное* и примером заимствования *Domnau* → пос. *Домново*, сопровождающегося суффиксацией. В целом такая незначительная роль формальных согласований при переименовании обоих сравниваемых топонимов легко объясняется установкой инициаторов переименования на последующую четкую идентификацию семантики русскоязычных ойконимов и урбанонимов.

Все остальные способы согласования топонимов, характерные для переименования и ойконимов, и урбанонимов, основаны на толковании семантики исходных единиц, однако два из них являются в некоторой степени условными. Так, одинаковая тематическая соотнесенность связана со, скорее, случайным совпадением тех лексико-семантических групп, к которым относятся исходный и новый топонимы. Например, ойконим *Краснополье* относится к числу фитотопонимов, как и соответствующая ему прусская номинация *Regitten* ‘ржаное’, а в паре *Abschruten* ‘барсуки’ → пос. *Медведево* оба ойконима по своей семантике являются зоотопонимами. Аналогичным образом оба урбанонима из пары *Kalkaper Straße* → *Жулинское шоссе* восходят к названиям двух разных близлежащих поселений, а номинации *Füsilierweg* ‘дорога стрелков’ → ул. *Пехотная* образованы от терминов из области военного дела.

Идеологическая антонимия также квалифицируется нами как условный способ топоними-

³ Материалы о переименовании улиц, площадей и парков города Калининграда // Материалы Государственного архива Калининградской области. Ф. 310. Оп. 7. Д. 1. Л. 1–32.

⁴ Приказ Управления по гражданским делам Советского района № 152 от 12.12.1946 г. // Материалы Государственного архива Калининградской области. Ф. Р-265. Оп. 2. Д. 2.

⁵ Приказ Управления по гражданским делам Хайнрихсвальдского района № 2 от 30.07.1946 г. // Материалы Государственного архива Калининградской области. Ф. Р-305. Оп. 1. Д. 2.

⁶ Улицы города Черняховска. URL: <https://www.angrapa.ru/chernyakhovsk/3106-ulitsy-nashego-goroda.html> (дата обращения: 01.11.2024).

Способы согласования топонимов при переименованиях в Калининградской области
Ways to coordinate toponyms during renaming in the Kaliningrad region

Способ согласования	Случаи переименований населенных пунктов, согласованных данным способом	Случаи переименований улиц, согласованных данным способом	Всего согласованных переименований
1. Идеологическая антонимия	84	181	265
2. Одинаковая тематическая соотнесенность	108	38	146
3. Перевод	40	93	133
4. Переосмысление	34	1	35
5. Ассоциативное название	–	10	10
6. Метонимическая соотнесенность	–	10	10
7. Семантическая антонимия	7	–	7
8. Заимствование	2	–	2

ческого согласования, поскольку предполагает принципиальную замену топонима, несущего идеологию Восточной Пруссии, на топоним, отражающий противоположную ему идеологию СССР, но при буквальном соотнесении отличается от него по своей семантике. Примерами ее использования являются акты переименования населенных пунктов *Groß Friedrichsdorf* ‘большая деревня Фридриха’ → *пос. Гастеллово*, при котором на место посвящения императору Фридриху приходит посвящение советскому летчику, Герою Советского Союза Н. Ф. Гастелло, и акт реноминации *Engelshöhe* ‘высота ангелов’ → *пос. Ильичёвка*, заменяющий теотопоним на мемориальную отсылку к вождю мирового пролетариата.

В сфере переименования улиц можно отметить два случая такого рода:

– *Adolf-Hitler-Straße* ‘улица Адольфа Гитлера’ → *ул. Победы*, где в новой номинации чувствуется победа над режимом человека, фамилия которого фиксируется в исходной номинации;

– *Luisenallee* ‘аллея Луизы’ → *ул. Комсомольская*, где название, связанное с прусской королевой Луизой, заменяется на урбаноним, отражающий социальную и организационную реалию советского периода.

Что касается чисто семантических способов согласования географических названий, то общим для ойконимов и урбанонимов является лишь способ перевода. Но даже при его проведении регистрируется заметное различие: в сфере ойконимии, как правило, используется частичный перевод, сопряженный с опущением или заменой ком-

понентов в сложных или составных номинациях (*Tannsee* ‘еловое озеро’ → *пос. Еловое, Dreibrücken* ‘три моста’ → *пос. Мосты*), а в сфере урбанонимии чаще применяется полный перевод (*Wasserstraße* ‘водная улица’ → *ул. Водная, Hafenstrabe* ‘портовая улица’ → *ул. Портовая*).

Наконец, приведем примеры реализации тех способов семантического согласования, которые оказались свойственными лишь для одного из анализируемых топонимических классов. Так, только при переименовании населенных пунктов советские власти применяли семантическую антонимию, предусматривающую выбор нового ойконима, семантика которого прямо противоположна семантике исходного ойконима, как в паре *Groß Dumbeln* (первый компонент обозначает ‘большой’) → *Малое Ижевское* (первый компонент обозначает ‘маленький’).

Напротив, только при переименовании улиц использовались такие способы согласования, как:

– ассоциативное название, то есть подбор к переводческому эквиваленту исходного урбанонима некоторого ассоциативно связанного с ним слова (*Bahnhofsstraße* ‘вокзальная улица’ → *ул. Станционная, Kanonenweg* ‘дорога пушек’ → *ул. Артиллерийская*);

– метонимическая соотнесенность, то есть называние улицы по новому названию того же населенного пункта, в честь которого она была названа до переименования (*Königsberger Straße* ‘кенигсбергская улица’ → *ул. Калининградская, Gumbinner Straße* ‘гумбинненская улица’ → *Гусевское шоссе*).

Завершая характеристику отдельных способов топонимического согласования при переименованиях в Калининградской области, отметим, что как при переименовании поселений, так и при переименовании городских объектов в единичных случаях осуществлялись псевдосогласования единиц, основанные на интерпретации исходного языкового материала, не совпадающей с его исторической или лингвистической природой. При этом наиболее высокой частотностью отличаются случаи, когда новые названия были образованы на основе фонетического сходства с компонентами исходных топонимов, даже при отсутствии семантической связи. Приведем по одному примеру для каждого задействованного класса топонимов:

– для ойконимов: *Kischen* (номинация с неясной основой, напоминающая немецкое существительное *Kirschen* ‘вишни’) → пос. *Вишняки*;

– для урбанонимов: *Schifferdeckerstraße* → ул. *Кровельная*. Исходный урбаноним *Schifferdeckerstraße* имел мемориальное происхождение и был связан с именем жителя Кёнигсберга Шиффердекера. Однако при переименовании он был интерпретирован как производное от немецкого слова, близкого по написанию и звучанию к *Schieferdecker* (‘кровельщик’), что привело к выбору названия ул. *Кровельная*.

Если ранжировать все три типа способов согласования, которые могут использоваться при переименовании географических объектов некоторого региона, по частотности их реализации в названиях населенных пунктов и улиц Калининградской области соответственно, то мы получим картину, представленную в табл. 2.

По таблице очевидно, что, несмотря на количественное несовпадение типов способов согласования, сами последовательности этих типов при проведенном ранжировании полностью совпадают, то есть в сфере ойконимии и урбанонимии наиболее значимыми являются условные согласования (идеологическая антонимия и одинаковая тематическая соотнесенность), а наименее значимыми — формальные согласования (заимствование и пере-

осмысление). Семантические типы согласования (перевод, ассоциативное название, семантическая антонимия и метонимическая соотнесенность) заняли при проведении обеих калининградских кампаний по переименованию срединную позицию.

Однако число случаев семантического согласования урбанонимов в 2,4 раза превышает аналогичное число для ойконимов, что в той или иной мере противоречит известному утверждению о большей изменчивости урбанонимии под влиянием экстралингвистических обстоятельств (см., например, [12, с. 134]), но легко находит объяснение при изучении языкового происхождения исходных топонимов сравниваемых классов. В частности, если все исходные урбанонимы являются немецкоязычными, то в структуре 1442 исходных ойконимов имеются древнебалтийские компоненты, расшифровка семантики которых, естественно, представляла для русскоговорящих инициаторов переименования большую сложность, чем трактовка единиц современного для них немецкого языка, что не могло не осложнить процесс согласования этих номинаций с новыми русскоязычными (более того — 20% исходных ойконимов имели этимологически неясные основы) [11].

Релевантные семантические отличия ойконимов и урбанонимов

При сопоставлении двух выборок топонимов невозможно не обратить внимание на два значимых отличия, зарегистрированных нами при сопоставлении двух выборок топонимов. Во-первых, речь идет об использовании для замены восточно-прусских географических названий советонимов, понимаемых как единицы, в семантике которых закреплены символы советской власти. Элементарные количественные подсчеты показывают, что среди новых ойконимов имеется около 20,5% советонимов (г. *Краснознаменск*, пос. *Совхозное*, пос. *Ударное*), в то время как доля новых урбанонимов того же плана составляет 55,3% (ул. *Колхозная*, ул. *Комсомольская*, ул. *Пролетарская*). Таким образом, урбанонимы демонстрируют значитель-

Таблица 2

Table 2

Типы способов согласования топонимов при переименованиях в Калининградской области Types of ways to coordinate toponyms when renaming in the Kaliningrad Region

Тип согласования	Переименования населенных пунктов	Переименования улиц
Условные согласования	192 случая	219 случаев
Семантические согласования	47 случаев	113 случаев
Формальные согласования	36 случаев	1 случай

но более высокий уровень своей идеологизации по сравнению с ойконимами (примерно в 2,7 раза выше).

Во-вторых, более ярко выраженная идеологизация урбанонимов проявляется в большей распространённости в выборке новых названий улиц таких мемориальных номинаций, которые закрепляют фамилии или имена выдающихся деятелей соответствующих культур (33 % всех рассмотренных новых урбанонимов). В выборке новых названий населённых пунктов доля названий-посвящений не превышает 22 %. В обоих случаях чаще всего географические названия восходят к фамилиям военнослужащих (*г. Гусев, пос. Ватутино; ул. Капитана Гастелло, ул. Кутузова*) и деятелей культуры типа писателей, композиторов или учёных (*пос. Некрасово, пос. Пирогово; ул. Пушкина, ул. Чайковского*), а фамилии политиков (*пос. Володаровка, пос. Ульяновка; ул. Кирова, ул. Фрунзе*) встречаются реже, чем можно было бы ожидать.

Кроме того, отметим, что и ойконимы, и урбанонимы в большинстве своем посвящены личностям, масштаб которых проявился в годы советской власти (*пос. Дзержинское, пос. Панфилово; ул. Калинина, ул. Черняховского*), хотя фамилии деятелей Российской империи также отразились на новых картах этих территорий (*пос. Третьяково, пос. Ушаково; ул. Льва Толстого, ул. Нахимова*). Доля географических названий обоих классов, увековечивающих лиц, которые имеют отношение к региону, существенно сократилась после переименования (почти в 4 раза в ойконимической сфере и почти в 11 раз в сфере урбанонимии).

Заключение

Таким образом, сравнительный анализ показал наличие как сходств, так и различий между кампаниями по переименованию населённых пунктов и улиц при образовании Калининградской области. При выявлении различий наиболее значимыми оказались следующие моменты:

– неясность семантики многих исходных ойконимов приводит к меньшей распространённости согласованных переименований в этой сфере, причем только в этой сфере регистрируются редкие случаи формального согласования задействованных единиц;

– урбанонимия по итогам переименования оказалась более идеологизированной и включает в себя заметно больше мемориальных названий, что в целом отражает общие тенденции, действующие в современной мировой ономастике [13, с. 94].

К числу сходств относится совпадение основной массы используемых способов согласования исходных и новых топонимов в ходе реноминации и предпочтение условных и семантических типов согласования различным формальным типам согласования.

Однако главной общей чертой двух изученных кампаний, сближающей их даже с кампанией по переименованию региональных природных объектов, можно считать определенную непоследовательность при принятии ключевых решений, касающихся отбора русскоязычных топонимов. Она является отражением децентрализованной реализации на местах единой государственной топонимической политики.

Список источников

1. Ворошилин С. И. Топонимические войны в мире — насильственная смена топонимов вследствие войн, революций и колонизации // Вопросы всеобщей истории. 2011. № 13. С. 80–98.
2. Галактионова Н. А. Социокультурный облик региона через призму топонимической политики (кейс Тюмени и Набережных Челнов) // Регионология. 2016. № 1. С. 152–163.
3. Губин А. Б. Топонимия Калининграда // Калининградские архивы. 2003. № 5. С. 139–196.
4. Демьянов К. В. Процессы переименований городов и улиц в СССР: к вопросу о периодизации и локальной специфике // Молодежь третьего тысячелетия. Омск : Изд-во ОГУ им. Ф. М. Достоевского, 2019. С. 219–223.
5. Калуцков В. Н. Изменение геокультурного пространства стран Ближнего Зарубежья в XX–XXI вв. (на материале переименования городов) // Псковский регионологический журнал. 2021. № 2. С. 99–116.
6. Картавенко В. С. Становление региональной топонимической системы: Западный регион России : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Смоленск, 2012. 46 с.
7. Кириллова Л. Е., Семерова М. А. Трансформация удмуртских географических названий // Научный диалог. 2018. № 8. С. 9–33.
8. Маслов В. Н. Предложения районных властей о переименовании центров сельских советов Калининградской области (октябрь — ноябрь 1946 г.) // Калининградские архивы. 2019. № 16. С. 84–123.

9. Маслов В. Н. Создание Кенигсбергской области и ее переименование в 1946 году // Калининградские архивы. 2014. № 11. С. 99–109.
10. Митин И. И. Топонимический палимпсест: переименования как символическое (пере)конструирование пространства и места // Псковский регионологический журнал. 2021. Т. 17, № 4. С. 73–83.
11. Петешова О. В., Семенова Е. П. Историко-лингвистический анализ ойконимов Калининградской области // Вестник Калмыцкого университета. 2023. № 1. С. 66–73.
12. Разумов Р. В. Социоллингвистические аспекты исследования городского онимического пространства // Поливановские чтения. 2018. № 12. С. 133–138.
13. Сударь А. М. Социокультурный аспект изучения мемориальных текстов Аргентины // Вопросы иберо-романистики. 2013. № 13. С. 94–103.
14. Шульгина О. В. Историко-географический подход в изучении топонимики российских регионов // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Естественные науки». 2016. № 2. С. 84–93.

References

1. Voroshilin SI. Toponymical wars in the world — toponyms' violent change as a result of war, revolution and colonization. *Voprosy vseobshchei istorii = Questions on General History*. 2011;(13):80-98. (In Russ.).
2. Galaktionova NA. Socio-cultural image of a region in terms of toponymic policy (the case study of Tyumen and Naberezhnye Chelny). *Regionologiya = Regional Studies*. 2016;(1):152-163. (In Russ.).
3. Gubin AB. The Toponymy of Kaliningrad. *Kaliningradskie arkhivy = Kaliningrad archives*. 2003;(5):139-196. (In Russ.).
4. Dem'yanov KV. The process of renaming of cities and streets in the Soviet Union: The question of periodization and the local specific. *Molodezh' tret'ego tysyacheletiya = Youth of the Third Millennium*. 2019:219-223. (In Russ.).
5. Kalutskov VN. The changing geo-cultural space of the CIS countries in the XX–XXI centuries (on a material of renaming cities). *Pskovskii regionologicheskii zhurnal = Pskov Regional Studies Journal*. 2021;(2):99-116. (In Russ.).
6. Kartavenko VS. *Formation of a regional toponymic system: Western region of Russia*: Author's abstract. diss. Dr. Philol. Sci. Smolensk; 2012. 46 p. (In Russ.).
7. Kirillova LE, Semerova MA. Transformation of Udmurt geographical names. *Nauchnyi dialog = Academic dialogue*. 2018;(8):9-33. (In Russ.).
8. Maslov VN. Proposals of district authorities on renaming the centres of rural councils in the Kaliningrad region (October–November 1946). *Kaliningradskie arkhivy = Kaliningrad archives*. 2019;(16):84-123. (In Russ.).
9. Maslov VN. Creation of the Königsberg region and its renaming in 1946. *Kaliningradskie arkhivy = Kaliningrad archives*. 2014;(11):99-109. (In Russ.).
10. Mitin II. The toponymical palimpsest: renaming as a symbolic (re)construction of space and place. *Pskovskii regionologicheskii zhurnal = Pskov Regional Studies Journal*. 2021;(17-4):73-83. (In Russ.).
11. Peteshova OV, Semenova EP. Historical and linguistic analysis of oikonoms in the Kaliningrad region. *Vestnik Kalmytskogo universiteta = Bulletin of Kalmyk University*. 2023;(1):66-73. (In Russ.).
12. Razumov RV. Sociolinguistic aspects in researching city onymic space. *Polivanovskie chteniya = Polivanov Readings*. 2018;(12):133-138. (In Russ.).
13. Sudar' AM. The sociocultural aspect of the study of Argentine memorial texts. *Voprosy ibero-romantiki = Questions of Ibero-Romantic Studies*. 2013;(13):94-103. (In Russ.).
14. Shul'gina OV. Historical and geographical approach to the study of toponymy of Russian regions. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya "Estestvennye nauki" = Bulletin of the Moscow City Pedagogical University*. Natural Sciences series. 2016;(2):84-93. (In Russ.).

Информация об авторе

О. В. Петешова — кандидат филологических наук, доцент Института образования и гуманитарных наук.

Information about the author

O. V. Peteshova — Cand. Sci. (Philology), Associate Professor at the Institute of Education and Humanities.

Статья поступила в редакцию 09.12.2024; одобрена после рецензирования 19.01.2025; принята к публикации 14.01.2026.

The article was submitted 09.12.2024; approved after reviewing 19.01.2025; accepted for publication 14.01.2026.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 811.163.1:81'373.612.2

DOI: 10.47475/1994-2796-2026-508-2-28-36

ИМЯ СОБСТВЕННОЕ В ВОЕННОМ СОЦИУМЕ: КОГНИТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ БЫТОВАНИЯ ПЕРИФЕРИЙНЫХ ОНИМОВ

Надежда Андреевна Родина

Военный университет имени князя Александра Невского, Москва, Россия, esperance84@mail.ru,
0000-0003-4013-919X

Аннотация. В настоящее время в связи с приоритетной ролью офицерского и рядового состава в защите и поддержании безопасности государства в обществе наблюдается повышенный интерес к разнообразным вопросам жизни военного социума, в частности — особенностям коммуникации языковой личности его представителя. В данной статье представлены такие результаты анализа когнитивных особенностей бытования имен собственных, принадлежащих к периферии ономастического поля военного социума, как ономастическая омонимия, повторная актуализация и знаковое представление имен собственных. Материалом для исследования послужила картотека именованных, включающая более 2 400 единиц, собранных из открытых источников и методом прямого интервьюирования российских военнослужащих. Автором рассмотрены основные особенности когнитивной военной ономастики, а также последовательно приведены примеры формирования номинации, внутрикатегориальной и межкатегориальной омонимии, возвращения в новом значении имени собственного. Продемонстрированы результаты количественно-качественного анализа единиц картотеки по способу знаковой передачи ими знаний о мире. На основе проведенного анализа автором сделан вывод о доминировании онимов-символов и минимальном количестве икон и индексов. Выделенные особенности когнитивного бытования имен собственных свидетельствуют о комплексном характере восприятия языковой личностью представителя военного социума объектов действительности и прагматичности выбора языковых единиц с целью формирования номинации. Результаты исследования позволяют более детально изучить языковую личность представителя отечественных армии и флота, могут быть использованы для проведения семинаров и спецкурсов по ономастике, социолингвистике и лингвокультурологии как в гражданских, так и военных вузах. Также немаловажен представленный опыт для дальнейших изысканий в области ономастики, социолингвистики и лингвокультурологии.

Ключевые слова: имя собственное, военный социум, когнитивная ономастика, периферийные онимы, символ, икона, индекс

Для цитирования: Родина Н. А. Имя собственное в военном социуме: когнитивные особенности бытования периферийных онимов // Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 2 (508). С. 28–36. DOI: 10.47475/1994-2796-2026-508-2-28-36.

Original article

PROPER NAME IN MILITARY SOCIETY: COGNITIVE FEATURES OF THE EXISTENCE OF PERIPHERAL ONIMS

Nadezhda A. Rodina

Military University named after Prince Alexander Nevsky, Moscow, Russia, esperance84@mail.ru,
0000-0003-4013-919X

Abstract. Currently, in connection with the priority role of officers and enlisted personnel in protecting and maintaining the security of the state, there is an increased interest in society in various issues of the life of military society, in particular — the peculiarities of communication of the language personality of its representative. This article presents the results of an analysis of the cognitive features of the existence of proper names belonging to the periphery of the onomastic field of military society, such as onomastic homonymy, repeated actualization and iconic

representation of proper names. The material for the study was a naming card index, which includes more than 2,400 units collected from open sources and by direct interviewing of Russian servicemen. The author examines the main features of cognitive military onomastics, and also consistently provides examples of the formation of a nomination, intracategorical and intercategory homonymy, and the return of a proper name in a new meaning. The results of a quantitative and qualitative analysis of card index units are demonstrated based on the way they symbolically convey knowledge about the world. Based on the analysis, the author concluded that onyms-symbols dominate and the number of icons and indices is minimal. The identified features of the cognitive existence of proper names indicate the complex nature of the language personality of a representative of a military society's perception of objects of reality and the pragmatism of the choice of linguistic units for the purpose of forming a nomination. The results of the study allow us to study in more detail the language personality of a representative of the Russian army and navy, and can be used to conduct seminars and special courses on onomastics, sociolinguistics and linguoculturology in both civilian and military universities. The experience presented is also important for further research in the field of onomastics, sociolinguistics and linguoculturology.

Keywords: proper name, military society, cognitive onomastics, peripheral onyms, symbol, icon, index

For citation: Rodina NA. Proper Name in Military Society: Cognitive Features of the Existence of Peripheral Onims. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2026;(2(508):28-36. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2026-508-2-28-36.

Введение

В восприятии человека имя собственное всегда считалось выходящим за рамки названия понятия, так как оно сочетало в себе сокрытые в ассоциациях общественные и индивидуальные смыслы.

Предметно-понятийное содержание слова, обобщенно отражающее знание о предмете, явлении или лице — значение — по своей сути энциклопедично, а для характеристики его требуется фоновая информация. В связи с необходимостью комплексного извлечения данных, касающихся называемого, вопрос о вскрытии мотивов номинации видится достаточно актуальным.

Везде, где происходит соприкосновение познающего субъекта с миром, происходит его оценка, обусловленная признанием или непризнанием ценности объектов с точки зрения соответствия или несоответствия их качеств определенным критериям, определяющим деятельность имянарекателя. Таким образом, номинация — это сфера, в которой личность, обладая своей специфической оценочной шкалой, образованной в результате совмещения внутренних и внешних ценностей, с помощью которых он отражает мир и находит себе в нем место, соотносит себя с фундаментальными ценностями, смыслообразующими слагаемыми бытия [8, с. 220].

С изучением и формированием значения, познавательной деятельностью личности связан когнитивный подход, и именно когнитивная ономастика позволяет глубоко и всесторонне подойти к вопросу предметно-понятийного содержания этой лексической категории [6, с. 4].

Когнитивная ономастика изучает имена собственные в качестве единиц кода, использующихся для своеобразного шифрования и трансформации

информации. Уникальность ономастических единиц как хранителей значения состоит в том, что они способны как индивидуализировать объекты действительности, так и применяться для классификации знаков, поскольку обладают высоким уровнем коннотативности, уровень которой зависит от опыта онима, и субъектов коммуникации, использующих его для номинации. К задачам когнитивной ономастики относятся выявление и изучение моделей построения, специфики закрепления информации в именах собственных, особенностей воплощения в них значения, расширение и конкретизация этой информации, преимущества использования онимов перед другими формами [11].

Сегодня когнитивный подход широко применяется в ономастических исследованиях [1; 4; 12; 19; 20]. Главным образом, авторы трудов занимаются выделением и анализом классифицирующих концептов, ассоциативно связанных с именами собственными. В концептуальном плане исследуются онимы как на уровне самостоятельного имени, так и в типах дискурса и прецедентных текстах. Кроме того, ведутся изыскания в области военной ономастики в целом [2; 17; 18] и ономастической составляющей языковой личности военнослужащего в частности [3; 5; 9; 14].

В военном социуме аналогично общепринятому полевому распределению русских имен собственных центр ядра составляют официальные антропонимы ФИО, при этом в его периферийную зону входят прозвища и позывные. Прочие категории военных имен собственных (в основном эргонимы, хрематонимы, топонимы и хрононимы) располагаются в периферии поля, занимая разнородное положение в зависимости от семантической

близости к военному служащему-ономатету [15]. Однако наибольший интерес с точки зрения онимической номинации представляют периферийные имена собственные. В отличие от ядерных, они имеют своими носителями множество объектов живой и неживой природы и в совокупности более разносторонне характеризуют имьятворческую деятельность военного-ономатета.

В нашем исследовании мы будем рассматривать такие важные для коммуникативной лингвистики особенности имен собственных, относящихся к периферии ономастического поля военного социума, как омонимичность, актуализация в речи ранее утраченного значения, а также знаковое выражение функциональной связи между обозначаемым и означающим. Научная работа, посвященная рассмотрению военных именовании с точки зрения когнитивных особенностей, является актуальной и необходимой для комплексного понимания коммуникации в военном социуме. Результаты разноаспектного анализа языкового материала, принадлежащего к специфическому закрытому социуму, в научный оборот вводятся впервые.

Материалы и методы исследования

Материалом для исследования послужила картотека периферийных военных именовании, включающая 2 413 единиц. Сбор проводился с 2018 по 2024 г. методом анализа открытых источников в сети Интернет и прямого интервьюирования военнослужащих. В дальнейшей обработке картотеки применялись общенаучные, а также описательный и статистический ономастические методы.

Результаты исследования и их обсуждение

Исследователи включают в процесс онимической номинации три составляющие: принцип номинации, способ и средства номинации. Принцип номинации позволяет выбрать из всего разнообразия отношений самое существенное, где мотивировочный признак всегда значителен. Способ номинации подразумевает переход от значения денотата к выражению его языковыми средствами, которые в результате акта номинации получают статус имен собственных [11].

Приведем пример формирования номинации хрематонима *Акула*, называющего занесенный в Книгу рекордов Гиннеса за самый большой размер в мире ракетный подводный крейсер стратегического назначения. В качестве принципа выступают особенности функционирования. Способом номинации является сравнение с морским хищником, который так же малошумен и смертельно

опасен, а средством — онимизированное существительное акула.

Когнитивная ономастика рассматривает имена собственные как формы, семантическая составляющая которых накапливается в результате жизни субъекта или объекта действительности в реальном мире. При этом широта функционального аспекта онима напрямую связана с глубиной его семантической наполняемости, подвижной и постоянно обогащающейся новыми смыслами. Примеры омонимичной номинации представлены в табл. 1.

Таблица 1
Table 1

Примеры омонимичной номинации объектов военного социума Examples of homonymous nomination of objects of military society

Периферийное имя собственное	Называемый объект
Акула	Тяжелая атомная подводная лодка
	Десантный катер
	Авиационная противокорабельная торпеда
Альбатрос	Самолет-амфибия
	Бронебойная авиабомба
Ангара	Зенитный ракетный комплекс С-200А
	Добровольческое формирование ВС РФ
Арфа	Корабельный цифровой вычислительный комплекс
	Корабельная гидроакустическая станция миноискания
Атлант	Тяжелый транспортный самолет
	Ракетный крейсер
Барс	Автомобиль УАЗ-3159
	Танк Т-80У-М1
	Базовая автоматизированная рабочая станция
	Добровольческое формирование ВС РФ
Вега	Зенитный ракетный комплекс С-200В
	Добровольческое формирование ВС РФ
Дельфин	Атомная подводная лодка
	Погружающийся катер
Заслон	Комплекс активной танковой защиты
	Широкополосный аппаратно-программный IP-шифратор
Защита	Авиационная станция оптико-электронного подавления
	Охранная телевизионная система
	Серия защитных шлемов

Окончание табл. 1
End of Table 1

Периферийное имя собственное	Называемый объект
Енисей	Морское госпитальное судно
	Добровольческое формирование ВС РФ
Кактус	Комплект танковой динамической защиты
	Авиационная система радиоэлектронной борьбы
Кольцо	Операция времен Великой Отечественной войны
	Радиолокационная станция с кольцевой антенной решеткой
Ласка	Электрошоковое устройство
	240-мм реактивный снаряд МС-24 с химической боевой частью
Метеор	Самолет-снаряд КС-7
	Метеорологический космический аппарат
Нева	Зенитный ракетный комплекс С-125
	Добровольческое формирование ВС РФ
Рубин	Авиационная радиолокационная станция обзора земной поверхности
	Позывной аэродрома
Сокол	Морская крылатая ракета
	Авиационный радиолокационный прицел РП-6
	Батальон ВС РФ
Тайфун	Ракетный комплекс Д-19 для атомной подводной лодки
	Операция времен Великой Отечественной войны
Терек	Добровольческое формирование ВС РФ
	Мобильная РЛС
Урал	Добровольческое формирование ВС РФ
	Ракета-носитель УР-500
Уран	Операция времен Великой Отечественной войны
	Машина разминирования
Юг	Операция времен Великой Отечественной войны
	Группировка войск ВС РФ
Ястреб	Авиационный ИК-прицельный комплекс
	Авиационная торпеда-ракета АПР-2

Из табл. 1 видно, что омонимичная номинация свойственна различным ономастическим категориям: хрематонимам и хрононимам (например, Уран), эргонимам и хрононимам (Юг), хрематонимам и эргонимам (Нева), хрематонимам

и дромонимам¹ (Рубин). Кроме того, внутри одной категории несколько объектов могут иметь идентичное именование. Так, например, Арфой называется и корабельный цифровой вычислительный комплекс, и корабельная гидроакустическая станция миноискания. Это свидетельствует об устоявшихся мотивах, которые, в свою очередь, специфически характеризуют особенности творческого мышления военнослужащего-ономатета [15]: использование образного мышления (ракета быстрая и с крыльями — это *Сокол*), акронимы (Базовая автоматизированная рабочая станция — *БАРС*) и другие примеры языковой игры (*УР-500* — *Урал*), юмористичность (электрошокер *Ласка*), а также почитание традиций (название ЗРК С-200 по букве модификации: А — *Ангара*, В — *Вега*).

При этом с утратой актуальности в рамках данного имени собственного определенных смыслов они не исчезают из его семантического пространства, а отходят на периферию и в любой момент готовы к актуализации в речи [11].

Примером «второй жизни» военного онима можно считать «Армату». Так на Руси в XIV в. именовались первые образцы пушек. С выводом этого образца вооружения из практики историзмом стало и имя собственное. Однако сегодня же это название носит универсальная боевая гусеничная платформа. Со смертью А. В. Суворова, М. И. Кутузова, Г. К. Жукова и других великих полководцев их антропонимы трансформировались и в настоящее время входят в состав топонимов (город *Жуков*, площадь *Суворова*, *Кутузовский* проспект, улица Маршала *Конева*), эргонимов (филиал Музея Победы «Музей *Г. К. Жукова*», Черноморское высшее военно-морское училище им. *П. С. Нахимова*), фалеронимов (ордена *Суворова*, *Кутузова*, *Жукова* и *Александра Невского*), хрононимов (операции времен Великой Отечественной войны: Смоленская стратегическая наступательная операция — «*Суворов*», Белорусская наступательная операция — «*Багратион*», Орловская стратегическая наступательная операция — «*Кутузов*» и др.), хрематонимов (атомная подводная лодка стратегического назначения «*Генерал-лиссимус Суворов*», легкий крейсер «*Александр Невский*» и др.).

¹ В соответствии с семантическими особенностями позывных военных аэродромов, в том числе парным употреблением «позывной аэродрома — позывной борта», а также спецификой функционирования самих называемых стационарных объектов данные топонимы относятся к дромонимам наряду с именованиями курсирующих воздушных судов [13].

Стоит отметить, что некоторые имена собственные возрождают в военном социуме нарицательные историзмы, онимизируя их. Примерами являются названия комплекса обеспечения средств управления и связи «*Батрак*», системы авиационной буксировки истребителей «*Бурлаки*» и боевой экипировки «*Гусар*» и «*Ратник*».

Основанием для пользования ономастическими знаками является передача дополнительной информации, маркировка объектов живой и неживой природы [21]. В соответствии с теорией Ч. С. Пирса о кодировке и передаче знаний о мире с помощью специальных знаков, разделяемых на индексы, иконы и символы, можно считать, что ими являются все имена собственные в зависимости от семиотических особенностей [10].

Проиллюстрируем это утверждение эмпирическим материалом, собранным из открытых источников, и методом прямого интервьюирования военнослужащих. В картотеку периферийных имен собственных вошло более 2400 единиц, включающих названия объединений военнослужащих, вооружения и техники, мероприятий и операций, а также географических объектов, связанных с военным социумом. С целью выявления когнитивных особенностей бытования военной ономастической периферии нами был проведен количественный и качественный анализ. Результаты процентного соотношения категорий имен собственных по их знаковой репрезентации представлены в табл. 2.

Таблица 2
Table 2

Распределение военных онимов по знаковой репрезентации
Distribution of military onyms by symbolic representation

Онимы-индексы	Онимы-иконы	Онимы-символы
2%	7%	91%

Из табл. 2 видно, что преобладающим способом передачи экстраординационной информации является использование онимов-символов, которыми являются маркеры объектов, не имеющих очевидного сходства со сравниваемыми лицами, предметами или явлениями. Приведем несколько примеров. Из официальных хрематонимов почти все отражают сходство в комплексном восприятии военнослужащих: тяжелая огнемётная система «*Солнцепёк*» (по высокотемпературному эффекту), серия бронжилетов «*Ворон*» (по слову «воронение», обозначающему процесс улучшения

защитных свойств стали), светомушкетная граната «*Факел*» (по световому эффекту), высокоскоростная малоразмерная ракета-мишень «*Выраж*» (по маневрированию), серия космических аппаратов связи «*Гонец*» и маскирующий пост для зенитного ракетного комплекса «*Дублер*» (по функции). Примерами символических прозвищ вооружения и военной техники являются следующие: вертолет МИ-26 «*Корова*» (по массивности), БМП «*Лягушка*» (по плоской форме и зеленому оформлению), УАЗ-452 «*Таблетка*» (по использованию медицинской службой). Топонимы также зачастую представляют собой символы. Так, например, закрытое административно-территориальное образование носит название *Циолковский*. Ранее этот населенный пункт именовался Углегорском с фальшивыми угольными шахтами для дезинформации потенциального противника, а позднее был назван в честь основоположника отечественной космонавтики Константина Эдуардовича Циолковского, поскольку на территории ЗАТО базируются ракетные войска. Большинство эргонимов также отражают комплексное сходство с коррелятом. Так, например, штурмовой отряд называется «*Шторм*» (по стремительности, разрушительности), а символами героизма становятся имена военных деятелей: батальон связи «*Генерал Корф*», танковый батальон имени *Кузьмы Минина*. Примером символических военных хронимов является Всероссийский конкурс на лучшие практические результаты культурно-досуговой деятельности «*Золотой Сокол*», поскольку по традиции соколами принято иносказательно называть как солдат, так и очень подвижных людей, а золотыми — также в переносном значении — блестящих, прекрасных, бесценных.

На втором месте находятся военные периферийные имена собственные в качестве онимов-иконов. Следует отметить, что, в отличие от символических военных имен собственных, очевидное визуальное сходство представлено не во всех категориях. Нами были выделены лишь иконические хрематонимы и хронимы. Примерами таких официальных названий военной техники являются следующие: система авиационной буксировки «*Бурлаки*», беспилотные летательные аппараты слежения «*Дозор*» и «*Инспектор*», тканевый бронжилет скрытого ношения «*Комфорт*», переносная станция радиотехнической разведки «*Малютка*», подскакивающий осколочный боевой элемент для кассетных боевых частей «*Попрыгунья*». Среди неофициальных хрематонимов отметим самолет МиГ-21 «*Балалайка*» (по треугольной форме),

пулемет «*Печенька*» (по созвучию с официальным именованием «*Печенег*»). В качестве иллюстрации способности хрононимов носить иконический характер приведем Всероссийский фестиваль военно-патриотической песни «*Катюша*», название которого омонимично самой известной русской военной песне, и операцию «*Кольцо*», нацеленную на уничтожение немецко-фашистских войск, окруженных в Сталинграде.

Военные онимы-индексы составляют наименьшую по численности группу, объединенную способностью имен собственных осуществлять привязку называемого к точке в пространственно-временном континууме. Такие маркеры представлены достаточно ограниченным набором категорий. Так, эргонимы могут указывать на территориальную принадлежность военной организации: *Тюменское* высшее военно-инженерное командное училище имени маршала инженерных войск А. И. Прошлякова, *Нижегородский* кадетский корпус имени генерала армии В. Ф. Маргелова, *Черноморский* флот ВМФ России, *Западный* военный округ, батальон «Южноуралец» (военнослужащие из Челябинска), бригада «*Дон*» (донские казаки), батальон «*Терек*» (военнослужащие Северного Кавказа), *Выборгский* военный госпиталь, *Главный* военный клинический госпиталь имени Н. Н. Бурденко (в Москве). Аналогичную функцию имеют топонимы: аэродром *Восточный*, аэродром *Амдерма* (рядом поселок Амдерма), военный городок *Луховицы-3* (рядом Щуровско-Луховицкий бор), *Красноказарменная* площадь (исторически там базировались казармы, сейчас расположен Военный университет), улица Советской *Армии* (там находится Центральный музей Вооруженных Сил РФ). Военные хрононимы могут иметь несколько типов привязки. О месте проведения операции можно судить по таким названиям, как *Берлинская* наступательная операция, «*Памир*» во время Афганской кампании. На время указывает, например, «*Январский гром*» — знаменитая наступательная операция Красной армии против немецкой армии, осаждавшей Ленинград, проводившаяся 14–30 января 1944 г. Комбинированная привязка может говорить и о месте, и о времени кампании, например, одна из операций в Афганистане, проводившаяся в 1988 г., называлась «*Восток-88*».

Заключение

Подведем итоги исследования. В соответствии с речетворческой деятельностью ономаста особенности значения имени собственного неразрывно связаны с мыслительной деятельностью лично-

сти. Способы представления, хранения и передачи информации с помощью проприальной лексики изучает когнитивная ономастика. Создание любого онима обязательно включает три компонента номинации: принцип (по какому признаку называть), способ (с чем или кем сравнить) и средства номинации (каким словом назвать). Периферические имена собственные аккумулируются в военном социуме и зачастую могут создавать внутри- и межкатегориальную омонимичность ввиду выбора одинаковых средств номинации при различных принципах. Также военным онимам присуща сменяемость значений: предыдущие характеристики, составляющие значение имени собственного, не исчезают из семантического пространства онима, а, становясь второстепенными, сохраняются как потенциально возможные для присвоения новым объектам реальности.

Хранение и передача значения имени собственного осуществляется посредством его кодировки и репрезентации ономастическими знаками-индексами, иконами и символами. Русские военные имена собственные представлены всеми типами, однако, в отличие от антропонимов, которые составляют ядро поля и представляют собой в основной массе символы и иконы, периферические именованья отличаются большим разнообразием.

Онимы-индексы демонстрируют территориальную или временную принадлежность носителя и представлены узким кругом имен собственных: эргонимами, топонимами и хрононимами. Иконические ономастические знаки, наглядно демонстрирующие сходство называемого с коррелятом, включают в себя лишь две категории: хрематонимы и хрононимы. Однако за счет широкого распространения среди названий вооружения и военной техники они достаточно часто встречаются в речи военнослужащих. Символы представляют собой преобладающий тип знаков в ономастическом поле военного социума, поскольку таковыми является большинство хрематонимов, эргонимов, часть топонимов и хрононимов. Это свидетельствует о стремлении военнослужащего-ономаста комплексно воспринимать объекты действительности для более эффективного хранения и передачи информации о них.

Таким образом, когнитивный потенциал периферийного ономастикона военного социума достаточно велик. Хрематонимы, эргонимы и хрононимы в полной мере аккумулируют, хранят и специфическим образом транслируют систему знаний и ценностей представителей российской армии и флота.

Список источников

1. Асанов А. Ю. Урбанонимия города Тамбова в лингвокогнитивном аспекте : дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2014. 185 с.
2. Бурченкова А. А. Хремотонимы и наименования оружия и военной техники в романе Б. Васильева «В списках не значился» // Ономастика Поволжья : материалы XXII Международной научной конференции. Саратов, 2024. С. 291–296.
3. Везнер С. И., Померлян А. Н. Языковая личность офицера войск национальной гвардии Российской Федерации // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2019. № 1 (6). С. 16–20.
4. Кадыров Ж. Т., Какимова М. Е., Таласпаева Ж. С. Когнитивный подход в изучении имен собственных на материале художественных произведений // Язык, культура, этнос : сборник статей : к 65-летию юбилею профессора Замиры Касымбековны Дербишевой. Сер. «Концептуальный и лингвальный миры». СПб., 2017. С. 310–316.
5. Кнаус А. А. Языковая личность военнослужащего как объект лингвистических исследований // Язык и межкультурная коммуникация в современных условиях : сборник научных статей IX всероссийской научно-практической конференции, Новосибирск, 21 апреля 2021 г. Новосибирск : Новосибирский военный институт имени генерала армии И. К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, 2021. С. 111–118.
6. Кубрякова Е. С. Память и ее роль в исследовании речевой деятельности // Текст в коммуникации. М., 1991. С. 4–21.
7. Кузнецова Н. В. Информационная война в современных французских СМИ (на примере освещения событий в России 24 июня 2023 года) // Мир науки, культуры, образования. 2023. № 5 (102). С. 266–268.
8. Новикова О. Н. Потенциал когнитивного подхода при изучении имен собственных // Вестник Тамбовского университета Серия: Гуманитарные науки. 2009. Вып. 9 (77). С. 218–222.
9. Новоселецкая Д. И., Гайсин Т. М., Лобан В. В. Языковая личность военнослужащего // У разрыва : сборник материалов Второй международной научно-практической конференции, Краснодар, 24 июня 2021 года / под общ. ред. И. В. Кочубея, Н. В. Харсеевой, отв. за вып. П. С. Волкова. Краснодар : Изд-во «Магарин Олег Григорьевич», 2021. С. 53–56.
10. Пирс Ч. С. Учение о знаках // Избранные философские произведения. М. : Логос, 2000. 412 с.
11. Робустова В. В. К когнитивной ономастике // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2014. № 1. С. 41–49.
12. Родина Н. А. Когнитивная и лингвокультурологическая специфика прозвищ смоленских военнослужащих // Известия Смоленского государственного университета. 2019. № 1 (45). С. 169–182.
13. Родина Н. А. Лексико-семантические особенности военных дромонимов (на материале названий аэродромов) // Актуальные проблемы теоретической и прикладной лингвистики : материалы VI Всероссийской научно-практической конференции. Краснодар, 2020. С. 167–178.
14. Родина Н. А. Ономастическая составляющая языковой личности российского военнослужащего // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2021. № 1. С. 51–60.
15. Родина Н. А. Полевой подход в рассмотрении ономастического фрагмента языковой личности военнослужащего // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2023. Т. 23, № 5. С. 66–75. DOI: 10.37482/2687-1505-V292
16. Родина Н. А. Российский военнослужащий-ономатет // Поливановские чтения. 2022. № 16. С. 147–154.
17. Романова Т. П. Армонимы в онимическом пространстве России // Ономастика Поволжья : материалы XXI Международной научной конференции. Рязань, 2023. С. 268–272.
18. Соколова А. А., Фатеева Н. А. К вопросу о фразеологических милитарионимах // Ономастика Поволжья : материалы XX международной научной конференции / сост. и ред. Н. А. Кичикова, В. И. Супрун. Волгоград, 2022. С. 281–285.
19. Федотова Т. В., Черкашина Т. Т. Когнитивно-ассоциативная структура имени собственного // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2022. № 5. С. 32–41.

20. Щербак А. С. Когнитивные основы региональной ономастики. Тамбов : Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина, 2012. 319 с.

21. Щербак А. С. Ономастический знак-символ в когнитивном аспекте // Вестник Тамбовского государственного университета. 2007. Вып. 7 (51). С. 7–11.

References

1. Asanov AYu. Urbanonyms of the city of Tambov in the linguo-cognitive aspect. Cand. Philol. Sci. Diss. Tambov; 2014. 185 p. (In Russ.)

2. Burchenkova AA. Chrematonyms and names of weapons and military equipment in the novel by B. Vasiliev “Not on the lists”. Onomastika Povolzh'ya: materialy XXII Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii = Onomastics of the Volga region: materials of the XXII International Scientific Conference. Saratov, 2024. Pp. 291–296. (In Russ.)

3. Vezner SI. Language personality of an officer of the National Guard troops of the Russian Federation. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo voyennogo instituta voysk natsional'noy gvardii = Bulletin of the St. Petersburg Military Institute of National Guard Troops*. 2019;1(6):16-20. (In Russ.)

4. Kadyrov ZhT, Kakimova MYe, Talaspayeva Zh S. Cognitive approach in the study of proper names on the material of works of art. In: Yazyk, kul'tura, etnos = Language, culture, ethnicity. Collection of articles: for the 65th anniversary of Professor Zamira Kasymbekovna Derbisheva. Series “Conceptual and Linguistic Worlds”. St. Petersburg; 2017. Pp. 310–316. (In Russ.)

5. Knaus AA. The language personality of a serviceman as an object of linguistic research. In: Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikatsiya v sovremennykh usloviyakh: Sbornik nauchnykh statey IX vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Novosibirsk, 21 aprelya 2021 goda = Language and intercultural communication in modern conditions: Collection of scientific articles of the IX All-Russian scientific and practical conference, Novosibirsk, April 21, 2021. Novosibirsk; 2021. Pp. 111–118. (In Russ.)

6. Kubryakova YeS. Memory and its role in the study of speech activity. In: Tekst v kommunikatsii = Text in communication. Moscow; 1991. Pp. 4–21. (In Russ.)

7. Kuznetsova NV. Information war in modern French media (using the example of coverage of events in Russia on June 24, 2023). *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya = World of science, culture, education*. 2023;(5 (102):266-268. (In Russ.)

8. Novikova ON. The potential of the cognitive approach in the study of proper names. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki = Bulletin of Tambov University. Series: Humanities*. 2009;(9 (77):218-222. (In Russ.)

9. Novoseletskaya DI. Language personality of a serviceman. Collection of materials of the Second International Scientific and Practical Conference, Krasnodar, June 24, 2021. Krasnodar, Publishing house “Magarin Oleg Grigorievich”. 2021. Pp. 53–56. (In Russ.)

10. Pirs CS. The doctrine of signs. Selected philosophical works. Moscow, Logos; 2000. 412 p. (In Russ.)

11. Robustova VV. To cognitive onomastics. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya = Bulletin of Moscow University. Series 19. Linguistics and intercultural communication*. 2014;(1):41-49. (in Russ.)

12. Rodina NA. Cognitive and linguoculturological specificity of the nicknames of the Smolensk servicemen. *Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta = News of Smolensk State University*. 2019;(1 (45):169-182. (in Russ.)

13. Rodina NA. Lexico-semantic features of military dromonyms (based on the names of airfields). In: Aktual'nyye problemy teoreticheskoy i prikladnoy lingvistiki. Materialy VI Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii = Current problems of theoretical and applied linguistics. Materials of the VI All-Russian Scientific and Practical Conference. Krasnodar; 2020. Pp. 167–178. (in Russ.)

14. Rodina NA. Onomastic component of the linguistic personality of a Russian serviceman. *Vestnik Baltyskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: Filologiya, pedagogika, psikhologiya = Bulletin of the Baltic Federal University. I. Kant. Series: Philology, pedagogy, psychology*. 2021;1:51-60. (In Russ.)

15. Rodina NA. Field approach in consideration onomastic fragment of the language personality of a serviceman. *Vestnik Severnogo (Arkiticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya “Gumanitarnyye i sotsial'nyye nauki” = Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series “Humanities and Social Sciences”*. 2023;23 (5):66-75 (In Russ.)

16. Rodina NA. Russian serviceman-onomate. *Polivanovskiye chteniya = Polivanovsky readings*. 2022;16:147-154. (in Russ.)
17. Romanova TP. Armonyms in the onymic space of Russia. In: *Onomastika Povolzh'ya: materialy XXI Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii = Onomastics of the Volga region: materials of the XXI International Scientific Conference*. Ryazan; 2023. Pp. 268–272. (In Russ.)
18. Sokolova AA, Fateyeva NA. On the issue of phraseological militaronyms. In: *Onomastika Povolzh'ya. Materialy XX mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii = Onomastics of the Volga region. Materials of the XX International Scientific Conference*. Volgograd; 2022. Pp. 281–285. (In Russ.)
19. Fedotova TV, Cherkashina TT. Cognitive-associative structure of the proper name. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya = Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Russian Philology*. 2022;(5):32-41. (In Russ.)
20. Shcherbak AS. Cognitive foundations of regional onomastics. Tambov, Tambov State University named after G. R. Derzhavina; 2012. 319 p. (In Russ.)
21. Shcherbak AS. Onomastic sign-symbol in the cognitive aspect. *Vestnik Tambovskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Tambov State University*. 2007;7(51):7-11. (In Russ.)

Информация об авторе

Н. А. Родина — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка.

Information about the author

N. A. Rodina — Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Russian Language.

Статья поступила в редакцию 15.11.2024; одобрена после рецензирования 16.12.2024; принята к публикации 14.01.2026.

The article was submitted 15.11.2024; approved after reviewing 16.12.2024; accepted for publication 14.01.2026.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 2 (508). С. 37–49.
Bulletin of Chelyabinsk State University. 2026;(2(508):37-49.

Научная статья

УДК 81'33

DOI: 10.47475/1994-2796-2026-508-2-37-49

КЛАССИФИКАЦИЯ СООТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ОБЩЕПОТРЕБИТЕЛЬНЫМ И СПЕЦИАЛЬНЫМ ЗНАЧЕНИЯМИ КОНСУБСТАНЦИОНАЛЬНЫХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ

Шанлун Хуан¹, Мария Кирилловна Тимофеева²

¹ Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия, s.khuan2@alumni.nsu.ru, 0009-0006-6395-249X

² Институт математики им. С. Л. Соболева СО РАН, Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия, mtimof@inbox.ru, 0000-0001-8999-2330

Аннотация. Консубстанциональные термины представляет собой терминологические единицы, относящиеся как к общеупотребительной лексике, так и к специальной предметной области, при этом специальное и неспециальное значения такого термина могут по-разному соотноситься друг с другом. Цель данной работы — исследовать семантику консубстанциональных лингвистических терминов, рассмотрев соотношения между обыденным и лингвистическим значениями каждого термина. Выявление семантических типов консубстанциональных терминов основывалось на составлении списка таких терминов методом сплошной выборки из «Словаря лингвистических терминов» О. С. Ахмановой, считающегося наиболее авторитетным терминологическим словарем по лингвистике. При составлении данного списка производилось тщательное сопоставление обыденного и лингвистического значения каждого рассматриваемого слова. Обыденное значение бралось из электронных словарей «Словарь русского языка» под редакцией А. П. Евгеньевой и «Толковый словарь русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой, лингвистическое значение — из «Словаря лингвистических терминов» О. С. Ахмановой. Использовалось два раунда отбора терминов. Первый раунд основывался на семи принципах, второй раунд осуществлялся после завершения первого и состоял в оптимизации полученного списка терминов на основе трех дополнительных принципов. В итоге, после предварительного отбора и оптимизации, был составлен список из 530 консубстанциональных лингвистических терминов. Из данного списка были выбраны для дальнейшего семантического анализа сто терминов. На основе сравнительного семантического анализа терминов было выделено пять типов семантических соотношений, «включаемый/конкретизирующий», «пересекающийся», «не пересекающийся», «включающий/расширяющий» и «совпадающий». По статистическим характеристикам типы «включаемый/конкретизирующий» и «пересекающийся» являются наиболее типическими для консубстанциональных лингвистических терминов, а «включающий/расширяющий» — наименее типическим. Тип «включаемый/конкретизирующий» отражает процесс лингвистической специализации, тип «пересекающийся» связан с метафоризацией, а тип «не пересекающийся» является результатом омонимии.

Ключевые слова: консубстанциональный лингвистический термин, семантическая классификация, лингвистическое значение, обыденный смысл.

Для цитирования: Хуан Ш., Тимофеева М. К. Классификация соотношений между общеупотребительным и специальным значениями консубстанциональных лингвистических терминов // Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 2 (508). С. 37–49. DOI: 10.47475/1994-2796-2026-508-2-37-49.

Original article

CLASSIFICATION OF SEMANTIC RELATIONS BETWEEN COMMON AND SPECIAL MEANINGS OF CONSUBSTANTIAL LINGUISTIC TERMS

Shanglong Huang¹, Mariya K. Timofeeva²¹ Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia, s.khuan2@alumni.nsu.ru, 0009-0006-6395-249X² Sobolev Institute of Mathematics of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia, mtimof@inbox.ru, 0000-0001-8999-2330

Abstract. Consubstantial terms are terminological units that belong both to the common lexicon and to a special subject area, therefore, and the special and non-special meanings of such a term can correlate with each other in different ways. The aim of the paper is to study consubstantial linguistic terms' semantics by analyzing the relations between each term's common and linguistic meanings. The first step in figuring out semantic types of the terms is to collect consubstantial terms from an authoritative dictionary. The list of consubstantial terms is obtained on the basis of a continuous sampling method from the *Dictionary of Linguistic Terms* by O. S. Akhmanova, which is considered to be the most authoritative terminological dictionary in linguistics. When compiling this list, the everyday and linguistic meanings of each word under consideration were carefully compared. The everyday meaning was taken from the electronic dictionaries *The Dictionary of the Russian Language* edited by A. P. Evgenieva and *The Explanatory Dictionary of the Russian Language* by S. I. Ozhegov and N. Y. Shvedova, the linguistic meaning was taken from the *Dictionary of Linguistic Terms* by O. S. Akhmanova. Two rounds of term selection were used. The first round was based on seven principles, the second round was carried out after the first round and consisted in optimizing the obtained list of terms on the basis of three additional principles. After preliminary selection and optimization, the list of 530 consubstantial linguistic terms was generated. 100 terms from the list were chosen for further semantic analysis. Based on the comparative semantic analysis of these terms, five types of semantic relations were identified, "Being-included/Concretizing", "Intersecting", "Non-intersecting", "Including/Expanding" and "Coinciding". According to statistical characteristics, the types "Being included/Concretizing" and "Intersecting" are the most typical for consubstantial linguistic terms, while "Including/Expanding" is the least typical. The "Including/Expanding" type reflects the process of linguistic specialization, the "Intersecting" type is associated with metaphorization, and the "Non-intersecting" type is the result of homonymy.

Keywords: consubstantial linguistic term, semantic classification, linguistic sense, common meaning

For citation: Huang S, Timofeeva MK. Classification of Semantic Relations Between Common and Special Meanings of Consubstantial Linguistic Terms. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2026;(2(508):37-49. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2026-508-2-37-49.

Введение

С. В. Гринев-Гриневиц отмечает, что «во всякой терминологии непременно есть некоторое количество лексических единиц, встречающихся как в обыденной, так и в профессиональной речи, — так называемые **консубстанциональные термины**» [3, с. 25]. В современных исследованиях к консубстанциональным терминам относят и термины, параллельно используемые в разных специальных дисциплинах [14]. Э. А. Сорокина отмечает, что «консубстанциональной будет лексема, если она функционирует одновременно и как общеупотребительное слова, и как специальное, профессиональное слово (термин)» [15, с. 87], поэтому под консубстанциональным лингвистическим термином можно понять лексическую единицу, функционирующую в качестве общеупотребительного слова и одновременно в качестве лингвистического термина.

С. В. Гринев-Гриневиц также описывает признаки терминов, это прежде всего однозначность,

принадлежность к специальной области знания, точность значения, контекстуальная независимость, стилистическая нейтральность [3]. Рассматриваемая нами лингвистическая терминология обладает такими свойствами, как полифункциональность и междисциплинарность, поскольку терминология лингвистики употребляется и в системе обыденной лексики, и в системе научных понятий [8].

В наши дни имеется немалое количество исследований, посвященных консубстанциональным терминам. Одни авторы изучали консубстанциональные термины, анализируя сходства и различия между синонимами [11], а другие рассматривали многозначность в терминологии, фокусируясь на вопросе разграничения консубстанциональных терминов и слов обыденного языка [13].

В проведенных исследованиях устанавливаются связи между процессами терминологизации, детерминологизации и консубстанциональными терминами. Например, в работе А. Г. Анисимовой

[2] изучался вопрос о переходе общелитературных единиц в термины в случае метафоризации, в работе О. Ю. Шмелевой [17] на основе анализа большого количества текстов рассматривалось взаимодействие терминологии и общеупотребительной лексики.

Имеются также работы, посвященные не изучению консубстанциональных терминов в целом, а анализу отдельных конкретных представителей данного класса, например *политика*, *политик* [1], *welding* [9] и *сварка* [10].

Обращаясь к вопросу о типизации терминов, С. В. Киселева и Т. С. Росянова рассматривают многозначность терминов и выделяют следующие типы: «1) по сфере функционирования: внутриотраслевая и межотраслевая многозначность, полисистемная многозначность; 2) по регулярности характера: категориальная многозначность; 3) по характеру вариативности содержательной стороны: концептуальная многозначность; 4) по характеру выявления: имплицитная многозначность» [4, с. 119]. Н. З. Котелова выделила три типа соотношения между значением обыденного слова и значением термина специальной области: «1) тождество значения слова в терминологическом и нетерминологическом употреблении; 2) более широкое или, что чаще, узкое значение термина по сравнению со значением общеупотребительного слова; 3) терминологическое значение не принадлежит литературному языку» [6, с. 42].

Актуальность проводимого исследования обусловлена прежде всего недостаточной изученностью терминологии современной лингвистики в целом и используемых в ней консубстанциональных терминов в частности. Этот факт отмечается, например, в статье Сорокиной [15]. Фактором, повышающим актуальность рассматриваемых вопросов, является влияние на терминосистему растущей междисциплинарности познания, способствующей увеличению числа консубстанциональных терминов.

Главная цель данной работы состояла в том, чтобы проанализировать значения консубстанциональных лингвистических терминов, выявив возможные семантические соотношения между обыденным и лингвистическим значениями термина. Для проведения такого исследования был составлен список консубстанциональных терминов путем сплошной выборки из «Словаря лингвистических терминов» О. С. Ахмановой¹. Отбор **консубстанциональных лингвистических терминов**

¹ Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. Сер. изд. М. : Ленанд, 2021. 571 с.

(КЛТ) является основой данного исследования, а выявленные типы семантических соотношений между значениями таких терминов составили базу для проведения его следующих этапов. В работе также ставились следующие задачи: 1) определение принципов выбора консубстанциональных терминов из «Словаря лингвистических терминов» О. С. Ахмановой; 2) составление и оптимизация списка КЛТ; 3) описание типов семантических соотношений между значениями КЛТ; 4) анализ частотности каждого семантического типа КЛТ.

Теоретическая значимость данного исследования состоит в составлении списка консубстанциональных лингвистических терминов, который может служить основой для изучения различных аспектов таких терминов; в разработке метода семантического анализа и классификации консубстанциональных терминов; в разработке процедуры проведения экспериментального исследования, направленного на изучение понимания консубстанциональных терминов носителями рассматриваемого языка.

Практическая значимость состоит в том, что результаты данной работы могут быть использованы для проведения аналогичных семантических и экспериментальных исследований на материале других консубстанциональных терминов, а также для пополнения составленного списка терминов более новыми консубстанциональными терминами, пока не отраженными в рассмотренных словарях.

Материалы и методы

Данная работа включает в себя следующие этапы: во-первых, составление списка КЛТ, употребляемых одновременно в обыденной речи, и оптимизации данного списка; во-вторых, сравнение специального определения консубстанционального термина и толкования того же слова в его общеупотребительном значении; в-третьих, выявление различий в семантике таких терминов, классификация терминов по типу семантических отношений между специальным и обыденным значениями, описание каждого из выявленных семантических типов.

Для составления списка КЛТ последовательно просматривались все термины из «Словаря лингвистических терминов» О. С. Ахмановой¹; каждый термин анализировался с помощью двух электронных словарей, «Словаря русского языка» под редакцией А. П. Евгеньевой (Малый академический словарь, МАС²) и «Толкового словаря русского

² МАС. URL: <https://slovari.ru/>

языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой (ТСОШ³). В указанных словарях специальное слово отмечено как «спец.», а термин в соответствующей специальной предметной области — как «мед.», «пед.» и т. д.

В следующих случаях термины считались отнесенными к общеупотребительной лексике: 1) НЕ отмечен ни в одном из названных электронных словарей как «спец.» / термин; 2) найден только в одном электронном словаре и НЕ отмечен как «спец.» / термин во всех значениях; 3) найден в обоих словарях и НЕ во всех значениях отмечен как «спец.» / термин (например, слово отмечено как «спец.» / термин только в одном значении одного словаря).

Чтобы повысить эффективность процедуры выбора терминов и точность составляемого списка терминов, необходимо убрать слова, которые распознаются как термины. В следующих случаях термины НЕ считаются вошедшими в общеупотребительную лексику: 1) найден только в одном электронном словаре и во всех значениях отмечен как «спец.» / термин; 2) найден в обоих электронных словарях и отмечен как «спец.» / термин хотя бы в одном словаре (т. е. слово отмечено как «спец.» / термин во всех значениях одного словаря, а не только в одном значении по сравнению с пунктом (3) из предыдущего перечня случаев); 3) БЕЗ отметки, но четко определен как термин по его значению; 4) НЕ найден в обоих словарях (если слово не найдено в толковых словарях русского языка, маловероятно, что оно может быть общеупотребительным словом).

По этим семи принципам был составлен первоначальный список КЛТ, затем был реализован второй раунд отбора терминов в целях удаления терминов, не имеющих отметки как «спец.» / термин, но употребляемых как термин или профессионализм, например *интеграция*, *параллелизм* и т. д. При оптимизации первичного терминологического списка были сформулированы следующие принципы: 1) удаление большинства названий дисциплин и явлений, связанных с лингвистикой, филологией или литературой; 2) удаление названий знаков препинания, не имеющих другого значения, например, *двоеточие*; 3) удаление слов, в большинстве случаев используемых в специальных предметных областях, на основе анализа их контекстов из Национального корпуса русского языка (НКРЯ)⁴, например *градация* и т. п.

³ ТСОШ. URL: <https://slovari.ru/>

⁴ НКРЯ. URL: <https://ruscorpora.ru/>

На втором этапе был проведен сопоставительный семантический анализ словарных значений 100 КЛТ, выбранных из общего списка случайным образом. Специальное определение термина бралось из «Словаря лингвистических терминов» О. С. Ахмановой (D₁), а толкование общеупотребительного значения — из электронных словарей, ТСОШ и МАС (D₂). В процессе сравнения семантики необходимо сопоставлять центральное существительное словарного толкования, его атрибуты и другие компоненты предложений (определений). Следует подчеркнуть, что производилось не просто сравнение словарных толкований, а сравнение денотатов, на которые указывают эти толкования. Цель данного этапа состояла в том, чтобы определить, насколько сходны или несходны специальное и общелитературное значения данных 100 КЛТ.

На третьем этапе мы выделили несколько типов соотношений между семантикой терминологического и нетерминологического значений, опираясь на сопоставительный семантический анализ словарных толкований (все соотношения описаны в терминах теоретико-множественных соотношений). При этом были описаны особенности каждого семантического типа КЛТ, а также была подсчитана доля каждого семантического типа терминов для упорядочения их по частотности.

Результаты исследования и их обсуждение

В конечном итоге после оптимизации отбора составлен обновленный список, содержащий 530 КЛТ. В данном списке сохранились еще несколько абстрактных существительных, производных от прилагательных и представляющих некоторое свойство, причастий и отглагольных существительных. К ним относятся слова, связанные с человеком и означающие его свойство или действие, в том числе *солидарность*, *дыхание*, *вдыхание*, *выдыхание* и т. д. Кроме этого, осталось несколько специальных слов или терминов, приобретших другое значение, например без *придыхания* (спокойно и сдержанно), художник в *кавычках* (ирония) и т. д.

После всестороннего сравнения семантики КЛТ было выделено пять типов семантических соотношений, различающихся по близости/удаленности специальных и общеупотребительных значений. При описании семантических типов КЛТ лингвистическое значение (D₁) рассматривалось как «ориентир», исходя из которого выявляются соотношения между семантической зоной лингвистического значения и семантической зоной обычного значения (D₂).

Включаемый / Конкретизирующий ($D_1 \subset D_2$)

Первый тип семантических отношений КЛТ практически является комбинацией двух случаев. К этому типу относятся консубстанциональные термины, у которых специальное значение (D_1) содержится в обыденном значении (D_2) или специальное значение (D_1) является в отношении описания семантики более конкретным по сравнению с обыденным значением (D_2). Оба случая соответствуют теоретико-множественному соотношению $D_1 \subset D_2$.

РАЗГОВОРНЫЙ —

D_1 : свойственный повседневной устной (обычно диалогической) речи, характерный для обиходного общения. *Разговорная речь. Разговорный стиль речи*⁵.

D_2 : 1. см. разговор. 2. **Свойственный устной речи, обиходным выражениям.** *Р. стиль. Разговорная речь* (речь носителей литературного языка при их непосредственном и непринужденном общении). 3. Имеющий характер диалога. *Р. жанр* (в искусстве эстрады)⁶.

Лингвистическое определение совпадает с обыденным определением 2 (выделено жирным шрифтом), совпадают даже приведенные примеры. Поскольку в ТСОШ имеются и другие варианты общеупотребительного значения, лингвистическое значение считается включенным в обычное значение. Аналогичным примером может служить и слово *областной*.

ОБЛАСТНОЙ —

D_1 : принадлежащий данной области, данной территориальной разновидности языка, местный, не общелитературный, не образцовый, не стандартный. *Областное выражение. Областной говор*⁷.

D_2 : 1. см. область. 2. **Свойственный диалекту, местный.** *Областное слово. Областные говоры*⁶.

Как и в предыдущем примере, лингвистическое определение и одно из общеупотребительных значений тождественны, их примеры соответствуют друг другу. Таким образом, нелингвистическое определение слова включает его лингвистическое значение (т. е. D_1 включено в D_2 данного слова).

АБЗАЦ —

D_1 : отрезок письменной речи от одной красной строки до другой, функционирующий как

сверхфразовое единство или сложное синтаксическое целое⁸.

D_2 : 1. отступ вправо в начале первой строки какой-л. части текста; красная строка. *Начать с абзаца*. 2. **часть текста между двумя такими отступами.** *Прочитать пять абзацев*⁹.

Лингвистическое определение связано с нелингвистическим значением 2, но они не полностью совпадают, так как лингвистическое значение содержит немного больше описательных деталей, которых нет в обыденном значении. Теоретически специальное значение этого слова, использующее больше семантических подробностей в описании, не должно учитываться как включенное в обычное определение. Однако нетрудно заметить, что они указывают на одно и то же — цельный фрагмент текста с отступом в начале, — просто соответствующие им способы формулировки определения (сигнификаты) не совсем одинаковы.

Если терминологическое и нетерминологическое определения указывают на один и тот же денотат (особенно вещь, предмет или явление), описывая его по-разному, то в данном исследовании эти определения считаются совпадающими. Поскольку неспециальное определение слова *абзац* имеет два значения, его специальное значение включено в его неспециальное значение.

ВЗАИМНЫЙ —

D_1 : выражающий **обоюдность**, взаимообмен, указывающий на обратный переход действия с субъекта на объект, вследствие которого производитель действия является одновременно объектом того же действия со стороны другого производителя или производителей действия¹⁰.

D_2 : общий для обеих сторон, **обоюдный**; обусловленный один другим, связанный один с другим. *Взаимное доверие. Взаимная любовь*⁶.

Судя по текстам словарных толкований, ядерная семантика обыденного и специального значений согласуются, в обоих случаях означая 'обоюдность'. Однако в специальном определении приведено намного больше семантических подробностей, связанных с лингвистикой, что позволяет ему быть более конкретным, чем неспециальное определение. Поэтому лингвистическое значение данного слова конкретизировало его общеупотребительное значение. Точнее говоря, 'два предмета

⁵ Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. С. 376.

⁶ ТСОШ. URL: <https://slovari.ru> (дата обращения: 10.02.2024)

⁷ Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. С. 273.

⁸ Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. С. 27.

⁹ МАС. URL: <https://slovari.ru> (дата обращения: 10.02.2024).

¹⁰ Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. С. 74.

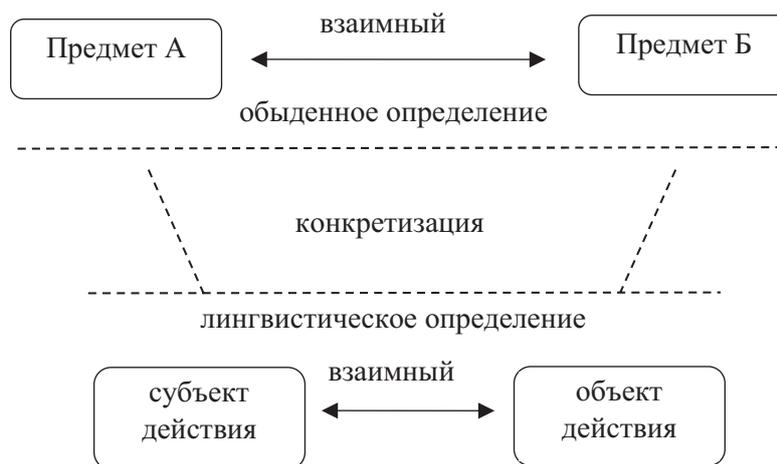

Рис. 1. Семантическое соотношение слова «взаимный»

Fig. 1. The semantic relation of the word “взаимный”

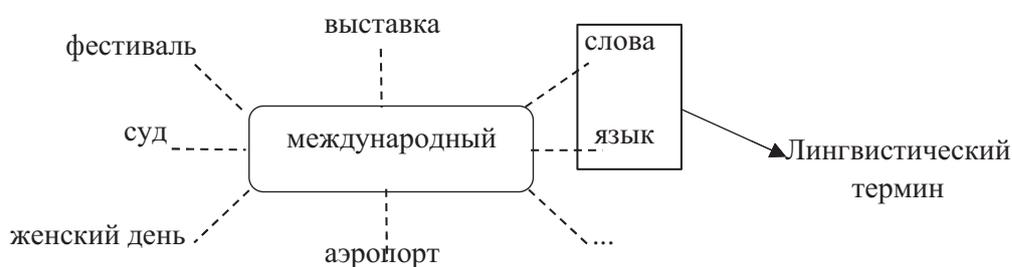

Рис. 2. Коллокации слова «международный»

Fig. 2. The Collocations of the word “международный”

во взаимном отношении’ в неспециальном определении конкретизированы в специальном определении (рис. 1).

Семантический компонент, добавленный к лингвистическому определению, не изменил двустороннюю связь между предметами, присутствующую в обыденном значении, поэтому тип семантического соотношения между значениями этого слова является «конкретизирующим» и относится к первому типу ($D_1 \subset D_2$).

МЕЖДУНАРОДНЫЙ —

D_1 : не ограниченный рамками данного национального языка, общий для ряда языков. *Международные слова. Международный язык*¹¹.

D_2 : 1. относящийся к сношениям между народами, странами. *Международная политика. Международное право*. 2. Существующий между народами, распространяющийся на многие народы; интернациональный. *Международная выставка. Международный женский день*¹².

¹¹ Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. С. 226.

¹² МАС. URL: <https://slovari.ru> (дата обращения: 10.02.2024).

Лингвистическое значение слова кажется более узким, чем его обыденные значения, так как специальное значение ограничено областью лингвистики, в то время как обыденное определение нечетко задает объект, определяемый словом *международный*. Иными словами, в обыденной речи слово *международный* может сочетаться с существительным любой области, например *право, фестиваль, институт* и т. д. В их число, естественно, входят и определяемые слова, связанные с лингвистикой.

Данное слово используется как в обыденной, так и в специальной речи, причем функцию различения сферы использования выполняет существительное, стоящее после слова *международный*. Само это слово предопределяет основное значение, а более конкретные семантические подробности (сфера использования слова) уточняются благодаря расположенному после него определяемому слову (рис. 2).

Таким образом, лингвистическое значение этого слова является конкретизацией его обыденного значения, и семантическое отношение между этими значениями — «конкретизирующее».

К данному типу относятся еще термины, *свободный, пауза, лёгкий, вариант, название* и т. д.

Пересекающийся ($D_1 \cap D_2 \neq \emptyset$)

В этой группе специальный смысл D_1 и общеупотребительный смысл D_2 рассматриваемого слова не тождественны, у них есть только общий компонент смысла, то есть они пересекаются. В построенной классификации выделены четыре случая: 1) словарные описания лингвистического и обыденного значений (обычно имеется несколько значений) задают пересекающиеся денотаты; 2) лингвистическое определение специально отмечено в электронных словарях, МАС и ТСОШ (например, *в грамм., в языкознании* и т. д.); 3) слово обрело специализированное значение в лингвистике, которое не относится к общеупотребительной речи; 4) общеупотребительное слова вошло в систему специальной лексики лингвистики посредством метафоризации.

БАЗА —

D_1 : 1. то же, что **основа**. База глагольная. База двусложная. *База именная. База многосложная. База односложная. База аблаутная (база чередования)*. 2. древняя **основная часть** слова со сложным строением. 3. (в семитологии). совокупность двух (трех) согласных, в которых содержится первичное лексическое значение слова. *База двусогласная. База трехсогласная*¹³.

D_2 : 1. **Основание** сооружения (спец.). 2. Основание, **основа** чего-н. (книжн.). *Социальная б.* 3. **Опорный пункт** вооружённых сил страны на своей или чужой территории. *Военно-морские базы*. 4. Учреждение, предприятие, центральный пункт по снабжению или обслуживанию кого-чего-н. *Туристская б.* 5. Склад, место хранения товаров, материалов, продуктов. *Овощная б.*¹⁴

Имеются несколько значений как в лингвистическом, так и в обыденном определениях. Между ними есть некоторое сходство, указывающее на смысл 'основа' или 'основной' (выделено жирным шрифтом). Поэтому лингвистическое и нелингвистическое значения этого слова пересекаются, и это является типичным типом «пересекающийся».

УПРАВЛЕНИЕ —

D_1 : выбор падежной формы подчиненного слова, определяемый не данной грамматической формой

¹³ Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. С. 62.

¹⁴ ТСОШ. URL: <https://slovari.ru> (дата обращения: 10.02.2024).

подчиняющего слова (не данной его словоформой), а его свойствами как лексемы¹⁵.

D_2 : 1. см. управлять. 2. Деятельность органов власти. 3. Совокупность приборов, приспособлений, устройств, посредством к-рых управляется ход машины, механизма. 4. Крупное подразделение какого-н. учреждения, крупное административное учреждение. 5. **В грамматике**: подчинительная связь, при к-рой грамматически главенствующее слово требует от грамматически зависимого имени постановки в каком-н. определённом падеже¹⁴.

В словарях, толкующих обыденные значения слов, указано лингвистическое определение этого слова (в этом случае отмечено как «в грамматике»). По толкованию ТСОШ его определение в грамматике не полностью отделено от остальных значений, связано с ними. Поэтому лингвистическое и нелингвистическое значения частично сходны, и соотношение между ними относится к типу «пересекающийся».

ВДЫХАНИЕ —

D_1 : то же, что инспирация (ИНСПИРАЦИЯ — **введение воздуха в легкие** или дыхательную полость при произнесении слова или высказывания единым выдохом толчком¹⁶).

D_2 : 1. действие по знач. глаг. вдыхать (ВДОХ-НУТЬ — 1. (несов. вдыхать). вобрать, втянуть внутрь при вдохе, вдохом. 2. перен. внушить что-л., заставить проникнуться чем-л.) 2. то же, что вдох (ВДОХ — каждый отдельный **впуск воздуха в легкие**, каждое отдельное вдыхание; противоп. выдох)¹⁷.

Судя по выделенному жирным шрифтом содержанию, как терминологическое, так и обыденное определения относятся к действию втягивание воздуха в легкие, но они фокусируются на разных семантических аспектах. Согласно обыденному значению, вдыхание и выдыхание являются противоположными сторонами действия дыхания, а, согласно специальному смыслу, вдыхание акцентирует результат — произнесение слова при введении воздуха в легкие (рис. 3).

Результат произнесения слова или высказывания, подразумеваемый в лингвистическом значении, не включен в обыденное значение, он является специализированным аспектом

¹⁵ Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. С. 486.

¹⁶ Там же. С. 72, 178.

¹⁷ МАС. URL: <https://slovari.ru> (дата обращения: 10.02.2024).

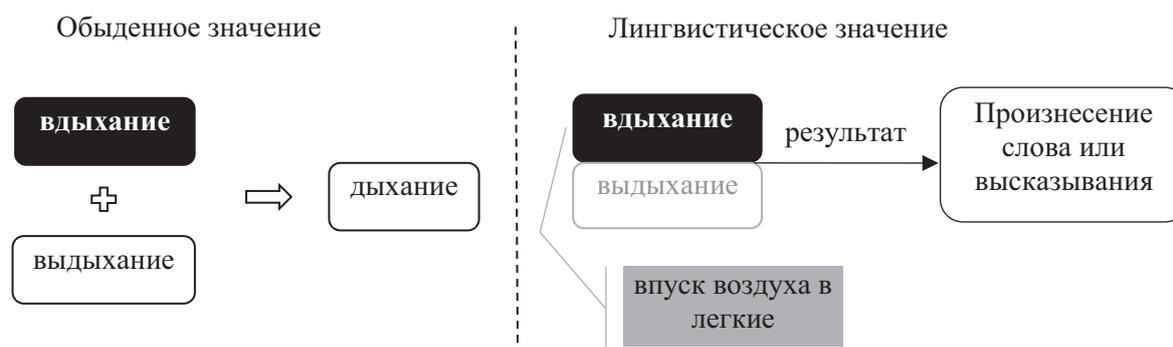

Рис. 3. Значения слова «вдыхание»

Fig. 3. The meanings of the word “вдыхание”

лингвистического определения, поэтому обыденное и специальное значения только пересекаются.

ВЕТВЬ —

D_1 : группа или подразделение языков внутри языковой семьи, выделяемых и объединяемых по признаку наибольшей генетической близости¹⁸.

D_2 : 1. боковой отросток, побег, идущий от ствола дерева (кустарника) или стебля травянистого растения. 2. ответвляющаяся от основного, главного направления часть горного хребта, а также отходящая в сторону от основного пути линия железной дороги. 3. линия родства в родословной кого-, чего-л.¹⁹

На первый взгляд, терминологическое и нетерминологическое значения этого слова не связаны друг с другом, так как совпадения семантических составляющих между ними действительно не просматриваются. Однако после более внимательного сравнения обоих значений можно обнаружить, что оба они символизируют некоторое сходное отношение, каждое в своих сферах, а именно, взаимосвязь между большим и малым, включающим и включаемым, главным и второстепенным. В обыденном значении первое определение показывает взаимосвязь между стволом и ветвями. В лингвистике данное слово подразумевает отношение между большой и малой классификациями языков.

Такое отношение между лингвистическим и обыденным значениями считается частичным пересечением их семантики. Более того, общеупотребительное слово *ветвь* вошло в систему лингвистической терминологии путем метафоризации. Поэтому в данном исследовании соотношение между специальным и обыденным значениями с метафорическими отношениями считается

отнесенным к типу «пересекающийся».

К этой группе терминов отнесены также *изменение, зависимый, единство, глухой, замена* и другие.

Не пересекающийся ($D_1 \cap D_2 = \emptyset$)

В данную группу входят термины, у которых лингвистическое значение полностью отличается от общеупотребительного значения, т. е. они не имеют ничего общего. Данная ситуация описывается теоретико-множественным соотношением $D_1 \cap D_2 = \emptyset$.

БЕСФОРМЕННЫЙ —

D_1 : неразложимый на основу и окончание²⁰.

D_2 : не имеющий определенной формы, ясных очертаний²¹.

Согласно кратким определениям, выяснилось, что лингвистическое и обыденное значения этого слова не совпадают, даже не пересекаются, так как в лингвистике оно объясняется как ‘неразделенный на более мелкие части’, а в обыденной речи — как ‘без формы’. Поэтому в данном случае соотношение между значениями относится к типу «не пересекающийся».

ТРОПИЧЕСКИЙ —

D_1 : прил. к **троп.** *Тропический способ выражения. Тропическое употребление слов.* (ТРОП — стилистический перенос названия, употребление слова в переносном (не прямом) его смысле в целях достижения большей художественной выразительности)²².

D_2 : прил. к **тропик**; находящийся, расположенный в тропиках. *Тропический пояс. Тропическая природа. Тропические леса*¹⁹.

¹⁸ Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. Изд. стер. С. 74.

¹⁹ МАС. URL: <https://slovari.ru> (дата обращения: 10.02.2024).

²⁰ Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. С. 66.

²¹ ТСОШ. URL: <https://slovari.ru> (дата обращения: 10.02.2024).

²² Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. С. 481.

Очевидно, что слово *тропический* в лингвистике является прилагательным к слову «троп», а в обиходной речи оно — прилагательным к слову «тропик», поэтому их значения никоим образом не связаны. В этом случае данный термин представляет собой омоним, поэтому он тоже включен в тип «не пересекающийся».

К этому семантическому типу принадлежат также слова *агент*, *обратный*, *массив*, *живой*, *намерение* и т. к.

Включающий / Расширяющий ($D_1 \supset D_2$)

В этой группе у консубстанционального термина лингвистическое значение D_1 включает общеупотребительный смысл D_2 , в этом отличие от рассмотренного ранее второго типа «Включаемый/Конкретизирующий», охватывающего термины, у которых специальное значение включено в общеупотребительное значение или конкретизирует его.

ЛЕКСИКА —

D_1 : 1. (словарный состав). Вся совокупность слов, входящих в состав какого-л. языка или диалекта. 2. совокупность слов, характерных для данного варианта речи, также в связи с данной сферой ее применения. 3. один из стилистических пластов в словарном составе языка²³.

D_2 : словарный состав языка, какого-н. его стиля, сферы, а также чьих-н. произведений, отдельного произведения²⁴.

Можно заметить, что в лингвистическом определении больше значений, чем в его общеупотребительном значении, то есть первое включает второе, так как лингвистическое значение слова расширило общеупотребительное. Поэтому данное слово входит в группу «Включающий/Расширяющий» и описывается теоретико-множественным соотношением $D_1 \supset D_2$.

В данную группу терминов включается слово *вербальный*.

Совпадающий ($D_1 = D_2$)

Данный тип включает термины, у которых специальный смысл D_1 совпадает с обиходным смыслом D_2 , то есть между этими смыслами нет различий. Поскольку лингвистическое определение D_1 равно обиходному определению D_2 , соотношение между ними может быть описано как $D_1 = D_2$.

²³ Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. С. 214.

²⁴ ТСОШ. URL: <https://slovari.ru> (дата обращения: 10.02.2024).

ОБИХОДНЫЙ —

D_1 : (обыденный) относящийся к повседневному, обычному употреблению²⁵.

D_2 : употребляемый в обиходе; обыденный, повседневный²⁶.

Приведенные два определения эквивалентны. Поэтому соотношение между лингвистическим и обиходным определениями является совпадающим.

ГАЗЕТНЫЙ —

D_1 : то же, что газетно-публицистический. *Газетное выражение. Газетная речь. Газетный стиль*²⁷.

D_2 : прил. к газете. *Газетный лист. Газетное сообщение. Газетная статья* (ГАЗЕТА — периодическое издание, обычно ежедневное, в виде больших листов, освещающее текущие события в различных областях жизни, а также содержащее политические, критические и научно-популярные статьи). Присущий газете. *Газетный стиль. Газетный язык*²⁶.

По-видимому, в лингвистическом определении есть дополнительная сема «публицистический» по сравнению с обыденным определением. Но на самом деле как в лингвистической, так и в обиходной речи слово указывает на одно и то же значение, «связанный с газетой». Хотя словарные тексты, используемые в двух определениях, не совсем совпадают, определения считаются совпадающими, поскольку они оба указывают на одно и то же означаемое (даже примеры, показанные в словарях, одинаковые).

К последнему типу можно отнести также термины *табу*, *письменность* и другие.

Стоит отметить, что доля каждого типа семантических соотношений различна, что свидетельствует об их статистических особенностях (табл. 1).

Можно выделить два типа, характеризующиеся наибольшими долями: это тип 1 Включаемый/Конкретизирующий ($D_1 \subset D_2$) и тип 2 Пересекающийся ($D_1 \cap D_2 \neq \emptyset$). Доля количества случаев типа 4 Включающий/Расширяющий ($D_1 \supset D_2$) самая маленькая, сильно отличающаяся количественно от других типов. Помимо количественных характеристик, рассмотренные типы обладают и другими характеристиками.

²⁵ Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. С. 272–273.

²⁶ МАС. URL: <https://slovari.ru> (дата обращения: 10.02.2024).

²⁷ Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. С. 95.

Доля количества каждого типа семантических соотношений
Proportion of the number of each semantic relation's type

Тип	Количество	Доля, %
Тип 1 Включаемый/Конкретизирующий ($D_1 \subset D_2$)	25	25
Тип 2 Пересекающийся ($D_1 \cap D_2 \neq \emptyset$)	57	57
Тип 3 Не пересекающийся ($D_1 \cap D_2 = \emptyset$)	11	11
Тип 4 Включающий/Расширяющий ($D_1 \supset D_2$)	2	2
Тип 5 Совпадающий ($D_1 = D_2$)	5	5
Всего:	100	100

Тип 1 $D_1 \subset D_2$ воплощает общую закономерность, связывающую терминологию и общеупотребительную лексику: термин именуется понятие в профессиональных областях, его специальная семантика более узкая и подчинена его общеупотребительной семантике. Данный тип семантических отношений отражает лингвистическую специализацию, проявлением которой является «использование слова в лингвистическом тексте без изменения семантики» [5, с. 43].

Тип 2 $D_1 \cap D_2 \neq \emptyset$ тоже отражает семантические отношения, характерные для большинства консубстанциональных терминов. С изменением семантики эти слова могут получить новое значение соответственно в специальной и быденной речи, поэтому их специальное и неспециальное значения не полностью совпадают. Надо заметить, что специальное и общеупотребительное значения могут не совпадать, но считаются пересекающимися — это реализуется метафоризацией, результатом которой является «формирование нового значения по аналогии с фрагментом опыта, зафиксированным в семантике языковой единицы» [7, с. 33].

К типу 3 $D_1 \cap D_2 = \emptyset$ относятся термины, не имеющие ничего общего в специальном и быденном значениях. Поэтому термины данного типа относятся к омонимам. Они имеют одинаковую фонетическую оболочку, но называют совершенно разные понятия.

Тип 4 $D_1 \supset D_2$ нетипичен для терминологии, потому что очень редко лингвистическое определение слова имеет более широкое значение, чем общеупотребительное. Однако в словах такого типа возникает *расширение семантического объема* [12]. Слова развиваются в специальных областях

и получают новые значения, не существовавшие в быденной речи.

Тип 5 $D_1 = D_2$ отражает ситуацию, при которой специальное определение слова полностью совпадает с общеупотребительным значением. В этом случае оба определения указывают на одно и то же означаемое (обычно предмет или явление), хотя словарные тексты не совпадают.

Выводы и перспективы

Составление списка консубстанциональных лингвистических терминов является необходимым условием для проведения их семантического анализа. Процесс отбора терминов был разделен на два этапа: предварительный отбор и оптимизацию. После двух раундов отбора из «Словаря лингвистических терминов» О. С. Ахмановой было окончательно отобрано 530 лингвистических терминов, используемых также в качестве общеупотребительных слов.

Консубстанциональный лингвистический термин, будучи языковой единицей, употребляемой как в специальной, так и в быденной речи, может иметь разные означаемые, определяемые лингвистическим и общеупотребительным значениями. Проведя детальный сравнительный семантический анализ, мы выделили пять типов семантических соотношений между лингвистическим и общеупотребительным значениями слова, то есть больше, чем в работе Н. З. Котеловой, где выделено три типа. Это тип «Включаемый/Конкретизирующий» ($D_1 \subset D_2$), тип «Пересекающийся» ($D_1 \cap D_2 \neq \emptyset$), тип «Не пересекающийся» ($D_1 \cap D_2 = \emptyset$), тип «Включающий/Расширяющий» ($D_1 \supset D_2$) и тип «Совпадающий» ($D_1 = D_2$). Среди них для консубстанциональных лингвистических тер-

минов наиболее характерными типами являются типы «Включаемый/Конкретизирующий» и «Пересекающийся», а наименее характерным — тип «Включающий/Расширяющий».

Семантическая классификация может рассматриваться не только как продолжение традиционных лингвистических исследований, но и как одна из основ междисциплинарных исследований. С точки зрения перспектив данной работы консубстанциональные лингвистические термины предоставляют хороший материал для даль-

нейшего изучения процессов терминологизации, детерминологизации и транстерминологизации. Семантические соотношения между значениями консубстанциональных лингвистических терминов, возможно, оказывают положительное или отрицательное влияние на понимание данных терминов, этот вопрос может изучаться экспериментально (см. пример экспериментального исследования понимания терминов носителями русского языка [16]).

Список источников

1. Алексеев А. Б. Консубстанциональные термины «политика», «политик» в политическом и масс-медийном дискурсах // Лингвистика и образование. 2021. № 4. С. 7–19.
2. Анисимова А. Г. Мастерская переводчика: проблемы перевода консубстанциональных терминов гуманитарных наук // Вестник МГУЛ — Лесной вестник. 2015. № 6. С. 194–201.
3. Гринев-Гриневиц С. В. Терминоведение : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М. : Академия, 2008. 304 с.
4. Киселева С. В., Росянова Т. С. К построению типологии многозначности терминов // Вопросы когнитивной лингвистики. 2013. № 4 (37). С. 115–122.
5. Косова М. В. Терминологизация как процесс переосмысления русской общеупотребительной лексики : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2014. 51 с.
6. Котелова Н. З. К вопросу о специфике термина // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. М. : Наука, 1970. С. 122–126.
7. Мишанкина Н. А. Метафора в терминологических системах: функции и модели // Вестник Томс. гос. ун-та. Филология. 2012. № 4 (20). С. 32–45.
8. Немыка А. А., Пешков А. Н. Полифункциональность как конститутивное свойство современного термина лингвистики // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 3. С. 376–378.
9. Николаева Н. С. Явление консубстанциональности в английском языке для специальных целей (на примере терминологии «welding») // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 3-2. С. 128–131.
10. Николаева Н. С. Явление консубстанциональности в терминологии (на примере терминологии «сварка») // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 1–2. С. 15–19.
11. Носович Я.-Ф., Сорокина Э. А. Синонимия в отраслевых терминологиях: особенности проявления в языках медицины и лингвистики // Вестник МГОУ. Серия: Лингвистика. 2020. № 2. С. 22–33.
12. Рыжкова Т. С., Зайкова И. В. Семантический объем прилагательного *friendly* в современном английском языке // Вестник Том. гос. ун-та. Филология. 2016. № 72. С. 134–152.
13. Соколова М. А. Многозначность в терминологии: к вопросу о разграничении консубстанциональных слов и терминов // Преподаватель XXI век. 2016. № 1. С. 315–320.
14. Сорокина Э. А. О связи явления консубстанциональности слов с мышлением // Современное гуманитарное образование в социокультурном пространстве столичного мегаполиса. М. : Изд-во МГПИ, 2011. С. 212–219.
15. Сорокина Э. А. Особенности русского профессионального языка в области лингвистики // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2021. № 1. С. 82–91.
16. Хуан Ш. Понимание консубстанциональных лингвистических терминов носителями русского языка // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. № 4. С. 37–57.
17. Шмелева О. Ю. Анализ взаимодействия терминологической и общеупотребительной лексики на уровне текста // Вестник ЧелГУ. 2021. № 17. С. 149–155.

References

1. Alekseev AB. Consubstantial terms ‘politics’, ‘politician’ in the political and mass-media discourses. *Lingvistika i obrazovanie = Linguistics & education*. 2021;(4):7-19. (In Russ.).
2. Anisimova AG. Translator’s workshop: translation of consubstantial terms of the humanities. *Vestnik MGUL — Lesnoj vestnik = Forestry bulletin*. 2015;(6):194-201. (In Russ.).
3. Grinev-Grinevich SV. Terminovedenie: ucheb. posobie dlya stud. vyssh. ucheb. zavedenij = Terminology: a textbook for students of higher educational institutions. Moscow, Academia Publ.; 2008. 304 p. (In Russ.).
4. Kiseleva SV, Rosyanova TS. Towards the typology of terminological polysemy. *Voprosy kognitivnoj lingvistiki = Issues of cognitive linguistics*. 2013;4(37):115-122. (In Russ.).
5. Kosova MV. Terminologizaciya kak process pereosmysleniya russkoj obshhepotrebitel’noj leksiki = Terminologization as a process of rethinking Russian common vocabulary: Abstract of dissertation of the candidate of philological sciences. Nizhniy Novgorod; 2014. 51 p. (In Russ.).
6. Kotelova NZ. On the issue of term’s specificity. In: *Lingvisticheskie problemy nauchno-tehnicheskoy terminologii = Linguistic problems of scientific and technical terminology*. Moscow, Nauka Publ.; 1970. Pp. 122–126. (In Russ.).
7. Mishankina NA. Metaphor in terminological systems: functions and models. *Vestnik Tom. gos. un-ta. Filologiya = Tomsk State University Journal. Philology*. 2012;4(20):32-45. (In Russ.).
8. Nemyka AA, Peshkov AN. Polyfunctionality as constitutive feature of contemporary term of linguistics. *Gumanitarnye, social’no-e’konomicheskie i obshhestvennye nauki = Humanities, social-economic and social sciences*. 2014;(3):376-378 (In Russ.).
9. Nikolaeva NS. The phenomenon of consubstantiality in ESP (based on the “welding” terminology). *Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnyx i estestvennyx nauk = International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2021;3(2):128-131. (In Russ.).
10. Nikolaeva NS. The phenomenon of consubstantiality in terminology (on the basis of the “welding” terminology). *Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnyx i estestvennyx nauk = International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2021;1(2):15-19. (In Russ.).
11. Nosovich Y-F, Sorokina EA. Synonymy in professional terminologies: occurrence in languages for specific purposes of medicine and linguistics. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika = Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics*. 2020;(2):22-33. (In Russ.).
12. Ryzhkova TS, Zajkova IV. The semantic volume of the adjective *friendly* in modern English. *Vestnik Tom. gos. un-ta. Filologiya = Tomsk State University Journal of Philology*. 2016;(72):134-152. (In Russ.).
13. Sokolova MA. Polysemy in terminology: on differentiating between consubstantial words and terms. *Prepodavatel XXI vek = Teacher of the 21st century*. 2016;(1):315-320. (In Russ.).
14. Sorokina EA. On the connection of the phenomenon of words’ consubstantiality with thinking. In: *Sovremennoe gumanitarnoe obrazovanie v sociokul’turnom prostranstve stolichnogo megapolisa = Modern humanitarian education in the socio-cultural space of the capital metropolis*. Moscow, MGPI Publ.; 2011. Pp. 212–219. (In Russ.).
15. Sorokina EA. Features of the Russian professional language in the field of linguistics. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal’nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial’nye nauki = Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanitarian and Social Sciences*. 2021;(1):82-91. (In Russ.).
16. Huang S. Understanding consubstantial linguistic terms by Russian native speakers. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. 2023;21(4):37-57. (In Russ.).
17. Shmeleva OY. Analysis of the interaction of terminological and commonly used vocabulary at the text level. *Vestnik ChelGU = Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2021;(17):149-155. (In Russ.).

Информация об авторах

Ш. Хуан — аспирант кафедры фундаментальной и прикладной лингвистики Гуманитарного института.

М. К. Тимофеева — доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института математики СО РАН, профессор кафедры фундаментальной и прикладной лингвистики Новосибирского государственного университета.

Information about the authors

Sh. Huang — Postgraduate Student of the Department of Fundamental and Applied Linguistics, Institute for Humanities.

M. K. Timofeeva — Dr. Sci. (Philology), Associate Professor, Leading Researcher at the Sobolev Institute of Mathematics of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Professor at the Department of Fundamental and Applied Linguistics, Novosibirsk State University.

Статья поступила в редакцию 28.10.2024; одобрена после рецензирования 31.03.2025; принята к публикации 14.01.2026.

The article was submitted 28.10.2024; approved after reviewing 31.03.2025; accepted for publication 14.01.2026.

Вклад авторов: оба автора сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

СОЦИОЛИНГВИСТИКА, РЕГИОНАЛЬНЫЕ ВАРИАНТЫ ЯЗЫКА SOCIOLINGUISTICS, REGIONAL LANGUAGE VARIANTS

Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 2 (508). С. 50–58.
Bulletin of Chelyabinsk State University. 2026;(2(508):50-58.

Научная статья

УДК 811.1/.8

DOI: 10.47475/1994-2796-2026-508-2-50-58

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ НАТИВИЗАЦИЯ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ НИГЕРИЙСКОЙ ОНЛАЙН-ГАЗЕТЕ *PUNCH*

Татьяна Геннадьевна Волошина¹, Марина Дмитриевна Богданова¹,
Андрей Петрович Пересыпкин³

¹ Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород;
Московский международный университет, Москва, Россия,
tatianavoloshina@rambler.ru, 0000-0002-6839-9631

² Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия,
bogdanova-marina.busy@yandex.ru, 0009-0009-0324-2164

³ Воронежский государственный университет инженерных технологий, Воронеж, Россия, peressypkin@vsuet.ru,
0000-0001-7049-5705

Аннотация. Проводится сравнительно-сопоставительный анализ лексико-семантических особенностей британского и англоязычного нигерийского медиадискурса. Цель работы — определить специфику лексико-семантической нативизации английского языка в англоязычной нигерийской онлайн-газете *Punch*. Доказано, что англоязычная онлайн-газета *Punch* обладает уникальными свойствами: ограниченным перечнем тематических рубрик и незначительным объемом публикаций. Выявлено, что англоязычный нигерийский медиадискурс ориентирован в большей степени на репрезентацию таких социально значимых внутренних проблем нигерийского общества, как безработица, бедность, недостаточный уровень образования населения. Установлено, что английский язык в письменных текстах и видеоматериалах англоязычных нигерийских СМИ подвержен явлению «нативизация». При таком процессе происходит трансформация британского английского языка и американского варианта английского языка в условиях новых реалий. Отмечается, что лексико-семантическая нативизация в англоязычной нигерийской онлайн-газете *Punch* является продуктивным явлением, которое реализуется за счет таких высокочастотных форм, как типичные для нигерийской англоязычной среды аббревиатуры и акронимы, репрезентирующие экономическую, политическую и социальную специфику местного социума; лингвокультуры, проецирующие аспекты местной флоры и фауны, а также особенности местных гастрономических культур; модифицированные под местные условия фразеологические единицы, сохранившие этносоциокультурный код автохтонных лингвокультур. Обосновано, что к малопродуктивным формам лексико-семантической нативизации в англоязычной нигерийской онлайн-газете *Punch* относятся изменение значения исконно английских слов и заимствования из французского языка. Доказано, что выявленные типы лексико-семантической нативизации обусловлены необходимостью сохранения этнокультурного кода и продиктованы влиянием интерференции со стороны местных языков.

Ключевые слова: англоязычный нигерийский медиадискурс, британский медиадискурс, лексико-семантическая нативизация, аббревиатуры, лингвокультуры, заимствования

Для цитирования: Волошина Т. Г., Богданова М. Д., Пересыпкин А. П. Лексико-семантическая нативизация английского языка в англоязычной нигерийской онлайн-газете *Punch* // Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 2 (508). С. 50–58. DOI: 10.47475/1994-2796-2026-508-2-50-58.

Original article

LEXICAL AND SEMANTIC NATIVIZATION OF ENGLISH IN NIGERIAN ENGLISH ONLINE NEWSPAPER *PUNCH*

Tatyana G. Voloshina¹, Marina D. Bogdanova², Andrey P. Peresyppkin³

¹ Belgorod State National Research University, Belgorod; Moscow International University, Moscow, tatianavoloshina@rambler.ru, 0000-0002-6839-9631

² Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia, bogdanova-marina.busy@yandex.ru, 0009-0009-0324-2164

³ Voronezh State University of Engineering Technologies, Voronezh, peressypkin@vsuet.ru, 0000-0001-7049-5705

Abstract. The article provides a comparative analysis of the lexical and semantic features of British and Nigerian English media discourse. The object of the research work is to identify the specific features of the lexical and semantic English nativization process in Nigerian English online newspaper *Punch*. It is proven that Nigerian English online newspaper *Punch* has unique properties, such as a limited number of thematic sections and a small volume of publications. It has been revealed that Nigerian English media discourse is focused on representing such socially significant internal problems of Nigerian society as unemployment, poverty, and insufficient education levels. It has been established that English in written texts and video materials of Nigerian English media is subject to the phenomenon called “nativization”. This process involves the transformation of British English and American English in the context of new realities. It is proved that lexical nativization typical for the Nigerian English online newspaper *Punch* manifests in the form of the following deviations from the norms of British English and American English as abbreviations and acronyms representing the economic, political, and social specific features of the local society; language and cultural units that project aspects of the local flora and fauna, as well as the peculiarities of local gastronomic cultures; and idioms modified to local conditions, which preserve the ethnic, social and cultural code of indigenous cultures. It is substantiated that the low-productivity forms of lexical-semantic nativization in Nigerian English online newspaper *Punch* include changes in British English word meaning and borrowings from the French language. In conclusion, the authors conclude that deviations from the lexical norms of British English and the American version of English are associated with the influence of interference from local languages.

Keywords: Nigerian English media discourse, British media discourse, lexical-semantic nativization, abbreviations, linguocultural units, borrowings

For citation: Voloshina TG, Bogdanova MD, Peresyppkin AP. Lexical and Semantic Nativization of English in Nigerian English Online Newspaper *Punch*. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2026;(2(508):50-58. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2026-508-2-50-58.

Введение

В современном языкознании вопросы, направленные на изучение межъязыкового и межкультурного взаимодействия, продолжают интересовать специалистов широкого профиля. Английский язык в современном мировом сообществе обладает статусом средства глобального общения, в том числе и во многих странах Африки. Актуальность работы определяется недостаточным уровнем исследования особенностей вариантов английского языка в различных видах дискурса, в связи с чем возникает необходимость определения новых признаков вариантов английского языка в новых условиях.

Целью работы является выявление признаков нигерийского варианта английского языка на лексическом уровне в англоязычном нигерийском медиадискурсе.

В процессе анализа теоретической базы исследования были изучены труды отечественных

и зарубежных исследователей в области контактной вариантологии и специфики англоязычного нигерийского медиапространства. Так, в работах Т. Г. Волошиной выявляется специфика взаимодействия английского языка и автохтонных языков и культур Нигерии, а также рассматриваются особенности индигенизации английского языка в Нигерии [2; 3]. Вопросы взаимодействия английского языка и местных языков на примере Нигерии, ЮАР и Кении подлежат анализу в работе Т. Г. Волошиной, А. А. Мустафаевой, Э. А. Бочаровой [4]. Установление признаков нигерийского варианта английского языка в англоязычной медиасфере на примере популярных англоязычных онлайн-газет, журналов, блогов и социальных сетей Нигерии были проанализированы М. Д. Богдановой [1], Т. Г. Волошиной и Я. А. Глебовой [5]. О влиянии английского языка на состояние нигерийских языков и культур речь идет в работе О. Ф. Agbo и I. Plag [7]. Такие стадии изменения языков, как

«креолизация» и «пиджиназация», были исследованы в трудах А. О. Adedeji [6], А. Akintay [8], Е. Amadi [9].

Материалы и методы исследования

Исследование базируется на сочетании общих научных и частных лингвистических методов. В работе применяется метод оппозиции, при котором анализ лексических единиц в англоязычном нигерийском медиапространстве не происходит в сравнении с лексическими единицами в британском медиапространстве. Для подсчета высокочастотных и малочастотных типов лексических изменений английского языка в англоязычной нигерийской онлайн-газете Punch был использован метод количественного анализа.

Практическим материалом исследования послужили тексты письменных статей и видеоролики англоязычной нигерийской онлайн-газеты Punch за 2025 г.

Основная часть

Анализ лексико-семантической нативизации английского языка в англоязычном нигерийском медиадискурсе необходимо начать с изучения структурных особенностей онлайн-газеты Punch.

Специфика англоязычного нигерийского медиадискурса

Под медиадискурсом мы понимаем сочетание процессов речевой деятельности в сфере массовой коммуникации. Медиадискурс представляет собой сопряжение текстов в письменной (статьи, заметки, блоги) и устной (видеоролики, телепрограммы, радиопередачи) форме. Медиадискурс репрезентирует современное состояние языка, отражая его текущие фонетические, морфологические, лексические и синтаксические нормы, и является результатом трансформаций современного социума.

Анализ англоязычного нигерийского медиадискурса на примере онлайн-газеты Punch проводился в преломлении к британскому медиадискурсу на примере ежедневной онлайн-газеты Daily Mail, в результате чего были установлены следующие особенности, типичные для англоязычного нигерийского медиапространства:

1. Ограниченный перечень рубрик.

По сравнению с британской онлайн-газетой Daily Mail, в которую включены 14 рубрик (Home, News, Royals, US, Sport, TV, Showbiz, Femail, Health, Science, Money, Travel, Podcasts, Shopping), для онлайн-газеты The Punch количество рубрик составляет всего шесть (Home, News, Metro Plus, Business, Sports, Healthwise). Важно отметить,

что в британской газете рубрики подразделяются на подрубрики; в англоязычной нигерийской онлайн-газете некоторые рубрики имеют подрубрики (в состав рубрик Home и News входят подрубрики с видеointервью и материалами, посвященными выдающимся политическим, экономическим и культурным деятелям; к некоторым другим подрубрикам, например Sport и Travel, прилагаются добавочные видеоматериалы).

2. Незначительный объем статьи.

Если для британской онлайн-газеты Daily Mail объем среднестатистической статьи составляет от 750 до 1 400 слов, то для статей в англоязычной нигерийской онлайн-газете Punch объем статьи меньше в среднем на треть (в состав среднестатистической статьи входит от 450 до 900 слов).

3. Ориентированность на репрезентацию внутренних социальных проблем нигерийского общества.

В то время как британская газета Daily Mail отражает в примерно равной пропорции зарубежные и внутренние события, нигерийская англоязычная онлайн-газета Punch преимущественно фокусируется на внутригосударственных проблемах и событиях социальной значимости. В текстах статей газеты Punch часто затрагиваются проблемы безработицы, высокого уровня преступности, социального неравенства, низкого уровня образования.

4. Нативизация английского языка.

Процесс адаптации языка к реалиям контактирующих лингвокультур рассматривается нами как нативизация. Проанализируем специфику лексико-семантической нативизации английского языка в англоязычном нигерийском медиадискурсе.

Лексико-семантическая нативизация в онлайн-газете Punch

В ходе исследования были выявлены такие процессы лексико-семантической нативизации, как изменение значения (расширение и сужение лексического значения), аббревиатуры, фразеологизмы, лингвокультуремы. К высокочастотным лексико-семантическим процессам нативизации в текстах статей и видеороликах онлайн-газеты Punch относятся аббревиатуры (37%), лингвокультуремы (35%) и фразеологизмы (19%); к малочастотным принадлежат изменение значения (7%) и заимствования (2%).

Аббревиатуры как тип лексико-семантической нативизации в онлайн-газете Punch

В нашем исследовании были выявлены высокочастотные аббревиатуры, отражающие нигерийские экономические, политические и социальные реалии, например:

IG posts new DIGs to key police departments [13]. — Генеральный инспектор публикует новые данные о назначении своих заместителей.

Приведенный пример содержит в своем составе аббревиатуры *IG* — *Inspector General* — Генеральный инспектор и *DIGs* — *Deputy Inspectors General* — заместители генерального инспектора, которые отражают экономическую специфику Нигерии.

DIG Williams Adebawale takes charge of the Department of Information and Communication Technology, and DIG Bzigu Yakubu Kwazi assumes leadership of the Department of Operations [13] — Заместитель генерального инспектора Уильямс Адебовале возглавит департамент информационных и коммуникационных технологий, а заместитель генерального инспектора Бзигу Якубу Квази возглавит департамент операций.

Этот пример взят из рубрики «видео». В рассматриваемом примере функционирует акроним *DIG /dik/* — *Deputy Inspectors-General* — заместитель генерального инспектора.

A cross-section of the NNPP supporters believes that the suspension of Senator Kawu and the three House of Representatives members will not bode well for the party, given the crisis it faces at the national level [14]. — Значительная часть сторонников Новой народной партии Нигерии считает, что отстранение от должности сенатора Каву и трех членов Палаты представителей не сулит партии ничего хорошего, учитывая кризис, с которым она сталкивается на национальном уровне.

В приведенном примере функционирует аббревиатура *NNPP* — *New Nigeria People's Party* — Новая народная партия Нигерии, которая отражает политическую сферу нигерийского общества.

He then urged PANDEF leaders to take active steps in ensuring that the rulings of the courts are enforced [17]. — Затем он призвал лидеров Социального форума предпринять активные шаги для обеспечения исполнения судебных решений.

Анализируемый пример является частью видеоролика и содержит в себе акроним *PANDEF* — *The Pan Niger Delta Forum* — Социальный форум для обсуждения состояния страны и последних актуальных событий в регионе дельты реки Нигер. Этот акроним отражает национальную специфику в социальной сфере Нигерии.

Выявленные типы лексико-семантической нативизации английского языка отражают реалии местного социума.

Лингвокультуремы как тип лексико-семантической нативизации в онлайн-газете Punch

Лингвокультуремы являются необходимым строительным материалом, составляющим базу нигерийской культуры. В ходе исследования были выявлены лингвокультуремы тематических групп «животный мир», «продукты питания», «экономическая специфика», например:

The brand's new identity features a bold new look, including the rising sun, the Niger Bridge, and the Isi-Agu, symbolizing hope, progress, and strength — values that are central to Igbo heritage [10]. — Новый стиль бренда отличается смелым оформлением, в том числе изображением восходящего солнца и *Изи-Агу* (голова льва), символизирующих надежду, прогресс и силу — ценности, которые занимают центральное место в наследии игбо.

Приведенный пример содержит в своем составе лингвокультурему тематической группы «животный мир» *Isi-Agu* — голова льва (на языке игбо). Лев в культуре игбо олицетворяет дух мужества, стойкости и амбиций.

Obiagu is the essence of this campaign. It represents the hustler, the entrepreneur, the professional, the trader, and the individuals who create opportunities and redefine success despite the odds [10]. — Сердце льва — символ компании. Этот знак представляет предпринимателя, профессионала своего дела и людей, которые создают возможности и по-новому определяют успех, несмотря на сложности.

Как и в предыдущем примере, в примере функционирует лингвокультурема тематической группы «животный мир» *Obiagu* — сердце льва.

Ingredients: garri, melon seeds, palm oil, vegetables, wara, stockfish, or meat (optional). Why: Egusi soup is rich and can be made with or without meat, depending on your budget [11]. — Ингредиенты: крупа, семена дыни, пальмовое масло, овощи, творог, рыба или мясо (по желанию). Почему нужно попробовать это блюдо: суп Эгуси получается сытным и может быть приготовлен как с мясом, так и без него, в зависимости от вашего бюджета.

В приведенном примере содержится серия лингвокультурем тематической группы «продукты питания»: *garri* — крупа, *wara* — творог, *Egusi soup* — сытный суп, приготовленный на основе мяса, с добавлением большого количества овощей. Все эти лингвокультуремы представляют собой заимствования из местных языков — йоруба и игбо, отражающих реалии местных гастрономических культур.

Приведем другой пример:

Adalu is beans and corn porridge [11]. — Адалу — это каша из фасоли и кукурузы.

Как и в предыдущем примере, мы наблюдаем функционирование лингвокультурема тематической группы «продукты питания», типичной исключительно для нигерийской лингвокультуры.

Moi Moi is a versatile and protein-rich dish that can be eaten alone or as a side [11]. — *Mou mou* — универсальное и богатое белком блюдо, которое можно есть как отдельно, так и в качестве гарнира.

В этом примере содержится лингвокультурема *Moi Moi* — традиционное нигерийское блюдо, приготовленное из фасоли, перца, лука, масла, приправ, завернутое в пальмовые листья.

Akara is not only cost-effective but also easy to prepare, ensuring that you can eat well on a budget [11]. — Акара не только экономична, но и проста в приготовлении, поэтому вы сможете вкусно поесть с ограниченным бюджетом.

Традиционное нигерийское блюдо *akara* представляет собой недорогое блюдо, приготовленное из тушеной смеси батата, фасоли, перца и лука и может служить завтраком или легким ужином.

Since 2017, sukuk has facilitated the development of 124 road projects covering over 5,280 kilometers across Nigeria's six geopolitical zones, yet Nigeria remains a multi-religious nation, he noted [18]. — С 2017 года введенная особая форма долговых обязательств способствовала разработке 124 дорожных карт протяженностью более 5280 километров в шести нигерийских геополитических зонах, однако Нигерия остается многоконфессиональной нацией, отметил он.

В приведенном примере содержится лингвокультурема, отражающая экономическую специфику Нигерии, *sukuk* — особая форма экономических долговых обязательств, основанная на этических принципах.

Фразеологизмы как тип лексико-семантической манифестаций в онлайн-газете Punch

В ходе исследования было установлено, что наряду с исконно английскими фразеологизмами в англоязычном нигерийском медиадискурсе функционируют также и адаптированные к местным реалиям фразеологические единицы.

Примеры:

The protracted feud between Senate President Godswill Akpabio and Akpoti-Uduaghan reached a climax on Thursday, March 6, 2025, when the Senate wielded the big stick and suspended the Kogi Central Senator who accused the Senate president of sexual

harassment and abuse of office after a seat arrangement conflict on February 20, 2025 [16]. — Затянувшаяся вражда между президентом Сената Годсвиллом Акпабио и Акпоту-Удуаганом достигла апогея в четверг, 6 марта 2025 года, когда Сенат применил силу и отстранил от должности сенатора Центральной партии Когги, который обвинил президента в сексуальных домогательствах и злоупотреблении служебным положением после конфликта по распределению мест 20 февраля 2025 года.

В приведенном примере функционирует исконно английский фразеологизм *to reach a climax* — достичь кульминации.

The seat row wasn't the first between Akpabio and Akpoti-Uduaghan. In July 2024, the Senate President apologised to the female lawmaker over his nightclub comment against the female lawmaker [16]. — Спор между Акпабио и Акпоту-Удуаган был не первым. В июле 2024 года президент извинился за свой комментарий в ночном клубе в адрес представителя власти женского пола.

В этом примере содержится фразеологизм нигерийского варианта английского языка *the seat row* — спор, напряжение.

When we say good food translates into good health, we're emphasising the critical role that nutrition plays in maintaining and enhancing our well-being. The food we consume directly affects our body's functioning, energy levels, and overall health [11]. — Когда мы говорим, что хорошее питание — залог хорошего здоровья, мы подчеркиваем важную роль, которую играет правильное питание в процессе поддержания и улучшения нашего самочувствия. Пища, которую мы употребляем, напрямую влияет на наш организм, уровень энергии и общее состояние здоровья.

Как и в предыдущем примере, мы наблюдаем функционирование фразеологизма нигерийского варианта английского языка. Фразеологизм *good food translates into good health* — хорошее питание есть залог хорошего здоровья передает специфику нигерийской лингвокультуры.

Изменение значения как тип лексических манифестаций в онлайн-газете Punch

В процессе анализа письменных текстов статей и видеороликов было установлено, что для англоязычного нигерийского медиадискурса характерна приблизительно равная частотность сужения и расширения значения исконно английской лексики: расширение значения — 53%, сужение значения — 47%.

Примеры:

The most disturbing aspect of the Nigerian Senate hullabaloo around Natasha Akpoti-Uduaghan is that the Senate Leadership must be aware that her suspension for six months is ultra vires and also disrespectful to her constituents in Kogi State, but they don't care," Peterside stated, pledging that he stands with the female lawmaker amid her ordeal [16]. — Самым тревожным аспектом громкого скандала в Сенате Нигерии вокруг Наташи Акпоту-Удуаган является то, что руководство должно осознавать дальнейшие последствия — ее отстранение на шесть месяцев, а это является крупным нарушением закона, и также проявлением неуважения к ее избирателям в штате Когги, но им (властям) всё равно, отметил Питерсайд, пообещав свою поддержку женщине-законодателю в ее тяжелом испытании.

В британском английском языке лексическая единица *hullabaloo* употребляется в значении крик, шум; в нигерийском варианте английского языка выявленная лексическая единица расширяет свое значение и переводится как *крупный скандал, имеющий большие последствия*.

Jollof Rice. Ingredients: Rice, tomatoes, onions, pepper, oil, seasoning cubes. Why: A staple in many Nigerian homes, Jollof rice is affordable and can be prepared with or without protein, making it adaptable to various budgets [11]. — Рис Джоллоф. Ингредиенты: рис, помидоры, лук, перец, масло, приправы. Почему надо попробовать это блюдо: рис Джоллоф, который является основным продуктом питания во многих нигерийских домах, это — доступный продукт, который может быть приготовлен как с говядиной, так и без, что позволяет адаптировать это блюдо к любому семейному бюджету.

Лексическое значение единицы *protein* претерпевает изменения в нигерийском варианте английского языка и сужается, обозначая не белок, как в британском английском языке, а такой вид мяса, как *говядина*.

Заемствования как тип лексико-семантической нативизации в онлайн-газете *Punch*

В англоязычной нигерийской онлайн-газете *Punch* функционируют некоторые заимствования из французского языка, например:

*I'm very grateful for the relationship we have, both through our legal **attaché** and with these other offices here [19]. — Я очень благодарен за те отношения, которые у нас сложились, что стало возможным благодаря нашему помощнику по правовым вопросам и действиям местных учреждений.*

В рассматриваемом примере функционирует заимствованная из французского языка лексиче-

ская единица *attaché* — *помощник*, что объясняется экономическими причинами (сотрудничеством с соседней страной-франкофоном Камеруном).

*Many young Nigerians prefer **vin délicieux**, but not palm wine [16]. — Многие молодые нигерийцы сегодня предпочитают французское вино, а не традиционное пальмовое вино.*

Рассматриваемый пример содержит в своем составе заимствование из *vin délicieux*, которое во французском языке имеет значение *вкусное вино*, однако в нигерийском варианте английского языка рассматриваемое словосочетание меняет свое значение и употребляется относительно *молодого французского вина, которое любят пить молодые нигерийцы* (так как предпочитают следовать европейкой культуре).

Marché local is best to buy fresh vegetables [16]. — Свежие овощи лучше всего покупать на местных рынках.

В приведенном примере функционирует заимствование из французского языка *Marché local* — *местный рынок*. Многие нигерийцы имеют базовые знания французского языка на уровне бытового общения, что обусловлено экономической необходимостью сотрудничества с соседними странами-франкофонами.

Заключение

Таким образом, английский язык, формируя пространство англоязычного нигерийского медиадискурса на примере онлайн-газеты *Punch*, подвержен изменениям в условиях англо-нигерийского взаимодействия. Ограниченный перечень рубрик, незначительный объем публикаций, ориентация на репрезентацию внутренних проблем социума представляют собой уникальные свойства англоязычного нигерийского медиадискурса. Для исследуемого типа дискурса характерной особенностью является нативизация английского языка, представляющая собой процесс адаптации всех языковых уровней к новым реалиям. Лексическая нативизация английского языка в исследуемом типе дискурса выражается в виде функционирования высокочастотных аббревиатур и акронимов, отражающих экономические, политические, социальные реалии местной жизни; лингвокультурем, репрезентирующих специфику местного животного мира, гастрономической культуры, социальных реалий; фразеологизмов, адаптированных к специфике местного социума. Малочастотными лексико-семантическими процессами, отражающими сущность нативизации, в онлайн-газете *Punch*, являются такие процессы,

как изменение значения исконно английской лексики и заимствования. Отклонения от норм британского английского языка и американского варианта английского языка продиктованы необходимостью адаптации языка, в том числе и на уровне

лексики. Лексико-семантическая нативизация английского языка в англоязычном нигерийском медиадискурсе служит этносоциокультурным маркером местной самобытности.

Список источников

1. Богданова М. Д. К вопросу становления нигерийского варианта английского языка на примере британской и нигерийской прессы // *Russian Linguistic Bulletin*. 2024. № 4. DOI: 10.18454/RULB.2024.52.24.
2. Волошина Т. Г. Английский язык в Африке: лингвокультурологический аспект. М. : Флинта, 2020. 188 с.
3. Волошина Т. Г. Нигерийский вариант английского языка: лингвокультурологическая адаптация // *Вопросы современной лингвистики*. 2024. № 1. С. 15–24.
4. Волошина Т. Г., Мустафаева А. А., Бочарова Э. А. Лексические и грамматические особенности английского языка в Африке // *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика*. 2024. Т. 14, № 1. С. 57–64.
5. Волошина Т. Г., Глебова Я. А. Пиджинизация как лингвокультурный феномен (на примере африканской лингвокультуры) // *Вестник Костромского государственного университета*. 2024. Т. 30, № 2. С. 183–189.
6. Adedeji A. O. Analysis of use of English and indigenous languages by the press in selected African cultures // *Arabian Journal of Business and Management Review (OMAN Chapter)*. 2015. Vol. 4, № 8. P. 35–45.
7. Agbo O. F., Plag I. The Relationship of Nigerian English and Nigerian Pidgin in Nigeria: Evidence from Copula Constructions in Ibo-Nigeria // *Journal of language contact*. 2020. № 13. P. 351–388.
8. Akintay A. Nigerian English: Challenges and Prospects // *International Journal of English Studies (IJOES)*. 2024. № 1. P. 12–18.
9. Amadi E. New Englishes from the Nigerian Languages in social media // *Sapientia Global Journal of Arts, Humanities and Development Studies (SGOJAHDS)*. 2023. Vol. 6, no. 4. P. 1–8.
10. Excitement as NB relauches Life beer, 2025. URL: <https://punchng.com/excitement-as-nb-relauches-life-beer/> (дата обращения: 14.03.2025).
11. Hardship: Top 10 pocket-friendly Nigerian meals, 2025. URL: <https://punchng.com/hardship-top-10-pocket-friendly-nigerian-meals/> (дата обращения: 14.03.2025).
12. Hymes D. Pidginization and Creolization of Languages: Their Social Contexts // *International Journal of the Sociology of Language*. 2020. Vol. 4, № 2. P. 99–109.
13. IG posts new DIGs to key police departments, 2025. URL: <https://punchng.com/ig-posts-new-digs-to-key-police-departments> (дата обращения: 16.03.2025).
14. Kawu, three others suspension by NNPP inconsequential — Factional chairman, 2025. URL: <https://punchng.com/kawu-three-others-suspension-by-nnpp-inconsequential-factional-chairman/> (дата обращения: 16.03.2025).
15. Khan I., Akter S. Pidgin and Creole: Concept, Origin and Evolution // *British Journal of Arts and Humanities*. 2021. Vol. 6, № 3. P. 164–170.
16. Natasha's suspension disrespectful to constituents, ultra vires — Atedo Peterside, 2025. URL: <https://punchng.com/natashas-suspension-disrespectful-to-constituents-ultra-vires-atedo-peterside/> (дата обращения: 14.03.2025).
17. Rivers crisis: Tinubu urges political actors to respect court rulings, 2025. URL: <https://punchng.com/rivers-crisis-tinubu-urges-political-actors-to-respect-court-rulings/> (дата обращения: 14.03.2025).
18. Shari'ah law will enhance Nigerian justice system — Islamic scholar, 2025. URL: <https://punchng.com/shariah-law-will-enhance-nigerian-justice-system-islamic-scholar/> (дата обращения: 14.03.2025).
19. US pledges support for EFCC's anti-corruption war, 2025. URL: <https://punchng.com/us-pledges-support-for-efccs-anti-corruption-war/> (дата обращения: 16.03.2025).

References

1. Bogdanova MD. On the issue of the Nigerian English formation using the example of the British and Nigerian press. *Russian Linguistic Bulletin*. 2024;(4). DOI: 10.18454/RULB.2024.52.24. (In Russ.)
2. Voloshina TG. Anglijskij yazyk v Afrike: Lingvokul'turologicheskij aspekt = English in Africa: A linguistic and cultural aspect. Moscow; 2020. 188 p. (In Russ.)
3. Voloshina TG. Nigerian English: linguistic and cultural adaptation. *Issues of modern linguistics*. 2024;(1): 15-24. (In Russ.)
4. Voloshina TG, Mustafayeva AA, Bocharova EA. Lexical and grammatical features of the English language in Africa. *Proceedings of the Southwestern State University. Series: Linguistics and Pedagogy = Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika*. 2024;14(1):57-64. (In Russ.)
5. Voloshina TG, Glebova YaA. Pidginization as a linguocultural phenomenon (on the example of American linguoculture). *Bulletin of Kostroma State University = Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2024;3(2):183-189. (In Russ.)
6. Adedeji AO. Analysis of use of English and indigenous languages by the press in selected African cultures. *Arabian Journal of Business and Management Review (OMAN Chapter)*. 2015;4(8):35-45.
7. Agbo OF, Plag I. The Relationship of Nigerian English and Nigerian Pidgin in Nigeria: Evidence from Copula Constructions in Ice-Nigeria. *Journal of language contact*. 2020;(13):351-388.
8. Akintay A. Nigerian English: Challenges and Prospects. *International Journal of English Studies (IJOES)*. 2024;(1):12-18.
9. Amadi E. New Englishes from the Nigerian Languages in social media. *Sapientia Global Journal of Arts, Humanities and Development Studies (SGOJAHDS)*. 2023;6(4):1-8.
10. Excitement as NB relaunched Life beer, 2025. Available from: <https://punchng.com/excitement-as-nb-relaunched-life-beer/> (дата обращения: 14.03.2025).
11. Hardship: Top 10 pocket-friendly Nigerian meals, 2025. Available from: <https://punchng.com/hardship-top-10-pocket-friendly-nigerian-meals/> (дата обращения: 14.03.2025).
12. Hymes D. Pidginization and Creolization of Languages: Their Social Contexts. *International Journal of the Sociology of Language*. 2020;4(2):99-109.
13. IG posts new DIGs to key police departments, 2025. Available from: <https://punchng.com/ig-posts-new-digs-to-key-police-departments> (дата обращения: 16.03.2025).
14. Kawu, three others suspension by NNPP inconsequential — Factional chairman, 2025. Available from: <https://punchng.com/kawu-three-others-suspension-by-nnpp-inconsequential-factional-chairman/> (дата обращения: 16.03.2025).
15. Khan I, Akter S. Pidgin and Creole: Concept, Origin and Evolution. *British Journal of Arts and Humanities*. 2021;6(3):164-170.
16. Natasha's suspension disrespectful to constituents, ultra vires — Atedo Peterside, 2025. Available from: <https://punchng.com/natashas-suspension-disrespectful-to-constituents-ultra-vires-atedo-peterside/> (дата обращения: 14.03.2025).
17. Rivers crisis: Tinubu urges political actors to respect court rulings, 2025. Available from: <https://punchng.com/rivers-crisis-tinubu-urges-political-actors-to-respect-court-rulings/> (дата обращения: 14.03.2025).
18. Shari'ah law will enhance Nigerian justice system — Islamic scholar, 2025. Available from: <https://punchng.com/shariah-law-will-enhance-nigerian-justice-system-islamic-scholar/> (дата обращения: 14.03.2025).
19. US pledges support for EFCC's anti-corruption war, 2025. Available from: <https://punchng.com/us-pledges-support-for-efccs-anti-corruption-war/> (дата обращения: 16.03.2025).

Информация об авторах

Т. Г. Волошина — доктор филологических наук, доцент.

М. Д. Богданова — аспирант кафедры романо-германской филологии и межкультурной коммуникации.

А. П. Пересыпкин — кандидат педагогических наук, доцент.

Information about the authors

T. G. Voloshina — Dr. Sci. (Philology), Associate Professor.

M. D. Bogdanova — Postgraduate Student of the Department of Romano-Germanic Philology and Intercultural Communication.

A. P. Peresyarkin — Cand. Sci. (Philology), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 01.10.2025; одобрена после рецензирования 13.10.2025; принята к публикации 14.01.2026.

The article was submitted 01.10.2025; approved after reviewing 13.10.2025; accepted for publication 14.01.2026.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

**КОНЦЕПТОЛОГИЯ, ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ,
КОГНИТИВНАЯ МЕТАФОРА
CONCEPTOLOGY, LINGUOCULTUROLOGY,
COGNITIVE METAPHOR**

---

*Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 2 (508). С. 59–67.
Bulletin of Chelyabinsk State University. 2026;(2(508):59-67.*

Научная статья

УДК 81

DOI: 10.47475/1994-2796-2026-508-2-59-67

**МЕСТО КОНЦЕПТА ГРАНИЦА
В СТРУКТУРЕ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ КАТЕГОРИИ СЕМЬЯ**

Татьяна Владимировна Борисенко

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, tatiana-tv11@yandex.ru, 0000-0002-7965-9777

Аннотация. Рассматривается положение концепта ГРАНИЦА в трех слоях концептуальной категории СЕМЬЯ: обыденном, психологическом и политико-правовом. В работе проводится краткий обзор теоретических источников по вопросам категоризации. Предлагается выделить понятие «концептуальная категория» как укрупненное ментальное образование, объединяющее концепты вокруг одного категориального концепта. Концепт ГРАНИЦА представлен элементом концептуальной категории СЕМЬЯ. Для определения его положения в структуре категории проводится анализ содержания концепта в разных видах дискурса. Выделены такие понятийные признаки концепта, как «является острым выступом» и «является краем». Всего автором выделено 20 признаков концепта ГРАНИЦА. В семейной сфере каждого из дискурсов вербализовано до пяти признаков. Отмечено, что данный элемент находится в относительно одинаковом положении в разных слоях категории. Подчеркивается реализация разных признаков с неодинаковой степенью яркости в каждом из слоев. В обыденном дискурсе границы связаны с определенными неофициальными правилами, регулирующими взаимоотношения между членами семьи и посторонними (чужими), семья важна как целое. В психологическом дискурсе основной акцент сделан на индивидуальных (личностных) границах членов семьи. В политико-правовом дискурсе границы семьи являются юридическим критерием.

Ключевые слова: концепт, концептуальная категория, семья, граница, обыденный дискурс, психологический дискурс, политико-правовой дискурс

Для цитирования: Борисенко Т. В. Место концепта ГРАНИЦА в структуре концептуальной категории СЕМЬЯ // Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 2 (508). С. 59–67. DOI: 10.47475/1994-2796-2026-508-2-59-67.

Original article

**POSITION OF THE CONCEPT BORDER (ГРАНИЦА) IN THE CONCEPTUAL
CATEGORY FAMILY (СЕМЬЯ)**

Tatyana V. Borisenko

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, tatiana-tv11@yandex.ru, 0000-0002-7965-9777

Abstract. The article examines the position of the concept BORDER in three layers of the conceptual category FAMILY: everyday, psychological, and political. The work provides a brief overview of theoretical sources on categorization. It proposes the idea of a conceptual category as a larger mental formation that unites concepts around a single categorical concept. The concept BORDER is presented as an element of the conceptual category FAMILY. To determine its position in the category structure, the author analyzes the content of the concept in different types of discourse. The motivational features of the concept are distinguished. In total, the author highlights 20 features

of the concept BORDER. In the family sphere, up to 5 features are realized in each of the discourses. It is noted that this element is in a relatively similar position in different layers of the category. The implementation of different features with varying degrees is emphasized. In everyday discourse, borders are connected to certain informal rules governing the relationship between family members and outsiders (strangers), the family is important as a whole. In psychological discourse, the main emphasis is placed on the individual (personal) boundaries of family members. In political and legal discourse, family boundaries are a legal criterion.

Keywords: concept, conceptual category, family, border, everyday discourse, psychological discourse, political and legal discourse

For citation: Borisenko TV. Position of the Concept BORDER (ГРАНИЦА) in the Conceptual Category FAMILY (СЕМЬЯ). *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2026;(2(508):59-67. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2026-508-2-59-67.

Введение

Семья является одним из фундаментальных понятий в социально-гуманитарном знании. Оно выступает объектом исследования социологии, антропологии, психологии, лингвистики. В современных условиях содержание данного понятия становится более сложным и наполняется новыми смыслами. В связи с этим представляется важным изучение концептуальной категории, объединенной категориальным концептом СЕМЬЯ. Считаем, что элементы неравномерно распределены в разных слоях категории. В качестве примера для исследования положения элементов в категории использован концепт ГРАНИЦА, который обладает признаками разной степени выраженности в бытовом, психологическом и политико-правовом дискурсе. Целью данной статьи является определение особенностей наполнения и положения концепта ГРАНИЦА как элемента концептуальной категории СЕМЬЯ. Используются дефиниционный, этимологический, сопоставительный метод, метод концептуального анализа.

Элементы концептуальной категории

Отечественные и зарубежные исследования в области категоризации и концептуализации подтверждают важную роль данных процессов в познании мира [1; 9; 10; 15; 17 и др.]. Согласно В. А. Масловой, категоризация является когнитивным расчленением «реальности, сущность которой заключается в делении онтологического пространства на различные категориальные области» [12, с. 41]. Концепты также подвергаются процессу категоризации. В работе мы придерживаемся определения Н. Н. Болдырева, согласно которому концепты — «это единицы концептуального содержания, выделяемые человеком с целью последующей передачи их в языковой форме или дальнейшего накопления знаний о мире» [3, с. 18].

Проблемой структурирования концептов в сознании человека занимались М. В. Малинович [11],

Е. И. Голованова [5], А. Н. Доборович и В. А. Кузьмичева [8], Н. Н. Болдырев [2] и другие. На основе их исследований мы сделали выводы о том, что в сознании человека концепты организуются вокруг категориального концепта в категориальные структуры. Мы определяем категориальный концепт как концепт, лежащий в основе группировки концептов и организующий структуру ментальной категории. Категорию, образованную на основе категориального концепта, называем концептуальной категорией и определяем как укрупненное ментальное образование, представляющее собой группировку концептов вокруг одного концепта на основе частных общих и схожих мотивационных и понятийных признаков или взаимообратных признаков. Концепты, принадлежащие концептуальной категории, являются субкатегориальными.

Е. В. Дзюба среди методологических принципов исследования языковой категоризации называет принцип континуально-когнитивной относительности и принцип контекстно-когнитивной детерминированности [6, с. 82–87]. Первый основан на отличии когнитивных структур в различных сферах человеческого знания. Второй принцип предполагает идею о том, что «тип категоризации и актуальные для него существенные признаки определяют членство, особенности структуры и границы категории» [7, с. 2224]. На основе этого можно заключить, что структура концептуальной категории представляет собой объемное образование, которое актуализируется через наличие слоев, содержащих разные грани восприятия категориального концепта и включающих элементы, принадлежащие различным сферам деятельности человека (профессиональным, социальным и т. п.). Один и тот же субкатегориальный концепт может относиться к разным слоям структуры, реализуя тот или иной признак.

Признак концепта представляет собой аспект знания, являющийся отличительной чертой данной ментальной единицы и актуализирующий-

ся в контексте окружающей действительности [4, с. 663]. Выделяют разные типы признаков: мотивирующие, образные, понятийные, категориальные, символические [13, с. 130–131], дифференцирующие [14, с. 80], контекстно-зависимые и контекстно-независимые [16, с. 82–83] и другие. Для построения концептуальной категории важную роль играют общие (имеющие идентичные формулировки), схожие (обладающие близкими по смыслу формулировками) и взаимообратные (отсылающие друг на друга) признаки [4, с. 666].

Рассмотрим положение концепта ГРАНИЦА в структуре концептуальной категории СЕМЬЯ в русском языковом сознании.

Мотивационные признаки концепта ГРАНИЦА

Авторы этимологических словарей сходятся во мнении о происхождении лексемы *граница*. В словаре Г. П. Цыганенко указано, что слово образовано с помощью праславянского корня *грань* и суффикса *-иц*, который, возможно, имеет уменьшительное значение. Корень, вероятно, обозначал «остриё», «острый выступ». Позже приобрел значения «край», «кромка», отсюда «край земли, государства»¹. Отмечено также, что гранью в XIV в. называли знак, зарубку в виде двух перекрещивающихся линий, который ставили на деревьях на границе земельных или бортовых участков².

Таким образом, мотивационными признаками концепта ГРАНИЦА являются признаки «является острым выступом» и «является краем».

Признаки концепта ГРАНИЦА, актуализированные в обыденном дискурсе

На сегодняшний день лексема *граница* имеет несколько значений. В словаре Д. Н. Ушакова представлены такие дефиниции, как «линия раздела между двумя владениями, областями»; «предел, конец; допустимая норма»³. В словаре С. А. Кузнецова приведены определения: «условная линия раздела между территориями, рубеж»; «то, что определяет, отличает одно от другого»; «допустимая норма, предел»⁴. В словаре С. И. Ожегова

граница — «линия раздела между территориями, рубеж»; «предел, допустимая норма»⁵.

Дефиниции позволяют выделить такие понятийные признаки концепта в обыденном дискурсе, как «является линией раздела между территориями», «является допустимой нормой», «является пределом», «содержит в себе отличие от других элементов».

Обратимся к русскому ассоциативному словарю под редакцией Ю. Н. Караулова⁶. На стимул *граница* предложено 105 ассоциатов, из них различных реакций — 70. Первые две наиболее частотные реакции — *на замке* (актуализирует признак «наличие запрета на нарушение») и *государственная* (актуализирует признак «является линией раздела между территориями»). Данные признаки реализованы ярко и представлены также другими ассоциатами. Так, «наличие запрета на нарушение» актуализировано через реакции *защищена, закрыта, захлопнута = на замке* (всего 16 реакций). Данный признак тесно связан с признаком «находится под охраной», который, помимо указанных стимулов, реализован в таких ассоциатах, как *собака, застава, шлагбаум, пограничник, не пройдёшь* и др. Всего 27 реакций. Признак «является линией раздела между территориями» актуализируется в ассоциатах, связанных с государственной (*страны, государства, СССР, Родины, с Турцией* и т. п.) и территориальной границей (*земли, у города, территории*). Всего 26 реакций. Значительно менее ярко проявляется признак «может быть нарушена». Он выражен через три ассоциата: *открыта, шпион, нарушитель*.

Признак «является линией раздела между территориями» имеет более обобщенный вариант — «является линией раздела». В данном случае он актуализирован через реакции со значением *линия: черта, линия, полоса, грань, река* (как разделитель), *лесок* (как разделитель). Всего 10 ассоциатов.

Отмечен признак «является пределом», который выражает завершение чего-либо, конец (*предел, препятствие, тьма, возможностей, допустимого, познаваемого, совести, сознания*). Кроме того, ассоциаты *возможностей, допустимого, познаваемого, совести, сознания* актуализируют признак «является концептуальным пределом». Признаки выражены неярко. При этом присутствует также

¹ Цыганенко Г. П. Этимологический словарь русского языка. Киев: Рад. шк., 1989. С. 94.

² Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. 1. М.: Рус. яз., 1999. С. 213.

³ Ушаков Д. Н. Толковый словарь современного русского языка. М.: Аделанит, 2014. С. 102.

⁴ Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 1998. С. 226.

⁵ Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / под общ. ред. Л. И. Скворцова. М.: Мир и образование: Оникс, 2012.

⁶ Русский ассоциативный словарь / под ред. Ю. Н. Караулова. URL: <http://tesaurus.std-555.ist.mospolytech.ru/dict/> (дата обращения 08.12.2025)

противоположный признак «является началом» (*путь, перекрёсток, жизнь*).

Так как главной задачей данного исследования является определение места концепта ГРАНИЦА в структуре концептуальной категории СЕМЬЯ, то основное внимание уделим признакам, реализуемым в рамках семейного вектора. Рассмотрим пословицы, актуализирующие анализируемый концепт. В качестве источника использованы разделы «муж — жена», «семья — родня», «дети — родины» и «одинокость — женитьба» словаря В. И. Даля⁷. Выделено более 60 пословиц, реализующих концепт ГРАНИЦА. Реализация концепта в рамках семейного дискурса указывает на наличие такого признака, как «присутствует у семьи».

Первое, что следует отметить — это связь концепта ГРАНИЦА с дихотомией концептов СВОЙ — ЧУЖОЙ. В пословицах отражена идея невмешательства посторонних людей (чужих) в семейные дела: *не суди мужа с женой! Жену с мужем Бог разбирает, муж с женой ругайся, а третий не мешайся!* Также акцентируется внимание на наличие у членов семьи приоритета перед чужими: *жалуй своих; а там и чужих, своя собака лайся, чужая не впрядай!* Приоритет выражается не только в исполнении каких-либо дел для родных или посторонних людей, но и в выражении положительных или отрицательных эмоций по отношению к своим детям, супругам и т. п.: *свое дитя и горбато, да мило; всякому свое дитя милое, чужая жена — лебёдушка, а своя — польнь горькая*. Отмечается запрет на нарушение границ в обе стороны. Чужим запрещено вмешиваться в дела семьи, в то же время членам семьи, особенно мужьям и женам, запрещено уходить за пределы семьи: *на чужих жен не заглядывайся, а за свою пригляди!; мужнин грех за порогом остаётся, а жена всё домой несёт*. Кроме того, можно выделить особое положение детей (особенно дочерей), которые, когда вырастут, «нарушат границу» и перейдут в другую семью: *дочь — чужое сокровище; холь да корми, учи да стереги, да в люди отдай*. Таким образом, актуализируются такие признаки, как «наличие запрета на нарушение», «имеет функцию разделения на своих и чужих», «позволяет расставлять приоритеты». Лексически отмеченные признаки вербализуются через слова *свой, чужой* и их производные: *свое дитя, чужая жена, своя собака, чужое сокровище, в своей семье* и т. п.

Признак «наличие запрета на нарушение» границы проявляется в пословицах о дальних род-

ственников. Основная мысль таких единиц — наличие возможности исключения человека из семьи (выхода за границы семьи) / невключение в круг семьи по причине крайне отдаленного родства. В словаре В. И. Даля встретилось более 20 пословиц с таким значением: *десятая вода на киселе, это барской курицы племянник* и другие.

С концептом ГРАНИЦА тесно связано понятие *единство*. Члены семьи должны держаться вместе: *вся семья вместе, так и душа на месте*. Разбираться в своих отношениях сами (*Что за счёты, что нам считается? — Свои, сочтемся*), они объединены вместе как пальцы на руке (*который палец не укуси — всё одно: всё больно*). В данных примерах реализуется признак «наличие объединяющей функции».

Таким образом, в обыденном дискурсе выделено 11 признаков. Признаки «наличие запрета на нарушение», «имеет функцию разделения на своих и чужих», «позволяет расставлять приоритеты» и «наличие объединяющей функции» ярко актуализированы в обыденном семейном дискурсе.

Признаки концепта ГРАНИЦА, актуализированные в психологическом дискурсе

В словарях по психологии не обнаружено определение границы. Вероятно, данное понятие не является значимым для психологической науки. Лексема *граница* и ее производные использованы 70 раз в «Большом психологическом словаре» под редакцией Б. Г. Мещерякова и В. П. Зинченко⁸ и 21 раз в «Кратком психологическом словаре» А. Л. Свенцицкого⁹.

В психологическом дискурсе граница «является линией раздела между явлениями». Лексема используется в контексте разъединения функций (*граница между психическими и высшими психическими функциями*), наук (например, наук о человеке и обществе: *проводить границу между ними*), нормы и не нормы (*на границах зоны нормального функционирования; всё это находится в границах нормы*) и т. п. В последнем примере актуализирован также признак «является допустимой нормой».

В рассматриваемом виде дискурса большое внимание уделено человеку, его психической деятельности, поэтому здесь актуализирован такой признак концепта ГРАНИЦА, как «является линией

⁸ Большой психологический словарь / под ред. В. П. Зинченко, Б. Г. Мещерякова. М. : СПб. : АСТ : АСТ-Москва : Прайм-Еврознак. 2008. 811 с.

⁹ Краткий психологический словарь / сост. А. Л. Свенцицкий. М. : Проспект, 2014. 512 с.

раздела между физическим и психическим»: *проводя четкую границу между физическим и психическим*. Физические показатели важны для понимания психической деятельности индивида, что отражается в реализации признака «является пределом» в рамках возможностей человека (*граница воспринимаемых частот, границы объема и прочности запоминания, границы поля зрения и другие*), классификаций (*возрастных границ юности*), эмоционального спокойствия (*сила раздражения переходит границы*) и т. п.

Наличие внимания к индивидуальному и личностному актуализирует признак «имеет функцию разделения на своих и чужих», который проявляется в отличии своей группы от чужой (*поддержание нормативных и физических границ групп*). В то же время отмечается выделение отдельной личности от остальных (*граница между человеком и средой; нарушение ощущения границы между «Я» и «другим»*), что актуализирует признак «имеет функцию разделения на индивидуальное и коллективное».

Рассмотрим признаки концепта ГРАНИЦА, реализованные в семейном психологическом дискурсе. В качестве материала для анализа использованы заголовочные комплексы статей по психологии, опубликованные на сайте e-library¹⁰. На запрос *границы семьи* предложено более 500 статей.

Так как мы рассматриваем сайт с научными публикациями, то признак «наличие предела» вербализуется в словосочетаниях об ограничении области исследования: *в границах изучения социологии, о границах теории, в границах традиционного общества* и другие.

Что касается семьи, то в первую очередь обращает внимание наличие двух подходов к определению ее границ. С одной стороны, это выделение семьи как группы, отделение ее от других элементов социума (индивидов, групп), определение ее внешних границ: *представления о семье и ее границах, внешние границы семьи, влияние [семейных тайн] на семейные границы, пределы расширения границ семьи и брака* и т. п. В указанных примерах вербализуется признак «имеет функцию разделения на своих и чужих». С другой стороны, это определение роли и места каждого члена семьи либо малой группы внутри семьи (сиблингов, молодых супругов, матери и младенца и т. п.) и их отделение от других членов семьи: *нарушились личные границы, отсутствие границ*

в семье, деформация границ семейных подсистем, границы «мужского», психологические границы личности подростка, у каждого члена семьи есть свое пространство, построение внутренних границ семьи между парами (при совместном проживании молодой семьи с родителями), уважение личных границ, трудности в установлении границ, межличностные границы в семье и другие. Здесь актуализируется признак «имеет функцию разделения на индивидуальное и коллективное». Следует отметить, что количество примеров, реализующих второй признак, значительно больше, чем примеров, вербализующих первый признак (из 60 рассмотренных статей вопросы о личных границах членов семьи обсуждаются в 52 заголовочных комплексах, а тема границ всей семьи — в 8), что говорит о яркости признака «имеет функцию разделения на индивидуальное и коллективное» в семейном психологическом дискурсе.

Во многих примерах, указанных в предыдущем абзаце, отмечено также присутствие признака «наличие запрета на нарушение». Установление границ семьи целиком или границ каждого члена семьи предполагает нежелательность их нарушения. Данный признак особенно выделяется благодаря сочетаниям с лексемами *нарушение, установление, есть* и т. п.

Таким образом, очевидно, что концепт ГРАНИЦА в рамках психологического слоя концепта СЕМЬЯ обладает четырьмя признаками, наиболее ярким из которых является признак «имеет функцию разделения на индивидуальное и коллективное».

Признаки концепта ГРАНИЦА, актуализированные в политико-правовом дискурсе

В политических и юридических словарях отсутствует отдельное определение для понятия граница, но есть статьи, определяющие государственную границу. Понятие *граница* в основном употребляется как линия, определяющая пределы государства или территории. Так, в «Большом юридическом словаре»¹¹ использованы словосочетания: *к границам или берегам государства, государственная граница РФ, по сухопутным границам, на границах между двенадцатью странами* и другие (про государства), *в границах охранных зон, в границах национальных парков, земельный участок в установленных границах* и другие (про различные территории). Таким образом, концепт ГРАНИЦА в политико-правовом дискурсе

¹⁰ Научная электронная библиотека e-library. URL: https://www.elibrary.ru/query_results.asp (дата обращения 10.12.2025)

¹¹ Борисов А. Б. Большой юридический словарь. М. : Книжный мир, 2010. 848 с.

в первую очередь реализует признак «является линией раздела между территориями».

Рассмотрим материалы Семейного кодекса Российской Федерации¹², в которых определены ключевые направления государственной политики по отношению к семье как социальному институту. Сама лексема *граница* не используется в Семейном кодексе, при этом в тексте присутствуют лексические единицы, формирующие понятие *семейные границы* через конкретные права, обязанности, запреты и т. п., и, соответственно, реализующие признаки концепта ГРАНИЦА.

В первую очередь, отметим наличие признаков «имеет функцию разделения на своих и чужих» и «имеет функцию разделения на индивидуальное и коллективное». Первый вербализуется посредством описания семьи как единого целого и указания на запрет вмешательства внешних сил в ее внутренние дела (*разрешения внутрисемейных вопросов, по взаимному согласию, недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в дела семьи, свои отношения в семье*), второй — через описание прав, которые имеет каждый член семьи (*ребенок имеет право на защиту, не вправе причинять вред физическому и психическому здоровью детей, ребенок вправе выражать свое мнение, каждый из супругов свободен в выборе рода занятий*). Указанные примеры ярко реализуют признаки «наличие запрета на нарушение», «необходимость в соблюдении», проявляющиеся как определение условий, при которых государство или иные структуры и лица не имеют права вмешиваться в дела семьи, и как утверждение того факта, что члены семьи не могут нарушать личностные права друг друга.

В рассматриваемом документе видно несколько подходов к пониманию границы. С одной стороны,

¹² Семейный кодекс РФ. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102038925&ysclid=mizsqfs7hf595105214> (дата обращения 11.12.2025)

границы выделяют семью от остального общества или личность от окружающих (что было описано выше), с другой стороны, описаны границы допустимого поведения (например, *брачный договор не может ограничивать правоспособность или дееспособность супругов, родители не вправе причинять вред*), обязанностей (*обязаны содержать своих несовершеннолетних детей, суд может освободить супруга от обязанности содержать другого*), невмешательства в семейные дела (*могут быть лишены родительских прав, с обязательным участием органа опеки*). Второй подход реализует признак «наличие предела».

Таким образом, в политико-правовом дискурсе выделено пять признаков концепта ГРАНИЦА, реализуемых в семейной сфере. Наиболее яркими из них являются «наличие запрета на нарушение» и «необходимость в соблюдении».

Концепт ГРАНИЦА в структуре концептуальной категории СЕМЬЯ

На основе анализируемого материала выделены признаки концепта ГРАНИЦА, реализуемые в семейной сфере в разных видах дискурса. Результаты представлены в табл. 1. Звездочкой отмечены признаки, наиболее ярко проявляющиеся в данном виде дискурса.

Из таблицы видно, что в обыденном, психологическом и политико-правом дискурсах в сфере семейных отношений обязательно реализуется два признака концепта ГРАНИЦА («наличие запрета на нарушение» и «имеет функцию разделения на своих и чужих»). Признак «наличие предела» обнаружен в психологическом и политико-правовом дискурсах. Количество реализуемых признаков примерно одинаково. Данные факты говорят о в целом одинаковом расположении концепта ГРАНИЦА в разных слоях концептуальной категории СЕМЬЯ. Вследствие небольшого количества признаков, реализуемых в семейной сфере, и от-

Таблица 1
Table 1

Признаки концепта ГРАНИЦА, реализуемые в семейной сфере Signs of the BORDER concept implemented in the family sphere

Обыденный дискурс	Психологический дискурс	Политико-правовой дискурс
наличие запрета на нарушение*	наличие запрета на нарушение	наличие запрета на нарушение*
имеет функцию разделения на своих и чужих*	имеет функцию разделения на своих и чужих	имеет функцию разделения на своих и чужих
позволяет расставлять приоритеты*	имеет функцию разделения на индивидуальное и коллективное*	имеет функцию разделения на индивидуальное и коллективное
наличие объединяющей функции	наличие предела	наличие предела
		необходимость в соблюдении*

сутствия схожих и общих признаков с концептом СЕМЬЯ признак ГРАНИЦА не является ядерным. В то же время он не расположен на периферии категории, поскольку обладает достаточно ярко выраженными признаками, актуализированными в большом количестве примеров.

Однако следует отметить, что признаки концепта ГРАНИЦА реализованы в разной степени яркости в зависимости от вида дискурса, что обусловлено особенностями каждого дискурса и влияет на взаимосвязь концепта ГРАНИЦА с другими концептами концептуальной категории СЕМЬЯ. В обыденном дискурсе границы связаны с определенными неофициальными правилами, которые регулируют взаимоотношения между членами семьи и посторонними (чужими). Они имеют объединяющую функцию, рекомендуя ставить семью на первое место. Здесь семья важна как целое. В психологическом дискурсе основной акцент сделан на индивидуальных (личностных) границах членов семьи. Главная мысль заключена в ненарушении личностного пространства. В политико-правовом дискурсе границы семьи — юридический критерий, определяющий правила их нарушения (ненарушения), права и обязанности

членов семьи, нормы регулирования взаимоотношений между родственниками, государством и др.

Выводы

Таким образом, выделено 20 признаков концепта ГРАНИЦА. Часть признаков реализуется во всех видах анализируемого дискурса, при этом присутствуют уникальные признаки, свойственные для конкретного дискурса. Не все признаки связывают концепт ГРАНИЦА с категориальным концептом СЕМЬЯ, что говорит о принадлежности данного элемента к нескольким различным концептуальным категориям.

Концепт ГРАНИЦА включен в концептуальную категорию СЕМЬЯ на основе наличия взаимобратных признаков у субкатегориального и категориального концепта («присутствует у семьи» — «наличие границ у группы»). Он примерно одинаково расположен в трех слоях категории: обыденном, психологическом, политико-правовом. В каждом из слоев концепт ГРАНИЦА реализует разные по яркости признаки в зависимости от особенностей репрезентирующего данный слой дискурса.

Список источников

1. Болдырев Н. Н. Концептуальная основа языка // Когнитивные исследования языка. 2009. № 4. С. 25–77.
2. Болдырев Н. Н. Роль интерпретирующей функции в формировании языковых категорий // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2011. Вып. 1 (93). С. 9–16.
3. Болдырев Н. Н. Типология концептов и языковая интерпретация // Новая Россия: традиции и инновации в языке и науке о языке : материалы докладов и сообщений Международной научной конференции, посвященной юбилею заслуженного деятеля науки РФ, доктора филологических наук, профессора Л. Г. Бабенко, 28–30 сент. 2016 г., Екатеринбург, Россия. М. ; Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2016. С. 16–25.
4. Борисенко Т. В. К вопросу о признаках концепта // Ученые записки НовГУ. 2025. № 3 (58). С. 662–672. [https://doi.org/10.34680/2411-7951.2025.3\(58\).662-672](https://doi.org/10.34680/2411-7951.2025.3(58).662-672)
5. Голованова Е. И. Базовые когнитивные понятия и развитие терминоведения // Вестник Удмуртского университета. История и филология. 2010. № 2. С. 85–91.
6. Дзюба Е. В. Лингвокогнитивная категоризация в русском языковом сознании : монография. Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2015. 286 с.
7. Дзюба Е. В. Методология когнитивного исследования лексической категоризации // Научно-методический электронный журнал Концепт. 2015. № Т13. С. 2221–2225.
8. Доборович А. Н., Кузьмичева В. А. Основные средства вербализации и принципы категоризации концептов-формантов концептосферы «creativity» // Актуальные проблемы социально-гуманитарных наук : сборник статей Международной научно-практической конференции (8 мая 2018 г., г. Москва). М., 2018. С. 119–126.
9. Кубрякова Е. С. О месте когнитивной лингвистики среди других наук когнитивного цикла и о ее роли в исследовании процессов категоризации и концептуализации мира // Когнитивные исследования языка. 2010. № 7. С. 13–18.
10. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи. Что категории языка говорят нам о мышлении. — М. : Языки славянской культуры, 2004. 792 с.

11. Малинович М. В. Универсальные концепты и категории: проблема иерархии и взаимодействия в пространстве языка // Концепты. Категории. Языковая реальность : коллективная монография. Иркутск, 2011, С. 10–41.
12. Маслова В. А. Когнитивная лингвистика : учебное пособие. Минск : ТетраСистемс, 2008. 272 с.
13. Пименова М. В. Типы концептов и этапы концептуального исследования // Вестник КемГУ. 2013. Т. 2, № 2 (54). С. 127–131.
14. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика : учебное издание / Воронежский гос. университет. М. : АСТ : Восток — Запад, 2007. 226 с.
15. Семкова А. В., Агеенко Е. М. Категоризация прототипической ситуации желаяния (на материале английского языка) // Вестник Челябинского государственного университета. 2021. № 1 (447). С. 146–152. DOI: <https://doi.org/10.47475/1994-2796-2021-10120>.
16. Barsalou L. W. Context-independent and context-dependent information in concepts // *Memory and Cognition*. 1982. Vol. 10, № 1. P. 82–93. DOI: 10.3758/bf03197629
17. Rosch El., Lloyd B. *Cognition and Categorization*. Hindsdale, Lawrence Erlbaum Associates; 1978. 336 p.

References

1. Boldyrev NN. Conceptual basis of language. *Kognitivnye issledovanija jazyka = Cognitive studies of language*. 2009;(4):25-77. (In Russ.).
2. Boldyrev NN. The role of an interpretative function in linguistic category formation. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Serija: Gumanitarnye nauki = Tambov University Review. Series: Humanities*, 2011;1(93): 9-16. (In Russ.).
3. Boldyrev NN. The typology of concepts and linguistic interpretation. In: *Novaja Rossija: tradicii i innovacii v jazyke i nauke o jazyke: materialy dokladov i soobshhenij Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvjashhennoj jubileju Zasluzhennogo dejatelja nauki RF, professora L. G. Babenko*, 28–30 sent. 2016., Yekaterinburg, Rossija = *New Russia: traditions and innovations in language science: materials of the reports from the international scientific conference devoted to professor L. G. Babenko*. Moscow, Yekaterinburg, Kabinetnyj uchenyj; 2016. Pp. 16–25. (In Russ.).
4. Borisenko TV. Addressing concept feature issue. *Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta = Memoirs of NovSU*. 2025;(3(58)):662-672. [https://doi.org/10.34680/2411-7951.2025.3\(58\).662-672](https://doi.org/10.34680/2411-7951.2025.3(58).662-672). (In Russ.).
5. Golovanova EI. Basic cognitive categories and terminology science development. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Istorija i filologija = Bulletin of Udmurt University. Series History and Philology*. 2010;(2):85-91. (In Russ.).
6. Dzjuba EV. *Lingvokognitivnaja kategorizacija v ruskom jazykovom soznanii: monografija = Linguocognitive categorization in Russian language consciousness: monography*. Yekaterinburg; 2015. 286 p. (In Russ.).
7. Dzjuba EV. Metodologija kognitivnogo issledovanija leksicheskoj kategorizacii = Methodology of lexical categorization cognitive study. *Nauchno-metodicheskij jelektronnyj zhurnal Koncept = Scientific and methodological electronic journal Concept*. 2015;T13:2221-2225. (In Russ.).
8. Doborovich AN, Kuz'micheva VA. Osnovnye sredstva verbalizacii i principy kategorizacii konceptov-formantov konceptosfery "creativity" = Main means of verbalization and principles of concept-formants categorization in conceptosphere "creativity". In: *Aktual'nye problemy social'no-gumanitarnyh nauk: sbornik statej Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii = Topical issues of modern sciences: Collection of articles of the international scientific conference (8th May 2018, Moscow)*. Moscow; 2018. Pp. 119–126. (In Russ.).
9. Kubrjakova ES. On the status of cognitive linguistics among other cognitive sciences and its role in the research of world categorization and conceptualization processes. *Kognitivnye issledovanija jazyka = Cognitive studies of language*. 2010;(7):13-18. (In Russ.).
10. Lakoff Dzh. *Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind*. Moscow, Jazyki slavjanskoj kul'tury; 2004. 792 p. (In Russ.).
11. Malinovich MV. Universal'nye koncepty i kategorii: problema ierarhii i vzaimodejstvija v prostranstve jazyka = Universal concepts and categories: the problem of hierarchy and relations in language. In: *Koncepty. Kategorii. Jazykovaja real'nost' = Concepts. Categories. Language reality*. Collective monograph. Irkutsk; 2011. Pp. 10–41. (In Russ.).

12. Maslova VA. Kognitivnaja lingvistika = Cognitive linguistics. Minsk, TetraSistems; 2008. 272 p. (In Russ.).
13. Pimenova MV. The types of concepts and the stages of conceptual structure analysis. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: gumanitarnye i obshhestvennye nauki = Bulletin of Kemerovo State University. Series: humanities and social sciences.* 2013;2(54):127-131. (In Russ.).
14. Popova ZD, Sternin IA. Kognitivnaja lingvistika = Cognitive language studies. Moscow, AST: Vostok — Zapad; 2007. 226 p. (In Russ.).
15. Semkova AV, Ageenko EM. Categorization of the prototypical situation of desire (exemplified by modern English material). *Vestnik cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Chelyabinsk State University.* 2021;(1(447):146-152. <https://doi.org/10.47475/1994-2796-2021-10120>. (In Russ.).
16. Barsalou LW. Context-independent and context-dependent information in concepts. *Memory and Cognition.* 1982;10(1):82-93. DOI: 10.3758/bf03197629
17. Rosch El, Lloyd B. Cognition and Categorization. Hindsdale, Lawrence Erlbaum Associates; 1978. 336 p.

Информация об авторе

Т. В. Борисенко — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теоретического и прикладного языкознания.

Information about the author

T. V. Borisenko — Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, Associate Professor at the Department of Theoretical and Applied Linguistics.

Статья поступила в редакцию 16.12.2025; одобрена после рецензирования 23.12.2025; принята к публикации 14.01.2026.

The article was submitted 16.12.2025; approved after reviewing 23.12.2025; accepted for publication 14.01.2026.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 8. 81-2

DOI: 10.47475/1994-2796-2026-508-2-68-76

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ЭМОЦИЙ ЧЕРЕЗ МЕТАФОРУ ЖИДКОСТИ В АРАБСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ: КОГНИТИВНО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Саодат Махмадкуловна Тиллоева¹, Тамам Ризвановна Касумова²

¹ Уральский государственный педагогический университет; Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия, saodat9@mail.ru, 0000-0002-8511-7894

² Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия, s06026836@gmail.com

Аннотация. Проводится исследование метафорической модели «Эмоции — это жидкость» в арабской фразеологии с целью выявления особенностей ее репрезентации в арабской лингвокультуре. На основе анализа значительного массива фразеологических единиц (ФЕ) определяются ключевые характеристики, отражающие специфику восприятия и концептуализации эмоций в арабском языковом сознании. Целью данного исследования является анализ и систематизированная классификация фразеологических единиц арабского языка, репрезентирующих метафорическую модель «Эмоции — это жидкость». В рамках поставленной цели предпринята попытка определения и детального описания структурных компонентов, формирующих данную метафору, а также установления их роли в процессе концептуализации эмоций и создания уникальной арабской лингвокультурной картины мира, отражающей эмоциональный опыт носителей языка. Научная новизна работы заключается в предложенной авторской классификации арабских фразеологических единиц, основанной на выделенных структурных компонентах. Данная классификация предоставляет возможность более детального анализа когнитивных механизмов, лежащих в основе метафорического мышления и оказывающих непосредственное влияние на формирование лингвокультурной специфики арабской фразеологической картины мира. Полученные результаты исследования подтверждают широкую распространенность и высокую продуктивность метафорической модели «Эмоции — это жидкость» в арабской фразеологии, что свидетельствует о значимости данного когнитивного механизма для концептуализации эмоций и отражения эмоционального опыта в арабской культуре. Выявлены и систематизированы основные типы арабских ФЕ, репрезентирующих исследуемую метафору, с учетом их структурных, семантических особенностей, что позволяет расширить понимание взаимосвязи языка, культуры и мышления, а также предложить новые подходы к исследованию фразеологии.

Ключевые слова: фразеологические единицы, концептуальная метафора, когнитивная лингвистика, арабский язык, эмоции, метафорическая модель, структурные компоненты метафоры, арабская лингвокультура

Для цитирования: Тиллоева С. М., Касумова Т. Р. Концептуализация эмоций через метафору жидкости в арабской фразеологии: когнитивно-лингвистический подход // Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 2 (508). С. 68–76. DOI: 10.47475/1994-2796-2026-508-2-68-76.

Original article

CONCEPTUALIZATION OF EMOTIONS THROUGH THE METAPHOR OF LIQUID IN ARABIC PHRASEOLOGY: A COGNITIVE-LINGUISTIC APPROACH

Saodat M. Tilloeva¹, Tamam R. Kasumova²

¹ Ural State Pedagogical University; Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia, saodat9@mail.ru, 0000-0002-8511-7894

² Ural State Pedagogical University, Yekaterinburg, Russia, s06026836@gmail.com

Abstract. This article explores the “Emotions are a Liquid” metaphorical model within Arabic phraseology, aiming to identify its specific representation in Arabic linguoculture. By analyzing a significant corpus of phraseological units (FEs), key characteristics reflecting the unique perception and conceptualization of emotions in the Arabic

linguistic consciousness are determined. The study's primary purpose is to analyze and systematically classify Arabic FEs that embody the "Emotions are a Liquid" metaphor. This involves identifying and meticulously describing the structural components that constitute the metaphor, and establishing their role in the process of conceptualizing emotions and creating a distinctive Arabic linguistic and cultural worldview, reflecting the emotional experiences of native speakers. The scientific novelty lies in the author's original classification of Arabic FEs, grounded in the identified structural components. This classification facilitates a more detailed examination of the cognitive mechanisms underlying metaphorical thought, which directly impacts the formation of the Arabic phraseological worldview. The study's findings confirm the pervasive and highly productive nature of the "Emotions are a Liquid" metaphorical model within Arabic phraseology. This underscores the significance of this cognitive mechanism in conceptualizing emotions and representing emotional experience within Arab culture. Furthermore, the main types of Arabic FEs representing the studied metaphor are identified and systematically organized, taking into account their structural and semantic characteristics, thereby expanding the understanding of the intricate relationship between language, culture, and thought, and suggesting potential avenues for future phraseological research.

Keywords: phraseological units, conceptual metaphor, cognitive linguistics, Arabic language, emotions, metaphorical model, structural components of metaphor, Arabic linguistic culture

For citation: Tilloeva SM, Kasumova TR. Conceptualization of Emotions Through the Metaphor of Liquid in Arabic Phraseology: a Cognitive-linguistic Approach. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2026;(2(508)):68-76. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2026-508-2-68-76.

Введение

Актуальность данного исследования обусловлена следующими факторами: во-первых, возрастающим интересом современной лингвистики к когнитивным аспектам языка и, в частности, к изучению концептуальных метафор как способа структурирования человеческого мышления и познания мира. Во-вторых, недостаточной изученностью метафорической репрезентации базовых концептов, таких как «эмоция», в арабском языке, несмотря на его богатую фразеологическую традицию. В-третьих, необходимостью выявления лингвокультурологических особенностей арабского мировоззрения, отраженных в языке, для целей межкультурной коммуникации и более глубокого понимания арабской культуры.

Материалы и методы исследования

Материалом для исследования послужили фразеологические единицы (ФЕ) арабского языка, извлеченные из фразеологических словарей¹ и онлайн-ресурсов², а также данные корпусной лингвистики. Для выявления ФЕ, репрезентирующих метафору «Эмоции — это жидкость», был использован метод концептуального анализа, предпола-

гающий идентификацию ключевых концептов, лежащих в основе метафоры (контейнер, текучесть, температура и т. д.), и их вербального выражения в ФЕ.

Исследование концептуальных метафор представляет собой одно из наиболее перспективных направлений в современной когнитивной лингвистике, позволяющее раскрыть глубинные механизмы концептуализации и категоризации опыта. В рамках теории концептуальной метафоры, предложенной Дж. Лакоффом и М. Джонсоном [14], метафора рассматривается не как стилистическая фигура речи или риторический прием, а как фундаментальный когнитивный процесс, посредством которого абстрактные понятия и сложные когнитивные домены осмысливаются и структурируются через более конкретные, чувственно воспринимаемые и эмпирически освоенные области опыта.

Эмоции, в силу своей нематериальной природы и субъективной переживаемости, являясь сложными и многоаспектными абстрактными конструктами, часто концептуализируются посредством метафорических моделей, обеспечивающих доступ к их пониманию и вербализации. Одной из наиболее распространенных и продуктивных метафорических моделей является модель «Эмоции — это жидкость». Данная модель предполагает, что эмоции обладают свойствами, аналогичными свойствам жидкостей, таким как: способность к перемещению, наличие объема и массы, подверженность изменениям температуры и состояния (твердое, жидкое, газообразное), возможность нахождения в ограниченном пространстве (контейнере), а также способность оказывать давление на окружающие объекты и изменять их состояние.

¹ Баранов Х. К. Арабско-русский словарь. М.: Русский язык, 1985. 943 с.; Борисов В. М. Русско-арабский словарь. М.: Русский язык, 1993. 1136 с.; Толковый. *المعجم الوسيط*. — القاهرة: مجمع اللغة العربية: القاهرة, 2004. 1067 с.; Джабер Аби Дж., Капшук А. В. Арабско-русский словарь идиоматических выражений: справочник переводчика. 2-е изд. М.: Издательский Дом ЯСК, 2019. 456 с. и др.

² Almany.com. URL: <https://www.almany.com/>; Arabic Lexicon. URL: <https://arabiclexicon.hawramani.com/>

Следовательно, эмоции могут метафорически «находиться в теле» (контейнере), «вытекать», «кипеть», «замерзнуть», «иметь цвет», «оказывать давление» и т. д. Такая концептуализация позволяет структурировать и осмысливать широкий спектр эмоциональных переживаний, используя понятные и наглядные образы.

В рамках когнитивной лингвистики концептуальная метафора (КМ) рассматривается как когнитивный механизм, обусловленный установлением аналогии между понятийными областями, не демонстрирующими формально-логической корреляции. Данный процесс структурирования смысла речевых актов [10] приводит к формированию КМ, идентифицируемых на различных языковых уровнях. Формирование КМ является следствием взаимодействия между различными структурами знания (фреймами или сценариями), репрезентирующими концепты [3], что обеспечивает возможность переноса когнитивных моделей из одной области в другую и, как следствие, обогащение семантики фразеологических единиц.

Результаты исследования и их обсуждение

Анализ фразеологических единиц в арабском языке подтвердил широкое распространение метафоры «Эмоции — это жидкость». Были выявлены ФЕ, репрезентирующие различные аспекты данной метафоры.

В основе метафорической модели «эмоция — это жидкость» лежат следующие концепты и связанные с ними смысловые переносы.

I. Контейнер. Эмоции как содержимое контейнера (тела/души): Тело или душа рассматривается как контейнер, вмещающий в себя эмоции.

Подрубрика **Наполнение контейнера:**

امتلاً قلبه بالفرح (im'tala'a qalbuhi bil-farahi) — *его сердце наполнилось радостью*; كتم غضبه (katama ghadabahu) — *он сдержал свой гнев*.

Данная подрубрика рассматривает фразеологические единицы, в которых эмоциональное состояние представлено как процесс наполнения или сдерживания содержимого в контейнере. В рамках метафорической модели «Эмоции — это жидкость» композит *его сердце* (قلبه, qalbuhi) выступает как контейнер, который может наполняться позитивными эмоциями (радостью) или сдерживать негативные (гнев).

Анализ представленных фразеологизмов позволяет выделить следующие особенности: امتلاً قلبه بالفرح (im'tala'a qalbuhi bil-farahi) — *его сердце наполнилось радостью*. Глагол امتلاً (im'tala'a), имеющий значение *наполнилось, переполнилось*, указы-

вает на интенсивность и полноту переживаемого чувства. Существительное *радость* (الفرح, al-farahi) представлено как субстанция, которая заполняет сердце до предела, принося чувство счастья и удовлетворения. Композит قلبه (qalbuhi), представляющий собой сочетание существительного (قلب, qalb — сердце) и местоименного суффикса (-hu — его) — *его сердце* (قلبه, qalbuhi), выступает как контейнер, способный вмещать в себя определенное количество эмоций. Наполнение *сердца* радостью создает ощущение полноты жизни и эмоционального благополучия. Данный фразеологизм отражает положительную коннотацию, связанную с радостью, и подчеркивает ее способность приносить счастье и удовлетворение.

Следующая фразеологическая единица كتم غضبه (katama ghadabahu) — *он сдержал свой гнев*. Здесь глагол كتم (katama) — *сдержал, подавил* — указывает на сознательное усилие по контролю над эмоциями. Существительное *гнев* (غضبه, ghadabahu) представлено как нечто, что необходимо сдерживать, чтобы избежать негативных последствий. Сдерживание *гнева* предполагает наличие «контейнера» (сердца/души), способного удерживать эмоцию внутри, предотвращая ее выплеск наружу.

Сравнение двух представленных фразеологизмов позволяет выявить контрастные аспекты концептуализации эмоций: *радость* приветствуется и воспринимается как нечто позитивное, чем следует наполнять свое *сердце*; *гнев*, наоборот, рассматривается как негативная эмоция, которую необходимо сдерживать и контролировать. В обоих выражениях *сердце* (или душа) предстает главным вместилищем эмоциональных переживаний. Независимо от того, наполняется ли *сердце* радостью или сдерживает гнев, оно выступает как ключевой элемент в процессе эмоционального переживания.

Подрубрика **Влияние на контейнер** (сердце/душу) представлена:

اتلج الصدر — *лить бальзам на душу (смягчение, успокоение)*. Фразеологизм اتلج الصدر ('atlağa aş-sadra), буквально переводящийся как *охладил грудь/сердце*, относится к фразеологическим единицам, в которых эмоциональное воздействие представлено как физическое влияние на контейнер, в данном случае — на сердце (или грудь, подразумеваемая область сердца). Он передает идею смягчения, успокоения, облегчения душевной боли. Значение данного арабского фразеологизма в русском языке передается следующими фразеологическими единицами: *согреть душу, пролить/лить бальзам на душу*.

Интересно отметить, что использование глагола *اتلج* ('atlaġa), образованного от существительного *تلج* (talġ) — *снег, лед*, предполагает, что изначально присутствует состояние «нагретости» или «воспаленности» души, вызванное негативными эмоциями, такими как *гнев, печаль, страх* или *тревога*. Следовательно, данный фразеологизм репрезентирует когнитивную модель, в которой негативные эмоциональные состояния концептуализируются посредством образа жара, в то время как позитивные эмоции ассоциируются с ощущением прохлады.

Действие, оказываемое на «контейнер», направлено на снижение температуры и, как следствие, на облегчение состояния. «Охлаждение» сердца воспринимается как позитивное воздействие, приносящее облегчение и успокоение. Это связано с тем, что в арабской культуре, как и во многих других, умеренность и спокойствие ценятся выше, чем чрезмерная эмоциональность и возбуждение.

Таким образом, фразеологизм *اتلج الصدر* ('atlaġa aṣ-ṣadra) отражает сложную когнитивную модель, в которой эмоции представлены как физические состояния, воздействующие на «контейнер» (сердце/душу), а облегчение и успокоение достигаются путем снижения температуры. Этот фразеологизм подчеркивает важность контроля над эмоциями и стремление к душевному равновесию, что является важной ценностью в арабской культуре.

В подрубрику **Опустошение контейнера** вошла фразеологическая единица:

أراه الظهر ('arāhu ḡ-ḡahra), дословно переводящаяся как «Я покажу ему спину», в переносном значении означает «вынуть душу», то есть причинить кому-либо сильную боль, страдание, моральное потрясение. Данный фразеологизм отражает когнитивную модель, в которой эмоциональное воздействие представлено как опустошение внутреннего «контейнера» (души), лишение его жизненной силы и энергии.

Следует заметить, что буквальное значение фразеологизма «Я покажу ему спину» не имеет прямой связи с переносным значением «вынуть душу». Связь между этими значениями опосредована представлением о спине как о символе слабости, уязвимости и поражения. «Показать кому-либо свою спину» в арабском языке означает проявить слабость, признать поражение, что в свою очередь может причинить сильную боль и страдание.

II. Текучесть/Вытекание:

Выделение жидкости (слезы, кровь): *فاض غضبه* (fāḍa ġaḍabuhu) — *его гнев перелился через край*;

سالت دموعه (sālat dumū'uhu) — *его слезы потекли*;

أجهش بالبكاء ('aġhaṣa bil-bukā'i) — *проливать слезы*.
Данная подрубрика объединяет фразеологические единицы, в которых эмоциональное состояние представлено как процесс текучести или вытекания жидкости (слез, крови). В рамках метафорической модели «Эмоции — это жидкость» эти фразеологизмы акцентируют внимание на интенсивности и неконтролируемости эмоций, а также на их физическом проявлении.

Анализ представленных фразеологизмов позволяет выделить следующие особенности: *فاض غضبه* (fāḍa ġaḍabuhu) — *его гнев перелился через край*. Глагол *فاض* (fāḍa) — *перелился, вышел из берегов* — указывает на то, что *гнев* достиг такой интенсивности, что больше не может быть сдержан и выплескивается наружу. Существительное *гнез* (غضب, ġaḍabuhu) представлено как жидкость, заполняющая некий контейнер (предположительно, сердце или душу), и, когда этот контейнер переполняется, гнев выплескивается наружу в виде агрессии, злости или других проявлений. Фразеологизм предполагает потерю контроля над эмоциями и подчеркивает деструктивный потенциал гнева.

سالت دموعه (sālat dumū'uhu) — *его слезы потекли*. Глагольное слово *سالت* (sālat) — *потекли, полились* — указывает на непроизвольное выделение слез, вызванное сильными эмоциями (грустью, печалью, радостью или умилением). *Слезы* (دموعه, dumū'uhu) представлены как жидкость, вытекающая из глаз в ответ на эмоциональное воздействие. Здесь фразеологическая единица подчеркивает физическое проявление эмоций и их способность вызывать непроизвольные реакции организма.

أجهش بالبكاء ('aġhaṣa bil-bukā'i) — *проливать слезы*. Глагол *أجهش* ('aġhaṣa) имеет значение *залиться слезами, разрыдаться*. Фразеологизм указывает на неконтролируемый поток эмоций, выражающийся в обильном выделении слез.

Все три фразеологизма иллюстрируют метафорическую модель «Эмоции — это жидкость», где *вытекание* символизирует интенсивность и неконтролируемость эмоций, однако *فاض غضبه* (fāḍa ġaḍabuhu) акцентирует деструктивный аспект гнева, а *سالت دموعه* (sālat dumū'uhu) и *أجهش بالبكاء* ('aġhaṣa bil-bukā'i) — физиологическое проявление *печали, скорби* и *горя* через слезы.

Подрубрика **Изменение характеристик эмоций**, как у жидкости.

В данную подрубрику вошла фразеологическая единица арабского языка, в которой эмоциональное состояние концептуализируется через

аналогию с процессом изменения температуры жидкости. Глагол برد (barada), обозначающий *остыть, охладиться*, в контексте эмоциональной сферы передает ослабление интенсивности чувства, угасание страсти или гнева.

Данная фразеологическая репрезентация отражает общее когнитивное понимание эмоций как чего-то динамичного, подверженного изменениям и колебаниям, подобно температуре жидкости. Использование глагола برد предполагает, что эмоция (например, *гнев, возбуждение, страсть*) первоначально находилась в «нагретом» состоянии, и со временем ее интенсивность снижается, подобно тому, как остывает нагретая жидкость.

Такая концептуализация позволяет вербализовать процесс *успокоения, умиротворения* или *потери интереса к чему-либо*. Фразеологические единицы, построенные на основе этой модели, часто используются для описания ситуаций, когда человек приходит в себя после сильного эмоционального потрясения, успокаивается после ссоры или теряет энтузиазм по отношению к какому-либо делу.

III. Температура

Нагревание / Кипение: اشتعل غضباً ('išṭala' a ḡaḍaban) — *он воспылал гневом*; بردت أعصابه (baradat 'a šābuhu) — *его нервы остыли*; أخذ منه الغضب ('aḥḍa minhu al-ḡaḍabu) — *вскипеть от гнева*.

В рамках данной подрубрики рассматриваются фразеологические единицы арабского языка, в которых изменение эмоционального состояния концептуализируется через аналогию с процессами нагревания и кипения жидкости. Использование образов огня, жара и кипения позволяет выразить нарастание интенсивности эмоций, а образов охлаждения — наоборот, снижение эмоционального напряжения.

Исследование представленных фразеологизмов позволяет выделить следующие особенности:

بردت أعصابه (baradat 'a šābuhu) — *его нервы остыли*. Глагол بردت (baradat) — *остыли* — указывает на успокоение, умиротворение, возвращение в состояние равновесия. Нервы, представленные как нечто «нагретое» или «возбужденное», приходят в состояние покоя, подобно остывающей жидкости. Этот фразеологизм отражает ценность самоконтроля и умения справляться с эмоциональным возбуждением. Здесь охлаждение выступает как положительный процесс, возвращающий человеку ясность ума и способность контролировать свои действия.

أخذ منه الغضب ('aḥḍa minhu al-ḡaḍabu) — *вскипеть от гнева*. Глагол أخذ ('aḥḍa) обозначает *внезапный*

и *сильный приступ гнева*, доводящий человека до точки кипения. Фразеологизм подразумевает, что гнев завладевает разумом и телом, заставляя человека действовать под влиянием эмоций.

Подрубрика Остывание استعد روعه (ista'adda raw'uḥu) — *остыть* (успокоиться).

Здесь представлены фразеологические единицы, в которых происходит концептуализация успокоения и возвращения к душевному равновесию через метафору остывания. В рамках общей метафорической модели «Эмоции — это жидкость» данная рубрика фокусируется на снижении температуры и интенсивности эмоционального переживания.

Нами была выявлена одна фразеологическая единица استعد روعه (ista'adda raw'uḥu), буквально переводящаяся как «его трепет вернулся». В переносном смысле она означает «остыть», «успокоиться», «прийти в себя после испуга или волнения».

В ходе анализа данного фразеологизма были выделены следующие когнитивные механизмы:

1. Метафора ЭМОЦИИ — ЭТО ТЕМПЕРАТУРА. Состояние эмоционального возбуждения (страх, волнение) представляется как «нагретое» состояние, а успокоение — как «остывание».

2. Метафора ДУША/СЕРДЦЕ — ЭТО КОНТЕЙНЕР. «Трепет» (روعه, raw'uḥu) рассматривается как нечто, содержащееся в душе или сердце, и его возвращение означает восстановление душевного равновесия.

3. Метафора СПОКОЙСТВИЕ — ЭТО ВОЗВРАЩЕНИЕ. «Возвращение трепета» (استعد, ista'adda) подразумевает восстановление нормального состояния, возвращение к исходной точке, характеризующейся спокойствием и гармонией.

IV. Цвет (связано с моделью «эмоция — это свет/тьма»), но присутствует и в рамках «жидкости»).

К данной рубрике отнесены фразеологические единицы арабского языка, в которых эмоциональное состояние выражается через изменение цвета лица. Хотя данная концептуализация тесно связана с метафорической моделью «Эмоции — это свет/тьма», она также может рассматриваться в рамках более широкой модели «Эмоции — это жидкость», где изменение цвета жидкости может указывать на ее состав, состояние или воздействие внешних факторов.

Фразеологизم أمتقع وجهه (umtuqi 'a wajhuhū) дословно переводится как *побледнело / потемнело его лицо*, описывает изменение цвета лица под воздействием сильных негативных эмоций, таких как страх, испуг, гнев или стыд. В данном случае лицо

выступает как индикатор внутреннего эмоционального состояния, а изменение его цвета является визуальным проявлением этих эмоций.

Анализ данного фразеологизма позволяет выделить следующие когнитивные механизмы:

1. Метафора ЭМОЦИИ — ЭТО ЦВЕТ. Эмоции концептуализируются через определенные цвета, которые ассоциируются с конкретными эмоциональными состояниями. В данном случае *потемнение лица* ассоциируется с негативными эмоциями.

2. Метонимия ЛИЦО — ЭМОЦИИ. Лицо метонимически обозначает внутреннее эмоциональное состояние человека. Изменение цвета лица является видимым признаком изменения внутреннего состояния.

3. Метафора ЭМОЦИИ — ЭТО ЖИДКОСТЬ (косвенно). Несмотря на то, что основной акцент делается на цвете, можно предположить, что изменение цвета лица ассоциируется с изменением состава «жидкости», циркулирующей в организме. Например, под воздействием страха кровь может «отливаться» от лица, делая его бледным или темным.

Важно отметить, что изменение цвета лица имеет культурную значимость и может по-разному интерпретироваться в разных культурах. В арабской культуре потемнение лица часто ассоциируется со стыдом или позором, а также с сильным страхом или испугом.

V. Смешанные метафоры (сочетание с другими моделями).

Эта рубрика включает в себя фразеологические единицы, в которых метафорическая модель «Эмоции — это жидкость» сочетается с другими моделями, создавая сложные и многогранные образы. Фразеологизм *احتدم الحقد في أحشائه* (iḥtadama al-ḥiqdu fī 'aḥšā' ihī) (букв. *ненависть бушевала в его кишках, в его внутренностях, в его нутре*) является ярким примером такого сочетания.

В данном фразеологизме прослеживается взаимодействие нескольких метафорических моделей:

1. ЭМОЦИИ — ЭТО ЖИДКОСТЬ. Ненависть (الحقد, al-ḥiqdu) представлена как жидкость, способная заполнять пространство (кишку) и изменять свое состояние (бушевать).

2. ЭМОЦИИ — ЭТО ОГОНЬ/СТИХИЯ. Глагол *احتدم* (iḥtadama) — *бушевать, разгораться, клокотать* — указывает на интенсивность и неуправляемость эмоции, уподобляя ее огню или бушующей стихии.

3. ЧЕЛОВЕК — ЭТО КОНТЕЙНЕР. Кишка (أحشائه, 'aḥšā' ihī) выступает как контейнер, вмеща-

ющий ненависть. Выбор именно кишки (внутреннего органа) подчеркивает глубинную, скрытую и, возможно, неконтролируемую природу этой эмоции.

Таким образом, этот фразеологизм представляет собой сложную метафорическую конструкцию, в которой ненависть предстает как кипящая, бурлящая жидкость, бушующая в глубинах человеческого организма.

Данная рубрика представлена также следующими фразеологическими единицами: *أَذَاقَهُ الْأَمْرَيْنِ* ('aḏāqahu al-'amrayn) — *высасывать кровь*. Сочетает «эмоция — это жидкость» и «эмоция — это хищник/паразит».

Фразеологизм *أَذَاقَهُ الْأَمْرَيْنِ* ('aḏāqahu al-'amrayn), который дословно можно перевести как «заставить вкусить два горьких дела», в переносном значении означает «высасывать кровь», то есть *измучить, истощить, причинить невыносимые страдания, лишить жизненных сил*. Этот фразеологизм представляет собой интересное сочетание двух метафорических моделей: «Эмоции — это жидкость» и «Эмоции — это хищник/паразит».

Когнитивные механизмы:

1. Метафора ЭМОЦИИ — ЭТО ЖИДКОСТЬ (кровь). Жизненные силы человека, его энергия и здоровье, метафорически представлены как кровь. Лишение крови означает лишение жизненных сил, ослабление, причинение вреда.

2. Метафора ЭМОЦИИ — ЭТО ХИЩНИК/ПАРАЗИТ. Процесс причинения страданий представлен как действие хищника или паразита, который «высасывает кровь» из своей жертвы. Причиняющий страдания (человек, ситуация, обстоятельство) уподобляется хищнику или паразиту, а тот, кто страдает, — жертве.

3. Метонимия ДВА ГОРЬКИХ ДЕЛА — ПРИЧИНЕНИЕ СТРАДАНИЙ. Выражение «два горьких дела» метонимически обозначает причинение страданий, мучений, трудностей. «Два дела» является эвфемизмом для обозначения серии неприятностей и трудностей.

Таким образом, сочетание двух метафорических моделей позволяет создать более яркий и выразительный образ. Метафора «Эмоции — это жидкость» акцентирует внимание на физическом аспекте страдания (лишение жизненных сил), а метафора «Эмоции — это хищник/паразит» — на активном воздействии, причинении вреда и эксплуатации. Использование образов *крови* и *хищничества/паразитизма* может отражать культурные представления о силе, власти, эксплуатации и уязвимости.

Следующая фразеологическая единица, входящая в данную рубрику, أَظْهَرَ لَهُ الْعَيْنَ الْحَمْرَاءَ ('aẓhara lahu al-'ayn al-ḥamrā'), дословно переводится как «показать ему красный глаз», в переносном значении означает *пригрозить, напугать, показать свой гнев, проявить строгость, предупредить о серьезных последствиях*. Несмотря на то, что данный фразеологизм явно не содержит прямого указания на жидкость, его анализ в контексте метафорической модели «Эмоции — это жидкость» может быть полезным для выявления косвенных связей и для понимания того, как разные метафорические модели могут переплетаться.

Когнитивные механизмы:

1. Метафора ЭМОЦИИ — ЭТО ЦВЕТ. В данном фразеологизме гнев, угроза и строгость ассоциируются с красным цветом. Красный цвет традиционно символизирует опасность, ярость и агрессию. Это связывает фразеологизм с моделью «Эмоции — это цвет» или «Эмоции — это свет/тьма», где яркие, насыщенные цвета связаны с сильными эмоциями.

2. Метонимия ГЛАЗ — ГНЕВ/УГРОЗА. Глаз, в данном случае красный глаз, метонимически представляет собой гнев, угрозу и намерение наказать. Глаз — это орган зрения, и, следовательно, то, что видит человек, может указывать на его намерения и эмоции. Красный глаз передает сигнал опасности и готовности к действию.

3. (Косвенно) Метафора ЭМОЦИИ — ЭТО ДАВЛЕНИЕ/СИЛА. Несмотря на то, что прямого указания на жидкость нет, можно предположить, что красный цвет глаза ассоциируется с приливом крови, вызванным сильным гневом или возбуждением. Это может быть косвенным указанием на модель «Эмоции — это жидкость», где давление жидкости символизирует интенсивность эмоции.

Связь с метафорической моделью «Эмоции — это жидкость» можно проследить через следующее: красный цвет ассоциируется с кровью, которая, как жидкость, может приливать к голове (и, следовательно, к глазам) при сильном гневе. Это может быть подсознательной связью, которая усиливает образ угрозы. Образ красного глаза как символа гнева и угрозы широко распространен в различных культурах. В арабской культуре этот образ может быть особенно сильным, учитывая важность визуальных сигналов и невербальной коммуникации.

Выводы

Проведенный анализ различных фразеологических единиц арабского языка, репрезентирующих метафорическую модель «Эмоции — это жидкость», позволил выявить широкий спектр когнитивных механизмов, лежащих в основе концептуализации эмоциональной сферы в арабской лингвокультуре. Было установлено, что эмоции часто представляются как субстанции, обладающие свойствами жидкостей: они могут заполнять пространство «переполнилось его сердце гневом», «изменять свою температуру» («остыть»), оказывать влияние на «контейнер» (сердце/душу) («лить бальзам на душу») или даже опустошать его («вынуть душу»). Исследование фреймовых структур, а также семантических и культурных коннотаций фразеологизмов показало, что концептуализация эмоций как жидкостей тесно связана с культурными представлениями арабов о сердце как оместилище чувств, разума и души, а также с ценностями, такими как контроль над эмоциями, душевное равновесие и умеренность. Анализ языкового материала свидетельствует о том, что язык использует метафорические и метонимические переносы для создания ярких и образных выражений, отражающих сложность и многогранность человеческих эмоций. Использование образов, связанных с физическими свойствами жидкостей, позволяет вербализовать абстрактные эмоциональные состояния и сделать их более понятными и осязаемыми.

Предложенная классификация фразеологических единиц, основанная на структурных компонентах метафоры «Эмоции — это жидкость» (контейнер, текучесть, температура, цвет и т. д.), позволила систематизировать эмпирический материал и провести более детальный анализ когнитивных механизмов, лежащих в основе метафорического мышления. Таким образом, можно констатировать, что метафорическая модель «Эмоции — это жидкость» играет важную роль в арабской языковой картине мира, предоставляя богатый арсенал средств для выражения и концептуализации эмоциональной сферы.

Дальнейшие исследования могут быть направлены на изучение других метафорических моделей, используемых для описания эмоций в арабском языке, а также на сопоставительный анализ когнитивных механизмов, формирующих эмоциональный дискурс в разных культурах.

Список источников

1. Андеш И. Б., Бекетова С. В. Когнитивная функция концептуальной метафоры в современной лингвистике // Глобальный научный потенциал. 2023. № 7 (148). С. 130–132.
2. Блэк М. Метафора // Теория метафоры / под ред. Н. Д. Арутюновой. М., 1990.
3. Будаев Э. В. Становление когнитивной теории метафоры // Лингвокультурология. Екатеринбург, 2007. Вып. 1. С. 16–32.
4. Головачева А. Н. Отражение национального мировоззрения в языке // Языки и межкультурная коммуникация: актуальные проблемы филологической науки : материалы конф. СПб., 2006. С. 20–23.
5. Кириллова Н. Н. О денотате фразеологической семантики // Вопросы языкознания. 1986. № 1. С. 82–90.
6. Кунин А. В. Некоторые вопросы английской фразеологии. М., 1955.
7. Лукьянова И. В., Аббасова А. А. Семантические подходы к изучению метафоры в современной лингвистике // Глобальный научный потенциал. 2025. № 2 (167). С. 314–316.
8. Насупов Р. Т., Сарангаева Ж. Н. Метафора как лингвистическое явление // Тенденции развития науки и образования. 2024. № 109-3. С. 100–102.
9. Никитин М. В. Основания когнитивной семантики. СПб., 2003.
10. Опарина Е. О. Концептуальная метафора // Метафоры в языке и тексте. М., 1988. С. 65–77.
11. Романюк М. Ю., Хачатуров М. С. метафора как лингвистическая категория // Современный исследование социальных проблем. 2021. Т. 13, № 4–5. С. 112–116.
12. Толочин И. В. Метафора и интертекст в англоязычной поэзии: лингвостилистический аспект. СПб., 1996
13. Gibbs R. W. Psycholinguistic Studies on the Conceptual Basis of Idiomaticity // Cognitive Linguistics. 1990. Vol. 1, no. 4. P. 417–451.
14. Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. University of Chicago Press., 1980.
15. Quinn N. The Cultural Basis of Metaphor // Beyond Metaphor. The theory of tropes in anthropology / J. W. Fernandez (ed.). Stanford, 1991. P. 56–93.

References

1. Andesh IB, Beketova SV. The cognitive function of conceptual metaphor in modern linguistics // Global scientific potential. 2023;(7(148):130-132. (In Russ.).
2. Blek M. Metafora. In: Teoriya metafory = Theory of metaphor. Ed by ND. Arutyunova. Moscow; 1990. (In Russ.).
3. Budaev EV. The formation of the cognitive theory of metaphor. In: Linguoculturology. Yekaterinburg, 2007. Issue 1. Pp. 16–32. (In Russ.).
4. Golovacheva AN. Reflection of national worldview in language. In: Languages and intercultural communication: actual problems of philological science. Conference proceedings. St. Petersburg; 2006. Pp. 20–23. (In Russ.).
5. Kirillova NN. On the denotation of phraseological semantics. *Questions of linguistics*. 1986;(1):82-90. (In Russ.).
6. Kunin AV. Nekotorye voprosy anglijskoj frazeologii = Some questions of English phraseology. Moscow; 1955. (In Russ.).
7. Lukyanova IV, Abbasova AA. Semantic approaches to the study of metaphor in modern linguistics. *Global scientific potential*. 2025;(2(167):314-316. (In Russ.).
8. Nasupov RT, Sarangaeva JN. Metaphor as a linguistic phenomenon. *Trends in the development of science and education*. 2024;(109-3):100-102. (In Russ.).
9. Nikitin MV. Foundations of cognitive semantics. St. Petersburg; 2003. (In Russ.).
10. Oparina EO. Conceptual metaphor. In: Metaphors in language and text. Moscow' 1988. Pp. 65–77. (In Russ.).
11. Romanyuk MYu, Khachaturov MS. metaphor as a linguistic category. *Modern research on social problems*. 2021;13(4-5):112-116. (In Russ.).
12. Tolochin IV. Metaphor and intertext in English-language poetry: a linguistic and stylistic aspect. St. Petersburg; 1996. (In Russ.).

13. Gibbs RW. Psycholinguistic Studies on the Conceptual Basis of Idiomaticity. *Cognitive Linguistics*. 1990;1(4):417-451.
14. Lakoff G, Johnson M. *Metaphors we live by*. University of Chicago Press; 1980.
15. Quinn N. The Cultural Basis of Metaphor. In: *Beyond Metaphor. The theory of tropes in anthropology*. Ed. by JW Fernandez. Stanford; 1991. P. 56–93.

Информация об авторах

С. М. Тиллоева — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры профессионально-ориентированного языкового образования Уральского государственного педагогического университета; профессор кафедры иностранных языков Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.

Т. Р. Касумова — соискатель кафедры профессионально-ориентированного языкового образования.

Information about the authors

S. M. Tilloeva — Dr. Sci. (Philology), Associate Professor, Professor of the Department of Professionally Oriented Language Education at the Ural State Pedagogical University; Professor of the Department of Foreign Languages at the Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin.

T. R. Kasumova — Candidate for the Department of Professionally oriented Language Education.

Статья поступила в редакцию 13.10.2025; одобрена после рецензирования 29.11.2025; принята к публикации 14.01.2026.

The article was submitted 13.10.2025; approved after reviewing 29.11.2025; accepted for publication 14.01.2026.

Вклад авторов: оба автора сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 811.112.2

DOI: 10.47475/1994-2796-2026-508-2-77-85

МЕТАФОРИЗАЦИЯ ГЕОМЕТРИЧЕСКОГО ПОНЯТИЯ «ПЛОСКОСТЬ» В НЕМЕЦКОМ ИНЖЕНЕРНОМ ДИСКУРСЕ

Наталья Юрьевна Шнякина

Омский государственный педагогический университет, Омск, Россия, zeral@list.ru, 0000-0001-9366-1761,
Researcher ID: ID-L5319-2016, Scopus Author ID: 57195976570

Аннотация. Настоящая статья посвящена выявлению закономерностей метафорического представления знаний о плоскости в немецком инженерном дискурсе. Присоединяясь к работам о специфике объективации научной картины мира средствами языка, а также о принципах вербализации знаний о нематериальном мире в целом, статья представляется актуальной. В качестве материала исследования выступают языковые фрагменты, отобранные из немецкоязычных статей, размещенных на одном из специализированных научных порталов, информирующих читателей о новейших инженерных разработках. В опоре на теорию концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона геометрическое понятие «плоскость» рассматривается в качестве исходной «области-источника» для структурирования комплексных понятий. Посредством метода моделирования, предполагающего контекстуальный, дефиниционный и компонентный анализ, а также метод оппозиций и последующую интерпретацию полученных данных, описываются перцептивные основания взаимодействия знаний о плоскости и виртуальных пространствах в сфере научных достижений. Проведенное исследование показало высокую значимость метафорической модели «геометрическое понятие “плоскость” — виртуальное пространство» для концептуализации процессуальных и локальных составляющих производственных процессов, а также для описания элементов новейших цифровых технологий, обеспечивающих эффективную обработку и передачу данных. Закономерностями объективации рассмотренной в рамках статьи модели является вертикальная ориентация плоскостей, системность выражения однородных понятий, возможность дифференциации типов виртуальных пространств, а также преимущественная процессуальность результирующих сфер. Перцептивной основой взаимодействия «источника» и «мишени» является представление о плоскости как элементе иерархически упорядоченной системы. Теоретическая значимость статьи состоит в разработке методологии изучения пространственной метафоры, в установлении принципов изучения познавательных процессов через язык, а также в уточнении специфики концептуализации абстрактных понятий в рамках профессионального дискурса. Полученные в статье результаты могут быть использованы в дисциплинах, посвященных взаимодействию языка и мышления.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, инженерный дискурс, концептуализация, пространственная метафора, геометрическая метафора, плоскость, моделирование, виртуальное пространство, геометрическое пространство

Для цитирования: Шнякина Н. Ю. Метафоризация геометрического понятия «плоскость» в немецком инженерном дискурсе // Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 2 (508). С. 77–85. DOI: 10.47475/1994-2796-2026-508-2-77-85.

Original article

METAPHORIZATION OF GEOMETRIC CONCEPT “PLANE” IN GERMAN ENGINEERING DISCOURSE

Natalia Yu. Shnyakina

Omsk State Pedagogical University, Omsk, Russia, zeral@list.ru, 0000-0001-9366-1761, Researcher ID: ID-L5319-2016, Scopus Author ID: 57195976570

Abstract. The article is devoted to the mechanism of metaphorical representation of knowledge about the plane in German engineering discourse. Adjoining to the studies about the specifics of the objectification of the scientific picture of the world as well as about the principles of verbalization of knowledge about the non-material world, the

article seems to be of current interest. The material of the research are language fragments chosen from the articles published on the specialized scientific portal that inform readers about the latest engineering developments. Based on the theory of conceptual metaphor by J. Lakoff and M. Johnson the geometric concept “plane” is considered as the basic “source area” for structuring complex concepts. With the help of the method of modeling, which involves contextual, definitional and component analysis, as well as the method of oppositions and the subsequent interpretation of the data, are described the perceptual grounds for the interaction of knowledge about the plane and the virtual spaces in the field of scientific achievements. The study showed the high importance of the metaphorical model “geometric concept ‘plane’ — virtual space” for conceptualization of the procedural and local components of production processes, as well as for describing the elements of the latest digital technologies that ensure efficient processing and transmission of data. The objectification mechanism of the considered metaphorical model has the following regularities: the vertical orientation of the planes, the systematic expression of homogeneous concepts, the possibility of differentiating the types of virtual spaces, as well as the predominant procedural nature of the resulting spheres of metaphorical transfer. The perceptual basis of the interaction between the “source” and the “target” is the insight of a plane as an element of a hierarchically ordered system. The theoretical significance of the article lies in the development of a methodology for studying spatial metaphor, in understanding of the principles for studying cognitive processes through language, and in clarifying the specifics of the realization of abstract concepts in the professional discourse. The results obtained in the article can be used in disciplines devoted to the interaction between language and thought.

Keywords: cognitive linguistics, engineering discourse, conceptualization, spatial metaphor, geometric metaphor, plane, modeling, virtual space, geometric space

For citation: Shnyakina NYu. Metaphorization of Geometric Concept “plane” in German Engineering Discourse. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2026;(2(508):77-85. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2026-508-2-77-85.

Введение

Инженерный дискурс, будучи одной из форм институционального общения в сфере науки, обладает рядом характеристик, среди которых понятийная отвлеченность, логичность, смысловая точность. Научный стиль изложения, присущий текстам инженерного дискурса, обусловлен целью данного вида коммуникации, которая заключается в передаче информации заинтересованному кругу специалистов. Характеризуясь высокой степенью абстрактности, научный текст содержит большое количество обозначений, являющихся результатом метафорических переносов. В этом плане пространственная метафора является незаменимым средством осознания умозрительных элементов научной деятельности специалиста и способом номинации идей, технологических процессов и их составляющих. Особое место в пространственных обозначениях занимают фундаментальные геометрические понятия, такие как точка, линия, плоскость. Будучи простейшими формами существования пространственных представлений, эти понятия связаны между собой и используются для описания более сложных фигур.

Наличие в научном тексте большого количества пространственных метафор обусловило выбор темы статьи, посвященной изучению метафоризации геометрического понятия «плоскость» в текстах инженерной направленности. Данный аспект анализа представляется актуальным, так как соответствует активно исследуемой сегодня

проблематике особенностей вербализации научной картины мира, а также знаний о нематериальных сущностях.

Достижение заявленной в статье темы предполагает решение ряда задач, последовательность которых отражает логику изложения теоретического и практического материала. В разделе, посвященном анализу литературы, представлена информация, касающаяся инженерного дискурса, пространственной метафоры и метафорической модели; также дается определение плоскости и описываются ее основные характеристики. В исследовательской части предпринимается попытка выявления закономерностей концептуализации виртуальных пространств с помощью геометрического понятия плоскость: описываются предпосылки определения значения как переносного, устанавливаются типы пространств в рамках изучаемой метафорической модели с учетом специфики выступающей в качестве базы анализа профессиональной коммуникации.

Обзор литературы

Инженерный дискурс представляет собой своеобразную коммуникативную среду, в которой происходит получение и передача профессиональных знаний. В одной из работ данное понятие определяется как «информационное поле, базирующееся на научной картине мира и включающее денотативное содержание инженерной деятельности, отраженное в сознании профессионала и обусловлен-

ное реалиями профессиональной деятельности» [1, с. 317]. Интеллектуальная активность инженера направлена на создание технических изобретений, внедрение их в производственные процессы, модернизацию и обслуживание. Результаты исследовательской работы специалиста фиксируются в научных текстах: статьях, монографиях, докладах, диссертациях и т. д. Одной из лексических особенностей вербализации типичного для инженерного дискурса содержания является использование метафор.

В современных исследованиях [2, с. 21; 4, с. 49; 10, с. 81; 11, с. 122; 12, с. 155; 14, с. 134; 15, с. 73] метафора рассматривается как мыслительный механизм, обеспечивающий осознание и языковую фиксацию сложных понятий и идей посредством простых и известных образов. В этом плане метафора является незаменимым средством постижения истины и характеризуется гипотетичностью и эвристичностью: с одной стороны, метафора способствует формированию гипотетической модели абстрактного объекта или явления; с другой — открывает перспективы дальнейшего развития образа [8, с. 122–123].

В научном дискурсе особой ценностью обладает пространственная метафора; ее широкая представленность в специальных текстах обусловлена первичностью для человеческого сознания пространства; выступая в мире вещей в качестве ориентиров, пространственные понятия выполняют роль инструмента научного познания [7, с. 284], своеобразной «модели научного поиска» [8, с. 6]. В настоящем исследовании ценными представляются наблюдения относительно присутствия в научном языке различных представлений о пространстве, основанных на античных концепциях И. Ньютона и Г. В. Лейбница. В теории И. Ньютона пространство описывается как абсолютная величина, понимаемая как бесконечная протяженность, вмещающая в себя всю материю [9, с. 30]; Г. В. Лейбниц, будучи приверженцем относительности пространства, трактовал его как совокупность мест, занимаемых телами [6, с. 441]. Высказанное философами противоречие нашло свое отражение в языковой дифференциации метафорических моделей «пространство-вместилище» и «пространство-конструкт», порождающих большое количество научных терминов и языковых описаний в профессиональной среде [7, с. 285].

Метафорическая модель представляет собой существующий в сознании человека механизм, позволяющий осознавать и описывать научные абстракции. Модели «пространство-вместилище»

и «пространство-конструкт» широко представлены в инженерном дискурсе. Модель «пространство-вместилище» реализуется при описании отвлеченных понятий как ограниченной замкнутой виртуальной области, наполненной содержимым; модель «пространство-конструкт» применяется для более детальной объективации знаний и предполагает метафорическое переосмысление организации пространства: расположения его частей, связи и иерархических отношений между ними, существующих внутри пространства границ, позиции наблюдателя и т. д. [7, с. 286–287]. Указанные модели предполагают наличие более частных реализаций, обусловленных типом исходной пространственной области и используемого в качестве основы метафорического переноса аспекта пространственных отношений.

Зачастую метафорические модели, связанные с пространством, основываются на знаниях о геометрических фигурах и понятиях. Геометрическая метафора является значимым средством в сфере концептуализации и категоризации элементов научного знания. В рамках настоящей статьи в основу изучения метафорического потенциала геометрического понятия «плоскость» положена теория концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона, основанная на взаимодействии областей «источник» и «мишень» [5, с. 26]. В качестве исходной области процесса метафоризации — «области-источника» — выступает геометрическое понятие «плоскость», определяемое в математике как «плоская поверхность, такая, что любая прямая, соединяющая две ее точки, целиком принадлежит этой поверхности»¹; «область-мишень», в свою очередь, является результирующей сферой осознания сложных абстрактных объектов и может быть описана как «виртуальное пространство». Согласно концепции Дж. Лакоффа и М. Джонсона, рассматриваемый тип переноса представляет собой онтологическую метафору [5, с. 49], позволяющую осознавать технологические процессы как единое целое, включающее в себя иерархически связанные между собой элементы. В этом плане реализация метафорического потенциала геометрического понятия «плоскость» основывается на общей модели «пространство-конструкт» и соответствует осознанию пространства как относительной величины — совокупности мест, занимаемых телами; при метафорическом

¹ Научно-технический энциклопедический словарь. URL: <http://www.find-info.ru/doc/dictionary/scientific-technical/fc/slovar-207-3.htm#zag-3566> (дата обращения: 11.01.2024).

переосмыслении — совокупности виртуальных пространств, образующих абстрактное понятие, имеющее комплексный характер. Когнитивная значимость метафоризации геометрического понятия «плоскость» для репрезентации таких понятий обусловлена спецификой инженерного дискурса, с одной стороны, и принципами конструирования элементов невидимого мира, с другой.

Материал и методы исследования

Материал исследования составили примеры в количестве 200 единиц, выбранные из специализированного онлайн-издания *der Maschinenbau*², в котором представлены тексты инженерной тематики. Единицей анализа признается языковой фрагмент, включающий в себя существительное, номинирующее геометрическое понятие «плоскость» в качестве отдельной лексической единицы или элемента сложного слова.

В методологическом плане статья опирается на посвященные исследованию метафоры работы А. Н. Баранова и С. А. Хахаловой [3; 13]. Основным методом является метафорическое моделирование, предполагающее идентификацию в анализируемых языковых фрагментах концептуальных метафор и описание на их основе схем переноса из «сферы-источник» в «сферу-мишень» [5, с. 26]. На первом этапе в соответствии с разработанной А. Н. Барановым моделью анализа [3, с. 34] выявляются значимые характеристики исходного геометрического понятия «плоскость»; посредством логических операций анализа и синтеза ограничивается исходная для процесса метафоризации область. На втором этапе в соответствии с предложенной С. А. Хахаловой методикой [13, с. 235] производится идентификация метафор, предполагающая следующий алгоритм: контекстуальный анализ, нацеленный на выявление единицы, употребленной в переносном значении; дефиниционный анализ, позволяющий определить потенциально возможные значения исследуемого слова; компонентный анализ, результатом которого является фиксация мельчайших «семантических множителей»; метод оппозиций, ориентированный на определение константы сравнения — оснований метафорического переноса, связывающего исходную и результирующую сферы [13, с. 235]. Третий этап посвящен описанию закономерностей реализации метафорической модели в тексте; четвертый этап представляет собой соотношение знаний о модели с элементами нацио-

нальной картины мира носителей языка; на пятом этапе устанавливаются причины метафорической экспансии из «сферы-источник» в «сферу-мишень» [3, с. 34].

Используемый в работе комплекс методов сформирован исходя из специфики языкового материала, а также сложившейся в когнитивной лингвистике традиции описания метафорических моделей.

Результаты исследования и их обсуждение

Будучи знакомыми и доступными человеку, знания о плоскости образуют основу для функционирования в инженерном дискурсе геометрических метафор. Согласно научному пониманию значимым признаком геометрического понятия «плоскость» является специфическое отношение между точками в рамках определенной поверхности; эти представления могут быть дополнены посредством анализа языковых данных.

В немецком инженерном дискурсе геометрическое понятие «плоскость» номинируется существительными *Ebene*, *Oberfläche*, *Plattform*.

С одной стороны, отмеченные языковые средства самостоятельно функционируют в предложении, а с другой стороны, используются в качестве определяемого слова сложных существительных: *Ebene* — *Produktionsebene*, *Arbeitsplanungsebene*, *Führungsebene* и т. д.

Контекстуальный анализ отобранных для исследования языковых фрагментов показал наличие прямых и переносных значений существительных, номинирующих плоскость:

- Die Stadt liegt in einer, inmitten einer großen, weiten, breiten, fruchtbaren, blühenden **Ebene** (Город расположен посреди большой, широкой, плодородной, цветущей **равнины**)².
- Mess-, Diagnose- und Prozessdaten lassen sich ohne zusätzliche Verkabelung zwischen **Leit- und Prozessebene** übermitteln ... (Данные измерений, диагностики и технологической обработки могут передаваться между уровнями управления и реализации без дополнительных кабелей ...)².

В первом примере слово *Ebene* используется в прямом значении; во втором — слова *Leitebene* и *Prozessebene* представляют собой геометрические метафоры. Совмещение в одном контексте существительного с пространственным значением и слова, номинирующего абстрактное, в том числе процессуальное понятие, создает синтез содержимого и способа его концептуализации как некой протяженной в разные стороны ровной поверхно-

² *Der Maschinenbau*. URL: <https://der-maschinenbau.de/> (дата обращения: 11.01.2024).

сти — своеобразного виртуального пространства, расположенного в определенном месте.

В результате дефиниционного анализа слова Ebene, осуществленного на базе толковых словарей немецкого языка, были выявлены все потенциально возможные значения. В первом источнике зафиксированы следующие смыслы: 1) *sich weit erstreckendes flaches Land* (широко простирающаяся равнина); 2) *unbegrenzte, nirgends gekrümmte Fläche* (неограниченная, нигде не изогнутая поверхность); 3) *Stufe, Niveau* (ступень, уровень)³. Во втором источнике⁴ последнее значение представлено более эксплицитно — *einzelner horizontaler Abschnitt einer vertikalen Struktur* (отдельный горизонтальный участок вертикальной конструкции). В математике и физике согласно словарю DWDS⁴ под плоскостью понимается «неограниченная поверхность, не искривленная ни в одной из своих точек» (*unbegrenzte, in keinem ihrer Punkte gekrümmte Fläche*); кроме того присутствует переносное значение, относящееся к части иерархической административной структуры или структуры принятия решений (*Teil einer hierarchisch gegliederten Verwaltungs- oder Entscheidungsstruktur*).

За словом *Oberfläche* закреплены следующие значения: 1) *Fläche als obere Begrenzung einer Flüssigkeit* (верхний контур жидкости); 2) *Gesamtheit der Flächen, die einen Körper von außen begrenzen* (совокупность поверхностей, ограничивающих тело снаружи); 3) *Benutzeroberfläche* (пользовательский интерфейс)³. Словарь DWDS⁴ помимо названных значений фиксирует также переносное значение — «*Gesamtheit sich unmittelbar erschließender Erkenntnisse, offensichtlicher, offenkundiger Merkmale, Eigenschaften o. Ä.*» (совокупность непосредственно вытекающих из логики вещей знаний, очевидных признаков, свойств и т. п.).

Слово *Plattform*, в свою очередь, определяется в словаре DUDEN³ как 1. (*mit einem Geländer gesicherte*) *ebene Fläche auf hohen Gebäuden, Türmen o. Ä.* (плоская поверхность (закрепленная перилами) на высоких зданиях, башнях и т. п. 2. *Fläche am vorderen oder hinteren Ende älterer Straßen- oder Eisenbahnwagen zum Ein- und Aussteigen* (площадка в передней или задней части старых автомобильных или железнодорожных вагонов для посадки и высадки пассажиров); 3. *Basis, Standpunkt, von dem bei Überlegungen, Absichten, Handlungen, politischen Zielsetzungen o. Ä. ausgegangen wird* (осно-

³ Duden. URL: <https://www.duden.de/> (дата обращения: 11.01.2024).

⁴ DWDS — Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. URL: <https://www.dwds.de/> (дата обращения: 11.01.2024).

вание, точка зрения, из которой исходят при возникновении соображений, намерений, действий, политических целей и т. д.); *Ort oder Personenkreis, der dem Austausch und der Verbreitung von Ideen, Anschauungen oder Produkten dient* (место или группа людей для обмена и распространения идей, взглядов или коммерческих продуктов); 4. *Basis für die Entwicklung und Ausführung darauf aufsetzender Computerprogramme* (основа для разработки и функционирования компьютерных программ). Аналогичные значения рассматриваемого слова отмечены в толковом словаре DWDS⁴.

Согласно проведенному компонентному анализу семантическими множителями структуры значения слова Ebene являются: «неодушевленный предмет», «поверхность», «не имеет границ», «ровный, не изогнутый», «уровень, часть иерархической структуры»; к семантическим множителям значения слова *Oberfläche* относятся «неодушевленный предмет», «поверхность / совокупность поверхностей», «плоский», «верхняя граница / наружная граница», «очевидность». Значение слова *Plattform* включает в себя семантические множители «неодушевленный предмет», «поверхность», «плоский», «площадка / место для определенной деятельности», «исходная основа».

Выявленные компоненты легли в основу установления семантических противоречий при идентификации метафорических значений слов и выявления основы сравнения — интегрального признака, объединяющего исходную область (геометрическое понятие «плоскость») и результирующую область (виртуальное пространство).

Анализ сочетаемости слов Ebene, Oberfläche и Plattform в рамках проанализированных контекстов показал наличие различных виртуальных пространств.

Первый тип представляет собой процессуальное понятие, касающееся технологических и аналитических составляющих производства. Так, например, в инженерном дискурсе существует достаточное количество сложных слов с компонентом «Ebene», указывающих на так называемые технологические «уровни»: производства, управления, планирования: *Mitarbeiter interagieren mit IoT-Equipment und sind in Echtzeit miteinander sowie mit **Führungs- und Arbeitsplanungsebenen** vernetzt* (Сотрудники взаимодействуют с оборудованием IoT (internet of things — «интернет вещей») и в режиме реального времени соединены сетью друг с другом, а также с уровнями управления и планирования)⁵.

⁵ Der Maschinenbau. URL: <https://der-maschinenbau.de/> (дата обращения: 11.01.2024).

Помимо процессуальных обозначений элементов производственных процессов метафорический образ плоскости используется специалистом для указания на их непосредственные локальные составляющие — места, где реализуется тот или иной этап производственного процесса. В немецком инженерном дискурсе обнаружены сложные существительные Shopfloor-Ebene, Fabrikebene и др.:

- Mittel- bis langfristig ist zu erwarten, dass sich dieser Trend verstärken und IT-Standards bzw. IT-Werkzeuge zunehmende Anwendung auf **Shopfloor-Ebene** und in OT finden werden) (В среднесрочной и долгосрочной перспективе можно ожидать, что эта тенденция будет усиливаться и что новые информационные стандарты и инструменты будут всё чаще использоваться на уровне цехов)⁶.
- Das bedeutet: Anwender können Daten aus der **Fabrikebene** vom Schreibtisch aus analysieren (Это означает, что пользователи могут анализировать заводские данные со своих рабочих мест)⁶.

Аналогичное понимание метафорической плоскости реализуется в описаниях, касающихся создания фабрики будущего, работа которой основана на так называемом «облачном производстве» (Cloud Manufacturing). Для обозначения уровней производственного процесса используются общепринятые аббревиатуры ERP-Ebene (Enterprise-Resource-Planning) и MES-Ebene (Manufacturing Execution System): Denn selbst einzelne Unternehmen bilden Produkt- und Produktionsprozessinformationen nicht einheitlich innerhalb ihrer Strukturen ab, wodurch Produkt- und Dienstleistungsportfolios nicht direkt mit den Unternehmensressourcen (**ERP-Ebene**) oder der aktuellen Produktionsausführung (**MES-Ebene**) verknüpft sind (Даже отдельные компании не отображают в своих структурах информацию о продуктах и производственных процессах единообразно, что означает, что портфели продуктов и услуг не связаны напрямую с ресурсами компании (уровень планирования ресурсов предприятия) или текущим выполнением производства (уровень системы управления производством)⁶.

Второй тип виртуального пространства может быть обозначен как один из элементов созданной человеком структуры обработки данных. Исходное понятие «плоскость», как показало большое количество примеров, является продуктивной сферой для концептуализации элементов новейших

информационных технологий. Так, например, существительные Ebene и Plattform часто присутствуют в описаниях принципов работы так называемого интернета вещей — коллективной сети связанных между собой устройств и технологий, обеспечивающей их взаимодействие как между собой, так и с облаком. Уровень производственных активов обозначается словом Asset-Ebene; пограничный уровень номинируется существительным Edge-Ebene; облачное пространство представляется в научных описаниях как Cloud-Plattform:

- Edge-Knoten können, anders als Komponenten der Production **Asset-Ebene**, zentral gemanagt werden (В отличие от компонентов уровня производственных активов, пограничными узлами можно управлять централизованно)⁶.
- Die **Edge-Ebene** läßt sich aus unterschiedlichen Sichten betrachten (Пограничный уровень можно рассматривать с разных точек зрения)⁶.
- Manche Anwendungen erfordern sehr kurze Latenzzeiten, die durch Kommunikation mit einer zentralen **Cloud-Plattform** kaum eingehalten werden können... (Для некоторых приложений требуется очень короткий латентный период, который вряд ли можно обеспечить за счет связи с центральной облачной платформой)⁶.

Также в описаниях функционирования системы обработки данных используется слово Oberfläche, употребляемое в значении «интерфейс» и номинирующее совокупность цифровых средств, обеспечивающих взаимодействие устройств или программ в рамках работы определенной вычислительной системы. Так, например, с помощью метафоризации геометрического понятия «плоскость» специалисты описывают аналитический, графический и терминальный интерфейс: Mit dem IM18-CCM60 können Anwender sehr effizient Condition-Monitoring-Aufgaben lösen, indem sie über die browserbasierte, **grafische Oberfläche** alle Konfigurationen und die Parametrierung intuitiv erledigen. Wer möchte, kann auch eine **Terminaloberfläche** wie etwa Putty nutzen, um eigene Applikationen zu programmieren (С помощью IM18-CCM60 пользователи могут эффективно решать задачи мониторинга состояния, интуитивно устанавливая все конфигурации и параметры через графический пользовательский интерфейс на основе браузера. Если хотите, то для программирования ваших собственных приложений Вы также можете использовать терминальный интерфейс, такой как, например, Putty)⁶.

⁶ Der Maschinenbau. URL: <https://der-maschinenbau.de/> (дата обращения: 11.01.2024).

Третий тип виртуального пространства, присутствующий в научных описаниях, касается географически обусловленной общности людей. Реализуя свое метафорическое значение, существительное Ebene используется для описания количества вовлеченных в процесс эксплуатации новейших цифровых технологий пользователей на национальном, европейском и мировом уровнях:

- Es würde einer konzertierten Industrie-Initiative, **national** oder sogar auf **europäischer Ebene** bedürfen, um klare, juristische verbindliche Regeln einzuziehen (Для принятия четких, юридически обязательных правил потребуется согласованная отраслевая инициатива на национальном или даже общеевропейском уровне)⁷.
- Die deutsche IT-Branche ist auf dem Weltmarkt abgemeldet, bei der Software hält nur noch SAP auf **Weltebene** mit (Немецкая айти-индустрия ушла с мирового рынка, с программным обеспечением только системная аналитическая программа способна не отставать от мирового уровня)⁷.

Описанные в процессе анализа примеры виртуальные пространства в зависимости от обозначающего их слова представляют собой результирующие области переосмысления, приобретающие свое метафорическое прочтение в результате столкновения компонентов смысловой оппозиции «материальный» — «идеальный». Основу сравнения — интегральную смысловую константу — образует осознание виртуальных пространств как геометрической плоскости, вмещающей в себя определенный компонент или этап производственного процесса, своеобразного поля для осуществления определенного действия в рамках единой структуры.

Для виртуальных пространств, обозначаемых словом Ebene, интегральными признаками являются: «поверхность», «уровень, часть иерархической структуры»; эти признаки позволяют осознать различные виды деятельности в процессуальном и локальном аспектах, а также описывать формально ограниченные территории как общность людей, использующих ту или иную инженерную разработку. Основанием метафорического переноса при использовании в языковом фрагменте слова Plattform являются признаки «место для определенной деятельности», «исходная основа», трансформируемые в смысл «элемент созданной человеком структуры, выполняющий определен-

ную функцию». И, наконец, значимым для метафоризации признаком понятия «плоскость» при его номинации существительным Oberfläche является «плоская поверхность»; данный признак обеспечивает переосмысление элементов информационной комплексной структуры как виртуальных пространств, связанных с процессами взаимодействия компонентов электронной вычислительной системы.

Рассмотренная метафорическая модель «геометрическое понятие “плоскость” — виртуальное пространство» в очередной раз подтверждает свою онтологическую специфику, связанную со значимостью механизма концептуализации действительности посредством знаний о материальных объектах. Основными закономерностями реализации данной метафорической модели в инженерном дискурсе являются: наличие структурообразующей функции понятия плоскость, предполагающей осознание виртуальных пространств в вертикальном измерении; системность реализации модели, заключающаяся в наличии однородных понятий, номинирующих виртуальные пространства как элементы единой системы; возможность дифференциации пространств посредством присоединения к номинации плоскости уточняющих компонентов (в том числе в виде аббревиаций); и, наконец, преимущественная процессуальность описываемых метафорически плоскостей как места для выполнения определенной деятельности человеком или электронно-вычислительной машиной.

Описанная модель отражает специфику научной картины мира, связанную с попыткой структурирования научных понятий или идей посредством доступных сознанию пространственных образов, то есть упорядочивания сложных, в том числе умозрительных, технологических процессов с помощью уровней, платформ и т. д. Анализ примеров показал значимость вертикальной ориентации для концептуализации деятельности такого рода. Причина экспансии геометрического понятия «плоскость» в сферу инженерной деятельности связана с элементарностью данного понятия, первичностью представлений о пространстве как плоской поверхности, окружающей человека, а также перцептивными закономерностями, обусловленными истоками познания воспринимаемых визуально геометрических форм.

Выводы

Анализ литературы о метафорических моделях, реализующихся в научном дискурсе, показал

⁷ Der Maschinenbau. URL: <https://der-maschinenbau.de/> (дата обращения: 11.01.2024).

значимость геометрической метафоры для концептуализации понятий в сфере современных инженерных разработок.

Изученная на материале немецкого языка модель «геометрическое понятие “плоскость” — виртуальное пространство» имеет регулярные формы объективации, обусловленные использованием лексических единиц Ebene, Oberfläche, Plattform в переносном значении. Наличие рассматриваемой метафорической модели связано с синтезом содержимого и способа его концептуализации — элемента комплексного технологического процесса и его осознания как деятельности человека или машины, образующей ровную, протяженную в пространстве поверхность. Онтологическая специфика плоскости как элементарного геометрического понятия выступает в качестве интегрального признака, сближающего сферы «источник» и «мишень».

Закономерностями языковой представленности метафорической модели «“плоскость” — вирту-

альное пространство» в немецком инженерном дискурсе являются: во-первых, осознание технологического процесса как многоуровневой вертикально ориентированной совокупности виртуальных пространств, в рамках которых осуществляется та или иная функция; во-вторых, системная однородность понятий, выступающих в качестве метафорически осознаваемых виртуальных пространств; в-третьих, преимущественная процессуальность понятий, конституирующих уровни описываемых производственных процессов.

Функция описываемой метафорической модели заключается в упорядочивании производственных процессов как на уровне предприятия, так и на уровне информационной системы, а также на уровне масштаба вовлеченных в процесс эксплуатации разработки пользователей. Рассматриваемый тип переноса обусловлен первичностью визуальных представлений, обусловленных осознанием пространства как конструкта, имеющего границы, уровни, иерархию.

Список источников

1. Авдеева И. Б. Инженерная коммуникация как самостоятельная речевая культура: когнитивный, профессиональный и лингвистический аспекты (теория и методика обучения русскому языку как иностранному). М. : Изд-во МГТУ, 2005. 368 с.
2. Андиш И. Б., Бекетова С. В., Тоцкая О. В. Когнитивная функция концептуальной метафоры и ее методологические основания // Тенденции развития науки и образования. 2022. № 92. С. 20–23.
3. Баранов А. Н. Метафорические модели как дискурсивные практики // Известия РАН. Серия литературы и языка, 2004. № 1 (63). С. 33–43.
4. Козлова Л. В., Кремнева А. В. Концептуальная метафора в когнитивно-семиотическом осмыслении // Вопросы когнитивной лингвистики. 2021. № 1. С. 47–59.
5. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живём. М. : URSS, 2021. 256 с.
6. Лейбниц Г. В. Переписка с Кларком. Сочинения : в 4 т. Т. 1. М. : Мысль, 1982. С. 430–528.
7. Михайлова О. А., Михайлова Ю. Н. Метафоризация пространства в научном тексте // Уральский филологический вестник. 2020. № 2. С. 282–290.
8. Мишанкина Н. А. Метафора в науке: парадокс или норма? Томск : Изд-во ТГУ, 2010. 282 с.
9. Ньютон И. Математические начала натуральной философии. М. : URSS, 2023. 704 с.
10. Пашкова И. В. Геометрическая метафора в профессиональной коммуникации (на материале английского экономического медиадискурса) // Вестник ТГПУ. 2016. № 6 (171). С. 81–85.
11. Пятунина А. А. О когнитивном потенциале метафоры в научном дискурсе // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2021. № 3. С. 120–129.
12. Синельникова И. И., Кушпет С. С. Метафора в научном тексте // Научный альманах. 2021. № 3-2 (77). С. 155–159.
13. Хахалова С. А. Алгоритм идентификации метафоры // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2012. № 2s (18). С. 231–236.
14. Яковлева И. Н. Особенности функционирования метафоры в научно-популярном тексте // Язык, коммуникация и социальная среда. 2021. № 19. С. 133–145.
15. Abdulhairova F. I. Metaphor In The Scientific Discourse // International Journal of Progressive Sciences and Technologies. 2021. № 1 (25). P. 69–73.

References

1. Avdeeva IB. Inzhenernaja kommunikacija kak samostojatel'naja rechevaja kul'tura: kognitivnyj, professional'nyj i lingvisticheskiy aspekty (teorija i metodika obuchenija russkomu jazyku kak inostrannomu) = Engineering communication as an independent speech culture: cognitive, professional and linguistic aspects (theory and methods of teaching Russian as a foreign language). Moscow; 2005. 368 p. (In Russ.).
2. Andish IB., Beketova SV., Tockaja OV. Cognitive function of conceptual metaphor and its methodological foundations. *Tendencii razvitiya nauki i obrazovanija = Trends in the development of science and education*. 2022;(92):20-23. (In Russ.).
3. Baranov AN. Metaphorical models as discursive practices. *Izvestija RAN. Serija literatury i jazyka = News of the Russian academy of sciences. Series of literature and language*. 2004;(1(63):33-43. (In Russ.).
4. Kozlova LA, Kremneva AV. Conceptual metaphor in cognitive-semiotic interpretation. *Voprosy kognitivnoj lingvistiki = Issues of cognitive linguistics*. 2021;(1):47-59. (In Russ.).
5. Lakoff J, Johnson M. *Metaforj, kotorymi my zhivjom = Metaphors we live by*. Moscow; 2021. 256 p. (In Russ.).
6. Lejbnic GV. *Perepiska s Klarkom. Sochinenija v 4 tomah = Correspondence with Clark. Works in 4 volumes*. Moscow; 1982. Vol. 1. Pp. 430–528. (In Russ.).
7. Mihajlova OA, Mihajlova YuN. Metaphorization of space in scientific text. *Ural'skij filologičeskij vestnik = Ural Journal of Philology*. 2020;(2):282-290. (In Russ.).
8. Mishankina NA. *Metafora v nauke: paradoks ili norma? = Metaphor in science: a paradox or a norm?* Tomsk; 2010. 282 p. (In Russ.).
9. N'yuton I. *Matematicheskie nachala natural'noj filosofii = Mathematical principles of natural philosophy*. Moscow; 2023. 704 p. (In Russ.).
10. Pashkova IV. Geometric metaphor in professional communication (in the English economic mass media discourse). *Vestnik TGPU = TSPU Bulletin*. 2016;(6(171):81-85. (In Russ.).
11. Pyatunina AA. The cognitive potential of metaphor in scientific discourse. *Vestnik Rossijskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta = Bulletin of Russian State University for the Humanities*. 2021;(3):120-129. (In Russ.).
12. Sinelnikova II, Kushpet SS. Metaphor in a scientific text. *Nauchnyj al'manah = Science Almanac*. 2021;(3-2(77)):155-159. (In Russ.).
13. Khakhalova SA. A step-by-step procedure for solving problems of identifying metaphors. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvističeskogo universiteta = ISLU Bulletin*. 2012;(2s(18):231-236. (In Russ.).
14. Yakovleva IN. Functions of metaphor in popular science. *Jazyk, kommunikacija i social'naja sreda = Language, communication and social environment*. 2021;(19):133-145. (In Russ.).
15. Abdulhairova FI. Metaphor In The Scientific Discourse. *International Journal of Progressive Sciences and Technologies*. 2021;(1(25):69-73.

Информация об авторе

Н. Ю. Шнякина — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры немецкого языка и межкультурной коммуникации.

Information about the author

N. Yu. Shnyakina — Dr. Sci. (Philology), Associate Professor, Professor, Department of German and intercultural communication.

Статья поступила в редакцию 05.11.2024; одобрена после рецензирования 09.12.2024; принята к публикации 14.01.2026.

The article was submitted 05.11.2024; approved after reviewing 09.12.2024; accepted for publication 14.01.2026.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

**ПРАГМАЛИНГВИСТИКА, ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ГРАММАТИКА
И СЕМАНТИКА, ЛИНГВОСЕМИОТИКА
PRAGMALINGUISTICS, FUNCTIONAL GRAMMAR
AND SEMANTICS, LINGUOSEMIOTICS**

---

*Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 2 (508). С. 86–95.
Bulletin of Chelyabinsk State University. 2026;(2(508)):86-95.*

Научная статья

УДК 811.512.141'42

ББК 81.2(2Рос=Баш); 82.3(2Рос=Баш)

DOI: 10.47475/1994-2796-2026-508-2-86-95

**ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ТИПЫ
ВОПРОСИТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В ЖАНРЕ ИНТЕРВЬЮ
(на материале устного подкорпуса средств массовой информации
башкирского языка)**

Лилия Айсовна Бускунбаева

Ордена Знак Почета Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН,
Уфа, Россия, buskl@yandex.ru, 0000-0003-3495-3742, Scopus Author ID: 04200911596

Аннотация. Исследуются функционально-семантические типы вопросительных предложений в жанре интервью. Тема исследования представляет собой особый интерес, поскольку в настоящее время в лингвистической науке акцент смещается в сторону изучения живой речи и речевого общения. Язык устных форм массмедиа в башкирской лингвистике до сих пор не получил научного освещения. В качестве материала для исследования выступили транскрипты теле- и радиопрограмм, выходящих в эфир на государственных и республиканских телевизионных («БСТ», «Башкортостан 24», «Россия — Башкортостан») и радиовещательных («Юлдаш», «Ашкадар») каналах. Транскрибированные записи размещены в «Устном подкорпусе средств массовой информации башкирского языка». В интервью, представляющем собой вопросно-ответный комплекс, основным жанрообразующим признаком являются вопросительные предложения. Анализ транскриптов, размещенных в устном подкорпусе средств массовой информации, показал, что в жанре интервью употребляются различные по структуре вопросительные предложения, побуждающие интервьюируемого на сообщение той или иной информации. В анализируемых текстах зафиксированы собственно вопросительные предложения, побуждающие интервьюируемого на сообщение той или иной информации, в то время как риторические вопросы, выражающие эмоции по отношению к той или иной ситуации, утверждение или отрицание чего-либо, не наблюдаются. В статье рассматриваются основные функционально-семантические типы вопросительных предложений (общевопросительные предложения, предположительно-вопросительные предложения, удостоверительно-вопросительные предложения, частновопросительные предложения, альтернативные вопросы), зафиксированные в жанре интервью, выявляются главные маркеры вопросительности, характерные для определенного типа синтаксических конструкций. Подробно описываются выполняемые коммуникативные функции каждого типа вопросительных предложений, которые позволяют интервьюеру раскрыть тему интервью, получить новые сведения, интересные факты, уточнить детали, подтвердить или опровергнуть ту или иную информацию, запросить дополнительные сведения о деталях ситуации, определиться в выборе между двумя или более предлагаемыми альтернативами.

Ключевые слова: башкирский язык, вопросительное предложение, функционально-семантические типы, язык средств массовой информации, интервью

Финансирование. Данное исследование выполнено в рамках государственного задания УФИЦ РАН № 075-00570-24-01 на 2024 г. и на плановый период 2025 и 2026 гг. «Создание и лексико-грамматическое исследование устного подкорпуса средств массовой информации башкирского языка».

Для цитирования: Бускунбаева Л. А. Функционально-семантические типы вопросительных предложений в жанре интервью (на материале устного подкорпуса средств массовой информации башкирского языка) // Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 2 (508). С. 86–95. DOI: 10.47475/1994-2796-2026-508-2-86-95.

Original article

FUNCTIONAL AND SEMANTIC TYPES OF INTERROGATIVE SENTENCES IN THE INTERVIEW GENRE (Based on the Material of the Oral Subcorpus of the Bashkir Language Mass Media)

Liliya A. Buskunbaeva

Order of the Badge of Honor Institute of History, Language and Literature, Ufa Federal Research Center, Russian Academy of Sciences, Ufa, Russia, buskl@yandex.ru, 0000-0003-3495-3742, Scopus AuthorID: 04200911596

Abstract. This article examines the functional and semantic types of interrogative sentences in the interview genre. The research topic is of particular interest, since currently the emphasis in linguistic science is shifting towards the study of live speech and speech communication. The language of oral forms of mass media in Bashkir linguistics has not yet received scientific coverage. Transcripts of television and radio programs aired on state and republican television (BST, Bashkortostan 24, Russia-Bashkortostan) and radio broadcasting (Yuldash, Ashkadar) channels were used as material for the study. Transcribed recordings are posted in the “Oral Subcorp of the Bashkir language mass media”. In an interview, which is a question-and-answer complex, the main genre-forming feature is interrogative sentences. The analysis of transcripts posted in the oral subcorp of the mass media showed that in the genre of interviews, interrogative sentences of various structures are used, prompting the interviewee to communicate this or that information. The analyzed texts contain proper interrogative sentences that encourage the interviewee to communicate this or that information, while rhetorical questions expressing emotions in relation to a particular situation, affirmation or denial of something, are not observed. The article examines the main functional and semantic types of interrogative sentences (general interrogative sentences, presumably interrogative sentences, certifying interrogative sentences, frequent interrogative sentences, alternative questions) fixed in the interview genre, identifies the main markers of interrogativeness characteristic of a certain type of syntactic constructions. The communicative functions performed by each type of interrogative sentences are described in detail, which allow the interviewer to reveal the topic of the interview, get new information, interesting facts, clarify details, confirm or deny this or that information, request additional information about the details of the situation, decide between two or more proposed alternatives.

Keywords: Bashkir language, interrogative sentence, functional and semantic types, language of mass media, interview

Funding. This study was carried out within the framework of the state assignment of the UFIC RAS No. 075-00570-24-01 for 2024 and for the planning period 2025 and 2026 “Creation and lexical and grammatical study of the oral subcorpus of the Bashkir language mass media”.

For citation: Buskunbaeva LA. Functional and Semantic Types of Interrogative Sentences in the Interview Genre (Based on the Material of the Oral Subcorpus of the Bashkir Language Mass Media). *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2026;(2(508):86-95. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2026-508-2-86-95.

Введение

В отделе прикладной лингвистики и диалектологии реализуется разработка «Устного подкорпуса средств массовой информации башкирского языка»¹. Данный подкорпус включает в себя транскрибированные записи радио- и телепрограмм, выходящих в эфир на государственных и республиканских телевизионных и радиовещательных каналах. Языковой материал, размещенный в подкорпусе, предоставляет возможность пользователю получить объективную картину устной звучащей речи для дальнейшего всесто-

ронного и объективного изучения полученных данных для решения различных лингвистических задач. Например, материал устного подкорпуса «позволит представить лингвистические данные в реальном контексте, получить данные о частоте лексем и грамматических категорий, о сочетаемости лексических единиц и т. д.» [2, с. 177–178].

На сегодняшний день в подкорпус вводятся транскрипты радио- и телепрограмм (ТВ — «БСТ», «Башкортостан 24», «Россия — Башкортостан»; радио — «Юлдаш», «Ашкадар»). При транскрибировании используется стандартная башкирская орфография.

¹ Корпус публицистики // Машинный фонд башкирского языка. URL: <https://mfbl2.ru/mfbl/bashdial/>

Каждый текст получает метаразметку, включающую название программы, дату выпуска, тематику и жанр программы.

Одним из основных жанров радио- и телевидения является интервью, важнейшие признаки которого — «1) целенаправленная беседа, предназначенная для распространения в разных видах СМИ; 2) публичный характер разговора; 3) интервьюируемый — общественно значимая фигура; 4) непосредственное общение собеседников; 5) вопросно-ответный комплекс; 6) двуадресность — предназначенность для информирования и воздействия не только на участников диалога, но и на читателя/зрителя» [6, с. 9].

Интервью реализуется через диалогическую (интервьюер, один интервьюируемый) или полилогическую (интервьюер, два и более интервьюируемых) форму подачи информации, представляющую собой вопросно-ответный комплекс. Именно вопрос можно считать ключевым жанрообразующим признаком интервью, поскольку хорошо сформулированные вопросы во многом определяют дальнейшее развертывание беседы. В ином случае существует вероятность получения неопределенных, размытых и неточных ответов на задаваемые журналистом вопросы.

В башкирском языкознании вопросительные предложения изучены достаточно полно. Вопросительные предложения в башкирской лингвистике в той или иной степени рассмотрены в трудах Г. Г. Саитбатталова [14, с. 77–80], Д. С. Тикеева [15, с. 140–148; 16, с. 134–142; 17, с. 34–41], М. С. Арслановой [1], в «Грамматике современного башкирского литературного языка» [3, с. 430–431]. В данных работах определены типы вопросительных предложений, рассматриваются структурные и семантические особенности таких конструкций, описываются основные средства вопросительности в башкирском языке. В них в качестве материала для анализа преимущественно выступили письменные тексты. В то же время до сих пор нет исследований вопросительных предложений на устном материале, который существенно отличается от письменного языка.

В данной статье материалом для исследования стали транскрипты теле- и радиопрограмм.

В жанре интервью преимущественно используются стандартные для башкирского языка средства выражения вопросительности: вопросительная интонация, вопросительные местоимения (*кем* ‘кто’, *нимә* ‘что’, *ни* ‘что’, *кайһы* ‘который’, *нисә* ‘сколько’, *ниндәй* ‘какой’, *кайза* ‘где, куда’, *күпме* ‘сколько’ и т. д.), вопросительные частицы

(с оттенками уверенности, конкретности: *-мы/-ме, -мо/-мө*; с оттенками неуверенности, неопределенности, предположения: *-мы/-ме икән, -мо/-мө икән; -мы/-ме ни, -мо/-мө ни* с оттенками удивления, досады), частицы неуверенного предположения (*-дыр/-дер, -зыр/-зер, -лыр/-лер, -тор/-төр*), разделительно-перечислительные союзы (*йә, йәки, йәһә* ‘или’, *әллә* ‘то; или’), перформативы (*һорау* ‘спросить’, *һорау биреү* ‘задавать вопрос’).

В коммуникативной организации интервью большую роль играют глаголы, предикативная функция которых реализуется в вопросительном предложении и является свойством всего предложения.

Основную роль в вопросительных предложениях играют глаголы речи, как *һорау* ‘спросить’, *әйтеү* ‘сказать’, в процессе беседы позволяют более плавно ввести вопрос, подталкивают собеседника к ответу: *Фирүзә / һинән һорайым әле / һин теши табибына йөрөйһөңмө?* ‘Фирюза / спрошу у тебя / посещаешь ли ты стоматолога?’ (Телеканал «БСТ», программа «Сәләм», 21.03.2024); *Нисегерәк Корбан байрам / әй / әйтегез әле / ниндәйзер милли йолалар менәнме?* ‘Как (проводится) Курбан-байрам / ой / скажите мне / с какими-то национальными традициями?’ (Телеканал «Башкортостан 24», программа «Хәйерле иртә, Республика!», 04.09.2023).

Журналисту часто приходится возвращаться к предыдущей теме, которая по каким-либо причинам осталась нераскрытой. Он использует в этих целях сложный глагол *әйләнен кайтыу* ‘вернуться, возвращаться’: *Ә көнөнә ике литр һыу эсергә кәрәк тигәнә әйләнен кайтканда / был дөрөсмө?* ‘А если вернуться к теме употребления в сутки двух литров воды / это правда?’ (Радио «Юлдаш», программа «Айбулат асыклай», 07.06.2023); *Бына күп балалы гаиләләргә әйләнен кайтканда / уларға / ауыл ерендә йәшәгән һәм күп бала тәрбиәләгән гаиләләргә ниндәй ташламалар каралган?* ‘Возвращаясь к многодетным семьям / им / семьям / живущим в сельской местности и воспитывающим много детей / предусмотрены какие-либо скидки?’ (Телеканал «Башкортостан 24», программа «Хәйерле иртә, Республика!», 07.03.2020).

Основным знаком препинания в вопросительных предложениях является вопросительный знак, однако есть и свои исключения. Например, часто журналист зачитывает сообщения-вопросы радио- и телезрителей, адресованных интервьюируемому, оформляя их как в прямой, так и косвенной речи. В таких конструкциях авторская речь является главным предложением, а речь радио- и телезрителя — придаточным дополнительным предложе-

нием, присоединяемым к главной части при помощи послелога *тип: Акса тигәндәй / күптәр һорайзар / касан буласак был фестиваль / тип*. ‘Что касается денег / многие спрашивают / когда пройдет этот фестиваль’. (Телеканал «Башкортостан 24», программа «Хэйерле иртә, Республика!», 04.09.2023); *Киләсәктә ошо кабактарыгызы орлокка сыгарырга уйламайһыгызымы / тип һорагандар Иглин районынан*. ‘В будущем планируете ли выпускать на продажу тыквенные семена / спросили из Иглинского района’. В данных предложениях, несмотря на то, что они включают в свой состав и вопросительную часть, вопросительность выделяется только интонацией, а при транскрибировании не отмечается вопросительным знаком.

Как показывает анализируемый материал, в жанре интервью представлены следующие функционально-семантические типы вопросительных предложений: общевопросительные предложения, предположительно-вопросительные предложения, удостоверительно-вопросительные предложения, частновопросительные предложения, альтернативные вопросы.

Типы вопросительных предложений в жанре интервью

Вопросительные предложения принято делить на собственно вопросительные и вопросительно-риторические. Если первый тип предложений направлен на запрос информации и предполагает ответ на заданный вопрос, то второй — преимущественно выражает эмоции задающего по отношению к той или иной ситуации, утверждает или отрицает что-либо. В жанре интервью зафиксированы собственно вопросительные предложения, побуждающие интервьюируемого на сообщение той или иной информации. В интервью представлен широкий спектр функционально-семантических типов вопросительных предложений.

Общевопросительные предложения. Самым распространенным видом вопросительных предложений в жанре интервью являются общевопросительные предложения, «предлагающие подтвердить или опровергнуть основное содержание высказываний» [15, с. 140].

В качестве ответа на такие вопросы, предполагающие обязательную реплику, выступают модальные слова *эйе* ‘да’ (при одобрении, утверждении высказывания) и *юк* ‘нет’ (при отрицании). Однако может быть получен и более развернутый ответ.

Основным средством выражения вопроса в таких предложениях является вопросительная частица *-мы/-ме, -мо/-мө*, которая может присоединить-

ся ко всем полнозначным словам, но чаще всего глаголам: *Ә тик катын-кыззарга гына махсуслаштырылган бөзрәханалар бармы?* ‘А есть специализированные парикмахерские только для женщин?’ (Телеканал «Башкортостан 24», программа «Хэйерле иртә, Республика!», 13.09.2023); *Һин тулы ышаныс менән үзәңде бәхетле кешемән / тип әйтә алаһыңмы?* ‘Ты с полной уверенностью можешь сказать / что ты счастливый человек?’ (Радио «Юлдаш», программа «Караш», 04.01.2023).

В исследуемом материале фиксируются примеры, когда вопросительная частица присоединяется и к служебным словам: *Нисегерәк Корбан байрам үткәрелә / әйтегез әле? Милли йолалар менәнме?* ‘Как проводится Курбан-байрам / скажите / пожалуйста? С национальными традициями?’ (Телеканал «Башкортостан 24», программа «Хэйерле иртә, Республика!», 04.09.2023); *Фаилә эше генәме?* ‘Только семейное дело?’ (Радио «Юлдаш», программа «Атайсал», 02.05.2023). В первом примере вопросительная частица присоединяется к послелогу *менән* ‘с, вместе с’, во втором — к ограничительной частице *генә* ‘лишь’.

Предположительно-вопросительные предложения. Многими лингвистами предположительно-вопросительные предложения рассматриваются в качестве самостоятельного функционально-семантического типа вопросительных предложений [9, с. 90–94; 4, с. 21; 1, с. 11–12]. Основной коммуникативной функцией таких предложений является стимулирование собеседника «принять участие в выяснении какого-либо факта, сведения, о котором спрашивающий имеет некоторое представление» [1, с. 11]. А. А. Калинина считает, что такие вопросительные конструкции не включают в себя запроса новых сведений для спрашивающего: «Это своего рода полувопрос-полуутверждение. Наряду с вопросом, говорящий высказывает предположение о наличии того, о чем идет речь в предложении, но не вполне уверен в правильности своего предположения» [7, с. 74].

Для жанра интервью также характерны предположительно-вопросительные предложения, когда интервьюер стремится верифицировать или опровергнуть возникшее в ходе беседы предположение о наличии либо отсутствии чего-либо. Интервьюируемый в случае согласия либо несогласия с предположением интервьюера может также добавить и дополнительную информацию либо уточнить, почему думает иначе. Такие вопросы также часто задаются с целью корректировки направления беседы в нужном для интервьюера русле в случае отступления от темы.

В таких предложениях большую роль играет интонация, которая преобразовывает повествовательное предложение в вопросительное. К числу лексико-грамматических показателей предположительности в башкирском языке относится частица неуверенного предположения *-дыр/-дер* с ее фонетическими вариантами, передающая «оттенок сомнения, неуверенности в отношении события, действия, явления, предмета» [3, с. 329]. Данная частица в исследуемом материале присоединяется чаще всего к сказуемым, выраженным глаголом: *Ә һинең / Ләйсән / үзеңдең шундай теләгең / могайын да / барзыр?* ‘А у тебя / Лейсан / есть / наверное / такое желание?’ (Радио «Юлдаш», программа «Канаттар», 18.01.2023); *Кулланыусылар за арткандыр?* ‘И количество пользователей / наверное / увеличилось?’ («Башкортостан 24», программа «Интервью», 13.10.2023).

В интервью предположение может быть выражено также вводно-модальным словом *балки* ‘может быть, возможно, вероятно, наверное’, оценивающим вероятность какого-либо действия, состояния, явления и т. д., в сочетании с частицей *-дыр/-дер*: *Балки кайһы бер һорауларҙы тикшергәндә / ултырыштар һанын күбәйтеү за кәрәктер?* ‘Возможно / при обсуждении некоторых вопросов / нужно увеличивать количество заседаний?’ (Телеканал «Башкортостан 24», программа «Интервью», 02.12.2021); *Бына һезҙең ниндәйҙер үзегеҙҙең / балки / ысулдарығыҙ барзыр?* ‘Вот у вас / наверное / есть какие-нибудь свои способы?’ (Радио «Юлдаш», программа «Атайсал», 16.05.2023).

Вопросительная частица *-мы/-ме* в комплексе со вспомогательным глаголом *икән* часто маркирует неопределенность и предположение: *Һәйкәлде икенсе урынға күсерәү мөмкинлеге бармы икән?* ‘Есть ли возможность перевести памятник в другое место?’ (Телеканал «Башкортостан 24», программа «Интервью», 04.11.2021); *Ул шул кабакты мал ашаһа / уның итенең сифаты артамы икән?* ‘Если кормить скотину вот этой тыквой / изменится ли качество мяса?’ (Телеканал «Башкортостан 24», программа «Хәйерле иртә, Республика!», 04.09.2023).

В предположительно-вопросительных предложениях вопросительность может выражаться глаголом в условном наклонении: *Профилактика тигәндәй / Зөлфия / йылына нисә тапкыр тешите барып тикшертеп торорға кәрәк икән / һин тешәңде йыуып йөрөһәң дә / теширәң ялтырап торһа ла?* ‘Что касается профилактики / Зулфия / оказывается надо несколько раз в год проходить осмотр зубов / если даже ты и чистишь зубы / и они вы-

глядят здоровыми?’ (телеканал «БСТ», программа «Сәләм», 21.03.2024). Данное предложение является сложноподчиненным, в котором вопросительное предложение, представленное придаточным предложением условным, располагается по отношению к главному предложению постпозитивно, что характерно именно для устной речи. В данном предложении главную роль играет вопросительная интонация, поскольку отсутствуют вопросительные частицы либо вопросительные местоимения.

М. С. Арслановой отмечается также употребление частицы неопределенности *алла* ‘разве, может быть’ в составе предположительно-вопросительного предложения [1, с. 12]. Однако, как показывает исследуемый материал, в жанре интервью она используется в функции союза преимущественно в альтернативных вопросах, когда предлагается интервьюируемому выбор между двумя и более вариантами.

Удостоверительно-вопросительные предложения. Такие вопросы состоят из двух частей — основной (утвердительной) и вспомогательной (вопросительной), находящейся в постпозиции. Интервьюер очень часто задает вопросы интервьюируемому для уточнения, перепроверки той или иной информации либо получения подтверждения определенного факта.

В отечественной лингвистике нет единого подхода к определению таких конструкций. Авторы «Русской грамматики-80» рассматривают такие вопросительные предложения как констатирующие-вопросительные предложения, совмещающие «вопрос с почти полной уверенностью, с утверждением» [12, с. 394]. А. А. Калинина и И. П. Распопов такие конструкции относят к удостоверительно-вопросительным предложениям [8, с. 413; 11, с. 90–94].

Е. Н. Линдстрем рассматривает их как вопросы-предположения [10, с. 11]. Башкирский лингвист М. С. Арсланова такие конструкции также относит к предположительным вопросительным предложениям, в которых «вопросительная интонация преобразует повествовательное предложение в предположительный вопрос» [1, с. 12]. В других источниках, посвященных синтаксису башкирского языка, такие вопросительные конструкции практически не исследованы. Недостаточный объем исследований вопросительных предложений данного типа, возможно, связан с тем, что они преимущественно свойственны устной речи, чем письменному языку.

В данном исследовании вслед за И. П. Распоповым и А. А. Калининой будет использовано назва-

ние «удостоверительно-вопросительные предложения» по отношению к таким вопросительным конструкциям.

Удостоверительно-вопросительные вопросы в башкирском языке в определенной степени схожи с моделями разделительных предложений в английском языке. В английском языке они также состоят из двух частей, начальная из которых является утвердительной, а вопросительная — отрицательной либо наоборот [13]. Однако в башкирском языке основная часть может быть представлена как утвердительной, так и отрицательной формой, а вопросительная часть только утвердительной. В исследуемом материале не были зафиксированы примеры с отрицательной формой вопросительного сегмента.

В качестве вспомогательного сегмента используются следующие конструкции: *эйеме?* (модальное слово со значением одобрения, утверждения *эйе* ‘да’ с вопросительной частицей *-мы/-ме, -мо/-мө* ‘да?’; *эйе бит?* (модальное слово *эйе* ‘да’ + утвердительно-усилительная частица *бит* ‘ведь, же’) ‘да ведь?’; *шулаймы?* (указательное местоимение *шулай* ‘такой; так’ с вопросительной частицей *-мы/-ме, -мо/-мө* ‘так?’; не так ли?); *шулай бит?* (указательное местоимение *шулай* ‘такой; так’ + утвердительно-усилительная частица *бит* ‘ведь, же’) ‘так ведь?’; *шулай за инде?* (указательное местоимение *шулай* ‘такой; так’ + усилительная частица с оттенком подтверждения, уверенности *за* ‘ведь, же’ + утвердительно-усилительная частица *бит* ‘ведь, же’) ‘ведь так же?’; *был дөрөсмө?* (указательное местоимение *был* ‘это’ + наречие ‘правильно, верно, точно’ с вопросительной частицей *-мы/-ме, -мо/-мө* ‘это правда?’; это точно? верно?’ и др.

В жанре интервью удостоверительно-вопросительные предложения используются для констатации интервьюируемым того или иного факта, подтверждения / опровержения информации, в достоверности которой интервьюер практически полностью уверен, либо для вовлечения интервьюируемого в процесс беседы: *Ауылдагы мәсеттең төзөлөшөндә лә өлөш арыу ғына бит инде / шулаймы?* ‘Внес достаточно большой вклад и в строительство мечети в деревне / так ведь?’ (Радио «Юлдаш», программа «Караш», 04.01.2023); *Шундай фараздар за бар / эгәр за һәйкәлдәрзе ваҡытында караһаң / реставрациялаһаң / яңыртһаң / улар тағы ла йөз йыл дауаһында ремонтһыз / реконструкцияһыз / реставрацияһыз торорға мөмкин тизәр / был дөрөсмө?* ‘Есть и такие мнения / если вовремя ре-

ставрировать / обновлять памятники / говорят что они могут простоять еще в течение ста лет без ремонта / без реконструкции / без реставрации / правда ли это?’ (Телеканал «Башкортостан 24», программа «Интервью», 04.11.2021); *Бына ике ай ярым ғына барасаҡ бит инде ул [курғазмә] / эйеме?* ‘Она [выставка] вот только два с половиной месяца будет проходить / так ведь?’ (Телеканал «Башкортостан 24», программа «Интервью», 31.08.2023).

Частновопросительные предложения. Одними из наиболее распространенных вопросов в жанре интервью выступают частновопросительные вопросы, которые направлены на запрос информации о деталях ситуации. Средствами выражения вопроса в таких конструкциях выступают специальные вопросительные слова (*касан* ‘когда’, *нимә* ‘что’, *кем* ‘кто’, *кайза* ‘где’ и т. д.), указывающие на то, какую информацию стремится получить интервьюер. В большинстве случаев они возникают в ходе развертывания беседы для получения новой информации о предмете и объекте беседы, о качестве, свойствах и количестве предмета, о времени и месте совершения действия [4, с. 20]: *Ә һалымға ташламаны алыу өсөн гаризаны касанга тиклем тапшырырға кәрәк?* ‘А до какого времени нужно сдать заявление на получение льготы по налогам?’ (Телеканал «Башкортостан 24», программа «Интервью», 07.03.2020); *Һезҙең гаиллә кем баһи?* ‘В вашей семье кто главный?’ (Радио «Юлдаш», программа «Караш», 01.02.2023); *Нимәгә бәйлә реставрация эштәре?* ‘С чем связаны эти реставрационные работы?’ (Телеканал «Башкортостан 24», программа «Интервью», 04.11.2021).

Данный вид вопросительных предложений может быть задан, когда возникает необходимость совокупно задать вопрос, имеющий общую тематическую базу. Такой вопрос маркируется наличием нескольких вопросительных слов для получения более развернутого ответа: *Һезҙең туй кайза / касан һәм нисек үттө?* ‘Ваша свадьба где / когда как прошла?’ (Радио «Юлдаш», программа «Караш», 04.01.2023).

Альтернативные вопросы. Журналисты во время интервьюирования часто прибегают к альтернативным вопросам. В вопросе предполагается выбор между двумя или более предлагаемыми задающим альтернативами. Интервьюируемый в большинстве случаев выбирает один из предложенных вариантов ответа либо реже собственный вариант, не предусмотренный в вопросе.

Такие вопросы строятся по модели общих вопросов с присоединением вопросительной частицы

-мы/-ме к каждому из предлагаемых вариантов ответа, чаще всего представленными однородными членами предложения: *Гинең карашка / театр сәнгәте / элеккеһе менән сағыштырғанда / ниндәй якка үзгәрзе? Яҡшы яҡкамь / насар яҡкамь? 'На твой взгляд / театральное искусство / по сравнению с прошлыми годами / изменилось в какую сторону? В лучшую сторону / в худшую сторону?' (Радио «Юлдаш», программа «Караш», 03.05.2023); *Бына ошондай нимә / прическа килешәмә / килешмәймә? 'Вот такая прическа идет / не идет?' (Телеканал «Башкортостан 24», программа «Хәйерле иртә, Республика!», 13.09.2023).**

Альтернативные вопросы в интервью часто сопровождаются разделительным союзом *йәки* 'или', выражающее ограничительное значение: *Был [реставрация] Салауат Юлаев исемендәге майзанда буласакмы йәки һәйкәлдә икенсе урынга алып китеү мөмкинлеге бармы? 'Она [реставрация] будет проводиться на площади имени Салавата Юлаева или есть возможность перевести памятник на другое место?' (Телеканал «Башкортостан 24», программа «Интервью», 04.11.2021); *Был ике йорт өсөн дә һалым түләргә кәрәкме йәки ике йорт өсөн дә һалым түләмәскә кәрәкме? 'Нужно платить налог на два дома или не нужно платить налог и на два дома?' (Телеканал «Башкортостан 24», программа «Интервью», 07.03.2020).**

В таких конструкциях активно используется и разделительный союз *әллә* 'или, либо': *Ә ул [фонд] тулыһынса тулыландырылганмы бөгөн / әллә һаман да уның өстөндә эш алып барыламы? 'А он [фонд] сегодня полностью завершен или до сих пор ведутся работы над ним?' (Телеканал «БСТ», программа «Интервью», 20.08.2022); *Ә был егеттәр ситтән килгәндәрме / әллә бөрйәндекеләрме? 'А эти молодые люди приезжие или бурзянские?' (Радио «Юлдаш», программа «Атайсал», 25.04.2023).**

Косвенные вопросы. В анализируемом материале фиксируется небольшое количество косвенных вопросов. Во время беседы журналист интервьюируемому преимущественно задает прямые вопросы, на которые планирует получить однозначные и прямолинейные ответы. Однако в некоторых ситуациях могут использоваться и косвенные вопросы. Такой вопрос «задается в тех случаях, когда журналист видит, что респондент сознательно не хочет выражать собственного мнения по обсуждаемому вопросу или по каким-либо причинам уходит от поставленных вопросов» [9, с. 147]. В большинстве случаев такие вопросы теряют во-

просительную форму и трансформируются в утвердительные.

Косвенные вопросы в башкирском языке были исследованы Н. К. Дмитриевым [5, с. 252]. Он относит к таким вопросам те конструкции, которые прежде всего выражены в форме придаточного предложения, иначе говоря, зависят от какого-либо глагола, входящего в состав главного предложения. Такой тип вопросов «характеризуется обязательным наличием вопросительных местоимений или наречий. Для выражения косвенных вопросов башкирский язык пользуется двумя способами: 1) причастно-именные формы на *-ған // -асақ*, т. е. причастные обороты в составе одного простого предложения; 2) система сложно-сочиненного предложения, причем вторая часть его, логически подчиненная первой, ставится чаще всего на втором месте» [5, с. 252]. Он утверждает, что возникновение такого типа вопросов в башкирском языке можно объяснить влиянием русского языка на синтаксический строй башкирского языка.

В исследуемом материале с помощью косвенного вопроса журналист ненавязчиво рекламирует предстоящее мероприятие: *Кем белмәй / һигезенсе март / Хөсәйен Әхмәтов исемендәге Башкорт дәүләт филармонияһының зур залында / Рафис Сирусиндың "Сәскәләр" исеми концертты үтә 'Кто не знает / восьмого марта в Большом зале Башкирской государственной филармонии имени Хусаина Ахметова пройдет концерт Рафиса Сирусина под названием «Цветы»' (Радио «Юлдаш», программа «Иртәнге кунак», 04.03.2022).*

Другой разновидностью косвенных вопросов является конструкция, переданная в косвенной речи. В следующем примере журналист передает вопрос телезрителя: *Тамашасыларыбыз яза. Фаиләләренең үзәренә генә хас / йолалары бармы икән / тизәр 'Пишут наши телезрители. Спрашивают / есть ли традиции / присутствие именно их семье' (Телеканал «Башкортостан 24», программа «Хәйерле иртә, Республика!», 26.01.2024).*

Многовековые языковые контакты с русским населением оказывали и продолжают оказывать влияние также на синтаксический строй башкирского языка, несмотря на то, что синтаксис можно считать наиболее устойчивой областью языковой системы, менее подверженной внутренним и внешним факторам. Как отмечают авторы «Граматики современного башкирского литературного языка», в последнее время наблюдается непрерывное структурное обогащение литературного письменного языка «за счет ресурсов родственных

тюркских языков и за счет множества синтаксических калек с русского языка» [3, с. 360].

Наблюдается влияние русского языка на структуру вопросительных предложений. Например, просодические характеристики башкирской и русской речи имеют как общие, так и отличительные характеристики, которые касаются прежде всего вопросительной интонации. В башкирском языке общие вопросительные предложения оформляются вопросительной частицей *-мы/-ме* и произносятся с нисходящим тоном. Однако в устной речи нередко встречается выпадение данных частиц и использование восходящего тона: *Ул бара?* вместо *Ул барамы?* 'он пойдет?' *Һин мәктәптә?* вместо *Һин мәктәптәме?* 'ты в школе?' По нашему мнению, данная тенденция в башкирском языке возникла под влиянием русского языка, где общие вопросы произносятся с восходящим завершением.

В исследуемых транскриптах такие вопросы не так многочисленны, что прежде всего связано с квалификацией журналистов, работающих на теле- и радиоканалах. В то же время в анализируемом материале зафиксированы два примера с выпадением вопросительной частицы: *Көн дә эшләйҙәр?* 'Каждый день работают?' (Телеканал «Башкортостан 24», программа «Хэйерле иртә, Республика!», 13.05.2024); *Ни тиклем йыш кулланьырга ярай? Көн һайын?* (Как часто можно его ис-

пользовать? Ежедневно? (Радио «Ашказар», программа «Халык медицинаһы», 26.11.2016).

Заключение

Вопросительные предложения в интервью, представляющем собой вопросно-ответное взаимодействие, играют важную роль при получении актуальной, уникальной информации, удовлетворяющей запросы целевой аудитории. В статье сделана попытка дифференцирования разновидностей вопросительных предложений в башкирских устных СМИ, представленных транскриптами теле- и радиопрограмм, выходящих в эфир на государственных и республиканских телевизионных и радиовещательных каналах. Как показал исследуемый материал, в жанре интервью употребляются различные функционально-семантические типы вопросительных предложений (общевопросительные предложения, предположительно-вопросительные предложения, удостоверительно-вопросительные предложения, частовопросительные предложения, альтернативные вопросы, косвенные вопросы). Все перечисленные вопросительные предложения позволяют интервьюеру раскрыть тему интервью, получить новые сведения, интересные факты, уточнить детали и т. д. Профессионализм каждого интервьюера оценивается именно умением задавать вопросы.

Список источников

1. Арсланова М. С. Структурные и функционально-семантические типы вопросительных предложений в современном башкирском литературном языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2006. 25 с.
2. Бускунбаева Л. А., Ишмухаметова А. Ш. О разработке устного подкорпуса средств массовой информации башкирского языка // Гуманитарные науки в современном мире: Ураксинские чтения : материалы Международной научно-практической конференции. Уфа : ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2003. С. 177–180.
3. Грамматика современного башкирского литературного языка / отв. ред. А. А. Юлдашев. М. : Наука, 1981. 495 с.
4. Гуляева Н. И. Вопросительные предложения в языке коми художественной литературы: функции, семантика и структура. Сыктывкар : ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2019. 108 с.
5. Дмитриев Н. К. Грамматика башкирского языка. М. : Наука, 2008. 264 с.
6. Иванова И. В. Жанр интервью: формы бытования и языковые особенности : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Астрахань, 2009. 23 с.
7. Калинина А. А. «И вам не страшно..?» Утверждение и отрицание в вопросительных предложениях // Русская речь. 2009. № 6. С. 71–75.
8. Калинина А. А. Удостоверительные вопросы // Научное наследие Б. Н. Головина в свете актуальных проблем современного языкознания. Н. Новгород : Деком, 2016. С. 411–416.
9. Ким М. Н. Основы творческой деятельности журналиста : учебник для вузов. СПб. : Питер, 2011. 400 с.
10. Линдстрем Е. Н. Классификация русских вопросительных по форме высказываний на базе прагматически обоснованной универсальной модели : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Петрозаводск, 2003. 25 с.

11. Распопов И. П. Строение простого предложения в современном русском языке. 2-е изд. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 192 с
12. Русская грамматика [в 2 т. / редкол. : Н. Ю. Шведова (гл. ред.) и др.]. Т. II. Синтаксис. М. : Наука, 1980. 709 с.
13. Селезнева В. В., Евсикова Е. А., Тарвердян А. Ш. Английский разделительный вопрос как лингво-экологичный феномен межличностного общения // Научный диалог. 2019. № 7. С. 107–123. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2019-7-107-123>.
14. Сәйетбатталов Г. Г. Башкорт теле. I том. Ябай һөйләм синтаксисы = Башкирский язык. I том. Синтаксис простого предложения. Өфө : Башкортостан “Китап” нәшриәте, 1999. 352 б.
15. Тикеев Д. С. Исследования по синтаксису простого предложения современного башкирского языка : дис. ... д-ра филол. наук. Уфа, 1999. 396 с.
16. Тикеев Д. С. Основы синтаксиса современного башкирского языка. М. : Наука, 2004. 312 с.
17. Тикеев Д. С. Современный башкирский язык: очерки по синтаксису простого предложения. Уфа : Гилем, 2010. 155 с.

References

1. Arslanova MS. Strukturnye i funkcional'no-semanticheskie tipy voprositel'nyh predlozhenij v sovremenom bashkirskom literaturnom yazyke = Structural and functional-semantic types of interrogative sentences in the modern Bashkir literary language: abstract of the dissertation of the Cand. Sci. (Philology). Ufa; 2006. 25 p. (In Russ.).
2. Buskunbaeva LA, Ishmukhametova AS. On the development of the oral subcorpus of the Bashkir language mass media. In: Gumanitarnye nauki v sovremennom mire: Uraksinskie chteniya: materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii = Humanities in the modern world: Uraksin readings: materials of the International Scientific and Practical Conference. Ufa, IYAL UFIC RAN; 2003. Pp. 177–180.
3. Grammatika sovremennogo bashkirskogo literaturnogo yazyka = Grammar of the modern Bashkir literary language. Moscow, Nauka; 1981. 495 p. (In Russ.).
4. Gulyaeva NI. Voprositel'nye predlozheniya v yazyke komi hudozhestvennoj literatury: funkcii, semantika i struktura = Interrogative sentences in the Komi language of fiction: functions, semantics and structure. Syktyvkar, IYALI Komi NC UrO RAS; 2019. 108 p. (In Russ.).
5. Dmitriev NK. Grammatika bashkirskogo yazyka = Grammar of the Bashkir language. Moscow, Nauka; 2008. 264 p. (In Russ.).
6. Ivanova IV. Zhanr interv'yu: formy bytovaniya i yazykovye osobennosti = Interview genre: forms of existence and linguistic features. Abstract of the dissertation for the degree of Cand. Sci. (Philology). Astrakhan; 2009. 23 p. (In Russ.).
7. Kalinina AA. “And you're not afraid ..?” The statement and the negation in interrogative sentences. *Russkaya rech' = Russian speech*. 2009;(6):71-75. (In Russ.).
8. Kalinina AA. Authentication issues. In: Scientific heritage of B. N. Golovin in the light of actual problems of modern linguistics = Nauchnoe nasledie B. N. Golovina v svete aktual'nyh problem sovremennogo yazykoznanija. Nizhny Novgorod, Deacom; 2016. Pp. 411–416. (In Russ.).
9. Kim MN. Osnovy tvorcheskoj deyatel'nosti zhurnalista: Uchebnik dlya vuzov = The basics of a journalist's creative activity. St. Petersburg, Piter; 2011. 400 p. (In Russ.).
10. Lindstrom EN. Klassifikaciya russkih voprositel'nyh po forme vyskazyvanij na baze pragmaticheskoi obosnovannoj universal'noj modeli = Classification of Russian interrogative expressions in the form of statements based on a pragmatically justified universal model: abstract of the dissertation of the Cand. Sci. (Philology). Petrozavodsk; 2003. 25 p. (In Russ.).
11. Raspopov IP. Stroenie prostogo predlozheniya v sovremennom russkom yazyke = The structure of a simple sentence in modern Russian. Moscow, Book house “LIBROCOM”; 2009. 192 p. (In Russ.).
12. Russkaya grammatika. T. II. Sintaksis = Russian grammar. Vol. II. Syntax. Moscow, Nauka; 1980. 709 p. (In Russ.).
13. Selezneva VV, Evsikova EA, Tarverdyan AS. English Tag Question as Linguo-Ecological Phenomenon. *Nauchnyj dialog = Scientific Dialogue*. 2019;(7):107-123. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2019-7-107-123>. (In Russ.).

14. Saitbattalov GG. Bashkirskij yazyk. Sintaksis prostogo predlozheniya = Bashkir language. Volume I. The syntax of a simple sentence. Ufa, Kitap; 1999. 352 p. (In Bashkir).

15. Tikeev D.S. Issledovaniya po sintaksisu prostogo predlozheniya sovremennogo bashkirskogo yazyka: dissertaciya ... doktora filologicheskikh nauk = Research on the syntax of a simple sentence of the modern Bashkir language: dissertation ... Dr. Sci. (Philology). Ufaž 1999. 396 p. (In Russ.).

16. Tikeev DS. Osnovy sintaksisa sovremennogo bashkirskogo yazyka = Fundamentals of the syntax of the modern Bashkir language. Moscow, Nauka; 2004. 312 p. (In Russ.).

17. Tikeev DS. Sovremennyj bashkirskij yazyk: ocherki po sintaksisu prostogo predlozheniya = Modern Bashkir language: essays on the syntax of a simple sentence. Ufa, Gilem; 2010. 155 p. (In Russ.).

Сведения об авторе

Л. А. Бускунбаева — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела прикладной лингвистики и диалектологии Института истории, языка и литературы.

Information about the author

L. A. Buskunbaeva — Cand. Sci. (Philology), Senior Researcher at the Institute of History, Language and Literature.

Статья поступила в редакцию 28.04.2025; одобрена после рецензирования 05.05.2025; принята к публикации 14.01.2026.

The article was submitted 28.04.2025; approved after reviewing 05.05.2025; accepted for publication 14.01.2026.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 81'373.237

DOI: 10.47475/1994-2796-2026-508-2-96-102

ОСОБЕННОСТИ НОМИНАЦИИ ЖЕНЩИН ПО ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ РЕЗЮМЕ И ОБЪЯВЛЕНИЯХ О РАБОТЕ

Юлия Сергеевна Замышляева

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, lily-ulia@mail.ru, 0000-0003-0021-8643

Аннотация. Рассматриваются способы номинации женщин по профессиональной принадлежности, используемые в современных резюме и объявлениях о работе, публикуемых на крупных рекрутинговых сайтах-агрегаторах, на специализированных онлайн-ресурсах, посвященных определенным сферам профессиональной деятельности, на сайтах организаций и на фриланс-платформах. В процессе исследования было выявлено, к каким стратегиям прибегают работодатели, чтобы указать в тексте вакансии предпочтительный пол кандидата на должность. При поиске сотрудника-женщины на популярных агрегаторах, помимо использования глагола, местоимения или прилагательного в форме женского рода в требованиях к соискателю или метафоры (*фея*), в заголовках объявлений также используются феминитивы, давно существующие в языке (*массажистка, уборщица, помощница*). Феминитивы-неодериваты (*менеджерка, дизайнерка и др.*) и субдериваты (*репетиторка, терапевтка и др.*) чаще встречаются на специализированных платформах, где работодатели ищут специалистов в относительно новых сферах профессиональной деятельности, например в IT, или где клиенты (преимущественно физические лица) ищут исполнителя для выполнения определенного заказа или человека для временного сотрудничества. На таких ресурсах отсутствует строгая редакционная политика и авторы объявлений обладают большей свободой в выборе лексических средств. Кроме того, установлено, что женщины также чаще стали использовать феминитивы-неологизмы для профессиональной самопрезентации в резюме на различных веб-площадках с целью привлечения внимания потенциального работодателя или заказчика. Особой популярностью феминитивы-неологизмы пользуются в резюме IT-специалистов или представителей творческих профессий, а также фрилансеров. В ряде профессиональных сфер (психология, дополнительное образование и др.), где пол специалиста может быть принципиально важен, употребление феминитива в резюме позволяет упростить поиск подходящего кандидата.

Ключевые слова: объявление о работе, резюме, феминитивы, феминитивы-неологизмы, феминитивы-неодериваты, феминитивы-субдериваты

Для цитирования: Замышляева Ю. С. Особенности номинации женщин по профессиональной принадлежности в современных резюме и объявлениях о работе // Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 2 (508). С. 96–102. DOI: 10.47475/1994-2796-2026-508-2-96-102.

Original article

THE FEATURES OF FEMALE NOMINATION BY PROFESSIONAL AFFILIATION IN MODERN RESUMES AND JOB ADVERTISEMENTS

Yulia S. Zamyshliaeva

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, lily-ulia@mail.ru, 0000-0003-0021-8643

Abstract. The article examines the methods of nominating women by professional affiliation used in modern resumes and job advertisements published on recruiting websites, on specialized online resources dedicated to certain areas of professional activity, on organizations websites, and on freelance platforms. The study revealed the strategies that employers resort to in order to indicate the preferred gender of a candidate for a position in the text of a vacancy. When searching for a female employee on popular aggregators, feminitives that have long existed in the language are used in the titles of advertisements, as well as female forms of verbs or adjectives in the requirements

for the applicant or a metaphor. Feminities-neoderivatives and subderivatives are more common on specialized resources where employers are looking for specialists in relatively new areas of professional activity, such as IT, or where clients (mostly individuals) are looking for a contractor to complete a specific order or someone for temporary cooperation. Such resources do not have a strict editorial policy, and the authors of job advertisements have great freedom in choosing lexical means. In addition, it was found that women also began to use feminities-neologisms more often for professional self-presentation in resumes on various web platforms in order to attract the attention of a potential employer or customer. Feminities-neologisms are especially popular in resumes of IT specialists or representatives of creative professions, as well as freelancers. In a number of professional areas (psychology, additional education, etc.), where the gender of a specialist can be fundamentally important, using a feminine in a resume makes it easier to find a suitable candidate.

Keywords: job advertisement, resume, feminities, feminities-neologisms, feminities-neoderivatives, feminities-subderivatives

For citation: Zamyshliaeva YuS. The Features of Female Nomination by Professional Affiliation in Modern Resumes and Job Advertisements. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2026;(2(508):96-102. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2026-508-2-96-102.

Введение

Современный рынок труда за последние несколько десятилетий претерпел значительные изменения. Во-первых, появились новые сферы профессиональной деятельности, следовательно, возникла необходимость в корректном обозначении представителей современных профессий. Кроме того, появление неологизмов в данной сфере может быть обусловлено активным развитием и диверсификацией уже существующих отраслей труда (самостоятельно или под влиянием их развития в иноязычной культуре); потребностью специалистов в определенных областях занятости в более благозвучных и современных номинациях; влиянием другого языка на профессиональный узус и др. [14, с. 51].

Во-вторых, коммуникация между потенциальным работодателем и соискателем почти полностью перешла в плоскость сети Интернет. Исследователями отмечается появление электронного рынка труда и цифровизация рекрутмента. Данные тенденции позволили постепенно вытеснить другие каналы поиска работы и персонала [8, с. 49]. Благодаря большому количеству различных сайтов-агрегаторов найти подходящую вакансию или сотрудника стало проще и быстрее. Однако это также порождает и ряд трудностей, так как сделать выбор среди множества соискателей или предложений становится всё сложнее. Таким образом, как перед компанией, находящейся в поиске сотрудника, так и перед человеком, размещающим резюме на сайте, стоит задача привлечь к себе внимание и сформировать определенный имидж, транслируемый в информационном пространстве [15].

В связи с этим дискурс трудоустройства вызывает особый интерес у исследователей и активно изучается в работах А. О. Стеблецовой [10; 12],

Ю. В. Агеевой [1], М. А. Коряковцева [7], Т. И. Зелениной и О. В. Тойкиной [4].

По ряду причин работодатель может искать исключительно сотрудника определенного пола на конкретную должность, что важно каким-либо образом отразить в тексте объявления о работе. Открытое упоминание гендерной принадлежности кандидата в требованиях к вакансии может быть расценено как трудовая дискриминация и нарушение закона. Несмотря на то, что крупные агрегаторы отслеживают попытки указать пол сотрудника в требованиях к кандидату и редактируют подобные объявления, всё больше компаний так или иначе стремятся сослаться на предпочтительный пол соискателя. За последние 5 лет число попыток возросло с 30 до 48 %¹.

Результаты исследования

Проанализировав такие популярные сайты по поиску работы, как hh.ru, Зарплата.ру, Работа.ру и др., мы выявили альтернативные стратегии, к которым прибегают компании, чтобы указать в объявлении о работе на то, что соискателем может быть только женщина.

- Использование соответствующей формы глагола, местоимения или прилагательного женского рода.

Ср.:

Требования к вакансии «Тренер по растяжке/ стретчингу (Тренер по йоге)» в Москве:

- Любишь общаться с людьми;
- Ты трудолюбива².

¹ Жильникова И. Это страшное слово «дискриминация»: что нельзя писать в вакансиях. URL: <https://chelyabinsk.hh.ru/article/31336> (дата обращения 22.07.2025)

² Веб-сайт по поиску работы HH.ru. 21.07.2025. URL: <https://hh.ru/>

Требования к ассистенту HR-директора в Тюмени:

Ищу себе ту самую, с кем могу не просто работать, а развиваться вместе.

Если ты:

Амбициозна, энергична, включённая

Любишь людей и живые разговоры

Вдохновляешься историями успеха и хочешь быть их частью

Чувствуешь в себе потенциал, но пока не знаешь, с чего начать

Мечтаешь развиваться, возможно — строить что-то своё

Всё. Ты нужна мне³.

Важно отметить, что при использовании данной стратегии соискатель вынужден затрачивать дополнительное время на то, чтобы открыть ссылку и прочесть полное описание вакансии. Исключительно по заголовку объявления кандидат не может сразу сделать вывод, подходит ли он на данную должность.

- Использование метафор в названии должности и в тексте вакансии, например, *фея чистоты, цветочная фея, офисная фея доброты, фея праздника* и др. Таким образом работодатель не только подчеркивает желаемый пол кандидата, но и привлекает внимание к объявлению, стремится расположить к себе соискателя. Ср.:

*Известная кондитерская «Мария» на постоянную работу приглашает **феечку чистоты!**⁴*

*Если вы хотите работать у нас и развиваться, присылайте отклик на вакансию. Ждём вас, наша **цветочная фея**⁵.*

*В душевную команду по организации детских праздников разыскивается **фея-костюмер!**⁶*

- Употребление феминитивов. На крупных агрегаторах сложно найти вакансии, где в названии должности указаны феминитивы-неологизмы, однако там представлено большое количество объявлений, где активно используются давно устоявшиеся в языке феминитивы. Самыми часто употребляемыми являются *массажистка, медсестра, сиделка, компаньонка, домработница, санитарка, помощница по хозяйству, гувернантка, уборщица, комплектовщица, кладовщица, артистка, танцовщица, ассистентка.*

Важно отметить, что на сайте hh.ru в названиях вакансий, где используются феминитивы, через косую черту обязательно идет номинация профессии в форме мужского рода, даже если в тексте самой вакансии через формы глагола или прилагательного женского рода четко указано, что на работу требуется именно женщина. Ср.:

Название вакансии: **Помощница-помощник по хозяйству/компаньонка-компаньон**

Текст вакансии: *Приглашается **Помощница по хозяйству-Компаньонка с проживанием!**⁷*

Название вакансии: **Сиделка медсестра/медбрат (вахта)**

Текст вакансии: ***компаньонка-медсестра к бабушке 85 лет**⁸*

Возможно, это обязательная политика сервиса, которая также направлена на то, чтобы избежать трудовой дискриминации в заголовках объявлений.

Однако крупные агрегаторы, представляющие собой сайты вакансий, являются не единственным ресурсом поиска работы или найма сотрудников. Схожую функцию на данный момент также выполняют социальные сети, где могут быть представлены аккаунты отдельных компаний, которые публикуют объявления о работе у себя на странице; фриланс-платформы для тех, кто ищет не постоянное трудоустройство, а возможность временного сотрудничества; специализированные ресурсы, посвященные определенным отраслям или сферам профессиональной деятельности [6, с. 86].

Если на крупных агрегаторах по поиску работы феминитивы-неологизмы встречаются крайне редко, то на специализированных платформах, где ищут специалистов в относительно новых областях занятости, например IT, представлено большое количество объявлений, в которых вакантная должность обозначается преимущественно при помощи феминитивов-неодериватов (феминитивы, образованные от неологизмов, связанных с относительно новыми сферами деятельности) [3, с. 20]. Ср.:

*В веб-лабораторию ищем **Front-end разработчицу** для работы над интересными и нестандартными проектами⁹.*

*В общем, ищу терпеливого и понимающего **программиста (-стку)**¹⁰.*

⁷ Там же. 17.07.2025.

⁸ Там же. 20.07.2025.

⁹ Geekjob. 17.05.2025. URL: <https://geekjob.ru/>

¹⁰ Сайт стилиста Олеси Орловой. URL: <https://www.olesyaorlova.ru/>

³ Веб-сайт по поиску работы HH.ru. 27.06.2025.

⁴ Там же. 22.07.2025.

⁵ Там же. 02.07.2025.

⁶ Там же. 21.07.2025.

*СММ-менеджер (СММ-менеджерка) в НЭН и Chips Journal. Ищем человека с опытом от года, который будет писать посты, придумывать движуху в соцсетях, работать над контент-планом и приводить в наши соцсети еще больше единомышленников*¹¹.

*КОГО МЫ ИЩЕМ? Удаленных менеджерок/ов по продажам — фей отдела заботы :)*¹²

Вероятно, на данных площадках, в отличие от крупных агрегаторов, отсутствует строгая редакционная политика и работодатели обладают большей свободой в выборе языковых средств для описания вакантной должности. Помимо феминитивов, авторы объявлений активно прибегают к использованию других разговорных лексических единиц. Ср.:

Ищем редкую птаху — дизайнера выставочных стендов с крепким портфолио.

Требования:

— *Самостоятельный, инициативный, ответственный дизайнер или дизайнерка*¹³.

Несмотря на то, что дискурс трудоустройства рассматривается как вид делового дискурса [11], тексты, относящиеся к таким дискурсивным событиям, как объявление о вакансии и реакция на объявление о вакансии, всё меньше отражают черты официально-делового общения и всё больше приобретают характеристики, присущие интернет-коммуникации, так как взаимодействие работодателя и кандидата на должность почти полностью перешло в онлайн-плоскость.

Важно отметить, что во многих вакансиях феминитив-неологизм употребляется совместно с названием профессии в форме мужского рода. Таким образом, работодатели пытаются подчеркнуть не тот факт, что им нужен именно сотрудник-женщина, а то, что они в равной степени готовы рассмотреть как кандидатов мужского, так и женского пола. Ср.:

*В студию нужен дизайнер (или дизайнерка) логотипов*¹⁴.

Феминитивы-неодериваты позволяют привлечь больше внимания к данной вакансии. Компании, публикующие объявления на подобных узкоспециальных платформах или собственных сайтах, а не на крупных агрегаторах, нацелены

преимущественно на молодую целевую аудиторию, поэтому им важно показать свою «прогрессивность» и то, что они идут в ногу с современными трендами. Таким образом, использование феминитивов-неологизмов в тексте вакансии может быть обусловлено тем, что эти лексемы обрели в последнее время широкую популярность благодаря росту их употребления в социальных сетях и сети Интернет в целом [9].

Вероятно, еще одной причиной такого словоупотребления в текстах объявлений о работе может быть и то, что сами потенциальные кандидаты женского пола стали всё чаще использовать феминитивы-неологизмы в резюме на подобных ресурсах или в личных и профессиональных аккаунтах в социальных сетях. В объявлениях о работе нередко используются неформальные грамматические формы, в частности, личные и притяжательные местоимения с целью снизить дистанцию между коммуникантами и создать иллюзию диалога [2, с. 4]. Возможно, использование одинаковых разговорных лексем для обозначения профессионального деятеля женского пола в тексте вакансии и анкеты или портфолио соискателя также может помочь быстрее заинтересовать и расположить к себе потенциального сотрудника.

Говоря о резюме, разумеется, мы рассматриваем его как жанр официально-делового дискурса [13]. Однако данный жанр, как и объявление о работе, не мог не претерпеть ряд значимых изменений в связи с появлением большого количества новых электронных инструментов по поиску работы. На данный момент резюме далеко не всегда представляет собой стандартизированный официальный документ. Сейчас его может заменить аккаунт в социальных сетях или страница с рассказом о себе на специализированной веб-площадке, видеовизитка и др.

Онлайн-ресурсы во многом упростили процесс рекрутмента, однако и породили ряд трудностей, в частности, привели к избыточности и перегруженности информацией, поэтому залогом успеха для кандидата на какую-либо должность является то, насколько заметной и запоминающейся является та информация, которая публикуется им в резюме [5, с. 21].

На крупных агрегаторах по поиску работы также сложно найти анкеты соискателей, в которых используются феминитивы-неологизмы для обозначения вида деятельности специалиста женского пола, но встречаются резюме с давно закрепившимися в языке феминитивами в заголовке (*массажистка, медицинская сестра*). Данная

¹¹ НЭН. 18.08.2021. URL: <https://n-e-n.ru/>

¹² Авито. URL: <https://www.avito.ru/>

¹³ Проект «Ищу дизайнера». 16.02.2025. URL: <https://designer.ru/>

¹⁴ Студия Артемия Лебедева. 24.02.2019. URL: <https://www.artlebedev.ru/>

возможность может быть ограничена и самой платформой, так как поиск по резюме в ряде случаев даже не осуществляется, если ввести в поисковую строку феминитив-неологизм.

Однако, как и в ситуации с объявлениями о работе, на специализированных платформах, где преимущественно размещают свои резюме люди, занятые в IT или в творческой сфере и относительно новых профессиях, специалисты женского пола для обозначения своей профессиональной принадлежности регулярно используют феминитивы-неологизмы, как неодериваты, так и субдериваты (феминитивы, обозначающие представительниц тех профессий, при номинации которых традиционно употреблялась форма мужского рода в обобщенном значении) [3, с. 20]. Ср.:

*Привет! Меня зовут Анастасия. Я — UI/UX дизайнерка и Tilda-экспертка*¹⁵.

*Дизайнерка и иллюстраторка на фрилансе*¹⁶
Ксения Дьяченко

*Редакторка (во всяком случае, стараюсь)*¹⁶

Как показал анализ вакансий на подобных веб-площадках, работодателям в данных сферах занятости зачастую не так важен пол специалиста, а феминитив указывается в тексте объявления, чтобы не использовать исключительно форму мужского рода в обобщенном значении для обозначения должности. Таким образом, использование феминитивов-неологизмов в резюме здесь выполняет больше прагматическую функцию привлечения внимания, а не исключительно функцию обозначения лица по полу.

Но в ряде профессиональных сфер пол специалиста может быть принципиально важен, например при выборе преподавателя, репетитора или психолога, так как человек работает с ними один на один, а клиентом и работодателем специалиста становится не юридическое, а физическое лицо. Представители данных профессий также публикуют свои резюме и портфолио онлайн на специализированных площадках, например Avito, Профи.ру и др. Специалистов на данных сайтах достаточно много, и феминитив-неологизм в качестве обозначения своего рода деятельности, действительно, может привлечь потенциального заказчика. Однако в данном случае феминитив выполняет и дополнительную функцию. Использование подобных номинаций также позволяет потенциальному заказчику сократить

время, затрачиваемое на поиск специалиста нужного пола. Ср.:

*Всем привет, я Саня — репетиторка по испанскому языку для начинающих*¹⁷.

*Приветствую! Меня зовут Людмила. Я репетиторка по математике для подростков 7–11 классов и взрослых 1–3 курсов*¹⁸.

Получить консультацию Всем привет! Меня зовут Маша и я арт-терапевтка

*Я прошла переквалификацию и теперь хочу предложить свои знания и опыт другим!*¹⁹

*Привет! Я Даша, экзистенциальная психологиня и парная психотерапевтка*¹⁹

Выводы

Таким образом, в результате нашего исследования мы пришли к следующим выводам:

Работодатели, публикующие вакансии на крупных сайтах-агрегаторах по поиску работы, прибегают к следующим стратегиям, чтобы подчеркнуть, что им нужен сотрудник именно женского пола: 1) использование в тексте вакансии глаголов, местоимений или прилагательных в форме женского рода; 2) использование метафор с существительным женского рода для обозначения должности (*фея*); 3) использование феминитивов (преимущественно закрепленных в словарном составе языка).

Если вакансии выкладывают на специализированных площадках или на сайте самого работодателя, в названии или тексте объявления нередко встречаются феминитивы-неодериваты, особенно на тех ресурсах, где ищут специалистов в относительно новых профессиональных сферах деятельности, например в IT. Использование феминитивов-неологизмов позволяет привлечь внимание к вакансии и создать ее более привлекательный образ для кандидатов, которые используют схожие номинации в собственных резюме.

С целью заинтересовать потенциального работодателя специалисты в сфере IT и представители творческих и относительно новых профессий также активно используют в резюме, публикуемых на специализированных веб-площадках, как феминитивы-неодериваты (*менеджерка, дизайнерка* и др.), так и субдериваты (*редакторка, экспертка* и др.).

¹⁷ Авито. URL: <https://www.avito.ru/>

¹⁸ Профи.ру — сервис поиска специалистов. URL: <https://profi.ru/>

¹⁹ Сайт профессиональных психологов. URL: <https://www.b17.ru/>

¹⁵ Сайт Анастасии Носовой. URL: <https://nastyadesign.ru/>

¹⁶ Сетка — социальная сеть для нетворкинга. URL: <https://setka.ru/>

Для профессиональных деятелей, которые ищут не постоянную работу, а заказчиков среди физических лиц, использование феминитивов является не только способом привлечь внимание к своему резюме или портфолио на онлайн-ресурсах,

но и инструментом, упрощающим поиск необходимого кандидата для клиента, поскольку в ряде сфер занятости (например, репетиторство, психология и др.) пол специалиста может быть принципиально важен.

Список литературы

1. Агеева Ю. В. Внеязыковые особенности рекрутингового дискурса // Филология и культура. 2014. № 4. С. 7–10.
2. Ван М. Языковые особенности жанра объявления о приеме на работу: функциональный аспект // Филология: научные исследования. 2021. № 5. С. 1–7.
3. Замышляева Ю. С. Функционирование феминитивов в современной коммуникации: прагматический и стилистический аспекты : дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2023. 194 с.
4. Зеленина Т. И., Тойкина О. В. Лингвокультурные аспекты самопрезентации соискателя в ситуации трудоустройства // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2015. № 5. С. 81–88.
5. Илларионова Е. С. Изменение ожиданий участников процесса найма и отбора в связи с появлением цифровых инструментов // Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России. 2023. № 2. С. 20–23.
6. Кашпурова О. В., Конов Е. А. Интернет как средство поиска работы и персонала // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 11-2. С. 85–89.
7. Коряковцев М. А. Текстовые признаки электронных резюме // Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2016. № 5. С. 167–175.
8. Скрипченко Л. С. Интернет как средство поиска работы и персонала // Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России. 2022. № 4. С. 48–52.
9. Солтыс В. К. Язык блогосферы Рунета: гендерный аспект // Русистика. 2020. № 4. С. 454–468.
10. Стеблецова А. О. Дискурс трудоустройства в сопоставительном аспекте: национальная специфика коммуникативных культур // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2010. № 2. С. 182–186.
11. Стеблецова А. О. Дискурс трудоустройства как тип делового дискурса // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2012. № 8. С. 38–41.
12. Стеблецова А. О. Дискурсивные особенности текстов коммуникативной сферы трудоустройства // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2009. № 10. С. 43–47.
13. Тойкина О. В. Резюме как жанр официально-делового дискурса // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 10. С. 154–158.
14. Фуфаева И. В., Згировская О. Г. Неологизмы — названия профессий в русском языке: системный и функциональный аспекты // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2024. № 1. С. 42–55.
15. Zheng J. Analysis of Enterprise Human Resources Demand Forecast Model Based on SOM Neural Network // Comput Intell Neurosci. 2021. № 4. С. 118–123.

References

1. Ageeva YuV. Vneyazykovye osobennosti rekrutirovogo diskursa = Extralinguistic features of recruiting discourse. *Filologiya i kul'tura = Philology and culture*. 2014;(4):7-10. (In Russ.)
2. Van M. Yazykovye osobennosti zhanra ob'yavleniya o prieme na rabotu: funktsional'nyy aspekt = Linguistic features of the job advertisement genre: functional aspect. *Filologiya: nauchnye issledovaniya = Philology: scientific researches*. 2021;(5):1-7. (In Russ.)
3. Zamyshliaeva YuS. Functioning of feminitives in modern communication: pragmatic and stylistic aspects: dis. ... kand. filol. nauk. Chelyabinsk, 2023. 194 p. (In Russ.)
4. Zelenina TI, Toykina OV. Lingvokul'turnye aspekty samoprezentatsii soiskatelya v situatsii trudoustroystva = Linguocultural aspects of applicant's self-presentation in the situation of employment. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya "Istoriya i filologiya" = Bulletin of Udmurt University. History and Philology Series*. 2015;(5):81-88. (In Russ.)

5. Illarionova ES. Izmenenie ozhidaniy uchastnikov protsessa nayma i otbora v svyazi s poyavleniem tsifrovyykh instrumentov = Changing expectations of participants in the recruitment and selection process due to the advent of digital tools. *Upravlenie personalom i intellektual'nymi resursami v Rossii = Management of the personnel and intellectual resources in Russia*. 2023;(2):20-23. (In Russ.)
6. Kashpurova OV, Konov EA. Internet kak sredstvo poiska raboty i personala = Internet as a means of job search and personnel. *Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk = International journal of humanities and natural sciences*. 2023;(11-2):85-89. (In Russ.)
7. Koryakovtsev MA. Tekstovye priznaki elektronnykh rezyume = Text properties of a digital resume. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta = South Ural State Humanitarian Pedagogical University Bulletin*. 2016;(5):167-175. (In Russ.)
8. Skripchenko LS. Internet kak sredstvo poiska raboty i personala = Internet as a means of searching jobs and staff. *Upravlenie personalom i intellektual'nymi resursami v Rossii = Management of the personnel and intellectual resources in Russia*. 2022;(4):48-52. (In Russ.)
9. Soltys VK. Yazyk blogosfery Runeta: gendernyy aspekt = Gender issue in the Runet blogosphere language. *Rusistika = Russian language studies*. 2020;(4):454-468. (In Russ.)
10. Stebletsova AO. Diskurs trudoustroystva v sopostavitel'nom aspekte: natsional'naya spetsifika kommunikativnykh kul'tur = Employment discourse in a comparative aspect: national specific communicative culture. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya = Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication*. 2010;(2):182-186. (In Russ.)
11. Stebletsova AO. Diskurs trudoustroystva kak tip delovogo diskursa = Employment discourse as a type of business discourse. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*. 2012;(8):38-41. (In Russ.)
12. Stebletsova AO. Diskursivnye osobennosti tekstov kommunikativnoy sfery trudoustroystva = Discourse features of the texts of employment communication sphere. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*. 2009;(10):43-47. (In Russ.)
13. Toykina OV. Rezyume kak zhanr ofitsial'no-delovogo diskursa = Resume as a genre of official business discourse. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2011;(10):154-158. (In Russ.)
14. Fufaeva IV, Zgirovskaya OG. Neologizmy — nazvaniya professiy v russkom yazyke: sistemnyy i funktsional'nyy aspekty = Systematic and functional aspects of neologisms denoting job titles in Russia. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazykoznanie = Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*. 2024;(1):42-55. (In Russ.)
15. Zheng J. Analysis of Enterprise Human Resources Demand Forecast Model Based on SOM Neural Network. *Comput Intell Neurosci*. 2021;(4):118-123.

Информация об авторе

Ю. С. Замышляева — кандидат филологических наук, доцент кафедры теоретического и прикладного языкознания.

Information about the author

Yu. S. Zamyshliaeva — Cand. Sci. (Philology), Associate Professor of the Department of Theoretical and Applied Linguistics.

Статья поступила в редакцию 09.07.2025; одобрена после рецензирования 14.08.2025; принята к публикации 14.01.2026.

The article was submitted 09.07.2025; approved after reviewing 14.08.2025; accepted for publication 14.01.2026.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 81'373

DOI: 10.47475/1994-2796-2026-508-2-103-110

ОСНОВНЫЕ ПРИЁМЫ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ В ЖАРГОНЕ ГЕЙМЕРОВ (на примере имён собственных)

Лариса Айратовна Киселева^{1✉}, Александра Эмильевна Леготина²

¹ Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королёва, Самара, Россия, larisakiseleva2015@yandex.ru, 0000-0002-4875-6435

² Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия, lilsnakequeen@gmail.ru.

Аннотация. На примере имен собственных комплексно описываются основные приемы языковой игры в жаргоне геймеров. Актуальность исследования обусловлена тем, что видеоигры оказывают значительное влияние на современную культуру и процессы коммуникации, в связи с чем данный феномен требует глубокого осмысления с опорой на новейшие лингвистические идеи. Авторами определены причины трансформации имен собственных в рамках геймерского жаргона, проведена классификация рассматриваемых единиц в зависимости от сферы номинации, выявлены приемы, с помощью которых реализуется языковая игра в данном виде жаргона. Научная новизна работы заключается в том, что в ней на примере имен собственных целостно описана специфика языковой игры в жаргоне геймеров, а также ее причины и закономерности. В результате исследования выявлено, что принципы, в соответствии с которыми осуществляется языковая игра в анализируемом виде жаргона, носят системный характер и обуславливаются культурными установками видеоигрового сообщества. Кроме того, на примере имен собственных определены основные причины активного использования языковой игры в геймерском жаргоне, в числе которых необходимость адаптации заимствованных единиц и иммерсивность самих видеоигр, а также охарактеризованы приемы языковой игры: перевод имени собственного с намеренным искажением изначального смысла; использование русского слова на основе его фонетической близости к английскому имени собственному; образование уменьшительно-ласкательных форм имени собственного.

Ключевые слова: русский язык, жаргон геймеров, языковая игра, имена собственные, заимствования

Для цитирования: Киселева Л. А., Леготина А. Э. Основные приёмы языковой игры в жаргоне геймеров (на примере имён собственных) // Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 2 (508). С. 103–110. DOI: 10.47475/1994-2796-2026-508-2-103-110.

Original article

MAIN TECHNIQUES OF LANGUAGE PLAY IN THE JARGON OF GAMERS (Based on Proper Names)

Larisa A. Kiseleva^{1✉}, Aleksandra E. Legotina²

¹ Samara National Research University, Samara, Russia, larisakiseleva2015@yandex.ru, 0000-0002-4875-6435

² Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia, lilsnakequeen@gmail.ru

Abstract. Using proper nouns as an example, this article comprehensively describes the key techniques of language play in gamer jargon. The relevance of this study lies in the fact that video games have a significant impact on contemporary culture and communication processes, requiring a thorough understanding of this phenomenon based on the latest linguistic insights. The authors identify the reasons for the transformation of proper nouns within gamer jargon, classify the units under consideration based on their scope, and identify the techniques used to implement language play in this type of jargon. The scientific novelty of this work lies in its comprehensive description of the specifics of language play in gamer jargon, as well as its causes and patterns, using proper nouns as an example. The study revealed that the principles by which language play is implemented in this type of jargon are systemic and shaped by the cultural attitudes of the video game community. Furthermore, using proper names as an example, the main reasons for the active use of language play in gaming jargon are identified, including the

need to adapt borrowed units and the immersive nature of video games themselves. Techniques of language play are also characterized: the translation of a proper name with a deliberate distortion of the original meaning; the use of a Russian word based on its phonetic proximity to an English proper name; and the formation of diminutive forms of a proper name.

Keywords: Russian language, jargon of gamers, language play, proper names, borrowings

For citation: Kiseleva LA, Legotina AE. Main Techniques of Language Play in the Jargon of Gamers (Based on Proper Names). *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2026;(2(508):103-110. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2026-508-2-103-110.

Введение

Видеоигры оказывают значительное влияние на современную культуру и процессы коммуникации, в связи с чем данный феномен требует глубокого осмысления с опорой на новейшие лингвистические идеи. В настоящее время компьютерные игры продолжают ассоциироваться с молодежью (школьниками и студентами), однако видеоигровое сообщество формируется и за счет множества взрослых людей, обладающих определенным профессиональным и социальным статусом. Соответственно, разные поколения геймеров взаимодействуют друг с другом в особой виртуальной среде, которая их уравнивает, а не разделяет. Помимо этого, в коммуникации геймеров отражаются более общие тенденции, связанные с репрезентацией установок народной смеховой культуры в современной речевой практике. Всё это создаёт условия для активного использования элементов языковой игры в жаргоне геймеров. Именно поэтому обращение к анализу данного явления представляется нам вполне востребованным и необходимым. Цель данного исследования — комплексно охарактеризовать основные приемы языковой игры, используемые в современном жаргоне геймеров.

Для достижения обозначенной цели исследования необходимо выполнить следующие задачи:

- выявить имена собственные, созданные в рамках геймерского жаргона;
- установить причины трансформации указанных единиц в данном виде жаргона;
- провести классификацию рассматриваемых имен собственных в зависимости от сферы номинации;
- систематизировать приемы языковой игры, характерные для жаргона геймеров.

В качестве объекта исследования выступают элементы языковой игры, связанной с именами собственными, в современном геймерском жаргоне.

Теоретической базой исследования стали работы М. Э. Елютиной, А. А. Неруша [6], И. А. Седых [10], К. Джеффри, Г. М. Никитина [14], Н. Ий [16], посвященные анализу основных характеристик со-

временного сообщества геймеров. Кроме того, нами учитывались работы А. А. Анашкиной [1], Е. А. Беспаловой, Д. С. Давыдова [5], И. С. Кочелавой [7], А. Энслин [13], в которых определяются важнейшие черты геймерского жаргона и описывается его языковая специфика. Полезными для рассмотрения специфики языковой игры, представленной в жаргоне геймеров, оказались исследования А. Б. Антоновой [2], Е. Л. Ачиловой, И. А. Регушевой [3], В. Е. Щербиной [12], которые касаются особенностей создания новой лексики в рамках данного жаргона. Установлению внеязыковых факторов, влияющих на процесс и результат языковой игры в геймерском жаргоне, способствовали работы Т. А. Кудиновой [8] и В. В. Химики [11], в которых выявляются связи субстандарта и культуры. Мы опирались также на труды М. М. Бахтина, посвященные определению основополагающих характеристик народной смеховой культуры [4].

Практическая значимость исследования заключается в том, что его результаты могут быть использованы в различных сферах: в компьютерной лингвистике (например, для улучшения алгоритмов обработки естественного языка, используемых для модерации форумов и чатов видеоигровой направленности); в преподавании лингвистических дисциплин (таких как современный русский язык, социолингвистика, лингвокультурология, теория дискурса и др.); в сфере маркетинга (например, в целях создания таргетированной рекламы, реализации нейминговых стратегий, а также осуществления успешных PR-кампаний). Кроме того, сделанные нами выводы могут быть полезны для оптимизации деятельности видеоигровых компаний и киберспортивных организаций.

Материалы и методы исследования

Материалом исследования являются посты и комментарии в телеграм-каналах видеоигровой направленности «StopGame.ru»¹, «IGM»², «IXBT

¹ StopGame.ru. URL: <https://t.me/stopgameru> (дата обращения: 08.11.2025).

² IGM. URL: <https://t.me/igmtv> (дата обращения: 08.11.2025).

Games | Короче»³, «Пекарня»⁴; статьи, видеоролики и комментарии пользователей к ним на сайтах <https://dtf.ru>⁵, www.hoyolab.com⁶, в телеграм-каналах «VG – Видеоигры/Двач»⁷, в группах социальной сети «ВКонтакте» «драгонага чота глаголит»⁸, «1С Интерес»⁹, на площадке Steam¹⁰. Общий объем проанализированного материала составляет 96 примеров языковой игры, представленных в 358 контекстах.

При исследовании основных приемов языковой игры, связанных с трансформацией имен собственных в жаргоне геймеров, применяются такие методы, как этимологический анализ, позволяющий установить условия и причины возникновения новых номинаций в жаргоне геймеров; словообразовательный анализ, нацеленный на рассмотрение структурных особенностей единиц геймерского жаргона; анализ словарных дефиниций, а также контекстуальный анализ, который дает возможность выявить основные семантические признаки упомянутых единиц.

Результаты исследования и их обсуждение

В силу специфической природы жаргона, в том числе обусловленной актуализацией в нем игрового начала, экспрессивность естественным образом оказывается присуща многим элементам геймерской лексики. Данная особенность характерна как для имен нарицательных, так и для имен собственных.

В видеоигровой индустрии и в сообществе геймеров сложилась традиция, согласно которой названия игр не переводятся официально; естественно, не переводятся названий студий, компаний и т. п. В связи с этим перед многими русскоязычными игроками (как, вероятно, и перед многими

другими неанглоговорящими геймерами) возникают две проблемы:

1. Первая проблема связана с произносительными особенностями указанных названий: например, произношение звука [θ], обозначаемого на письме диграфом th, вызывает большие трудности у людей, не говорящих на английском языке.

2. Вторая проблема заключается в том, что, несмотря на широкую распространенность английского языка, лишь ограниченное число его корней и, соответственно, образуемых ими слов понятны человеку, не говорящему на данном языке. В результате возникает своего рода смысловая лакуна, которую носители другого языка стремятся заполнить.

Попытки решения геймерами изложенных выше проблем, а также актуализация ими знаний об английском языке порождают особое явление — образование в рамках данного жаргона новых имен собственных, представляющих собой результат языковой игры. Данные имена можно разделить на три основные категории в зависимости от сферы номинации: названия игровых студий и имена разработчиков; названия игр; имена персонажей.

Названия игровых студий и имена разработчиков. В этом случае чаще всего используются транслитерация и транскрипция (здесь и далее авторская орфография и пунктуация сохранена): *вк плей* (VK Play — российское игровое подразделение компании VK), *капком* (Capcom — японская корпорация, занимающаяся разработкой и изданием компьютерных видеоигр), *нинтендо* (Nintendo — японская транснациональная корпорация, разрабатывающая видеоигры и игровые системы). В то же время в рамках геймерского жаргона активно реализуется языковая игра, в результате которой имена собственные преобразуются разными способами. Так, новое название может возникнуть на основе перевода оригинальной номинации. Например, наименование студии «Blizzard» переводится как *метель*, поэтому в жаргоне геймеров студия может обозначаться однокоренной уменьшительно-ласкательной формой *метелица*: «20–21 февраля компания Blizzard провела Blizzconline 2021. Нам рассказали о том, что нового компания приготовила для поклонников World of Warcraft Shadowlands и Classic, как именно “Метелица” порадует поклонников серии Diablo и, в особенности, старожил серии»⁹.

Еще один пример в данной категории имен собственных — *Bethesda* (американская компания, занимающаяся разработкой компьютерных игр).

³ IXBT Games | Короче. URL: <https://t.me/ixbtgames> (дата обращения: 10.11.2025).

⁴ Пекарня. URL: <https://t.me/+VIuvvPWhb-mR4BRq> (дата обращения: 09.11.2025).

⁵ DTF. URL: <https://dtf.ru/> (дата обращения: 10.11.2025).

⁶ Hoyolab. URL: <https://www.hoyolab.com/home> (дата обращения: 08.11.2025).

⁷ VG/Двач. URL: <https://t.me/ru2chvg> (дата обращения: 08.11.2025).

⁸ драгонага чота глаголит. URL: <https://vk.com/makersbreath> (дата обращения: 09.11.2025).

⁹ 1С Интерес. URL: https://vk.com/interes_1c (дата обращения: 10.11.2025).

¹⁰ Steam. URL: <https://store.steampowered.com> (дата обращения: 09.11.2025).

Данное название трансформируется на основе фонетической близости с уже существующим русским словом *беседка*: «После покупки у *Беседки* появятся деньги и ресурсы, а значит, мы можем ожидать либо новые продукты, либо продолжения старых»¹¹. Кроме того, от данной лексической единицы, как и от других подобных имен собственных, может образовываться прилагательное: «Очередной *беседковский* иммерсивсим (или то, что выглядит как очередной иммерсивсим) провалился»¹².

Как и в случае с именами нарицательными, в сфере имен собственных языковая игра нередко используется для выражения эмоций носителями жаргона [9, с. 116]. В качестве примера приведем фамилию разработчика видеоигры Х. Миядзаки: «*Бабадзаки* в очередной раз поставил свой конвейер»¹³; «*Батл* рояль от *бабадзаки*»¹⁴. Эмоциональная окрашенность может быть резко негативной: «*Кукман* анонсировал свою очередную сою»¹⁴ (фамилия *Дракмани* + оскорбление *куколд* — ‘участник фетишистской сексуальной практики’); «*Фуфу*, без открытого мира и впараша плей, нет, спасибо, лучше уж в курвака побегать или *kcd*»¹¹: «VK Play» + прост. *параша* — ‘сосуд для испражнений в тюремной камере’¹⁵. Последний пример демонстрирует то, как аналогичное изменение происходит и с названием игры «*Ведмак*», при этом используется польский вульгаризм *kurwa*. Подробнее эта единица будет рассмотрена далее.

Названия игр. Помимо рассмотренных в предыдущем параграфе примеров обычной транслитерации имен собственных, встречается искаженная транслитерация, например названия серии «*Dragon Age*» — *драгонага*. Данная единица имеет большое распространение: так, в социальной сети «ВКонтакте» одно из крупных сообществ, посвященных играм серии, носит имя «*драгонага чота глаголит*»¹⁶.

¹¹ VG/Двач. URL: <https://t.me/ru2chvg> (дата обращения: 08.11.2025).

¹² Пекарня. URL: <https://t.me/+VIuvvPWwhb-mR4BRq> (дата обращения: 09.11.2025).

¹³ Hoyolab. URL: <https://www.hoyolab.com/home> (дата обращения: 08.11.2025).

¹⁴ IXBT Games | Короче. URL: <https://t.me/ixbtgames> (дата обращения: 10.11.2025).

¹⁵ Грачёв М. А., Мокиенко В. М. Русский жаргон: историко-этимологический словарь. М.: АСТ-Пресс Книга, 2009. 336 с.

¹⁶ *драгонага чота глаголит*. URL: <https://vk.com/makersbreath> (дата обращения: 09.11.2025).

Другой способ заключается в намеренно невразумительном, шутовском переводе. Так, например, трансформируется название игры «*The Legend of Zelda: Breath of the Wild*»: «*Даже в Дыхание Дичи можно было закопаться в лор с головой*»¹⁷. Слово *wild* в названии игры может переводиться как «дикий» или «дебри»; в данном случае носитель жаргона намеренно использует слово *дичь*, причем в его разговорном значении — ‘нелепость, вздор, чепуха’¹⁸.

Интересно, что подобной трансформации подвергаются даже те названия, которые обозначают «географические» объекты во внутриигровом мире. Тем не менее носители жаргона геймеров, хотя и понимают данные слова, придают им дополнительные смыслы, изначально не характерные для них. Например, название *Мура в винт* — это искаженный подзаголовок третьей части серии «*The Elder Scrolls*», «*Morrowind*», и одновременно названия вымышленной провинции Морровинд, где разворачиваются события игры. Похожие шуточные искажения возникают по отношению к другим номерным частям серии, также названным в честь вымышленных локаций: «*Daggerfall*» — *Баггерфолл* (*баг* — ошибка в работе программы), «*Oblivion*» — *Подливион*, «*Skyrim*» — *Скурим*; «*Morrowind*» из-за схожести букв *w* и *ш* иногда называют *Моррошиндом*. Такая трансформация способствует снижению пафосности, присущей перечисленным играм.

Как мы отметили выше, в рамках геймерского жаргона наблюдается взаимодействие не только английского и русского языков. Так, серия игр «*The Witcher*» от польских разработчиков из «CD Project Red» открыла возможности для взаимодействия русского и польского языков в рамках геймерского жаргона: название серии, переведённое на русский («*Ведмак*»), объединилось с известным вульгаризмом *kurwa*: «*Фуфу*, без открытого мира и впараша плей, нет, спасибо, лучше уж в курвака побегать или *kcd*»¹¹ (ср. пол. *kurwa* ‘*kobieta oddająca się mężczyznom za pieniądze; prostytutka*’¹⁹ — «женщина, отдающаяся мужчинам за деньги; проститутка» [перевод с польского языка наш. — Л. К., А. Л.]. Связь именно с польским вульгаризмом мы проводим на основании того, что, во-первых, игра по происхождению польская

¹⁷ StopGame.ru. URL: <https://t.me/stopgameru> (дата обращения: 08.11.2025).

¹⁸ Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.

¹⁹ Nowy słownik języka polskiego / Redakcja naukowa Bogusław Dunaj. Warszawa: WILGA, 2005. 900 s.

(она создана польской студией-разработчиком, основана на романах польского писателя и тесно связана с польской культурой), во-вторых, в последние годы определенную популярность в Интернете (в том числе в русскоязычной его части) приобрели мемы с использованием данного вулгаризма (например, мем «Bobr, kurwa»). С учетом этой информации именно такая версия происхождения рассматриваемой лексической единицы представляется нам наиболее вероятной.

Имена персонажей. Заметим, что имена собственные изменяются и в англоязычном геймерском жаргоне. Так, организация «British Esports» приводит несколько примеров в словарики, составленном для многопользовательской игры «Overwatch» [15]: *Wrecking Ball — Ball, Hammond, Ham или Hamster; Brigitte — Brig; Ramattra — Ram; Widowmaker — Widow.*

Как мы видим, имена сокращаются до одного (как правило), максимум двух слогов, что вызвано потребностью в краткости речи в момент виртуального боя. Либо имя персонажа сокращается (*Junker Queen — Queen; Reinhardt — Rein; Torbjörn — Torb; Ball, Brig, Ram, Widow*), либо происходит выпадение звука (*Winston — Winton*), либо имя заменяется другим, коротким и при этом официальным именем персонажа (*Hammond*) или прозвищем, мотивированным его внешним видом (*Hamster — ‘хомяк’²⁰, Frog — ‘лягушка’²⁰, Monkey — ‘обезьяна’²⁰*).

Схожие процессы сокращения, трансформации и замены имен собственных происходят и в русскоязычном жаргоне геймеров. Рассмотрим ряд примеров, связанных с игрой «Genshin Impact», к которой мы обращаемся, учитывая следующие критерии: 1) активность указанных процессов в коммуникации представителей данного видеоигрового сообщества; 2) соединение элементов различных культур (немецкой, китайской, японской, южноазиатских, ближневосточных и т. д.) в игровом пространстве. Комьюнити данной игры отличается повышенным интересом к проблеме изменения имен собственных в речи игроков: нередко в тематических сообществах и в социальных сетях возникают споры о необходимости изменений имен собственных, а также о том, не свидетельствует ли этот процесс о культурной апроприации и неуважении к чужой культуре.

Один из наиболее распространенных типов трансформации имени собственного в данном слу-

чае — усечение либо усечение плюс прибавление окончания *-a* (как правило, у женских персонажей), иногда с добавлением суффикса *-к-*. В отдельных случаях встречается выпадение гласной (при условии, что в начале слова стоят две гласные подряд), замена аффрикаты [ч] на щелевой звук [ш]: *Беннет — Бенья; Фишль — Фишля; Кэ Цин — Кека; Сян лин — Сянка; Гань Юй — Ганька, Ганя; Нин Гуан — Нинка, Нина; Янь фэй — Янка; Шэнь Хэ — Шэнь; Ёимия — Ёма; Яэ Мико — Мико; Скарамучча — Скарамуш, Скара; аль-Хайтам — Хайтам.* В целом, появление *-a* в конце весьма характерно для многих неизменяемых имен в речи фанатов данной игры, например: *Альбеда — Альбеба.* Таким образом, для неизменяемых имен собственных в жаргоне геймеров свойственна трансформация и включение в парадигму склонения.

Некоторые иностранные имена, очевидно, с трудом воспринимаются русскоязычными игроками. Так, выше мы привели пример трансформации имени *Нин Гуан*, обусловленной тем, что сочетание звуков [н] и [г] является нетипичным для русской фонетики. Комбинация звуков [ч] и [ж], имеющая место в имени *Чжун Ли*, также не характерна для русского языка; кроме того, отдельную сложность представляет произношение звука [ч], который в русском литературном языке всегда мягкий, в соседстве с твердым *ж*. В связи с этим в произношении и на письме возникает более простая форма этого имени — *Джун Ли*. Трудности вызывает использование имени персонажа *Ёимия*: оно может быть записано как *Йоимия* или *Еймия*.

Непривычное сочетание звуков в имени порождает новые формы. Например, комбинации согласных могут заменяться на один согласный, между двумя гласными может возникнуть третий согласный и т. д.: *Ху Тао — Хутава; Чун Юнь — Чугун; Бэй Доу — Байда; Кадзуха — Казах.*

В единичных случаях изменения имени персонажа видеоигры мотивированы его звучанием в других языках. В частности, такова пара *Цици — Чича*. Заметим, что в «Genshin Impact» доступна китайская озвучка, а видеоролики со сравнением озвучек набирают сотни тысяч просмотров; результат этого отражают трансформации, происходящие с рассматриваемым именем собственным. В китайском имени *Цици* согласные звучат как нечто среднее между русскими звуками [ц] и [ч], что повлияло на формирование имени *Чича* в русскоязычном жаргоне. Окончание, как мы видим, тоже появилось, то есть имя получило возможность изменяться по падежам.

²⁰ Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org> (дата обращения: 10.11.2025).

Еще один регулярно встречающийся прием — замена имени персонажа прозвищем, созданным на основе какой-либо характеристики (внешний вид, используемая персонажем стихия, его биография и т. д.): *Кэйя* — *крио цыган*, *крио принц*; *Син Цю* — *синий*; *Гань Юй* — *коза*; *Чжун Ли* — *дед* и др.

Наконец, в двух зафиксированных нами случаях имя изменяется на основе внешнего сходства с уже существующими в русском языке единицами: *Кэ Цин* — *Кекцин* (на основе близости к единице *кек* (междометие, обозначающее смех) из молодежного жаргона); *Тарталья* — *Тарталетка*, *Торт*.

Своеобразная ассимиляция непривычных имен при помощи создания аналогов, звучащих так же, как и русские имена (*Нина*, *Янка*), встречается и в иных частях игрового сообщества. Так, имя и фамилия Лары Крофт, героини серии «*Tomb Raider*», не только сокращается до имени *лара*, но и трансформируется в *Ларису Ивановну*: «*Ремастеры 4–6 части Ларисы Ивановны уже анонсированы*»²¹.

По нашему мнению, все вышеописанные процессы, касающиеся имен персонажей видеоигр, обусловлены рядом причин:

1. Оригинальное имя содержит непривычное для носителя русского языка сочетание звуков и потому неудобно для произношения.
2. Оригинальное имя не изменяется по падежам.
3. Оригинальное имя не отвечает потребности в смысловой емкости вербального сообщения.

Как видим, данные причины в целом совпадают с теми, которые вызывают изменение имен собственных, обозначающих персонажей видеоигр, в английском языке. При этом отметим следующее: хотя катализатором таких трансформаций часто становится несоответствие имени собственного фонетическим законам русского языка и существующим в нем принципам благозвучия, большое влияние на описанные процессы оказывает именно языковая игра, которая позволяет снизить пафосность и приблизить персонажа к геймеру. Потребность в подобном сближении возникает, на наш взгляд, вследствие иммерсивности видеоигр, которые, будучи особым видом медиаконму-

никации, отличаются наличием очень неустойчивых, зыбких границ между персонажем истории и ее адресатом.

Заключение

Проанализированный нами материал демонстрирует, с одной стороны, высокую степень лингвокреативного потенциала, характерного для геймерского жаргона, с другой — системность принципов языковой игры, которые определяются культурными установками видеоигрового сообщества. Актуализация игрового начала, присутствующего данному жаргону, обуславливает высокую степень экспрессивности его единиц, в том числе имен собственных, которые можно классифицировать в зависимости от сферы номинации, выделив внутри три категории: названия игровых студий и имена разработчиков; названия игр; имена персонажей. К причинам активного использования языковой игры в жаргоне геймеров мы относим необходимость адаптации заимствованных (прежде всего англоязычных) единиц, а также иммерсивность самих видеоигр. Функциональная нагрузка элементов языковой игры во многих случаях связана с выражением эмоций носителями жаргона, которое обуславливает активную трансформацию заимствований. Среди основных приемов, с помощью которых реализуется языковая игра в сфере имен собственных в рамках названного жаргона, выделены такие, как намеренно неправильный, шуточный перевод; использование русского слова на основе его фонетической близости к английскому имени собственному; образование уменьшительно-ласкательных форм имени собственного.

В качестве перспектив дальнейшего исследования заявленной проблематики можно назвать систематизацию способов и средств словообразования в рамках жаргона как части субстандарта, изучение когнитивных аспектов языковой игры, анализ аналогичных процессов в других языках. Кроме того, представляет интерес рассмотрение с лингвистической и общегуманитарной точек зрения взаимосвязей современной массовой культуры и конкретных проявлений языковой игры в жаргоне геймеров, а также пересечений между субкультурой геймеров и другими современными субкультурами.

²¹ IXBT Games | Короче. URL: <https://t.me/ixbtgames> (дата обращения: 10.11.2025).

Список источников

1. Анашкина А. А. Новая субкультура: геймеры и их влияние на словарный состав русского языка // *Язык и культура как национальное достояние в поликультурной среде*. Ставрополь : Изд-во СКФУ, 2019. С. 222–225.

2. Антонова А. Б. Языковые механизмы создания новой лексики в русском языке (на примере сленга геймеров) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2024. Т. 16, № 4. С. 17–27.
3. Ачилова Е. Л., Регушевская И. А. Гибридные глагольные образования в сленге русскоязычных геймеров // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2019. № 5. С. 325–332.
4. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М. : Художественная литература, 1990. 543 с.
5. Беспалова Е. А., Давыдов Д. С. Особенности сленга игровой журналистики на примере отечественного журнала «Игромания» // Современные тенденции исследований в языкознании, литературоведении и журналистике. Курск : Юго-Западный государственный университет, 2024. С. 13–19.
6. Елютина М. Э., Неруш А. А. Гендерные аспекты игровых практик у молодежного сегмента российской аудитории компьютерных игр // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23. Вып. 1. С. 4–13.
7. Кочелаева И. С. Лексикон молодежной субкультуры в лингвокультурологическом словарном описании (на материале интернет-СМИ для геймеров) // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2025. № 25 (3). С. 59–66.
8. Кудинова Т. А. Субстандарт как составная часть общественной культуры // Наука и современность. 2010. № 2–3. С. 120–125.
9. Петросян М. М., Киселева Л. А. Специфика репрезентации категории эмотивности в русско- и англоязычном медиамедицинском дискурсе (на материале блогов врачей) // Terra Linguistica. 2024. Т. 15, № 4. С. 109–122.
10. Седых И. А. Индустрия компьютерных игр 2020 / Институт «Центр развития» НИУ «Высшая школа экономики», 2020. 74 с.
11. Химик В. В. Поэтика низкого, или Просторечие как культурный феномен. СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2000. 272 с.
12. Щербина В. Е. Язык геймеров как компонента молодежного сленга // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 3 (81). Ч. 2. С. 395–398.
13. Ensslin A. The Language of Gaming. N. Y. : Palgrave Macmillan, 2011. 226 p.
14. Geoffrey K., Nikitin G. M. Formation of the Gamer Subculture in the Information Age // Epomen Scientific Journal. 2020. No. 40. P. 24–31.
15. Green B.-H. Game Jargon — Overwatch. URL: <https://britishesports.org/the-hub/guides/game-jargon-overwatch/> (дата обращения: 09.11.2025).
16. Yee N. 7 Things We Learned About Primary Gaming Motivations From Over 250,000 Gamers. URL: <https://quanticfoundry.com/2016/12/15/primary-motivations/> (дата обращения: 10.11.2025).

References

1. Anashkina AA. Novaya subkul'tura: geĭmery i ikh vliyanie na slovarnyĭ sostav russkogo yazyka = The new subculture: gamers and their influence on the vocabulary of the Russian language. *Yazyk i kul'tura kak natsional'noe dostoyanie v polikul'turnoi srede*. Stavropol', Izd-vo SKFU; 2019. Pp. 222–225. (In Russ.).
2. Antonova AB. Yazykovye mekhanizmy sozdaniya novoĭ leksiki v russkom yazyke (na primere slenga geĭmerov) = Linguistic mechanisms for creating new vocabulary in the Russian language (on the example of gamer slang). *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiiskaya i zarubezhnaya filologiya*. 2024;16(4):17-27. (In Russ.).
3. Achilova EL, Regushevskaya IA. Gibridnye glagol'nye obrazovaniya v slenge russkoyazychnykh geĭmerov = Hybrid verb formations in the slang of Russian-speaking gamers. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya*. 2019;(5):325-332. (In Russ.).
4. Bakhtin MM. Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura Srednevekov'ya i Renessansa = The Work of François Rabelais and the Popular Culture of the Middle Ages and Renaissance. Moscow, Khudozhestvennaya literatura; 1990. 543 p. (In Russ.).
5. Беспалова ЕА, Давыдов ДС. Особенности сленга игровой журналистики на примере отечественного журнала «Игромания» = Peculiarities of the slang of game journalism on the example of the domestic magazine

“Igrmaniya”. *Sovremennye tendentsii issledovaniĭ v yazykoznanii, literaturovedenii i zhurnalistike*. Kursk, Yugo-Zapadnyĭ gosudarstvennyĭ universitet; 2024. Pp. 13–19. (In Russ.).

6. Elyutina ME, Nerush AA. Gendernye aspekty igrovyykh praktik u molodezhnogo segmenta rossiĭskoi auditorii komp'yuternyykh igr = Gender aspects of gaming practices in the youth segment of the Russian computer games audience. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Sotsiologiya. Politologiya*. 2023;23(1):4-13. (In Russ.).

7. Kochelaeva IS. Leksikon molodezhnoi subkul'tury v lingvokul'turologicheskom slovarnom opisaniĭ (na materiale internet-SMI dlya geĭmerov) = The lexicon of youth subculture in linguocultural dictionary description (based on online media for gamers). *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya "Gumanitarnye i sotsial'nye nauki"*. 2025;25(3):59-66. (In Russ.).

8. Kudinova TA. Substandart kak sostavnaya chast' obshchestvennoi kul'tury = Substandard as an integral part of social culture. *Nauka i sovremennost'*. 2010;(2-3):120-125. (In Russ.).

9. Petrosyan MM, Kiseleva LA. Spetsifika reprezentatsii kategorii ėmotivnosti v russko- i angloiazыchnom mediameditsinskom diskurse (na materiale blogov vracheĭ) = The specifics of the representation of the emotive category in Russian and English media medical discourse (based on doctors' blogs). *Terra Linguistica*. 2024;15(4):109-122. (In Russ.).

10. Sedykh IA. Industriya komp'yuternyykh igr 2020 = The Computer Game Industry 2020. Institut “Tsentr razvitiya” NIU “Vysshaya shkola ėkonomiki”, 2020. 74 p. (In Russ.).

11. Khimik VV. Poetika nizkogo, ili Prostorechie kak kul'turnyĭ fenomen = Poetics of the Low, or Colloquial Speech as a Cultural Phenomenon. St. Petersburg, Filologicheskiĭ fakul'tet SPbGU; 2000. 272 p. (In Russ.).

12. Shcherbina VE. Yazyk geĭmerov kak komponenta molodezhnogo slenga = The language of gamers as a component of youth slang. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2018;3(81;Pt 2):395-398. (In Russ.).

13. Ensslin A. The Language of Gaming. New York: Palgrave Macmillan, 2011. 226 p.

14. Geoffrey K, Nikitin GM. Formation of the Gamer Subculture in the Information Age. *Epomen Scientific Journal*. 2020;(40):24-31.

15. Green BH. Game Jargon — Overwatch. 2025. Available from: <https://britishesports.org/the-hub/guides/game-jargon-overwatch/> (date of access: 09.11.2025).

16. Yee N. 7 Things We Learned About Primary Gaming Motivations From Over 250,000 Gamers. 2016. Available at: <https://quanticfoundry.com/2016/12/15/primary-motivations/> (date of access: 10.11.2025).

Информация об авторах

Л. А. Киселева — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и массовой коммуникации факультета филологии и журналистики.

А. Э. Леготина — аспирант кафедры современного русского языкознания высшей школы отечественной филологии.

Information about the authors

L. A. Kiseleva — Dr. Sci. (Philology), Professor, Faculty of Philology and Journalism, Department of Russian Language and Mass Communication.

A. E. Legotina — Postgraduate Student, Higher School of Russian Philology, Department of Modern Russian Linguistics.

Статья поступила в редакцию 12.11.2025; одобрена после рецензирования 09.12.2025; принята к публикации 14.01.2026.

The article was submitted 12.11.2025; approved after reviewing 09.12.2025; accepted for publication 14.01.2026.

Вклад авторов: оба автора сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 811.342

ББК 81.521.311

DOI: 10.47475/1994-2796-2026-508-2-111-118

МЕЖДОМЕТИЯ И ЗВУКОПОДРАЖАНИЯ В РУССКО-ПЕРСИДСКОМ КОНТЕКСТЕ: ДАННЫЕ ОПРОСА

Кесарь Мехраби

Университет Альзахра, Тегеран, Иран, qmehrabi@alzahra.ac.ir

Аннотация. Представлены результаты эмпирического исследования восприятия и употребления междометий и звукоподражаний студентами-иранцами ($N = 52$), изучающими русский язык на промежуточном уровне в Университете Альзахра (Тегеран). Анализ данных, полученных с помощью опроса, показывает, что респонденты активно используют экспрессивные единицы как в устной, так и в письменной речи — в том числе в цифровой коммуникации, где междометия часто заменяются эмодзи. Наиболее частые контексты употребления связаны с удивлением (50%), неформальным общением (23%), раздражением (8%) и радостью (6%). Выявлено, что 90% студентов считают междометия важным средством выразительности, а 92–94% осознают необходимость их адаптации к коммуникативной ситуации. Несмотря на различия в частотности и фонетической реализации, русская и персидская экспрессивные системы демонстрируют функциональную конвергенцию в базовых эмоциональных доменах. В то же время лингвистический анализ учебных программ иранских вузов свидетельствует о недостаточной репрезентации междометий, что противоречит их высокой прагматической значимости. Результаты подтверждают необходимость включения экспрессивной лексики в лингвокультурологический и межкультурный анализ, поскольку она отражает эмоционально-оценочное отношение говорящего и способствует формированию аутентичной коммуникативной компетенции.

Ключевые слова: междометие, звукоподражание, лингвокультурология, межкультурная коммуникация, русско-персидское сопоставление, экспрессивная компетенция

Для цитирования: Мехраби К. Междометия и звукоподражания в русско-персидском контексте: данные опроса // Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 2 (508). С. 111–118. DOI: 10.47475/1994-2796-2026-508-2-111-118.

Original article

INTERJECTIONS AND ONOMATOPOEIAS IN THE RUSSIAN-PERSIAN CONTEXT: SURVEY FINDINGS

Qaysar Mehrabi

Alzahra University, Tehran, Iran, qmehrabi@alzahra.ac.ir

Abstract. The article presents the findings of an empirical study on the perception and use of interjections and onomatopoeias by Iranian students ($N = 52$) learning Russian at an intermediate level at Alzahra University (Tehran). Survey data analysis reveals that respondents actively employ expressive units in both spoken and written communication, including digital discourse, where interjections are frequently substituted with emojis. The most common contexts of use include expressions of surprise (50%), informal interaction (23%), irritation (8%), and joy (6%). It was found that 90% of students regard interjections as a vital means of expressiveness, while 92–94% recognize the need to adapt their usage to specific communicative situations. Despite differences in frequency and phonetic realization, Russian and Persian expressive systems exhibit functional convergence in core emotional domains. At the same time, a linguistic review of university curricula in Iran indicates insufficient representation of interjections, which contradicts their high pragmatic relevance. The results underscore the necessity of integrating expressive lexicon into linguocultural and intercultural analysis, as it reflects the speaker's emotional-evaluative stance and contributes to the development of authentic communicative competence.

Keywords: interjection, onomatopoeia, linguoculturology, intercultural communication, Russian-Persian contrastive analysis, expressive competence

For citation: Mehrabi Q. Interjections and Onomatopoeias in the Russian-Persian Context: Survey Findings. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2026;(2(508)):111-118. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2026-508-2-111-118.

Введение

Междометия и звукоподражания долгое время оставались «слепым пятном» в лингвистических исследованиях, особенно в контексте сопоставительного и лингвокультурологического анализа. Их традиционное восприятие как второстепенных, эмоционально неструктурированных элементов речи привело к систематическому игнорированию их роли в формировании экспрессивной и прагматической компетенции. Между тем именно эти единицы наиболее ярко отражают культурно обусловленные нормы выражения эмоций, установления контакта и регуляции дискурса.

В условиях роста интереса к межкультурной коммуникации и лингвокультурной вариативности языковых систем всё более очевидной становится необходимость изучения экспрессивных средств не только как грамматических аномалий, но как носителей культурно маркированной семантики. Особенно актуален этот вопрос в контексте русско-персидского взаимодействия, где различия в эмоциональных кодах и коммуникативных стратегиях могут порождать как недопонимание, так и новые формы адаптации.

Несмотря на наличие отдельных работ по междометиям в русском и персидском языках, сопоставительные исследования, основанные на эмпирических данных, остаются крайне редкими. В частности, отсутствуют работы, анализирующие восприятие и употребление русских междометий носителями персидского языка в условиях иностранного языкового обучения.

Цель настоящей статьи — восполнить этот пробел, проанализировав особенности восприятия и использования междометий и звукоподражаний студентами-иранцами, изучающими русский язык. В качестве эмпирической базы выступают результаты опроса 52 студентов Университета Альзахра (Тегеран) с промежуточным уровнем владения русским языком. Исследование направлено на выявление степени осознанности употребления экспрессивных средств, их функциональных предпочтений и степени конвергенции между русской и персидской экспрессивными системами. Полученные данные интерпретируются в рамках лингвокультурологического и межкультурного подходов, что позволяет рассматривать междометия как индикаторы эмоци-

ональной культуры речи и средства межъязыковой адаптации.

Теоретические основы: статус междометий и звукоподражаний в лингвистике

Междометия традиционно занимают спорное положение в системе частей речи. Уже в работах конца XIX — начала XX в. (Д. Н. Ушаков, А. М. Пешковский, Д. Н. Овсянко-Куликовский, Ж. Вандриес, Ш. Балли) отмечалась их обособленность от классических грамматических категорий. Некоторые исследователи даже отрицали за междометиями статус полноценных слов, называя их «полусловами» или «непроизвольными эмоциональными выкриками» [6, с. 31]. Такой подход препятствовал системному изучению этих единиц и способствовал их маргинализации в лингвистической традиции.

Показательна позиция Ш. Балли, который проводил четкое разграничение: «Междометие находится вне языка, если оно является чистым воспроизведением звука или шума... Но междометие относится к языку с того момента, как оно получает значение предложения» [2, с. 20]. Эта формулировка подчеркивает переход от фонетической имитации к семантической функции — именно в этом моменте междометие становится частью языковой системы.

В «Русской грамматике» (1980) междометия определяются как «класс неизменяемых слов, служащих для нерасчлененного выражения чувств, ощущений, душевных состояний и других (часто непроизвольных) эмоциональных и эмоционально-волевых реакций на окружающую действительность» [9, с. 732]. Это определение акцентирует их прагматическую природу: междометия не обозначают предметов, действий или признаков, но выражают отношение говорящего к ситуации. В. В. Виноградов называл их «коллективными знаками эмоционального выражения» [3, с. 585], указывая на их устойчивость в языковой традиции и социальную обусловленность.

Отсутствие номинативной функции принципиально отличает междометия от знаменательных частей речи. Вместе с тем они способны выполнять коммуникативную роль целого высказывания: «ой!» может означать испуг, «ура!» — радость, «прочь!» — волеизъявление. «Русская грам-

матика» предлагает трехкомпонентную семантическую классификацию:

- 1) междометия эмоций (ах, ой, ура);
- 2) междометия волеизъявления (вон!, стоп!);
- 3) этикетные междометия (спасибо, здравствуйте) [9, с. 733].

В. В. Виноградов же выделяет до восьми разрядов, включая звательные, бранные и даже «междометные глагольные формы» (прыг, сок) [3, с. 589], что свидетельствует об их функциональной гибкости и способности адаптироваться к различным дискурсивным контекстам.

Звукоподражания, согласно «Русской грамматике», рассматриваются как подкласс междометий [9, с. 732]. Однако А. М. Пешковский отрицал их словесную природу: «Здесь нет членения на звуки и значение, свойственные слову, так как здесь всё значение — в звуках» [8, с. 168]. Тем не менее современная лингвистика признает, что устойчивые звукоподражания («мяу», «гав-гав», «кукареку») обладают постоянным фонемным составом и общепринятым значением. Как отмечает Н. М. Шанский, «общепринятые звукоподражания имеют постоянный фонемный состав... Благодаря этому они одинаково понимаются всеми говорящими на русском языке. Такие звукоподражания выступают в языке как полноценные слова» [12, с. 253].

Количественные данные подтверждают значимость этих единиц: по данным «Обратного словаря русского языка» А. Н. Тихонова, в языке зафиксировано 341 междометие — больше, чем предлогов, союзов и частиц вместе взятых [10, с. 442]. Этот факт позволяет рассматривать междометия и звукоподражания не как периферийные элементы, а как носители экспрессивной и прагматической нагрузки, отражающие эмоционально-оценочное отношение говорящего к действительности.

Важно подчеркнуть, что игнорирование этих единиц в учебной практике ведет не просто к пробелу в грамматических знаниях, а к формированию эмоционально усеченной модели языка. Между тем именно междометия позволяют передать живую интонацию, установить контакт, выразить сопереживание или возмущение — то, что делает речь аутентичной. В художественной литературе, кино, повседневном общении они выполняют функцию экспрессивного каркаса, без которого язык теряет динамику и глубину.

Таким образом, междометия и звукоподражания заслуживают не маргинализации, а включения в поле зрения лингвокультурологического и межкультурного анализа как индикаторов эмо-

циональной культуры речи и средств интерсубъективного взаимодействия.

Сопоставительные особенности русских и персидских междометий

Сравнительное рассмотрение междометных систем русского и персидского языков позволяет выявить как глубинные различия, обусловленные культурно-коммуникативными нормами, так и значительную функциональную конвергенцию в базовых эмоциональных доменах. В персидском языке междометия также занимают особое место в экспрессивной лексике. Как отмечает Т. Вахидиан Камьяр, «междометия — это слова, которые являются отголосками звуков или любого слова, в котором связь между формой и значением носит естественный, мотивированный характер». Эта дефиниция подчеркивает онтогенетическую и когнитивную близость междометий к первичным реакциям человека на внешние стимулы.

Особенно показательна способность персидских междометий функционировать как автономные речевые акты. Так, в высказывании «آه از این مردم» («Увы! Какие люди!») междометие آه («ах», «увы») замещает целое предложение с глагольным значением «сожалею» или «горюю». Аналогично, «سلام» («здравствуйте!») выступает как этикетная формула, эквивалентная полному высказыванию «Привет тебе!», несмотря на отсутствие грамматической структуры. Эта черта — способность междометия замещать предложение — полностью совпадает с функцией русских междометий, описанной в «Русской грамматике» и работах В. В. Виноградова.

Несмотря на эту общую черту, сопоставительные исследования указывают на различия в частотности, распределении по семантическим группам и прагматической реализации: «Частота употребления междометий каждой подгруппы... не одинакова в обоих языках; различно не только количество междометий, входящих в каждую подгруппу, но и качество реализации каждого междометия в речевой ситуации, а также их структура и характер порождения» [7, с. 180]. Например, в персидском языке наблюдается более широкое использование междометий религиозного происхождения («يا الله», «إن شاء الله»), что отражает специфику культурного кода, тогда как в русском преобладают светские экспрессивные маркеры.

Тем не менее качественные различия носят скорее количественный, чем принципиальный характер. Основные эмоциональные домены — удивление, радость, испуг, приветствие,

сожаление — выражаются в обоих языках с помощью сопоставимых междометных средств. Это создает благоприятные условия для межъязыковой трансляции экспрессивной функции. Эмпирические данные подтверждают, что наличие интерлингвальных соответствий облегчает как понимание, так и продуктивное употребление междометий: «Анализ переводов текста, выполненного студентами из Германии, показал высокую степень зависимости процесса восприятия междометных слов от возможности соотнесения их с междометными единицами родного языка. Все междометные слова, имеющие адекваты в родном языке, были переведены» [13, с. 149]. Хотя исследование касалось немецко-русской пары, его вывод применим и к русско-персидскому контексту.

Итак, несмотря на культурно и фонетически обусловленные различия, русская и персидская междометные системы демонстрируют значительную функциональную и прагматическую схожесть. Это позволяет рассматривать междометия не как источник интерференции, а как точку опоры для межкультурного понимания, где общие эмоциональные реакции становятся мостом между языковыми системами. В этом смысле междометия выступают не просто как лингвистические единицы, но как индикаторы универсальных и культурно-специфических стратегий эмоциональной экспрессии.

Эмпирический анализ восприятия и употребления междометий и звукоподражаний студентами-иранцами

Эмпирической базой исследования послужили данные опроса, проведенного среди 52 студентов кафедры русского языка Университета Аль-Захра (Тегеран), обучающихся на промежуточном уровне (B1–B2 по шкале CEFR). Из общего числа 80 потенциальных респондентов участие приняли 65 %, что обеспечивает репрезентативность выборки для качественного анализа. Опрос был реализован в формате Google Forms и включал девять вопросов: первые — с множественным выбором, последние — с бинарными ответами «да/нет». Все вопросы были переведены на персидский язык, что минимизировало риск искажения данных из-за языкового барьера.

Лишь незначительная часть респондентов (2 %) заявила, что не использует междометия в повседневной речи. Подавляющее большинство, напротив, активно включает их в устную и/или письменную коммуникацию: 44 % — часто, 25 % — иногда, 23 % — постоянно и 6 % — редко (рис. 1).

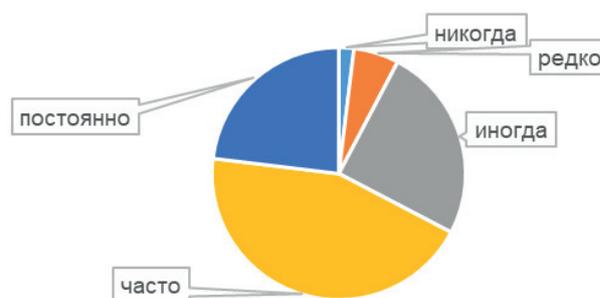

Рис. 1. Результаты ответов на вопрос «Как часто вы используете слова вроде “боже!”, “супер!” “ох”, “ах”, “ой” или звуки вроде “бум”, “мяу” в повседневной речи?»

Fig. 1. Results of answers to the question “How often do you use words like ‘god!,’ ‘super!,’ ‘oh,’ ‘ah,’ ‘oy,’ or sounds like ‘boom,’ ‘meow’ in everyday speech?”

Большинство респондентов отмечают, что междометия и звукоподражания способствуют более свободному выражению эмоций в эмоционально насыщенных ситуациях: 37 % указали, что прибегают к ним «всегда», а 63 % — «иногда». Кроме того, участники опроса подчеркнули их дискурсивную функцию — заполнение пауз, возникающих в ходе разговора (рис. 2).

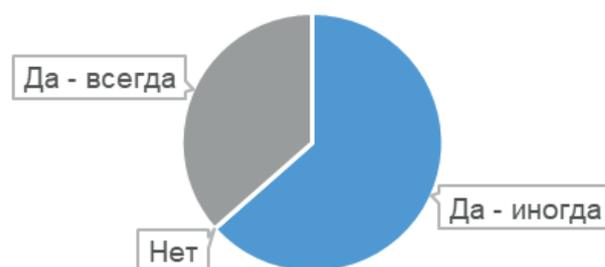

Рис. 2. Результаты ответов на вопрос «Замечаете ли вы, что междометия помогают вам лучше выразить свои чувства или заполнить паузы в разговоре?»

Fig. 2. Results of the question “Do you notice that interjections help you express your feelings better or fill pauses in conversation?”

Большинство студентов используют междометия и звукоподражания для выражения эмоциональных состояний, что соответствует их основной прагматической функции. Наиболее частыми контекстами употребления оказались: удивление (50 %), неформальное общение с друзьями (23 %), раздражение (8 %) и радость (6 %). В 13 % случаев респонденты выбрали вариант «другое», не уточнив при этом конкретное состояние или ситуацию. Это указывает на возможную ограниченность предложенных категорий ответов и свидетель-

ствует в пользу расширения спектра вариантов в будущих исследованиях — например, за счет включения открытого текстового поля для дополнительных комментариев (рис. 3).

Рис. 3. Результаты ответов на вопрос «В каких ситуациях вы чаще всего употребляете междометия (например, “ой”, “вау”, “ах да”, “шикарно”, “фу” и прочее)?»

Fig. 3. Results of the answers to the question “In what situations do you most often use interjections (e.g., ‘oh,’ ‘wow,’ ‘oh yes,’ ‘great,’ ‘ugh,’ etc.)?”

В устной речи подавляющее большинство респондентов используют междометия и звукоподражания инстинктивно, без преднамеренного замысла — что согласуется с их традиционной характеристикой как непровольных реакций на эмоционально значимые стимулы. Лишь незначительная часть участников опроса (23 %) сообщила об осознанном и целенаправленном употреблении данных единиц (рис. 4).

Вопреки распространенному мнению и отдельным исследованиям, указывающим на редкость употребления междометий в письменной речи [1, с. 107; 5, с. 305], подавляющее большинство респондентов (75 %) сообщили об их регулярном ис-

Рис. 4. Результаты ответов на вопрос «Специально ли вы используете звукоподражания (например, “тук-тук”, “о-о”) в разговорах?»

Fig. 4. Results of the question “Do you use onomatopoeia (e.g., ‘tuk-tuk,’ ‘o-o’) in conversations on purpose?”

пользовании в письменной коммуникации (рис. 5). Вероятно, это связано с трансформацией письменной речи в условиях цифровой культуры: в неформальных жанрах — таких как мессенджеры, социальные сети и чаты — междометия и звукоподражания органично интегрируются в текст как средства экспрессивного оформления.

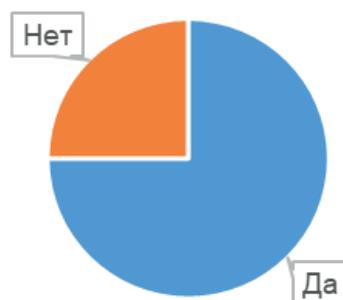

Рис. 5. Результаты ответов на вопрос «Используете ли вы междометия или звукоподражания в переписках?»

Fig. 5. Results of the answers to the question “Do you use interjections or onomatopoeia in your correspondence?”

В опрос был дополнительно включен вопрос об использовании эмодзи и мемов в качестве функциональных заместителей междометий и звукоподражаний. Выяснилось, что 90 % респондентов регулярно используют их в цифровой коммуникации, считая эквивалентом экспрессивных языковых средств (рис. 6). Однако у 10 %, не прибегающих к таким заместителям, остается неясным, связано ли это с неприятием эмодзи как замены, их общим неиспользованием или тем, что они и вовсе не используют междометия в письменной речи — возможно, пересекаясь с группой, ранее указавшей на редкое или отсутствующее их употребление в письме.

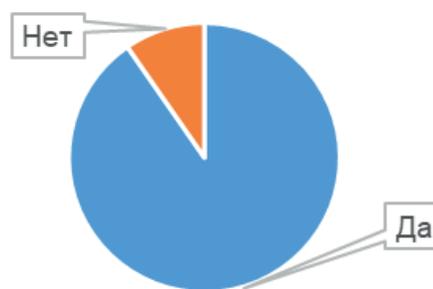

Рис. 6. Результаты ответов на вопрос «Используете ли вы эмодзи или мемы, чтобы заменить междометия или звукоподражания в переписке?»

Fig. 6. Results of the answers to the question: “Do you use emojis or memes to replace interjections or onomatopoeia in your correspondence?”

В опросный лист был включен вопрос о зависимости употребления междометий от коммуникативного контекста и адресата. Почти все респонденты (92 %) сообщили, что адаптируют свой выбор междометий в зависимости от ситуации — будь то общение с друзьями, в семейном кругу, в университете или с незнакомцами (рис. 7).

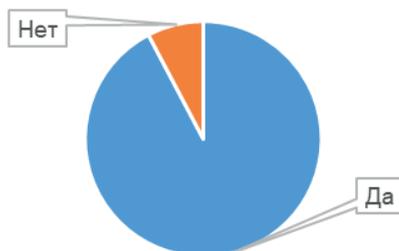

Рис. 7. Результаты ответов на вопрос «Меняется ли ваше использование междометий в зависимости от того, с кем вы общаетесь? (Например, с друзьями, семьей, преподавателями, незнакомцами)»

Fig. 7. Results of the answers to the question "Does your use of interjections change depending on who you are talking to? (For example, with friends, family, teachers, strangers)"

Также респонденты предпочитают использовать междометия и звукоподражания в одних ситуациях чаще, чем в других. Например, существует значительная и очевидная разница между использованием междометия и звукоподражания на занятиях и вне — т. е. во время перерыва и с друзьями (рис. 8).

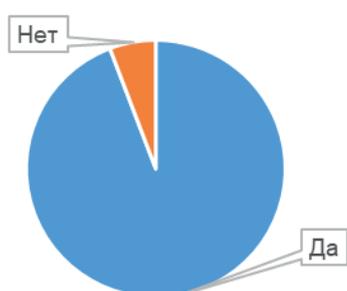

Рис. 8. Результаты ответов на вопрос «Замечаете ли вы разницу в использовании междометий или звукоподражаний по сравнению с неформальными (например, с друзьями)?»

Fig. 8. Results of the answers to the question "Do you notice a difference in the use of interjections or onomatopoeia in formal situations (for example, in classes) compared to informal (for example, with friends)?"

Наконец, для выявления оценочного отношения студентов к экспрессивным средствам речи был сформулирован вопрос: «Делают ли междометия и звукоподражания вашу речь более выразительной?» Подавляющее большинство респондентов (90 %) ответили утвердительно, что свидетельствует о высокой ценности, приписываемой ими этим языковым единицам как инструментам эмоционального и стилистического оформления речи (рис. 9).

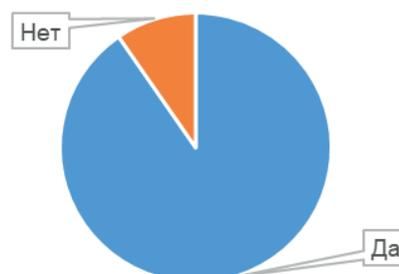

Рис. 9. Результаты ответов на вопрос «Считаете ли вы, что междометия и звукоподражания делают вашу речь более выразительной?»

Fig. 9. Results of the answers to the question "Do you think that interjections and onomatopoeia make your speech more expressive?"

Теоретически можно было бы ожидать возникновения определенных трудностей у иранских студентов при освоении русских междометий и звукоподражаний. К таковым относятся, в частности:

- фонетическая специфика некоторых русских междометий (например, «брр», «тсс»), отсутствующих в персидской экспрессивной системе;
- отсутствие прямых эквивалентов для культурно маркированных единиц (таких как «эх», выражающее ностальгическое сожаление);
- различия в нормах допустимости эмоциональной экспрессии: в персидской коммуникативной культуре, особенно в иерархических или гендерно-смешанных взаимодействиях, сдержанность в проявлении эмоций зачастую рассматривается как признак вежливости.

Тем не менее эмпирические данные свидетельствуют, что иранские студенты демонстрируют высокую чувствительность к экспрессивным средствам русского языка и успешно интегрируют их в свою коммуникативную практику. Совпадение функциональных границ уместности междометий в обоих языках, а также универсальность базовых эмоциональных реакций создают благоприятные условия для межъязыковой трансляции экспрессивной функции. В этих условиях междометия

выступают не как источник прагматической интерференции, а как точка соприкосновения между культурами, где общая способность к эмоциональному выражению становится основой для взаимопонимания.

Заключение

Результаты исследования показывают, что междометия и звукоподражания играют заметную роль в коммуникативной практике иранских студентов, изучающих русский язык. Респонденты активно используют эти единицы как в устной, так и в письменной речи, в том числе в цифровых форматах, и демонстрируют осознанное отношение к их уместности в зависимости от контекста — общения с друзьями, семьей, преподавателями или незнакомцами.

Несмотря на некоторые различия в фонетической реализации и отсутствие прямых эквивалентов для отдельных междометий, систематических трудностей при их усвоении выявлено не было.

Это, вероятно, связано с тем, что в обоих языках — русском и персидском — междометия ограничены преимущественно неформальными, эмоционально окрашенными ситуациями и практически не встречаются в официальной речи. Такое совпадение прагматических норм снижает риск недопонимания и облегчает межъязыковую трансляцию экспрессивной функции.

Кроме того, студенты часто заменяют междометия эмодзи и мемами в онлайн-коммуникации, что указывает на их готовность адаптировать экспрессивные средства к новым дискурсивным условиям. Полученные данные подтверждают, что междометия и звукоподражания заслуживают большего внимания в рамках лингвокультурологического и межкультурного анализа, поскольку отражают не только эмоциональную реакцию говорящего, но и его ориентацию в социальных нормах экспрессии. Их исключение из учебных материалов может приводить к формированию неполной картины живой речи.

Список источников

1. Амека Ф. Междометия: универсальная, но малоизвестная часть речи // Прагматика. 1992. Т. 18, № 2–3. С. 101–118. DOI: [https://doi.org/10.1016/0378-2166\(92\)90048-G](https://doi.org/10.1016/0378-2166(92)90048-G)
2. Балли Ш. Языковой знак в его отношениях с синтагматикой // Фоносемантические идеи в зарубежном языкознании. Л., 1990. С. 18–24.
3. Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове) : учеб. пособие для вузов. 2-е изд., испр. М. : Высшая школа, 1972.
4. Иванов В. А. Употребление междометий в функции других частей речи в русском языке // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика. 2015. Т. 15, № 4. С. 36–41.
5. Ким Х., Бае Й. Использование междометий в письменных рассказах трех групп владения английским языком // Преподавание английского языка. 2024. Т. 79, № 4. С. 291–309. DOI: <https://doi.org/10.15858/engtea.79.4.202412.291>
6. Мамушкина С. Ю. История вопроса о частеречной идентификации междометий // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2013. № 1 (12). С. 30–36.
7. Мехраби К. Сопоставительный анализ междометий и звукоподражаний в русском и персидском языках // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2015. № 3. С. 173–182.
8. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М. : Языки славянской культуры, 2001.
9. Русская грамматика : в 2 т. Т. 1 / предисл. Н. Ю. Шведовой. М. : Наука, 1980.
10. Тихонов А. Н. Современный русский язык. (Морфемика. Словообразование. Морфология). М. : Цитадель-трейд, 2003.
11. Хлебническая Г. Ф. Русский язык. 11-й класс. Профильный уровень : учеб. для общеобразоват. учреждений. М. : ОЛМА Медиа Групп, 2010.
12. Шанский Н. М. и др. Современный русский язык. М. : Просвещение, 1987.
13. Шпрах И. М. Особенности восприятия междометных фразеологизмов иностранцами // Оптимизация учебно-воспитательного процесса на этапах довузовского и вузовского обучения : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 28–29 апр. 2003 г.: посвящ. 85-летию Иркут. гос. ун-та. Иркутск, 2003. Т. 1. С. 147–152.

References

1. Ameka FK. Interjections: The universal yet neglected part of speech. *Journal of Pragmatics*. 1992;18(2-3):101-118. DOI: [https://doi.org/10.1016/0378-2166\(92\)90048-G](https://doi.org/10.1016/0378-2166(92)90048-G)
2. Bally Sh. The linguistic sign in its relationship with syntagmatics. In: Phonosemantic ideas in foreign linguistics. Leningrad; 1990. Pp. 18–24. (In Russ.).
3. Vinogradov VV. Russian language (grammatical doctrine of the word): Textbook for universities. 2nd ed., corrected. Moscow, Vysshaya shkola; 1972. (In Russ.).
4. Ivanov VA. Use of interjections in the function of other parts of speech in Russian. *Bulletin of the Saratov University. New series. Series Philology. Journalism*. 2015; 15(4):36-41. (In Russ.).
5. Kim H, Bae J. Interjection use in written stories of three English proficiency groups. *English Teaching*. 2024;79(4):291-309. DOI: <https://doi.org/10.15858/engtea.79.4.202412.291> (In Russ.).
6. Mamushkina SYu. History of the issue of part-of-speech identification of interjections. *Bulletin of the Volga University named after V. N. Tatishchev*. 2013;1(12):30-36. (In Russ.).
7. Mehrabi K. Comparative analysis of interjections and onomatopoeia in Russian and Persian languages. *Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Language Theory. Semiotics. Semantics*. 2015;(3):173-182. (In Russ.).
8. Peshkovskiy AM. Russian syntax in scientific interpretation. Moscow, Languages of Slavic Culture; 2001. (In Russ.).
9. Russian grammar. In 2 vols. Vol. 1. Ed. N. Yu. Shvedova. Moscow, Nauka; 1980. (In Russ.).
10. Tikhonov AN. Modern Russian. (Morphemics. Word formation. Morphology). Moscow, Citadel-trade; 2003. (In Russ.).
11. Khlebinskaya GF. Russian language. Grade 11. Advanced level: textbook for comprehensive schools. Moscow, OLMA Media Group; 2010. (In Russ.).
12. Shansky NM et al. Modern Russian language. Moscow, Education; 1987. (In Russ.).
13. Shprah IM. Features of perception of interjection phraseological units by foreigners. In: Optimization of the educational process at the stages of pre-university and university education: collection of materials of the International scientific and practical conference. Irkutsk, April 28–29, 2003: dedicated to the 85th anniversary of Irkutsk State University. Irkutsk, 2003. Vol. 1. Pp. 147–152. (In Russ.).

Сведения об авторе

К. Мехраби — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка факультета литературы.

Information about the author

Q. Mehrabi — Cand. Sci. (Phology), Assistant Professor at the Department of Russian Language, Faculty of Literature.

Статья поступила в редакцию 30.09.2025; одобрена после рецензирования 31.10.2025; принята к публикации 14.01.2026.

The article was submitted 30.09.2025; approved after reviewing 31.10.2025; accepted for publication 14.01.2026.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 81'271:619:81'42:811.111.26

DOI: 10.47475/1994-2796-2026-508-2-119-127

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ОЦЕНКИ В ИНТЕРНЕТ-ОТЗЫВЕ КАК ЖАНРЕ ВЕТЕРИНАРНОГО ДИСКУРСА (БРИТАНСКИЙ СЕГМЕНТ)

Ольга Николаевна Новикова^{1✉}, Рахим Закиевич Мурясов²,
Альфия Фаритовна Азнабаева³

¹ Башкирский государственный аграрный университет, Уфа, Россия, novikova58@bk.ru, 0000-0002-9271-7732

² Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия, 0000-0001-9691-8294

³ Башкирский государственный аграрный университет, Уфа, Россия, pjatashok@yandex.ru, 0000-0002-5382-7824

Аннотация. Интернет-отзыв потребителя ветеринарных услуг как новый формат взаимодействия клиента и ветеринарного врача представляет собой ценностно-ориентированный жанр ветеринарного дискурса, характеризующийся вариативностью структуры и объема. Высокая степень эмоциональности и экспрессивности ветеринарного дискурса свидетельствует о сильной положительной связи «человек—животное». Настоящее исследование укладывается в рамки инновационного междисциплинарного подхода к концепции зооэзиса. Цель — описать языковые средства выражения оценки в интернет-отзыве как новом жанре ветеринарного дискурса и определить перспективы исследований. В работе использовались методы общенаучного анализа, описательный, компонентный. Анализу были подвергнуты 500 отзывов клиентов поставщиков ветеринарных услуг в Великобритании, размещенные на официальных сайтах ветеринарных клиник. Установлено, что основным средством выражения оценки выступает оценочная лексика, фразеология, экспрессивный синтаксис, а невербальные эмоциональные знаки задействованы в меньшей степени. Доказано, что произвольность выбора языковых средств субъектом оценки обуславливает нарушение языковых норм, что сближает интернет-отзыв с разговорной речью. Установлено также, что большинство отзывов (93%) — мелиоративные. Определены лингвопрагматические свойства языковых средств выражения оценки в интернет-отзыве рассматриваемого дискурса как фактора, обеспечивающего успешность дистанционной коммуникации, оказывающего влияние на имидж и репутацию ветеринарного учреждения. Результаты исследования могут быть использованы в курсе коммуникаций в сфере ветеринарной медицины и ветеринарной деонтологии в вузе. Перспективы будущих исследований заключаются в сопоставительно-стилистических исследованиях жанра онлайн-отзыва и других жанров интернет-контента, в сравнительно-сопоставительном анализе онлайн-отзывов.

Ключевые слова: ветеринарная коммуникация, ветеринарный дискурс, интернет-отзыв, жанр дискурса, оценка, ветеринарные услуги, взаимодействие ветврача и клиента

Для цитирования: Новикова О. Н., Мурясов Р. З., Азнабаева А. Ф. Языковые средства выражения оценки в интернет-отзыве как жанре ветеринарного дискурса (британский сегмент) // Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 2 (508). С. 119–127. DOI: 10.47475/1994-2796-2026-508-2-119-127.

Original article

LANGUAGE MEANS OF EXPRESSING EVALUATION IN ONLINE REVIEW AS A GENRE OF VETERINARY DISCOURSE (BRITISH SEGMENT)

Olga N. Novikova^{1✉}, Rakhim Z. Muryasov², Alfiya F. Aznabaeva³

¹ Bashkir State Agrarian University, Ufa, Russia, novikova58@bk.ru, 0000-0002-9271-7732

² Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia, 0000-0001-9691-8294

³ Bashkir State Agrarian University, Ufa, Russia, pjatashok@yandex.ru, 0000-0002-5382-7824

Abstract. The online review of veterinary services, as a new format of interaction between the client and the veterinarian, represents a value-oriented genre of veterinary discourse, characterized by variability in structure and

volume. The high degree of emotionality and expressiveness indicates a strong positive bond between human and animal. This study fits into the framework of an innovative interdisciplinary approach to the concept of zoeosis. The article aims to describe the linguistic means of expressing evaluation in an online review as a new genre of veterinary discourse and to determine the prospects for research. The study employed general scientific analysis methods, descriptive methods, and componential analysis. We analyzed 500 customer reviews of UK veterinary service providers posted on the clinics' official websites. We found that the primary means of expressing evaluation is evaluative vocabulary, phraseology, and expressive syntax, while nonverbal emotional cues are used to a lesser extent. It has been demonstrated that the arbitrariness of the subject's choice of linguistic means leads to the violation of linguistic norms which brings online veterinary reviews closer to colloquial speech. It has also been established that the majority of reviews (93%) are melioration-oriented. The linguopragmatic properties of linguistic means of expressing assessment in an online review of veterinary discourse are determined as a factor ensuring the success of distance communication, influencing the image and reputation of a veterinary institution. The results of this study can be used in university courses on communication in veterinary medicine and veterinary ethics. Prospects for future research include comparative stylistic studies of the online review genre and other genres of Internet content, and comparative analysis of online reviews.

Keywords: veterinary communication, veterinary discourse, online review, discourse genre, evaluation, veterinary services, interaction between a veterinarian and a client

For citation: Novikova ON, Muryasov RZ, Aznabaeva AF. Language Means of Expressing Evaluation in Online Review as a Genre of Veterinary Discourse (British Segment). *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2026;(2(508)):119-127. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2026-508-2-119-127.

Введение

С развитием технологий и социальных медиа жанр интернет-дискурса продолжает эволюционировать, что открывает новые возможности для взаимодействия между потребителями и производителями и делает актуальным изучение его с лингвистической точки зрения. В настоящей статье объектом исследования выступает жанр ветеринарного дискурса, или жанр дискурса ветеринарной медицины (ВД), как динамичное, развивающееся явление деятельности человека. Интернет как средство сотрудничества между участниками ветеринарной деятельности способствует выявлению потребностей общества и, соответственно, установлению эффективных отношений в диаде «клиент — ветврач».

Бытование и изучение ВД имеют сравнительно недолгую историю; основной массив языковедческих исследований посвящен рассмотрению терминологии и коммуникативных умений ветеринара. Сегодня на успех взаимодействия клиента с ветеринаром значительное влияние оказывает всё увеличивающаяся открытость рассматриваемой деятельности из-за компьютерно-опосредованной коммуникации. Ничтожно малое количество исследований последней в ракурсе воздействующего потенциала на формирование стратегий поведения ветврача, его образа и рейтинга ветеринарной лечебницы в условиях меняющихся отношений «человек — животное» [18; 22], возникновение нового виртуального жанра, а также интерес к языковому выражению оценки [20] обуславливают теоретическую и практическую актуальность проведенной

работы. Введение в научный оборот нового фактического материала — интернет-отзывов клиентов об оказанных услугах — открывает новый ракурс рассмотрения дискурса. Цель состоит в анализе языковых средств выражения оценки как основного жанрообразующего элемента в интернет-отзывах потребителей ветеринарных услуг.

Материалы и методы исследования

Достижение цели исследования предполагает решение следующих задач: анализ состояния изученности вопроса; сбор эмпирического материала с сайтов ветеринарных лечебниц Великобритании; выявление языковых способов выявления оценки в интернет-отзывах клиентов об оказанных услугах; определение дальнейших направлений исследования.

В эпоху цифровизации одной из новых форм взаимодействия потребителя с поставщиком товаров или услуг стал интернет-отзыв, под которым понимают «размещенное в сети асинхронное речевое произведение, содержание которого составляет мнение автора о продукте или услуге. Новое направление лингвистических исследований XXI века — виртуальное жанроведение — причисляет интернет-отзыв к виртуальным жанрам, наряду с форумами, электронной почтой, чатами, конференциями, блогами, сайтами, электронными библиотеками, онлайн-энциклопедиями, интернет-комментариями и др.» [11, с. 150]. Определение Е. Э. Былиной также подчеркивает асинхронность взаимодействия и переводит его в дискурсивную плоскость: «интернет-отзыв —

это относящееся к классу речевых жанров наивно-го дискурса, реализуемое в рамках асинхронной виртуальной коммуникации, речевое произведение, содержащее в себе мнение и оценку автора о товаре или услуге» [1, с. 393]. В жанроведении интернет-отзыв относят к гибридным жанрам, включающим жанры-антагонисты: похвала — порицание, благодарность — жалоба. М. А. Nasser расширяет жанр, включая в него рекомендации и предложения [19]. В связи с этим следует отметить двусмысленность рассматриваемого термина: с одной стороны, становление жанра идет от узкоспециальной, профессиональной рецензии через обращение к широкой аудитории и упрощение при сохранении определенной структуры [14]; с другой стороны, жанром-прототипом выступает отзыв потребителя в книге жалоб и предложений также с приобретением характеристик медижанра [6].

Мы рассматриваем отзыв потребителя продукта или услуги, языковыми характеристиками которого называют личностный подход, сжатость, лаконичность, информативность, аргументированность, отсутствие жесткой композиции и структуры, наличие обратной связи, диалогичность, доступность [4; 6], а также конфликтогенность [5].

Основным дискурсивным параметром этого жанра признается оценочность. Цель оценочных жанров — «выражать позитивное/негативное отношение автора высказывания к фактам действительности. Отсюда очевидна типология этих жанров — хвалебные (позитивно-оценочные) и хулильные (негативно-оценочные)» [17, с. 388–389]. Право на оценку имеет субъект (адресант) как потребитель товара или услуги [6]. С. Д. Погорелова и А. С. Яковлева определяют оценку как «умственный акт, в результате которого устанавливается отношение субъекта к оцениваемому объекту» [11, с. 98]. Для нашего исследования релевантна трактовка понятия «оценка», предложенная В. А. Марьянчик, согласно которой внимание фокусируется на *действии* субъекта: «... оценка — это приписывание положительных или отрицательных свойств тому или иному объекту, выражение отношения к данному объекту, фиксация объекта на оценочной шкале и в аксиологическом поле» [8, с. 101].

По коммуникативным ролям и предмету общения интернет-отзыв относят к определенному дискурсу [3, с. 16–19]. По каналу коммуникации интернет-отзыв является частью интернет-дискурса, а по коммуникативному намерению субъекта (адресанта, автора) он выступает как оценочный дискурс [3; 13].

Мы понимаем под интернет-отзывом письменную оценку товара и/или услуги, основанную на личном опыте взаимодействия автора с ветеринарной лечебницей и нацеленную на изменение поведенческой модели сотрудников лечебного заведения и/или организации его деятельности.

Результаты исследования и их обсуждение

Материалом исследования послужили 500 отзывов клиентов, размещенных на официальных сайтах ветеринарных клиник и больниц Великобритании и актуальных на момент написания статьи; адреса получены по запросу «UK veterinary clinics» в поисковой системе Google. Такое размещение отзыва сразу показывает его целевую аудиторию — работников самого лечебного учреждения и потенциальных клиентов.

Многомерность реализации оценки в интернет-отзывах позволяет описывать их по разным основаниям [4; 6; 14]. А. А. Ивин справедливо полагает, что неявная выраженность какого-либо фиксирующего оценочное высказывание компонента вовсе не означает отсутствие оценки [16]. В нашем исследовании, опираясь на разработанную им модель, мы выделяем следующие структурные компоненты оценки:

1. Субъектом оценки является получатель услуг ветеринарной лечебницы; его/ее авторство скрыто за интернет-ником.

2. Предметом оценки выступают составляющие ВД как институционального и профессионального дискурса [9, с. 13].

Выявленные нами оцениваемые аспекты, в порядке убывания, свидетельствуют о запросе на признание индивидуальной ценности пациента ветеринаром в контексте сегодняшних биоэтических стандартов:

– оказанные услуги: *The best veterinary care I've ever seen given!! They looked after my poppy when she was so poorly, they treated her with such care and love and no question was left unanswered.* (Орфография и пунктуация авторов отзывов сохранена). Как видно из примера, оценке подлежат действия специалистов по отношению и к животному-пациенту — внимательность и любовь в процессе лечения, и к владельцу животного — клиенту: ответы на все вопросы, обеспечение спокойствия беспокоящемуся хозяину;

– удобство записи на прием, соблюдение времени назначенной консультации: *appointment on time;*

– санитарное состояние лечебницы: *really clean veterinary practice;*

– речевое поведение персонала: *My puppy was seen by a female vet yesterday. Who was very patronising. Talking as if I never owned a puppy before definitely won't be seeing her again. Very rude*: клиенту не понравились тон и манера ведения разговора, в котором, очевидно, не принималась во внимание точка зрения владельца животного. *Dr Nick was a star, he took on board everything we had to say and explained everything in plain English as well as some other helpful tips!*: клиента выслушали, предоставили все объяснения понятным языком, помогли советами; *they always greet our dogs by name*: обращение к клиенту и пациенту по имени является обязательным требованием к коммуникативным умениям ветврача;

– открытость работы специалистов: *Love being able to book appointments online and to see pictures of my cat and his scan photos and details of his blood tests on my account*;

– наличие/отсутствие пост-лечебного сопровождения: *Had to have my lovely cat put down he was nearly 18 and was struggling to breathe. The staff were so compassionate, considerate and kind. A few days after this happened I received a beautiful sympathy card with a picture of Monty on it. I still have the card.*

3. Характер оценки. Значительно преобладает абсолютная оценка; сравнение с услугами в других местах встречается редко: *Unlike other vets who are just about money; Vets Clinic are reasonably priced compared to other vets.*

4. Основание оценки. Если в сравнительных оценках основание оценки эксплицитно выражено через сравнение с иным опытом субъекта, то основание для вынесения абсолютных суждений может быть не выражено вербально: *Absolutely awful vets, whom don't even deserve 1 star.* Словесное обоснование не ограничено по объему, включает в себя историю посещения лечебницы, при этом отмечается сложность случая, тяжелый характер животного: *Cared for our cat Charlie for many years; As a Belgian Malinois with a strong personality, he can be quite challenging in uncomfortable situations. But with Theresa and Maria he is always in safe hands.*

Оценка помещает объект на определенное место в оценочной шкале на основе ценностей субъекта. Субъективный взгляд автора, его/ее определенное коммуникативное намерение обуславливают выбор оценочных средств на всех уровнях языка. В интенции опубликовать отзыв в интернет-пространстве видится естественная потребность субъекта оценки в рефлексии. В этом смысле

оценочное действие — эмоциональная (иррациональная) реакция индивида. Уже затем возникают логические (рациональные) основания: субъективная оценка, подкрепленная фотографиями, чеками, квитанциями, может претендовать на подлинность, достоверность, персуазивность, представляя новым клиентам ветеринарных клиник возможность получать объективную информацию. В работе А. М. Погорелко и Т. Н. Герасиной находим созвучную нашей точке зрения трактовку качественной интерпретации действительности с позиции адресата: «Субъективность как реализация коммуникативных интенций и просто как отпечаток личности говорящего вполне может представлять собой неосознаваемое им явление» [10, с. 154]. Эмоционально-экспрессивный характер интернет-жанра сближает его с устной речью через имитацию в письменном тексте разговорно-фонетических средств (*FYI — For Your Information*), диминутивов (*fur baby*), разговорно-сниженной лексики (*push up daisies*), слов-интенсификаторов (*absolutely, extremely*).

Анализ показывает преобладание оценочной лексики — слов, содержащих оценочный компонент в своем значении, и передающей эмоциональное состояние автора в момент вынесения оценки [13]. При этом интенсификация (усиление) и деинтенсификация (ослабление) оценки, т. е. ее движение по оценочной шкале «хорошо — плохо» [2, с. 45], достигается через использование имен прилагательных в разных степенях сравнения и эксплицитно позитивных/негативных наречий: *really bad organization; awful worst vets; the best veterinary team; I find the vets and all the practice staff friendly and helpful.* Наречия равнозначно меняют как положительную, так и отрицательную оценку: *extremely disappointed; extremely fantastic service.*

Интерес вызывают случаи оценивания по иной шкале — числовой: в звездах, баллах, процентах — характерной для других дискурсов, например, для гостиничного или ресторанного: *I wish I could award them 10 stars; 1000% would recommend.*

Синтаксические средства оценки «представляют собой отступление от нейтрального изложения и используются для эмоционального воздействия. Стандартизованность в данном случае обеспечивается за счет воспроизводимости синтаксических фигур, в основе которых лежат схемы, наполняющиеся в речи новыми словами» [7, с. 89]; отход от формального изложения информации оказывает сильное эмоциональное воздействие на читателя. В анализируемом материале отмечены:

– восклицательные предложения: *What a wonderful service!*;

– инверсия: *Not only did they miss diagnose my mother's dog, they almost killed my sister's dog!*;

– включение идиоматических выражений: *Level of care has gone down hill; Do not touch this vets with a barge pole if you love your animals!*;

– повторение конструкции: *Lovely vets practice. Well laid out reception and waiting area with separate area for cats. Nice, wide range of products available for sale. Welcoming staff at reception desk and very helpful. Fast efficient service.*

К лексико-синтаксическим средствам выражения оценки отнесем предложения с глаголами-перформативами как содержащими в своем значении признак речевого выражения коммуникативного намерения: *Highly recommend mead vets to all pet owners.*

Выражения оценки используются комплексно, зачастую дополняясь средствами графической выразительности — написанием слов прописными буквами, выделением слов жирным шрифтом, повтором знаков препинания: *Please **DO NOT** register your pets here!! As lovely as the reception girls are and the vets that show so much care for your pet, that's not enough when you lose a pet and they jump on you with a debts collector letter before even giving you a bill!*: изменение шрифта, инверсия, метафора.

Представляется, что стремление выразить эмоции, повлиять на принятие решение читателем отзыва обуславливают его свободную структуру и объем, выбор языковых оценочных средств, обращение к невербальным знакам выражения эмоций — эмодзи и смайликам, а также служат причиной нарушения языковых норм — использование только строчных букв, опущение подлежащего — что вкуче сближает интернет-отзыв с устной разговорной речью и ставит вопрос о лингвистическом статусе текстов подобного рода.

В проанализированном материале отрицательных отзывов меньшинство, 38 из 500. Однако жалобы клиентов оказывают чрезвычайно сильное воздействие на ветврачей; так, А. R. Врусс с коллегами выявили, что 43,5% специалистов хотят сменить работу из-за жалоб клиентов, доходящих до угроз [18]. В противоположность им А. Vinyak рассматривает негативные отзывы как точки роста [21, с. 11]. Интернет-отзывы способствуют SEO-продвижению поставщика ветеринарных услуг — владельцы питомцев чаще просматривают отзывы, а не контекстную рекламу (феномен баннерной слепоты). Положительные отзывы способствуют

конвертации нейтральной аудитории в постоянных, лояльных потребителей ветеринарных услуг.

С точки зрения дискурсивного взаимодействия, в центре ВД находится потребность клиента в решении определенной задачи, а интернет-отзыв через создание речевых портретов его участников — потребителей ветеринарных услуг — и их оценку способствует выявлению потребностей социума и, соответственно, установлению эффективных отношений «клиент — ветеринар».

Выводы

Жанр интернет-отзыва в дискурсе представляет собой особую форму коммуникации, которая возникла с развитием интернета и социальных медиа. Он включает в себя мнения и оценки пользователей о товарах, услугах, местах и событиях и играет важную роль в формировании общественного мнения и потребительского поведения. Специфика интернет-отзыва как жанра ветеринарного дискурса состоит в том, что в шкале оценок, отражающей оценку удовлетворенности от оказанных услуг, преобладают диаметрально противоположные оценки от «очень хорошо» до «очень плохо». В исследованном материале сложно определить зону нормы (базирующейся на стереотипном представлении). Для онлайн-отзывов рассмотренного дискурса не характерна усредненная, нейтральная оценка «не отлично, но и не ужасно». Это свидетельствует о концептуально новом подходе к формированию человеческого Я в «мире с животными».

Анализ отзывов клиентов позволяет воссоздать ценностную картину мира потребителей ветеринарных услуг. Субъект оценки (клиент) учитывает качество предоставленных услуг:

– профессионализм врачей, скорость обслуживания и результат;

– общение с клиентом-владельцем животного и с пациентом-животным: вежливость, уважение, компетентность, понятность предоставляемой информации, готовность ответить на вопросы, постлечебное сопровождение;

– атмосферу в лечебном заведении: дружелюбие, чистоту, комфорт, удобство записи, соблюдение назначенного на прием времени;

– стоимость услуг: соответствие цены качеству, прозрачность ценообразования. Автор отзыва, обращаясь к сотрудникам лечебного заведения и к потенциальным клиентам, ставит целью принять или не принять его/ее точку зрения, формируя образ ветеринарного специалиста, лечебного учреждения.

Первичный анализ языковых средств выражения оценки в интернет-отзывах клиентов ветеринарных лечебниц позволил прийти к следующим выводам:

1) оценка может выражаться различными способами, часто в комбинации: вербализованное и невербализованное текстовое описание: перечисление того, что понравилось (мелиоративная лексика) или не понравилось (пейоративная лексика);

2) в абсолютной оценке актуализируется общее впечатление: краткое мнение о полученной услуге и/или о лечебнице в целом — в 92% отзывов преобладает положительная оценка, что косвенно указывает на уровень современной ветеринарной отрасли, с одной стороны, и высокую степень экологичности коммуникации, с другой;

3) при сравнении с другими лечебными заведениями преобладают прилагательные и наречия в превосходной степени;

4) в выводных суждениях-рекомендациях (пользоваться или не пользоваться услугами данной ветлечебницы) используются глаголы-перформативы;

5) объем текста неограничен, композиционное построение индивидуально, схема не жесткая, возможны эллиптические конструкции (выпадение подлежащего);

6) оценка выражается преимущественно лексическими средствами (слова-интенсификаторы, эмотивы, диминутивы и т. д.); в меньшей степе-

ни задействованы фразеология (идиоматические выражения) и экспрессивный синтаксис (синтаксическая редупликация, инверсия); маркерами субъективной оценки выступают невербальные иконические средства: виртуальные жесты одобрения/неодобрения, визуальные типографические и пунктуационные знаки (звездочки, галочки, числа, точки, скобки), эмодзи, смайлики.

Ограничения исследования — отдельный профессиональный дискурс, один жанр интернет-коммуникации — задают вектор его продолжения: рассмотрение интернет-отзывов на разных платформах; сравнение отзывов на материале разных языков для определения точек соприкосновения и различий в целях структурирования ветеринарного дискурса и обеспечения эффективного межъязыкового и межкультурного взаимодействия в сфере ветеринарных услуг. Поскольку дискурс формируется несколькими участниками, продуктивным представляется рассмотрение его как диалога между потребителем услуг и поставщиком (обращение к реакциям на отзывы, обратная связь).

Выводы убеждают в необходимости дальнейшей детализации жанра интернет-отзыва как в плане соотношения понятий и выражения оценки, эмоциональности и экспрессивности, так и в плане соотнесения рассматриваемого жанра с другими первичными и вторичными интернет-жанрами, а также с разговорной речью.

Список источников

1. Былина Е. Э. К проблеме речеактовой отнесенности перформативного высказывания “I recommend” в интернет-отзыве // Преподаватель XXI век. 2020. № 3–2. С. 391–405.
2. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М. : Наука, 1985. 228 с.
3. Говорунова Л. Ю. Речевой жанр «интернет-отзыв туриста» в русской и итальянской лингвокультурах : дис. ... канд. филол. наук. Волгоград : ВГСПУ, 2014. 221 с.
4. Еремина М. А. Речевой жанр отзыва в коммуникативном пространстве Интернета // Научный диалог. 2016. № 5 (53). С. 34–45.
5. Иссерс О. С. Отзывы о медицинских услугах и их конфликтогенный потенциал в эпоху цифровизации // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языковедение. 2022. Т. 21, № 3. С. 66–76.
6. Иссерс О. С. Речевой жанр отзыва потребителя и его трансформация в цифровую эпоху (на материале отзывов о докторам) // Жанры речи. 2023. № 4 (40). С. 375–385.
7. Малярчук-Прошина У. О. Синтаксические средства выражения оценки в медиатекстах // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. 2015. Т. 1, № 2. С. 89–94.
8. Марьянчик В. А. Оценка как категория текста // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2011. № 1. С. 100–103.
9. Новикова О. Н. Ветеринарный дискурс: лингвистический и лингводидактический аспекты : монография. Уфа : Башкирский ГАУ, 2023. 108 с.

10. Погорелко А. М., Герасина Т. Н. Языковая оценка экономической ситуации как фактор массового речевого воздействия // Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 9 (503). С. 153–162.
11. Погорелова И. В. Лингвосомиотический аспект интернет-отзыва // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 10-3 (76). С. 149–152.
12. Погорелова С. Д., Яковлева А. С. Структура оценочной ситуации и ее компоненты // Вестник Челябинского государственного университета. 2017. № 3 (399). С. 98–103.
13. Просвиркина И. И. Языковые средства выражения оценки в современном дискурсе // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. 2020. № 2. С. 23–27. <https://doi.org/10.12737/2587-9103-2020-23-27> (дата обращения: 11.06.2025).
14. Стопа А. В. Жанровые особенности рецензии и интернет-отзыва: сравнительно-сопоставительный анализ // Ratio et Natura. 2020. № 2. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_46450584_30404031.pdf (дата обращения: 08.06.2025).
15. Сунь Вэйфан. Лингвокультурные характеристики интернет-отзывов российских туристов о поездке в Китай : дис. ... канд. филол. наук. М., 2023. 209 с.
16. Философия : энциклопедический словарь / А. А. Ивин. Оценка. URL: <http://philosophy.niv.ru/doc/dictionary/encyclopedic/articles/934/ocenka.htm> (дата обращения: 08.06.2025).
17. Шмелева Т. В. Оценочные жанры речи // Эффективное речевое общение (базовые компетенции) : словарь-справочник / Сибирский федеральный университет; под ред. А. П. Сковородникова. Красноярск : Сибирский федеральный университет. 2014. С. 388–389. URL: <https://djvu.online/file/SQrLdRbwLV8VX> (дата обращения: 08.06.2025).
18. Bryce A. R. et al. Effect of client complaints on small animal veterinary internists // Journal of Small Animal Practice. 2019. Vol. 60, no. 3. P. 167–172.
19. Nasser M. A. A corpus-based study of reviewers' usage of speech acts // Cogent Arts & Humanities. 2022. Vol. 9, no. 1. P. 2125155.
20. Su H. How products are evaluated? Evaluation in customer review texts // Language Resources and Evaluation. 2016. Vol. 50. P. 475–495.
21. Vinayak A. The Mental Health Impact of Online Veterinary Reviews // Beyond the Clinic. 2023. P. 10–11. URL: https://todaysveterinarypractice.com/wp-content/uploads/sites/4/2023/04/TVP-2023-0506_Online_Reviews.pdf (дата обращения: 16.06.2025).
22. Widmar N. et al. Public perceptions of veterinarians from social and online media listening // Veterinary Sciences. 2020. Vol. 7, no. 2. P. 75–87. URL: <https://www.mdpi.com/2306-7381/7/2/75> (дата обращения: 08.06.2025).

References

1. Bylina EJe. The problem of the verbal relevance of the performative utterance “I recommend” in an online review. *Prepodavatel' XXI vek = Teacher of the 21st century*. 2020;(3-2):391-405. (In Russ.).
2. Vol'f EМ. Funkcional'naya semantika ocenki = Functional semantics of evaluation. Moscow, Nauka; 1985. 228 p. (In Russ.).
3. Govorunova LJu. Rechevoj zhanr “internet-otzyv turista” v russkoj i ital'yanskoj lingvokul'turah = The speech genre “Internet tourist's review” in Russian and Italian linguistic cultures. Thesis. Volgograd; 2014. 221 p. (In Russ.).
4. Eremina MA. Rechevoj zhanr otzyva v kommunikativnom prostranstve Interneta = The speech genre of a review in the communicative space of the Internet. *Nauchnyj dialog = Scientific Dialogue*. 2016;(5(53)):34-45. (In Russ.).
5. Issers OS. Otzyvy o medicinskih uslugah i ih konfliktogennyj potencial v jepohu cifrovizacii = Reviews of medical services and their conflict-causing potential in the age of digitalization. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Volgograd State University*. Series 2: Linguistics. 2022;21(3):66-76. (In Russ.).
6. Issers OS. Rechevoj zhanr otzyva potrebitelya i ego transformaciya v cifrovuyu epohu (na materiale otzyvov o doktorah) = The speech genre of consumer reviews and its transformation in the digital age (based on reviews about doctors). *Zhanry rechi = Speech Genres*. 2023;(4(40)):375-385. (In Russ.).

7. Maljarchuk-Proshina UO. Sintaksicheskie sredstva vyrazheniya ocenki v mediateksth = Syntactic means of expressing evaluation in media texts. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki = Scientific proceedings of the Vernadsky Crimean Federal University. Philological sciences*. 2015;1(2):89-94. (In Russ.).
8. Mar'janchik VA. Ocenka kak kategoriya teksta = Evaluation as a text category. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya "Gumanitarnye i social'nye nauki" = Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. The series "Humanities and Social Sciences"*. 2011;(1):100-103. (In Russ.).
9. Novikova ON. Veterinarnyj diskurs: lingvisticheskij i lingvodidakticheskij aspekty = Veterinary discourse: linguistic and linguo-methodical aspects. Ufa, Bashkirskij GAU; 2023. 108 p. (In Russ.).
10. Pogorelko AM, Gerasina TN. Language evaluation of economic conditions as verbal mass impact factor. *Vestnik Chelyabinskogo universiteta = Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2025;(9(503):153-162. (In Russ.).
11. Pogorelova IV. The linguistic and semiotic aspect of an online review. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki = Philological sciences. Issues of theory and practice*. 2017;(10-3(76):149-152. (In Russ.).
12. Pogorelova SD, Yakovleva AS. The structure of evaluation situation and its components. *Vestnik Chelyabinskogo universiteta. = Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2017;(3(399):98-103. (In Russ.).
13. Prosvirkina II. Yazykovye sredstva vyrazheniya ocenki v sovremennom diskurse = Linguistic means of expressing evaluation in modern discourse. *Nauchnye issledovaniya i razrabotki. Sovremennaya kommunikativistika = Scientific research and development. Modern communication studies*. 2020;(2):23-27. <https://doi.org/10.12737/2587-9103-2020-23-27> (accessed: 11.06.2025). (In Russ.).
14. Stopa AV. Zhanrovye osobennosti recenzii i internet-otzyva: sravnitel'no-sopostavitel'nyj analiz = Genre features of reviews and online reviews: comparative analysis. *Ratio et Natura*. 2020;(2):21-22. Available from: <https://rationatura.ru/vypusk-no2-2-2020-g#lang> (accessed: 08.06.2025). (In Russ.).
15. Sun' Vjeifan. Lingvokul'turnye harakteristiki internet-otzyvov rossijskih turistov o poezdke v Kitaj = Linguistic and cultural characteristics of online reviews of Russian tourists about a trip to China. Thesis. Moscow; 2023. 209 p. (In Russ.).
16. Filosofiya: Enciklopedicheskij slovar' (A. A. Ivin). Ocenka = Philosophy: An Encyclopedic Dictionary. (A. A. Ivin). Evaluation. Available from: <http://philosophy.niv.ru/doc/dictionary/encyclopedia/articles/934/ocenka.htm> (accessed: 08.06.2025). (In Russ.).
17. Shmeleva TV. Ocnocnyye zhanry rechi. In: *Effektivnoe rechevoe obshchenie (bazovye kompetencii) = Evaluative genres of speech / Effective speech communication (basic competencies)*. A reference dictionary. Electronic edition. Siberian Federal University, ed. A. P. Skovorodnikov. Krasnojarsk; 2014. Pp. 388–389. <https://djvu.online/file/SQrLdRbwLV8VX> (accessed: 08.06.2025).
18. Bryce AR, Rossi TA, Tansey C, Murphy RA, Murphy LA, Nakamura RK. Effect of client complaints on small animal veterinary internists. *Journal of Small Animal Practice*. 2019;60(3):167-172.
19. Nasser MA. A corpus-based study of reviewers' usage of speech acts. *Cogent Arts & Humanities*. 2022;9(1):2125155.
20. Su H. How products are evaluated? Evaluation in customer review texts. *Language Resources and Evaluation*. 2016;(50):475-495.
21. Vinayak A. The Mental Health Impact of Online Veterinary Reviews. In: *Beyond the Clinic*. 2023. Pp. 10–11. Available from: https://todaysveterinarypractice.com/wp-content/uploads/sites/4/2023/04/TVP-2023-0506_Online_Reviews.pdf (accessed: 16.06.2025).
22. Widmar N, Bir C, Wolf C. Public perceptions of veterinarians from social and online media listening. *Veterinary Sciences*. 2020;7(2):75-87. Available from: <https://www.mdpi.com/2306-7381/7/2/75> (accessed: 08.06.2025).

Информация об авторах

О. Н. Новикова — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных языков.

Р. З. Мурьясов — доктор филологических наук, профессор Института гуманитарных и социальных наук.

А. Ф. Азнабаева — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков.

Information about the authors

O. N. Novikova — Dr. Sci. (Philology), Professor of the Department of Foreign languages.

R. Z. Muryasov — Dr. Sci. (Philology), Professor of the Institute of Human and Social sciences.

A. F. Aznabaeva — Cand. Sci. (Philology), Associate Professor of the Department of Foreign languages.

Статья поступила в редакцию 01.09.2025; одобрена после рецензирования 15.09.2025; принята к публикации 14.01.2026.

The article was submitted 01.09.2025; approved after reviewing 15.09.2025; accepted for publication 14.01.2026.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 81; 81'36

DOI: 10.47475/1994-2796-2026-508-2-128-135

ФУНКЦИОНАЛЬНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЭМОТИВНЫХ КАУЗАТИВОВ С СЕМОЙ ИНТЕНСИВНОСТИ

Надежда Павловна Сюткина

Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия, nad975@yandex.ru,
0000-0002-3099-8102

Аннотация. Настоящая статья посвящена функционально-прагматическим аспектам функционирования эмотивных каузативов. Данный класс глаголов актуализирует ситуацию каузации эмоциональной модификации, обладает рядом категориальных особенностей, к которым относится семантический синкретизм. Наличие двух категориальных сем в семантическом потенциале, а именно семы эмотивности и семы каузативности, обязательно для того, чтобы отнести глаголы к классу эмотивных каузативов. Семантика обуславливает характер взаимодействия эмотивной каузативности с другими категориями в речи. Категориальное значение может быть выражено системой средств языка разных уровней, межкатегориальное взаимодействие также может осуществляться на любом уровне языковой системы. Взаимодействие с категорией интенсивности является прототипичным для эмотивных единиц. Взаимодействие категорий эмотивной каузативности и интенсивности возможно на лексическом уровне, сема интенсивности может быть включена в семантический потенциал лексемы, в таком случае речь идет об интенсификатах. Такие единицы обладают способностью реализовывать не только прототипические значения, но и функционировать в качестве средств образности.

Ключевые слова: эмотивный каузатив, функционально-прагматический потенциал, семантический потенциал, эмотивная каузативность, интенсивность, интенсификат, экспрессивность, межкатегориальное взаимодействие

Для цитирования: Сюткина Н. П. Функционально-прагматический потенциал эмотивных каузативов с семой интенсивности // Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 2 (508). С. 128–135. DOI: 10.47475/1994-2796-2026-508-2-128-135.

Original article

THE FUNCTIONAL-PRAGMATIC POTENTIAL OF EMOTIVE CAUSATIVES WITH THE INTENSIVE SEME

Nadezhda P. Siutkina

Perm State National Research University, Perm, Russia, nad975@yandex.ru, 0000-0002-3099-8102

Abstract. This article focuses on the functional and pragmatic aspects of emotive causatives. This class of verbs actualizes the causation of emotional modification and possesses a number of categorical features, including semantic syncretism. The presence of two categorical semes in the semantic potential — namely, the seme of emotiveness and the seme of causativity — is essential for classifying verbs as emotive causatives. Semantics determines the nature of the interaction of emotive causativity with other categories in speech. Categorical meaning can be expressed by a system of linguistic means at different levels, and intercategory interaction can also occur at any level of the linguistic system. Interaction with the category of intensity is prototypical for emotive units. The interaction of the categories of emotive causativity and intensity is possible at the lexical level; the seme of intensity can be incorporated into the semantic potential of a lexeme, in which case we are talking about intensifiers. Such units possess the ability to realize not only prototypical meanings but also function as figurative devices.

Keywords: emotive causative, functional-pragmatic potential, semantic potential, emotive causativity, intensity, intensifier, expressivity, intercategory interaction

For citation: Siutkina NP. The Functional-Pragmatic Potential of Emotive Causatives with the Intensive Seme. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2026;(2(508):128-135. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2026-508-2-128-135.

Введение

В фокусе внимания настоящей статьи находятся эмотивные каузативы — глаголы, которые обозначают ситуацию, в которой одно лицо воздействует на другое с целью изменения его эмоционально-психологического состояния. Такая ситуация является категориальной для этих глаголов, определяет персональный характер ее участников — каузатора и объекта каузации, оба являются одушевленным лицом. Воздействие одного лица может вызывать положительные или негативные эмоции у объекта каузации, поэтому выделяют эмотивные каузативы положительной (*радовать, очаровывать, восхищать, восторгать, хвалить* и т. п.) или отрицательной модификации эмоционально-психологического состояния (*злить, гневить, сердить, критиковать, ругать* и т. п.).

Класс эмотивных каузативов отличает комплексная семантика — они объединяют в своем семантическом потенциале две категориальные семы: эмотивности и каузативности. Наличие этих двух сем определяет их функциональные особенности, в частности характер взаимодействия с элементами среды функционирования языковой единицы в речи.

Категория каузативности прототипическим образом взаимодействует, например, с категориями аспектуальности, таксиса, темпоральности, категория эмотивности — с категориями оценочности, модальности, интенсивности. Функциональные особенности эмотивных каузативов рассматриваются в разных аспектах (см. [1–3; 11; 12; 16; 20]). Этот класс глаголов является средством актуализации функционально-семантической категории эмотивной каузативности (см. о категории эмотивной каузативности [6; 14; 15]).

В фокусе внимания настоящей статьи находится взаимодействие эмотивной каузативности с категорией интенсивности. Категории рассматриваются с позиций функциональной грамматики, как функционально-семантические. Они представляют собой высокий уровень абстрагирования и понимаются как обобщенное значение, которое может быть реализовано системой разноуровневых средств языка. В речи категориальное значение реализуется соответствующей категориальной ситуацией, которую можно представить как прототипический сценарий развертыва-

ния пропозициональных смыслов. Одновременно в высказывании могут реализовываться несколько категориальных ситуаций, доминантная ситуация определяет характер взаимодействия категориальных элементов. Как уже говорилось, для эмотивных каузативов категориальной является ситуация каузации эмоциональной модификации, она является доминантной в высказывании по отношению к остальным, занимающим субординированное положение.

Так как функционально-семантические категории могут быть выражены разноуровневыми средствами, взаимодействие категорий в речи также может происходить на разных уровнях, разными способами. Взаимодействие может происходить по типу кроссинга, то есть объединения и совмещения значений, в таком случае категориальные признаки представлены в высказывании дифференцированно, синтаксически отдельно, либо по типу инклюзии, то есть интеграции значений на семантическом уровне, в таком случае речь идет о семантическом синкретизме, категориальные признаки включены в семантический потенциал одной лексической единицы. Межкатегориальный кроссинг и инклюзия на примере таксисной категориальной ситуации рассматриваются в работах И. В. Архиповой [4; 5].

К ядерным средствам актуализации категории интенсивности относятся морфологические и лексические средства, взаимодействие категорий эмотивной каузативности и интенсивности также возможно на этих уровнях. В таком случае речь идет об инклюзии компонента интенсивности в семантический потенциал эмотивного каузатива. В качестве компонента со значением интенсивности могут функционировать приставки и суффиксы, которые обозначают различные характеристики действия. Так, например, приставка *по-* и суффикс *-ива* (*покрикивать, поругивать*) придают глаголам значение малоинтенсивного, но повторяемого действия. Также сема интенсивности может быть включена в семантический потенциал корневой морфемы, такие слова являются интенсификатами (например, *изумить* или *ошеломить*, то есть сильно удивить). Эмотивные каузативы с семой интенсивности и их функционально-прагматический потенциал являются предметом настоящего исследования.

Материалы и методы исследования

В качестве материала в данной статье послужили данные толковых словарей русского языка, с помощью которых, методом дефиниционного анализа, был проанализирован семантический потенциал эмотивных каузативов отрицательной эмоциональной модификации. Этот выбор обусловлен в частности тем фактом, что среди выделяемых психологами эмоций преобладают отрицательные. Так, в классификации базовых эмоций К. Изарда представлены две положительные (радость, интерес), одна нейтральная (удивление) и семь отрицательных эмоций (печаль (горе), гнев, отвращение, презрение, страх, стыд, вина) [8]. При этом отрицательные эмоции, как правило, переживаются более интенсивно. Методом направленной выборки из словарей были отобраны эмотивные каузативы, семантический потенциал которых включает категориальные семы каузативности, эмотивности, а именно отрицательной эмоциональной модификации, и интенсивности. В статье используется метод корпусного исследования, в результате направленной выборки из Национального корпуса русского языка были отобраны и с помощью метода контекстуального и функционально-прагматического анализа проанализированы контексты, в которых функционируют анализируемые эмотивные каузативы. Целью анализа является выявление прагматических функций эмотивных каузативов с компонентом интенсивности в семантическом потенциале.

Результаты исследования и их обсуждение

В ходе исследования были проанализированы глаголы-интенсификаты, актуализирующие ситуацию каузации эмоции раздражения. В качестве отправной точки, то есть нормы этой эмоции был выбран глагол *разозлить*, поскольку он относится к базовым эмотивным каузативам отрицательной эмоциональной модификации, данный глагол находится в зоне ближней периферии семантического поля эмотивных каузативов отрицательной модификации в русском языке [14, с. 88]. Поскольку критериями для построения семантического поля базовых единиц являются степень синонимичности, частотность и рекуррентность лексической единицы, построенное поле негетогенно по своему составу в аспекте семантического потенциала, некоторые единицы помимо категориальных сем эмотивности и каузативности включают другие категориальные признаки (например, интенсивности). Категориальное значение может быть реализовано в том числе на морфологическом

уровне, аффиксы дополняют значение корневой морфемы, уточняя способы действия. В частности, словообразовательные глагольные морфемы могут актуализировать аспектуальные и интенсивные значения.

Важным свойством периферийных элементов является их способность актуализировать межкатегориальное взаимодействие, чем дальше от ядра семантического поля находится единица, тем больше категориальных признаков может быть включено в ее семантический потенциал, который определяет ее системные функциональные свойства. Следовательно, такие единицы позволяют более детально исследовать аспекты межкатегориального взаимодействия в поликатегориальных семантических комплексах и их функционирование.

Лексемы *разъярить/взъярить* и *взбеленить* входят в синонимический ряд глагола *разозлить*, имплицитно обладают семой интенсивности, что относит их к разряду интенсификатов. Синонимичные эмотивные каузативы *разозлить*, *разъярить* и *взбеленить* актуализируют эмотивную категориальную ситуацию — каузатор оказывает воздействие на объект каузации с целью привести его в эмоциональное состояние раздражения, злости: *разозлить* — возбудить злость в ком-либо, привести кого-либо в состояние злобного раздражения [13], вызывать злость в ком-н., сердить [18]; *разъярить* — привести в ярость [13; 18], привести в ярость, бешенство [17; 9]; *взъярить* — привести в ярость, заставить кого-либо рассвирепеть [13], привести в ярость [9]; *взбеленить* — привести в крайнее раздражение, чрезвычайно рассердить; взбесить [13], привести в крайнее раздражение, ярость [18].

Дефиниции подтверждают наличие семы интенсивности: если злость — это злое, полное раздраженной враждебности настроение [13], то ярость — это 1. сильный гнев, озлобление; 2. перен. неукротимость, крайняя устремленность, напор [13]. Следовательно, *разъярить* и *взбеленить* как слова, имплицитно содержащие сему интенсивности в корневой морфеме, относятся к интенсификатам. При описании негативных эмоций раздражения и злости они представляют градицию в аспекте силы проявления эмоции: злость, злобное раздражение — ярость, бешенство — крайнее раздражение, ярость.

Эмоция гнева в целом представляет собой интенсивную и резкую реакцию на какой-либо раздражитель. Так, в психологии гнев определяется как «очень сильная эмоциональная реакция,

которая возникает в ряде ситуаций. Гнев часто определяется совокупностью физических реакций, включая определенную мимику, жесты, позы, характерные реакции вегетативной нервной системы, особенно ее симпатического отдела» [19].

В высказывании глаголы *разозлить*, *разъярить*, *взъярить* и *взбеленить* выполняют роль дескриптивных единиц, описывающих ситуацию возникновения злости, раздражения, гнева. Так как эти эмоции отличаются вспышечным характером, что слабо отражено в семантике глагола *разозлить*, ситуация, описываемая этим глаголом, носит констатирующий характер, как в примере 1, где фиксируется факт, вызвавший негативную реакцию, и отмечена градация эмоции — от смущения к сопутствующему ему раздражению:

(1) *Когда же во время того, как я их фотографировал, к нашему столику подошла официантка, они зачем-то с восторгом начали рассказывать ей о том, кто я такой. Это очень смутило меня, **разозлило** даже.* (Н. Емельянова. Путешественник // Дальний Восток. 2019. № 2.) [10].

Как указано выше, с точки зрения психологии, гнев отличает резкое наступление и проявляется он совокупностью реакций, что не включено в семантику глагола *разозлить*, поэтому в описание ситуации включаются дополнительные средства, характеризующие интенсивность эмоции:

(2) *В голосе его слышалась теперь горечь и укоризна. Это меня **разозлило**. Что ты-то горло дерешь? — **взорвался** я.* (Ю. О. Домбровский. Хранитель древностей. Ч. 2. 1964.) [10].

(3) *Очень ты спрячешься в муравейнике, — **налетел** я на Малинина: его глупые рассуждения меня **просто разозлили**.* (В. Медведев. Баранкин, будь человеком! 1957.) [10].

В примерах 2 и 3 глаголы *взорваться* и *налететь* использованы как метафоры для образного описания физического проявления эмоции злости, гнева, наречие *просто* выполняет роль интенсификатора. Взаимодействие категорий эмотивной каузативности и интенсивности происходит в таком случае по типу кроссинга, категориальные элементы представлены в ситуации дифференцированно.

По данным Национального корпуса русского языка, частотно глагол *разозлить* сочетается с наречными обстоятельствами, *донельзя*, *вконец*, *страшно*, *сильно*, *ужасно*, *окончательно*, *явно*, *особенно*. Они актуализируют степень проявления эмоции злости, репрезентируют в ситуации

категориальный признак интенсивности, типичный для ситуации приведения в состояние злости, но слабо выраженный в семантике глагола. Поэтому интенсивность актуализируется с помощью интенсификаторов, как в примере 4. Также с глаголом *разозлить* в качестве интенсификатора функционирует фразеологизм *не на шутку* (пример 5).

(4) ***Разозленный донельзя** Вольф Карлович в приступе отчаянного бессилия швырнул в него тяжелым ведром.* (Г. Яхина. Зулейха открывает глаза. 2015.) [10].

(5) *Поступок гостьи **разозлил** ее **не на шутку**.* (М. Самарский. Приключения Пульхерии в виртуальном мире. Противостояние. 2022.) [10].

Интенсивность может быть выражена синтаксическими средствами, например с помощью синонимического повтора, как в примере 6. В таком случае межкатегориальное взаимодействие также протекает по типу кроссинга, то есть с помощью элементов среды, окружающих языковую единицу в речи.

(6) *Эдита **взорвалась** и, чтобы **разозлить** его, **вывести из себя**, рассказала о премьерке в театре, о том, кто сидел рядом с ней, а потом проводил до дому.* (С. Романов. Парламент. 2000.) [10].

Глаголы, имплицитно сему интенсивности в семантический потенциал, актуализируют другой тип межкатегориального взаимодействия — по типу инклюзии. В сфере глагольной лексики этот тип взаимодействия осуществляется с помощью семантического синкретизма и инкорпорации. Анализируемые в настоящей статье интенсификаты являются примером семантического синкретизма. Так, глагол *взбеленить* актуализирует высшую степень проявления эмоции, семы эмотивности, каузативности и интенсивности неразрывно слиты в его семантике, семантический синкретизм определяет функционирование данного глагола.

(7) *И не только не понравились — а **взбеленили** просто этих кое-кого.* (В. Д. Алейников. Таджик. 2002.) [10].

(8) *Это так **взбеленило** меня, что я бросился **сдуру** в «Москву»* (К. И. Чуковский. Дневник. 1957.) [10].

В примерах 7 и 8 ситуация видится как резкое доведение до крайней степени раздражения, злости, гнева, интенсивный компонент при этом включен непосредственно в семантику глагола, следовательно, взаимодействие происходит по типу инклюзии.

В примере 9 глагол актуализирует значение, не зафиксированное в словарях:

(9) *Вдруг проснулся, еще туман над прудом висел, чуть только развиднаться стало, когда вижу, две фигуры тощие — одна большая, другая маленькая, — в пруд заходят, да медленно так. Вот, думаю, говорит, **взбеленило** кому-то купаться по такой холодине.* (Н. Оленцова. Дар Божий // Октябрь. 2001. № 1) [10].

Возможно, здесь имеет место контаминация значений фразеологизма *белены объелся* и эмотивно-каузативное значение глагола *взбеленить*, связанное с эмоцией гнева, как известно, он толкает на необдуманные поступки, резкие реакции, что и позволяет интерпретировать ситуацию как неожиданно наступившую, не поддающуюся логическому объяснению, действие совершено под воздействием сильных эмоций, по крайней мере, воспринимается таковым со стороны наблюдателя, описывающего его.

Приставка *раз-* вносит значение интенсивности, полноты действия [7], следовательно, глагол *разъярить*, являясь предельным, обозначает максимальную степень проявления эмоции ярости:

(10) *Это безучастное отношение так почему-то **разъярило** меня, что я выбежал в столовую и стал страшным голосом кричать на Лиду, ругал ее последними словами, швырнул в нее какую-то вещь, и вообще вел себя пребезобразно.* (К. И. Чуковский. Дневник. 1926.) [10].

В примере 10 глагол актуализирует степень ярости, которая проявляется в виде ряда внешних, бурно протекающих реакций. Синтаксически они выражены однородными сказуемыми в придаточном предложении образа действия.

В форме причастия *разъяренный* описывает состояние крайней степени ярости, которое находит выражение в поведении человека, например в крике:

(11) *Мы тебе покажем, морская медуза! — **кричал разъяренный** Юрка.* (Виталий Губарев. Трое на острове. 1950–1960.) [10].

Приставка *вз-* указывает на внезапность, резкость, интенсивность начинающегося или совершающегося действия, состояния [7], таким образом, глагол *взъярить* актуализирует становление состояния, со значением его одномоментного, мгновенного наступления, как в примере 12.

(12) *Взглянув в побелевшее, перекошенное болью лицо сына, Матвей подумал с тоской: «Неужели смертельно?..» Эта мысль **взъярила** его. Сунув в кобурю тяжелый маузер, он отстегнул с ремня гранату-«лимонку» и побежал широкими прыжками к пулемету белых.* (Г. М. Марков. Строговы. 1936–1948.) [10].

В целом глагол актуализирует достижение высокой степени проявления эмоционального состояния, которое приводит к каким-либо последствиям, меняющим прежнее состояние, в том числе необратимого характера, как например, побег или приказ о штрафных мерах:

(13) *Такое варварство **взъярило** наших крестьян, несколько семей в бега ударились.* (В. Я. Шишков. Емельян Пугачев. 1934–1945.) [10].

(14) *Капитан поймал болтающиеся часы и остановился: Ну-у?! Или прикажете просить вас?! Молчание **взъярило** его еще больше, и он до визга вытянул голос: А-а-а, думаете, я пришел шутить с вами?! Вывести каждого десятого! Эй, вы-ы, та-ам!* (Н. Н. Ляшко. Стена десятых. 1926–1927.) [10].

Так как значение доведения до эмоционального состояния высокой степени интенсивности является ведущим в семантическом потенциале глагола, это может привести к нарушению семантической сочетаемости, как в примере 15. Глагол, в значении которого кодифицирована связь с отрицательной эмоцией гнева, ярости, сочетается с положительной эмоцией радости:

(15) *Потом лес штыков закачался мерно и плавно, и грохнули тяжелые шаги и гул удаляющихся солдат **взъярил** неожиданной радостью Павла и его товарищей.* (И. Г. Гольдберг. День разгорается. 1935.) [10].

В непрототипическом значении функционирует глагол *взъярить* в следующем контексте:

(16) *Потом — к чанам с горячими супами, шмяк в пластмассовую миску половник «чили», порядок! Ну, подцепи еще с полки для куражу пакетик поджаренных лук-колец, **взъяри** себе большой стакан диет-коки, и ты в комплекте. Теперь начинается стояние в кассу.* (В. Аксенов. Новый сладостный стиль. 1997.) [10].

Ситуация приобретения еды описывается как эмоционально заряженная, динамичная, что достигается с помощью эллипсиса сказуемого, звукоподражания, восклицания, использования разговорной лексики. Глагол *взъярить* актуализирует в данном случае, во-первых, динамичность, в его потенциале присутствует сема резкого начала действия. А во-вторых, здесь он реализует образное значение, связанное с представлением о том, что приведение в состояние гнева сопровождается бурными реакциями, например криком, жестикуляцией у человека. В случае с кока-колой при ее наливании также видна бурная реакция — она интенсивно шипит и пенится. Этим обусловлен выбор глагола в нетипичном для него контексте.

Стоит отметить, что природа категории интенсивности многогранна, производна и зависима от прагматических целей. Средства, которые обладают большей интенсивностью и образностью, вызывают у реципиента больший отклик, поэтому выбор языковых средств для описания ситуации и происходит в пользу интенсификации. Рассмотренные эмотивные каузативы *взбеленить* и *разъярить*, являясь интенсификатами, образно представляют ситуацию гнева. О большей степени образности данных лексем в сравнении с более нейтральной лексемой *разозлить* свидетельствуют контексты (примеры 9, 15, 16), в которых данные глаголы используются непрототипически, не для описания ситуации каузации эмоциональной модификации, а для образного представления ярких эмоций.

Заключение

Основной функцией эмотивных каузативов русского языка является дескриптивная, конста-

тирующая факт эмоционального воздействия и его обстоятельства. Слова-интенсификаты относятся к имплицитным способам интенсификации, они обладают большим воздействующим потенциалом, поскольку функция интенсивных единиц заключается в том, чтобы выделить ее из ряда подобных, обратить внимание на описываемую такой единицей ситуацию, вызвать нужный эмоциональный отклик. Категория интенсивности может играть в рассматриваемой ситуации каузации эмоциональной модификации служебную роль — становится средством для создания образного высказывания. Это может быть связано с непрототипическим употреблением эмотивных каузативов, а также с использованием метафор для интенсификации высказывания за счет создания образов, связанных в нашем сознании с ситуацией возникновения злости, гнева, и переноса этих образов на другие ситуации, не связанные с такими эмоциями, но протекающие по тому же сценарию.

Список источников

1. Апресян В. Ю. Семантика эмоциональных каузативов: статус каузативного компонента // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам Международной конференции «Диалог 2013». Вып. 12 (19). М. : РГГУ, 2013. С. 43–57.
2. Апресян В. Ю. Валентность стимула у русских глаголов со значением эмоций: связь семантики и синтаксиса // Русский язык в научном освещении. 2015. № 1. С. 26–66.
3. Апресян В. Ю. Валентности и модели управления у русских глаголов со значением эмоций // *Výzkum slovesné valence ve slovanských zemích*. Praha : Nová řada, 2016. С. 227–245.
4. Архипова И. В. Аспектуально-таксисное межкатегориальное взаимодействие (на материале немецкого языка) // Вестник ВГУ. Серия: лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. № 1. С. 102–108.
5. Архипова И. В. Таксис и межкатегориальная инклюзия // Гуманитарные исследования. 2021. № 3 (79). С. 12–15.
6. Афанасьева А. А. Эмотивные каузативы русского и испанского языков: функциональные особенности. Пермь : Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2025. 197 с.
7. Большой толковый словарь русского языка. URL: <https://dic.academic.ru/> (дата обращения: декабрь 2025).
8. Изард К. Э. Психология эмоций. СПб. : Питер, 2000. 464 с.
9. Малый академический словарь. URL: <https://gufo.me/dict/mas/> (дата обращения: декабрь 2025).
10. Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: ноябрь 2025).
11. Онипенко Н. К. Семантика каузативных эмотивов и их функции в заголовках современных интернет-текстов // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2020. № 5. С. 83–90.
12. Онипенко Н. К. Каузативные эмотивы: между акциональностью и статальностью // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 2021. № 31. С. 187–189.
13. Современный толковый словарь русского языка Т. Ф. Ефремовой. URL: <https://gufo.me/dict/efremova> (дата обращения: декабрь 2025).
14. Сюткина Н. П. Функционирование эмотивных каузативов в категориальном семантическом комплексе. Пермь : Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2020. 176 с.

15. Шустова С. В. Категориальный семантический комплекс в грамматике (на примере категорий эмотивности и каузативности) // Мир русского слова. 2025. № 3. С. 4–13.
16. Храковский В. С. Две пары глаголов: радовать и радоваться, обрадовать и обрадоваться. Семантика и синтаксис // Труды института русского языка им. В. В. Виноградова. № 3 (25). 2020. С. 115–131.
17. Толковый словарь Кузнецова. URL: <https://gufo.me/dict/kuznetsov> (дата обращения: январь 2026).
18. Толковый словарь С. И. Ожегова. URL: <https://gufo.me/dict/ozhegov/> (дата обращения: январь 2026).
19. Толковый словарь по психологии. URL: https://psychology_dictionary.academic.ru/ (дата обращения: ноябрь 2025).
20. Sonnenhauser B. The event structure of verbs of emotion in Russian // Russian Linguistics. 2010. Vol. 34, № 3. P. 331–353.

References

1. Apresyan VYu. Semantika emotsional'nykh kauzativov: status kauzativnogo komponenta = Semantics of emotional causatives: the status of the causative component. In: Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nyye tekhnologii: po materialam Mezhdunarodnoy konferentsii „Dialog 2013“. 2013. Iss. 12 (19). Pp. 43–57. (In Russ.).
2. Apresyan VYu. Valentnost' stimula u russkikh glagolov so znacheniyem emotsiy: svyaz' semantiki i sintaksisa = Stimulus valence in Russian verbs with emotional meanings: the relationship between semantics and syntax. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2015;(1):26-66. (In Russ.).
3. Apresyan VYu. Valentnosti i modeli upravleniya u russkikh glagolov so znacheniyem emotsiy = Valences and control models of Russian verbs with the meaning of emotions. In: Výzkum slovesné valence ve slovanských zemích. Praha, Nová řada; 2016. Pp. 227–245. (In Russ.).
4. Arkhipova IV. Aspektual'no-taksisnoye mezhkategorial'noye vzaimodeystviye (na materiale nemetskogo yazyka) = Aspectual-tactical intercategory interaction (based on the German language). *Vestnik VGU. Seriya: lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*. 2023;(1):102-108. (In Russ.).
5. Arkhipova IV. Taxis i mezhkategorial'naya inklyuziya = Taxis and intercategory inclusion. *Gumanitarnyye issledovaniya*. 2021;(3(79):12-15. (In Russ.).
6. Afanas'yeva AA. Emotivnyye kauzativy russkogo i ispanskogo yazykov: funktsional'nyye osobennosti = Emotive causatives of Russian and Spanish: functional features. Perm, Perm State National Research University; 2025. 197 p. (In Russ.).
7. Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka = Large Explanatory Dictionary of the Russian Language. Available from: <https://dic.academic.ru/> (In Russ.).
8. Izard KE. Psikhologiya emotsiy = Psychology of emotions. St. Petersburg, Piter; 2000. 464 p. (In Russ.).
9. Malyy akademicheskiy slovar' = Small academic dictionary. Available fom: <https://gufo.me/mas/>. (In Russ.).
10. Natsional'nyy korpus russkogo yazyka = National Corpus of the Russian Language. Available from: <https://ruscorpora.ru/>. (In Russ.).
11. Onipenko NK. Semantika kauzativnykh emotivov i ikh funktsii v zagolovkakh sovremennykh internet-tekstov = Semantics of causative emotives and their functions in the titles of modern Internet texts. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya*. 2020;(5):83-90. (In Russ.).
12. Onipenko NK. Kauzativnyye emotivy: mezhdru aktsional'nost'yu i statal'nost'yu = Causative emotives: between actionality and statality. *Yezhegodnaya bogoslovskaya konferentsiya Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta*. 2021;(31):187-189. (In Russ.).
13. Sovremennyy tolkovyy slovar' russkogo yazyka T. F. Yefremovoy = Modern explanatory dictionary of the Russian language by T. F. Efremova. Available from: <https://gufo.me/dict/efremova>. (In Russ.).
14. Syutkina NP. Funktsionirovaniye emotivnykh kauzativov v kategorial'nom semanticheskom komplekse = Functioning of emotive causatives in the categorical semantic complex. Perm State National Research University, Perm, Russia; 2020. 176 p. (In Russ.).
15. Shustova SV. Kategorial'nyy semanticheskiy kompleks v grammatike (na primere kategoriy emotivnosti i kauzativnosti) = Categorical semantic complex in grammar (on the example of the categories of emotiveness and causativeness). *Mir russkogo slova*. 2025;(3):4-13. (In Russ.).
16. Khrakovskiy VS. Dve pary glagolov: radovat' i radovat'sya, obradovat' i obradovat'sya. Semantika i sintaksis = Two pairs of verbs: to please and to be glad, to please and to be glad. Semantics and syntax. *Trudy instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova*. 2020;3(25):115-131. (In Russ.).

17. *Tolkovyy slovar' Kuznetsova* = Kuznetsov's Explanatory Dictionary. Available from: <https://gufo.me/dict/kuznetsov> (In Russ.).
18. *Tolkovyy slovar' Ozhegova* = Ozhegov's Explanatory Dictionary]. Available from: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/ogegova/>. (In Russ.).
19. *Tolkovyy slovar' po psikhologii* = Explanatory Dictionary of Psychology. Available from: https://psychology_dictionary.academic.ru/ (In Russ.).
20. Sonnenhauser B. The event structure of verbs of emotion in Russian. *Russian Linguistics*. 2010;34(3):331-353.

Информация об авторе

Н. П. Сюткина — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры зарубежной филологии.

Information about the author

N. P. Siutkina — Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Foreign Philology.

Статья поступила в редакцию 06.10.2025; одобрена после рецензирования 17.12.2025; принята к публикации 14.01.2026.

The article was submitted 06.10.2025; approved after reviewing 17.12.2025; accepted for publication 14.01.2026.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

**МЕДИАЛИНГВИСТИКА, ДИСКУРСОЛОГИЯ,
РЕЧЕВОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ
MEDIA LINGUISTICS, DISCOURSE STUDIES,
AND SPEECH INFLUENCE**

---

*Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 2 (508). С. 136–143.
Bulletin of Chelyabinsk State University. 2026;(2(508)):136-143.*

Научная статья

УДК 070.23:351.741+81'27

DOI: 10.47475/1994-2796-2026-508-2-136-143

**ОКАЗАНИЕ РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ
В ПРОЦЕССЕ МОДЕЛИРОВАНИЯ ПЕЙОРАТИВНОГО ОБРАЗА
ПОЛИЦИИ В РУССКОЯЗЫЧНОМ ГАЗЕТНОМ ДИСКУРСЕ**

Валентина Викторовна Гузикова¹, Валерия Евгеньевна Нестерова²

¹ Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия, guzikovav@mail.ru, 0009-0005-7745-2114, AuthorID: 305495

² Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия, karaelan@mail.ru

Аннотация. Актуальность настоящей научной статьи обусловлена необходимостью изучения языка масс-медиа, в частности газетного дискурса, как средства оказания речевого воздействия на общественное сознание в процессе конструирования образа правоохранительных органов. Авторами описываются характерные особенности общемедийного дискурса в качестве одного из механизмов исполнения публичной власти, координации деятельности институтов политической и социальной направленности и возникновения имиджа/образа. При создании материала газетного сообщения выстраивается четко выраженная модель, которая способствует осознанию и интерпретации информации. Подобного рода модели конструируются авторами посредством рационального выбора вербальных инструментов репрезентации текстового материала с акцентом на систему ценностных ориентаций адресатов. Газетный дискурс оказывает скорее не прямое и открытое воздействие, а косвенное и скрытое, а категория оценочности может принимать различный характер (интеллектуальный и эмоциональный, аргументированный и неаргументированный, социальный и личностный). Оценка, представленная в сообщениях СМИ, часто обусловлена социальными и идеологическими факторами. Несомненно, категория оценочности детерминирует особенность функционирования языка газеты, начиная от лексического, словообразовательного и заканчивая морфологическим, синтаксическим уровнями. Вербализованные с помощью различных тщательно отобранных коммуникативно-прагматических средств, целенаправленно употребленных адресантом в медиатекстах, компоненты образа полиции («непрофессионализм», «произвол», «жестокость») создают негативную социально-психологическую установку при восприятии полиции и ее сотрудников, а также признании населением легитимности данного социального института. Материалом исследования послужили 246 контекстов, представленных в таких оппозиционных газетных изданиях, как «Новая газета» и «Коммерсант», и репрезентирующих информацию о деятельности правоохранительной структуры. Делается вывод о том, что указанные компоненты и вспомогательные номинанты («предвзятость», «подлог», «беззаконие», «коррупционность») образа полиции актуализируются в контекстах с помощью глаголов и глагольных словосочетаний с отрицательно-оценочным значением, негативно-оценочных существительных, прилагательных и наречий, разговорной и пейоративной лексики.

Ключевые слова: полиция, образ, компонент образа, политический медиадискурс, газетный дискурс, медиатекст, речевое воздействие, коммуникативно-прагматические средства

Для цитирования: Гузикова В. В., Нестерова В. Е. Оказание речевого воздействия в процессе моделирования пейоративного образа полиции в русскоязычном газетном дискурсе // Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 2 (508). С. 136–143. DOI: 10.47475/1994-2796-2026-508-2-136-143.

Original article

PROVIDING SPEECH IMPACT IN THE PROCESS OF MODELLING THE POLICE PEJORATIVE IMAGE IN THE RUSSIAN LANGUAGE NEWSPAPER DISCOURSE

Valentina V. Guzikova¹, Valeria E. Nesterova²

¹Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Yekaterinburg, Russia, guzikovav@mail.ru, 0009-0005-7745-2114, Author ID: 305495

²Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Yekaterinburg, Russia, karaelan@mail.ru

Abstract. The relevance of this scientific article is due to the need to study the language of the mass media, newspaper discourse particularly, as a means of providing a speech impact on public consciousness in the process of constructing the image of law enforcement agencies. The authors describe the characteristics of the mass media discourse as one of the tools for the implementation of public power, the organization of political and social institutions and the formation of an image. In the process of producing the text of a newspaper message, a certain model is created that contributes to the understanding and interpretation of information. Such models are constructed by the authors using an appropriate choice of verbal means of representing the material and taking into account the value orientations of the addressees. The impact of newspaper discourse is rather indirect and hidden rather than direct and open, and the category of evaluation can be intellectual and emotional, reasoned and undocumented, social and personal. The assessment expressed in newspaper texts is often determined by social and ideological factors. It is the category of evaluativeness that will determine the nature of the functioning of the newspaper's language at the lexical, word-formation, morphological, and syntactic levels. Verbalized with the help of various carefully selected communicative and pragmatic means, purposefully used by the addresser in media texts, the components of the Police image ("unprofessionalism", "arbitrariness", "brutality") create a negative socio-psychological attitude in the perception of the Police service and its employees, as well as the recognition the legitimacy of this social institution by the population. The material of the study was 246 contexts presented in such opposition newspapers as "The Novaya Gazeta" and "The Kommersant" representing information about the law enforcement structure activities. It is concluded that these components and auxiliary nominees ("bias", "forgery", "lawlessness", "corruption") of the image of the police are actualized in contexts using verbs and verbal phrases with negative evaluative meaning, negative evaluative nouns, adjectives and adverbs, colloquial and pejorative vocabulary.

Keywords: police, image, image component, political media discourse, newspaper discourse, media text, speech impact, communicative and pragmatic means

For citation: Guzikova VV, Nesterova VE. Providing Speech Impact in the Process of Modelling the Police Pejorative Image in the Russian Language Newspaper Discourse. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2026;(2(508)):136-143. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2026-508-2-136-143.

Введение

Целью медиации является не столько посредничество, направленное на объективное отражение действительности, сколько ее активное преобразование [13]. СМИ оказывают речевое воздействие на большую и социально-демографически недифференцированную аудиторию, что выражается в разнообразии читателей по национальному, социальному, политическому и другим признакам, в отсутствии жесткой социальной зависимости между коммуникатором и адресатом и непосредственного контакта и обратной связи между ними [12]. С точки зрения М. В. Катинской, процесс моделирования образа/имиджа в медиатекстах рассматривается как «способ речевого воздействия, активно используемый адресантами с целью внедрения желаемого образа/имиджа носителя в массовое сознание целевой аудитории» [8, с. 3].

Газеты относятся к газетно-публицистическому стилю, основная цель которых заключается

в информировании населения о событиях и явлениях действительности, а также в отражении динамики общественной жизни посредством создания информационного и социального посредничества с целью оказания регулятивного воздействия на общественное мнение. Известно, что стиль газетного дискурса характеризуется рядом своеобразных черт. К данным особенностям относят логику последовательного синтаксического построения сообщений и текстового материала в целом, существование различных элементов связи, строгое деление текстов на отдельные абзацы, а также соединение логической аргументации с элементами эмоционального и экспрессивного характера [19].

Средства массовой коммуникации, в частности газеты, являются одним из наиболее эффективных инструментов, которые способны влиять на сознание масс и моделировать предпочтительный образ предмета, объекта или явления [14]. Газетный

дискурс отличается от других видов дискурса прежде всего своей возможностью порождать оценку, в которой заключается не только одобрительное мнение или порицание, но и основы конструктивного познания. Благодаря языку адресант обладает способностью определяться в системе своих ценностей и предпринимать регулирующее влияние на состояние и действия адресантов [11, с. 11].

Специалисты в области лингвистических наук в своих исследованиях применяют различные дефиниции термина «оценка». В данной работе мы будем основываться на дефиниции Н. Е. Кузнецовой, которая анализирует оценку как процесс и результат определения субъектом степени значимости объекта с учетом способности последнего соответствовать тем или иным запросам и интересам субъекта, т. е. определения прагматической важности объекта [9, с. 71].

Давая оценку какому-либо объекту, адресант медиатекста всякий раз исходит из идеального образа данного объекта, который может быть воспринят позитивно ценным, негативно ценным или ценностно нейтральным [5]. Необходимо отметить вклад научных работ отечественных исследователей, которые касались проблемы формирования образа полиции [1; 3; 15; 18]. Данные авторы анализировали проблемы восприятия правоохранительных органов в СМИ сквозь призму разнообразных методов и приемов. В газетном дискурсе наиболее действенной стратегией лингвистического моделирования выступает методика оценочной аргументации, так как категория оценки и оценочности, выражающаяся в положительных или отрицательных оценочных аргументах авторов газетных новостных сводок, характеризуется чрезмерной речевоздействующей силой.

Независимо от типа издания, любой газетный дискурс оказывает речевое воздействие на адресата. Под речевым воздействием принято понимать «использование особенностей устройства и функционирования перечисленных знаковых систем, и прежде всего естественного языка, с целью построения сообщений, обладающих повышенной способностью воздействия на сознание и поведение адресата или адресатов сообщения» [16].

В отличие от проправительственных газет, ориентирующихся на максимально широкий круг читателей, независимо от их политических и идеологических взглядов, оппозиционные издания акцентируют внимание на суммарный образ аудитории, моделируемый исключительно в соответствии с редакционной политикой самого издания.

Наряду с этим средства языка во многих случаях нацелены не на изменение структуры мыслительной деятельности реципиента, перемену его принципиальных взглядов и убеждений или подбор вариативных суждений, а на обоснование мотива уже осуществленного выбора. С учетом этой установки оппозиционные газеты могут эксплицировать обратную связь с читателем в виде отклика на публикацию, которая, как правило, полностью соответствует заранее заданной ими системе оценок.

Целью статьи является анализ речевого воздействия в процессе моделирования пейоративного образа полиции в русскоязычном газетном дискурсе.

Материалы и методология

По направленности речевое воздействие может быть личностно-ориентированным и социально-ориентированным [10]; по речевой форме выделяют монологичное и диалогичное воздействие [17]; по характеру взаимодействия субъекта с объектом различают прямое и косвенное воздействие [2]; по целям и отношению к адресату речевое воздействие подразделяют на манипулятивное и неманипулятивное [4]; по степени осознанности речевых действий воздействие бывает намеренное/интенциональное и ненамеренное/неинтенциональное [6; 7].

В рамках настоящего исследования авторами будет проведен анализ коммуникативно-прагматических средств, ориентированных на выявление и интерпретацию таких компонентов образа полиции, как «непрофессионализм», «произвол» и «жестокость». Данная методика выбрана нами в связи с тем, что она позволяет комплексно рассмотреть актуализированные компоненты образа российской полиции и заложенные в них смыслы.

Рассмотрим примеры оказания речевого воздействия в медиатекстах, представленных в оппозиционном газетном дискурсе, способствующих конструированию пейоративного образа российской полиции.

Результаты

В контексте, представленном в медиатексте «Журналиста в полиции приняли по одежке»¹ [«Коммерсант» от 05.02.2021], адресантом за счет глаголов с негативной семантикой *ударить* и *отнять* эксплицируется компонент «жестокость» об-

¹ Журналиста в полиции приняли по одежке. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4681068> (Дата доступа 04.02.2022)

раза правоохранительных органов: «При задержании ... журналиста ударили дубинкой, а в отделе полиции № 9 сотрудники полиции отняли телефон». Факт о преднамеренном пренебрежении сотрудниками полиции конституционными правами и свободами граждан аргументируется в предложении «...При этом полицейские знали, что господин Школа исполняет профессиональные обязанности: копию редакционного задания приложили к протоколу». Аллюзия к пословице «по одежке встречают, по уму провожают», трансформированной в заголовке статьи в «приняли по одежке», употребляется с целью репрезентации полицейских в качестве лиц, действующих инстинктивно и принимающих решение о задержании и составлении протокола без проведения мер по расследованию всех сопутствующих обстоятельств дела. Интенция адресанта убедить аудиторию в обоснованной жестокости и агрессии бойцов ОМОНа и сотрудников отдела полиции усиливается за счет ссылки на обращение журналистов «с просьбой обратить внимание на эту ситуацию» к «начальнику ГУ МВД по Свердловской области Александру Мешкову, начальнику свердловского управления Росгвардии Константину Шуришину, прокурору Екатеринбурга Светлане Кузнецовой и областному омбудсмену Татьяне Мерзляковой». Перлокутивный эффект, направленный на реализацию оппозиции «полиция—народ», достигается благодаря ссылке на адвоката Д. Шлыкова: «Сотрудники полиции ходят во время акций в штатском, но их не судят. Почему к журналистам особые требования, неясно».

Антитеза с противительным союзом *но* и лексема *неясно* актуализируют семантическую категорию «свой—чужой», где правоохранительные органы относятся к категории «чужой» и далеки от интересов, прав и свобод граждан. Кроме того, аргумент «...Суду редакционное задание также было предоставлено как главное доказательство того, что на шествии Алексей Школа работал, а не принимал в нем участие ... Но судья не услышал доводы защиты» направлен на убеждение адресата в необъективности и предвзятости исполнительной и судебной ветвей власти. Многоотчие, нехарактерное для публицистического стиля, создает эмфазу и способствует вербализации компонента «произвол».

В контексте, представленном в статье под заголовком «Сотрудницу Lenta.ru оштрафовали за неповиновение полиции»² [«Коммерсант»

² Сотрудницу Lenta.ru оштрафовали за неповиновение полиции. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4908856>

от 19.07.2021], эксплицируется компонент «жестокость» образа полиции за счет наречия *грубо* в словосочетании *грубо задержана*, в результате чего «...Завьялову доставили в Боткинскую больницу, где медики оказывали ей помощь ... после того, как сотрудники 2-го специального полка полиции ГУ МВД “толкнули” сотрудницу Lenta.ru, по ее словам, “ударили головой о стол, наступили на нее коленом и нанесли травму руки”».

Однако вводная конструкция *по ее словам* и привычки могут говорить о неуверенности адресанта в заявлении и реализации стратегии дистанцирования. Аргумент «...Юристы напоминают, что снимать полицейских имеют право не только журналисты, но и любые граждане, так как закон о полиции прямо указывает на обязанность работать на принципах открытости» акцентирует внимание аудитории на нарушениях сотрудниками полиции принципа открытости и публичности в деятельности ОВД, зафиксированного в Федеральном законе «О полиции»³.

Кроме того, интенция адресанта убедить аудиторию в беспринципности и волюнтаризме полиции объективируются за счет противопоставления позиций правоохранительных органов («...она (Завьялова) не показала рабочее удостоверение во время съемки, а задержали госпожу Завьялову за хулиганство и неповиновение законным требованиям») и потерпевшей Завьяловой («...госпоже Завьяловой не удалось запечатлеть нагрудные жетоны сотрудников, так как один из них скрестил руки на груди, а второй просто отвернулся»).

В контексте, представленном в статье под заголовком «Виновнику ДТП запретили определенные действия»⁴ [«Коммерсант» от 22.01.2020], осуществляется имплицитная вербализация компонента «непрофессионализм» образа полиции. Так, в предложении «Как говорит Наталья Булычева, следователь почти сразу сообщил потрясенным супругам, что за рулем находился “парень чуть младше их сына”, явно пытаясь смягчить его вину», где клишированная фраза *смягчить вину* и лексема *явно* способствует объективации дополнительного номинанта образа — «предвзятость».

В предложении «Уже на следующий день тот же сотрудник полиции позвонил, как утверждает топ-модель, ее отцу и поинтересовался, может ли

(Дата доступа 26.02.2022)

³ О полиции : Федеральный закон РФ от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ // СЗ РФ. 2011. № 7.

⁴ Виновнику ДТП запретили определенные действия. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4655018> (Дата доступа: 03.12.2022)

дать его номер телефона адвокату — родственнику виновника ДТП, чтобы тот мог переговорить об извинениях, компенсациях и т. д.» делается намек на коррумпированность стражей порядка, заинтересованных в урегулировании инцидента мирным путем. В аргументе «*Между тем сестра погибшего уже “насторожена” некоторыми поступками следствия. По ее словам, почти сразу следствие сообщило, что по результатам “продувки” в момент смертельного наезда водитель Skoda — некий 27-летний Денис Журавлев был трезв, а результаты теста на наркотики не готовы*» можно наблюдать объективацию номинанта «подлог», вербализованного с помощью лексики *насторожена*, а интенция адресанта убедить аудиторию в фальсификации материалов дела усиливаются за счет профессионального жаргонизма *продувка*, местоименного прилагательного *некий* и антитезы с противительным союзом *а*.

С целью создания эффекта достоверности повествования адресант несколько раз в тексте ссылается на слова известной российской гимнастки и модели Натальи Булычевой, чей брат погиб в результате ДТП (как говорит Наталья Булычева, как утверждает топ-модель, по их словам (Булычевой и адвоката), как показалось госпоже Булычевой). Однако такая частая ссылка на слова пострадавшей может также свидетельствовать о дистанцировании и нежелании адресанта брать на себя ответственность за высказывания. Интенция адресанта по моделированию образа коррумпированной и непрофессиональной полиции реализуются в аргументе о несправедливом удовлетворении ходатайства об избрании меры пресечения для «предполагаемого виновника аварии ... в виде запрета определенных действий» вместо лишения свободы сроком до пяти лет, согласно «ч. 3 ст. 263 УК РФ».

В новостной статье под заголовком «Полиция провела обыск у руководителя воронежского приюта «Дора» по делу об убийстве 18 собак»⁵ [«Новая газета» от 16.11.2021] адресантом актуализируется компонент «произвол» образа полиции посредством аргументации необоснованности проведения обыска и возбуждения дела на руководителя приюта «Дора» Ю. Шамарина по ч. 2 ст. 245 УК (Жестокое обращение с животными). Интенция адресанта убедить аудиторию в само-

⁵ Полиция провела обыск у руководителя воронежского приюта «Дора» по делу об убийстве 18 собак. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2021/11/16/politsiia-provela-obysk-u-rukovoditelia-voronezhskogo-priiuta-dora-po-delu-ob-ubiistve-18-sobak-news> (Дата доступа 26.02.2022)

управстве и незаконии правоохранительных органов реализуется за счет антитезы с противительным союзом *однако* в аргументе «...*В протоколе утверждается, что у следователей есть все основания полагать, что у активиста в доме может находиться огнестрельное оружие, однако при обыске силовики ничего не нашли*». Усиление номинанта «*беззаконие*» осуществляется далее в контексте за счет разговорных слов *пихать*, *бумажки*, наречия *естественно*, союза *будто* в аргументе «*Я никогда не замыкаю дверь, поэтому они спокойно вошли, открыли дверь, стали пихать свои бумажки. Искали оружие, естественно, ничего не нашли они. Я понятия не имею, зачем они ко мне пришли. Может, так свою значимость хотят показать, будто они что-то делают и ищут преступника. Может, вообще что-то подбросить хотели*».

Вводное слово *может* и глагольная лексема с отрицательной семантикой *подбросить* способствуют созданию образа лживой и беспринципной полиции, готовой идти на должностной подлог. Кроме того, в анализируемом контексте адресантом делается намек на коррумпированность стражей порядка, которые ранее «*игнорировали эти случаи (отстрел собак)*», а взялись рассматривать дело по жестокому обращению с животными только после того, как «...*[на территории рядом с приютом] планируется стройка какой-то московской конторы. И приют тем самым мешает*».

В оппозиционной прессе много места отводится вопросам, посвященным нарушениям условий задержания, содержания под стражей и жестокого обращения с арестованными. Так, в контексте, взятом из статьи «В Петербурге оштрафовали участниц акции против гендерного насилия суммарно на 135 тысяч рублей»⁶ [«Новая газета» от 27.11.2021], ссылка на слова задержанной активистки Л. Нордик является аргументом в пользу нарушения принципов содержания под стражей, регламентированных статьей 4 ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений»⁷ [11], посредством усилительной частицы *даже* и лексики *обязаны*: «...*в камерах, в которые девушек поместили*

⁶ В Петербурге оштрафовали участниц акции против гендерного насилия суммарно на 135 тысяч рублей. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2021/11/27/v-peterburge-oshtrafovali-uchastnits-aktsii-protiv-gendernogo-nasiliiia-summarno-na-135-tysiach-rublei-news> (Дата доступа: 13.02.2022)

⁷ ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений». URL: <https://docs.cntd.ru/document/9012419> (дата обращения: 22.04.2024).

в ОВД, «не было даже матрасов, которые обязаны выдавать всем задержанным», и им пришлось ночевать, лежа на своей верхней одежде».

Интенция адресанта убедить читателей в нарушении правоохранительными органами политических прав и свобод граждан, закрепленных в статьях 29–33 Конституции РФ и гарантирующих право на свободу мысли и слова, права на создание общественных объединений и проведение публичных мероприятий, реализуется в следующем аргументативном акте: *Мы сделали небольшую переносную скульптуру, арт-объект, посвященный погибшим женщинам, зачитали вслух слова памяти и небольшой манифест против насилия. И ушли по домам. По пути домой четверых из нас на улице задержали*. Несмотря на заявление Л. Нордик о негуманном отношении сотрудников полиции (*силовики забрали у них паспорта и пытались заставить чистить руками пол автозака после того, как лепестки цветов из их букетов осыпались*), арестованные отмечают, что «...сотрудники по большей части были тактичны: выпускали нас в туалет, передавали передачи. Некоторые из них отпускали шуточки в стиле “феминистки-фетишистки”, но в целом отношение к нам было лучше, чем в случаях, с которыми я сталкивалась раньше».

Таким образом, анализируемый контекст можно рассматривать в качестве примера реализации эффекта обманутого ожидания, а прогнозируемый прагматический эффект достигается за счет разговорных слов *донос* и *передачи*, глагольного словосочетания *пытались заставить* и паронимии *феминистки-фетишистки*.

Заключение

Итак, речевое воздействие в оппозиционном газетном дискурсе оказываться преимущественно с целью реализации идеологической функции, то есть актуализации, пропаганды и формирования определенного комплекса идей, установок и ценностей, а методы и приемы речевого воз-

действия варьируются в зависимости от интенций адресанта. Оценочная установка медиатекста зачастую не очевидна для реципиента и актуализируется в контексте имплицитно.

Апелляция к нравственно-этическим воззрениям адресата способствует конструированию пейоративного образа полиции и ее сотрудников. Вербализация ценностных компонентов «непрофессионализм», «произвол» и «жестокость» образа правоохранительных органов России зачастую находит отражение в семантической категории «свой—чужой», которая имеет универсальный характер и всегда организуется на жесткой аксиологической основе: «свой» располагается на шкале «хорошо», «правильно», «чужой» — на шкале «плохо», «неправильно». Указанные компоненты и вспомогательные номинанты («предвзятость», «подлог», «беззаконие», «коррупционность») образа полиции актуализируются в контекстах с помощью глаголов и глагольных словосочетаний с отрицательно-оценочным значением, негативно-оценочных существительных, прилагательных и наречий, разговорной и пейоративной лексики. Ссылки на действующее законодательство, нормативно-правовые акты, а также на мнение экспертов и авторитетных лиц способствуют реализации эффекта достоверности повествования. Более того, в материале, который подлежал анализу, нами были выявлены случаи воплощения эффекта обманутого ожидания и стратегии дистанцирования, позволяющих адресату самому занять определенную позицию относительно признания эффективности/неэффективности и законности/незаконности действий правоохранительной структуры.

В заключение следует подчеркнуть тот факт, что, хотя ОВД выступают посредником и связующим звеном между властью и социумом посредством обеспечения законности и поддержания порядка, на данный момент социально-психологический фон отношения населения страны к сотрудникам охраны правопорядка далек от благоприятного.

Список источников

1. Бровкина А. А. Влияние социальных медиа на имидж сотрудника ФСИН // Вестник общественной научно-исследовательской лаборатории «Взаимодействие уголовно-исполнительной системы с институтами гражданского общества: историко-правовые и теоретико-методологические аспекты». 2019. № 17. С. 66–71.
2. Гришечко Е. Г. Определение понятия речевого воздействия и виды этого воздействия // Гуманитарные и социальные науки. 2008. № 4. С. 53–59.
3. Грозин С. Ю. Создание позитивного имиджа полицейского — путь к оптимизации деятельности полиции // Сборник материалов XXIV Междунар. науч.-практ. конф. / Восточно-Сибирский институт МВД России. [Б. м.: б. и.], 2019. С. 349–350.

4. Денисюк Е. В. Манипулятивное речевое воздействие: коммуникативно-прагматический аспект : дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2003. 200 с.
5. Ивин А. А. Ценность // Новый философский словарь / сост. А. А. Грицанов. Минск : В. М. Скакун, 1998. С. 819–821.
6. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М. : Едиториал УРСС, 2008. 284 с.
7. Карасик В. И. Язык социального статуса. М. : Институт языкознания АН СССР, Волгоградский педагогический институт, 1991. 495 с.
8. Катинская М. В. Лингвистическое моделирование имиджа : монография. Благовещенск, 2012. 168 с.
9. Кузнецова Н. Е., Шевченко Е. В. К вопросу о некоторых способах выражения оценки // Язык. Текст. Стил : сб. науч. тр. Курган, 2004. С. 71–79.
10. Леонтьев А. А. Основы психолингвистики. М. : Смысл, 1997. 287 с.
11. Лингвистика и аксиология: этносемиотика ценностных смыслов: монография / отв. ред. Л. Г. Викулова. М., 2011. 352 с.
12. Луканина М. В. Газетный текст через призму теории коммуникаций // Вестник Московского университета. Серия 19. 2003. № 2. С. 123–133.
13. Негрышев А. А. Аспекты речевого воздействия в новостях : учеб. пособие. Владимир : ВГГУ, 2009. 144 с.
14. Нестерова В. Е. Стратегия оценочной аргументации как средство лингвистического моделирования образа полиции в российском и американском газетном дискурсе (на примере проправительственных газет) // Известия Уральского федерального университета. Серия 1, Проблемы образования, науки и культуры. 2021. Т. 27, № 2. С. 22–34.
15. Овсянникова Т. А., Сайфуллин Р. Р. Проблема репрезентативного восприятия образа сотрудника полиции в современном обществе // Международный научно-исследовательский журнал. 2020. № 12 (102). Ч. 3. С. 93–95.
16. Паршин П. Б. Речевое воздействие: основные сферы и разновидности // Рекламный текст: Семиотика и лингвистика. М. : Международный институт рекламы ; Издательский дом Гребенникова, 2000. 270 с.
17. Петренко В. Ф. Основы психосемантики. СПб. : Питер, 2005. 480 с.
18. Ситковский А. Л., Передня Д. Г., Филимонов О. В., Латов Ю. В., Червонных Е. В., Важенина Л. В. Формирование «медийного образа» сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации : учеб. пособие. М. : Академия управления МВД России, 2019. 72 с.
19. Ширяева Т. А. Метафора как фактор прагма-семантической характеристики текстов публицистического стиля: на материале английского языка : дис. ... канд. филол. наука. Пятигорск, 1999. 210 с.

References

1. Brovkina AA. Vliyanie social'nyh media na imidzh sotrudnika FSIN = The impact of social media on the image of an employee of the Federal Penitentiary Service. *Bulletin of the Public Research Laboratory "Interaction of the penal enforcement system with civil society institutions: historical, legal, theoretical and methodological aspects"*. 2019;(17):66-71. (In Russ.).
2. Grishechko EG. Opredelenie ponyatiya rechevogo vozdejstviya i vidy etogo vozdejstviya = Definition of the concept of speech impact and the types of this impact. *Gumanitarnye i social'nye nauki = Humanities and Social Sciences*. 2008;4:(53-59). (In Russ.).
3. Grozin SYu. Sozдание pozitivnogo imidzha policejskogo — put' k optimizacii deyatel'nosti policii = Creating a positive image of a policeman is the way to optimize police activities. In: *Proceedings of the XXIV International Scientific and Practical Conference*. East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. Pp. 349–350. (In Russ.).
4. Denisyuk EV. Manipulyativnoe rechevoe vozdejstvie: kommunikativno-pragmaticeskij aspekt = Manipulative speech influence: a communicative and pragmatic aspect. *Dissertation*. Yekaterinburg; 2003. 200 p. (In Russ.).
5. Ivin AA. Cennost' = Value. In: *Novyj filosofskij slovar' = The New Philosophical Dictionary*. Minsk; 1998. Pp. 819–821. (In Russ.).
6. Issers OS. Kommunikativnye strategii i taktiki russkoj rechi = Communicative strategies and tactics of Russian speech. *Moscow*; 2008. 284 p. (In Russ.).

7. Karasik VI. Yazyk social'nogo statusa = The language of social status. Moscow; 1991. 495 p. (In Russ.).
8. Katynskaya MV. Lingvisticheskoe modelirovanie imidzha = Linguistic image modelling: monografiya. Blagoveshchensk; 2012. p. (In Russ.).
9. Kuznecova NE, Shevchenko EV. K voprosu o nekotorykh sposobakh vyrazheniya ocenki = On the question of some ways of expressing an assessment. In: Yazyk. Tekst. Stil': sbornik nauchnykh trudov [Language. Text. Style: Collection of Scientific Papers]. Kurgan; 2004. Pp. 71–79. (In Russ.).
10. Leont'ev AA. Osnovy psiholingvistiki = Fundamentals of psycholinguistics. Moscow; 1997. 287 p. (In Russ.).
11. Lingvistika i aksiologiya: etnosemiometriya cennostnyh smyslov = Linguistics and Axiology: Ethnosemiometry of Value Meanings. Moscow; 2011. 352 p. (In Russ.).
12. Lukanina MV. Gazetnyj tekst cherez prizmu teorii kommunikacij = Newspaper text through the prism of communication theory. *Bulletin of the Moscow Universit. Series 19*. 2003;(2):123-133. (In Russ.).
13. Negryshev AA. Aspekty rechevogo vozdejstviya v novostyah: ucheb. posobie = Aspects of speech exposure in the news. Vladimir; 2009. 144 p. (In Russ.).
14. Nesterova VE. Strategiya ocenочноj argumentacii kak sredstvo lingvisticheskogo modelirovaniya obraza policii v rossijskom i amerikanskom gazetnom diskurse (na primere propravitel'stvennyh gazet). *Newspaper text through the prism of communication theory. Proceedings of the Ural Federal University. Seriya 1*. 2021;27(2):22-34. (In Russ.).
15. Ovsyannikova TA. Problema reprezentativnogo vospriyatiya obraza sotrudnika policii v sovremennom obshchestve = The problem of representative perception of the image of a police officer in modern. *International Scientific Research Journal*. 2020;(12(102)):93-95. (In Russ.).
16. Parshin PB. Rechevoe vozdejstvie: osnovnye sfery i raznovidnosti = Speech impact: main areas and varieties. In: Advertising text: Semiotics and Linguistics. Moscow; 2000. 270 p. (In Russ.).
17. Petrenko VF. Osnovy psihosemantiki = The basics of psychosemantics. St. Petersburg; 2005. 480 p. (In Russ.).
18. Sitkovskij AL et al. Formirovanie "medijnogo obraza" sotrudnika organov vnutrennih del Rossijskoj Federacii = Formation of a "media image" of an employee of the internal affairs bodies of the Russian Federation. Moscow; 2019. 72 p. (In Russ.).
19. Shiryayeva TA. Metafora kak faktor pragma-semanticheskoy harakteristiki tekstov publicisticheskogo stilya: na materiale anglijskogo yazyka = Metaphor as a factor of the pragmatic-semantic characteristics of journalistic style texts: based on the material of the English language. Diss. Cand. Sci. (Philology). Pyatigorsk; 1999. 210 p. (In Russ.).

Сведения об авторах

В. В. Гузикова — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков.

В. Е. Нестерова — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков

Information about the authors

V. V. Guzikova — Cand. Sci. (Philology), Assistant Professor at the Department of Foreign Languages.

V. E. Nesterova — Cand. Sci. (Philology), Senior Lecturer at the Department of Foreign Languages.

Статья поступила в редакцию 22.10.2024; одобрена после рецензирования 02.02.2025; принята к публикации 14.01.2026.

The article was submitted 22.10.2024; approved after reviewing 02.02.2025; accepted for publication 14.01.2026.

Вклад авторов: оба автора сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 811.161.1'38

DOI: 10.47475/1994-2796-2026-508-2-144-154

ЖАНР ОПРОСНИКА И ЕГО РОЛЬ В БЛИЦ-ИНТЕРВЬЮ

Вадим Викторович Дементьев

Саратовский государственный университет, Саратов, Россия, dementevvv@yandex.ru, 0000-0002-7532-5788,
Scopus ID: 57170556000

Аннотация. Рассматривается жанр блиц-интервью (БИ) и его отношения (симбиоз) с жанром опросника. Обсуждается история жанров блиц-интервью и опросника от появления первых неофициальных анкет XIX в. до современных интернет-форумов, фэндомов, где выкладывают и обсуждают различные опросники, придумывают новые интересные вопросы. Выделяются жанры-источники, сыгравшие значимую роль в формировании БИ: «обычное» интервью (от которого БИ унаследовало жанрово-ролевую структуру, прагматические целеустановки, тональность); тестирование различных типов; жанры делового дискурса / бизнес-дискурса (собеседование при приеме на работу, назначении на ряд должностей, в некоторых странах — при получении гражданства); наконец, с художественной литературой сближает БИ внимание к форме речи (приветствуется яркость, афористичность). Рассматривается прагматика блиц-интервью: выявляется особый тип отношений между интервьюером и интервьюируемым в блиц-интервью (менее агональны, личностны и провокационны, чем в «обычном» интервью), качество вопросов (как правило, более глубокие, меньше или нет злободневных вопросов, личных и о личностях). Показана противоречивая природа БИ: с одной стороны, ожидается интересный, продуманный, глубокий ответ, желательно в совершенной форме, с другой — ценится мгновенность ответа, а отвечающий находится в цейтноте. Выделяются типы вопросов в опроснике: о прошлом, важных событиях в жизни интервьюируемого; настоящем; предполагаемом (желаемом) будущем; о взглядах и позициях интервьюируемого; его выводы о жизни; вопросы «экспериментального» характера («что было бы, если..?»). Отдельно рассматриваются юмористические опросники.

Ключевые слова: жанр блиц-интервью, жанр опросника, история, прагматика, классификация вопросов

Для цитирования: Дементьев В. В. Жанр опросника и его роль в блиц-интервью // Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 2 (508). С. 144–154. DOI: 10.47475/1994-2796-2026-508-2-144-154.

Original article

QUESTIONNAIRE GENRE AND ITS ROLE IN THE BLITZ INTERVIEW

Vadim V. Dementyev

Saratov State University, Saratov, Russia, dementevvv@yandex.ru, 0000-0002-7532-5788, Scopus ID: 57170556000

Abstract. The genre of the blitz interview and its relationship (symbiosis) with the genre of the questionnaire are considered. The history of the genres of the blitz interview and questionnaire is discussed from the appearance of the first unofficial questionnaires of the 19th century to modern Internet forums, fandoms, where various questionnaires are posted and discussed, new interesting questions are invented. The source genres that played a significant role in the formation of BI are highlighted: the “regular” interview (from which BI inherited the genre-role structure, pragmatic goals, tonality); testing of various types; genres of business discourse (interviews when hiring, appointing to a number of positions, in some countries — when obtaining citizenship); finally, attention to the form of speech (brightness and aphorisms are welcomed) brings BI closer to fiction. The pragmatics of blitz interviews is considered: a special type of relationship between the interviewer and the interviewee in blitz interviews is revealed (less agonistic, personal and provocative than in a “regular” interview), the quality of questions (usually deeper, fewer or no questions of current interest, personal and about personalities). The contradictory nature of BI is shown: on the one hand, an interesting, thoughtful, deep answer is expected, preferably in perfect form, on the other hand, the instantaneousness of the answer is valued, and the respondent is in time trouble. The types of questions in the questionnaire are distinguished: about the past, important events in the life of the interviewee; the present; the expected (desired) future; about the views and positions of the interviewee; his conclu-

sions about life; questions of an “experimental” nature (“what would happen if...?”). Humorous questionnaires are considered separately.

Keywords: blitz interview genre, questionnaire genre, history, pragmatics, classification of questions

For citation: Demytyev VV. Questionnaire Genre and its Role in the Blitz Interview. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2026;(2(508):144-154. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2026-508-2-144-154.

Введение

Блиц-интервью (далее — БИ) является разновидностью жанра/гипержанра телевизионного ток-шоу на ТВ. От интервьюируемого ожидаются быстрые, без раздумья (это следует из названия «блиц») ответы на вопросы, которые короче, чем в «обычном» интервью (в СМИ, на ТВ, интернет-ресурсах), а также обычно отличаются по содержанию (не конкретизированные личностно, более общего характера, глубокие, «о важном»). БИ проводится с опорой на готовый или специально подготовленный список вопросов / опросник.

Таким образом, БИ представляет собой не просто «усеченный» по времени вариант «обычного» интервью, но довольно сильно отличается от него качественно.

В случае БИ имеет место такой своеобразный речевжанровый феномен, как содержательный и иллюкутивный симбиоз двух жанров — интервью и опросника¹. Хотя «обычному» интервью также предшествует подготовка, продумывание вопросов, список этих «примерно подготовленных» вопросов нельзя считать ни отдельным жанром по отношению к интервью, ни вообще полноценным речевым жанром. В БИ же, как показывает практика, чаще всего пользуются именно готовым текстом опросника, представляющим собой полноценный письменный жанр. (Отсюда — некоторая обезличенность вопросов опросника: отсутствуют совсем уже личные (в т. ч. лично-провокационные) вопросы.)

В лингвистике, насколько нам известно, не рассматривались ни БИ, ни тем более жанровый симбиоз в БИ, хотя активно рассматривались, с одной стороны, «обычные» интервью [1; 11; 19; 22], в т. ч. с речевжанровой точки зрения [3; 7; 13], с другой — анкетирование и типы анкет, тестов (включая содержательную и текстовую структуру анкеты, теста) [18; 20; 21; 23], в качестве которых выделялись

¹ Такой симбиоз речевых жанров, хотя не такое уж редкое явление, почти не рассматривался жанроведами, за редким исключением. Так, подобный симбиоз имеет место в случае жанра анекдота (текста анекдота) и рассказывания анекдота, которые, по мнению А. Д. и Е. Я. Шмелевых, являются взаимосвязанными, но разными жанрами (первый — письменный, второй — устный) [26, с. 20–27].

и опросники (прежде всего направленные на выявление профессиональных качеств личности): [2; 8; 10; 14–16; 25]. Большая исследовательская литература существует о ассоциативных экспериментах — см., например: [4–6; 9; 12; 17].

Материалы и методы исследования

Материал настоящего исследования — ок. 200 письменных опросников, скачанных в Интернете (разных по качеству: более и менее известных; из разного количества вопросов в одном опроснике; вопросы также различались по содержанию, степени обобщения, глубине и т. д.; устных БИ — ок. 100, прежде всего с сайта Познер-онлайн (общее время звучания — ок. 5 часов); письменных БИ (стенограмм, скриптов устных БИ) — ок. 100 страниц текста.

Считаем основной (прототипной) разновидностью жанра БИ на ТВ или в Интернете, проводимое профессиональным журналистом с опорой на готовый или специально подготовленный им список вопросов / опросник, не известный интервьюируемому заранее (иногда, впрочем, вопросы даются интервьюируемому заранее, чтобы у того было время подготовить интересные ответы, — считаем такие случаи вырожденной разновидностью жанра и не рассматриваем, тем более что зрители чаще всего ничего не знают об особенностях подготовки БИ, хотя могут подозревать (в целом распространенная на ТВ имитируемая импровизация)). Также считаем вырожденной разновидностью жанра письменные ответы на опросники (выражение «письменные БИ» представляет собой оксюморон) — их следует отличать от записей (скриптов, расшифровок) реальных БИ, которые мы используем в качестве полноценного материала.

«Телевизионные» БИ могут быть частью (обычно заключительной) «обычного» телеинтервью (например, Владимир Познер практически все выпуски своей авторской телепередачи завершает блиц-интервью по опроснику Марселя Пруста) или быть самостоятельной телепередачей (редко, т. к. в силу психологических причин БИ скорее не бывает слишком длинным: по нашим наблюдениям, максимум 10–15 минут).

Следует подчеркнуть, что объектом настоящего исследования являются именно вопросы БИ / опросника. Ответы интервьюируемого, хотя именно они составляют главное содержание БИ и представляют интерес для зрителей/слушателей (неожиданные, часто глубокие, остроумные, эмоциональные, иногда агрессивные), привлекаются только как вспомогательный материал, хотя тоже обнаруживают ряд общих (жанровых?) черт и должны стать объектом речезанрового анализа в будущем.

1. Блиц-интервью и опросник в речезанровой парадигме

История жанра блиц-интервью связана, с одной стороны, с развитием профессиональной журналистики, с другой — с возникновением жанра неофициальной анкеты, разновидностью которой и являются опросники.

Первые опросники, или неофициальные анкеты, появились, вероятно, одновременно с анкетами официальными, т. е., собственно говоря, с возникновением официальных институтов — социальных, политических, научных, образовательных и т. д. Позднее заполнение опросников становится частью неофициального развлекательного времяпрепровождения образованного класса.

В Викторианскую эпоху (1837–1907 гг.) в Англии начала набирать популярность салонная игра, смысл которой заключался в том, чтобы ответить на несколько вопросов в специальном альбоме под названием «Альбом для записи мыслей, чувств и т. д.». Эта игра быстро распространилась по всей Европе и очень долго оставалась актуальной среди представителей различных социальных слоев. Среди людей, которые отвечали на вопросы анкеты, можно отметить Карла Маркса, французского актера Жерара Филипа, американского писателя Джона Апдайка, советского режиссера Андрея Тарковского, американского ученого Артура Хеллера и других известных людей.

Особую роль в эволюции и сегодняшней популярности анкеты сыграл Марсель Пруст. В конце XIX в., когда Марсель Пруст был еще в подростковом возрасте, заполнить анкету ему предложила его подруга Антуанетта, дочь Феликса Фора — президента Франции в 1895–1899 гг. И именно ответы Марселя Пруста стали считаться и до сих пор считаются самыми оригинальными из всех, по причине чего анкета, собственно, и получила название «Анкета (или опросник) Марселя Пруста», а также приобрела известность по всему миру.

Марсель Пруст отвечал на вопросы анкеты несколько раз за всю свою жизнь, причем каждый раз по-разному. До настоящего времени сохранились только две анкеты, которые он заполнил: одна датируется 1886 г., а значит, была заполнена Марселем в 13 или 14 лет, а другая — 1891 или 1892 г. (точных данных нет).

На сегодняшний день опросник Марселя Пруста не теряет своей актуальности. Ответить на него предлагалось и предлагается огромному количеству людей. В 1969 г. был создан даже специальный альбом ответов «Сто французских писателей отвечают на “Анкеты Пруста”», составителем которого является французский литературовед Лейонс Пейар².

Сейчас ответы на вопросы подобных анкет при составлении биографий известных людей (и даже энциклопедических статей о них) воспринимаются как значимый материал.

Конечно, большинство их сохранилось в письменной форме. Первые сохранившиеся записи БИ на радио относятся уже к XX в.

Таким образом, задолго до появления жанра БИ на ТВ получили большое распространение «гостевые» и подобные анкеты, альбомы с вопросами, очень напоминающими вопросники для БИ как по качеству вопросов (емкие и краткие, касающиеся жизненных позиций вопросы), так и по условиям (у «гостя», которому предлагалось ответить на вопросы анкеты, как правило, не было много времени на раздумья). В интересующем нас речезанровом смысле (БИ как синтетический жанр, совмещающий черты двух жанров — интервью для СМИ и анкеты/опросника) и то, и другое оформляется только к концу XIX в., хотя, конечно, элементы такого жанра существовали гораздо раньше.

В словаре БАС (Т. 2, 2005. С. 64) «блиц-» упоминается только как «Первая часть сложных слов со знач.: очень быстрый, проводимый за короткое время (блицпоход, блиц-турнир и т. п.)» (Из таких сложных слов отдельная статья посвящена только блицкригу; а «блиц» как самостоятельное слово выделяется только в значении «Шахматная партия или шахматное соревнование, проводимые в укороченное время»). Обратим внимание, что сказано «и т. п.», но блиц-интервью не упоминается (как упоминаются блицпоход, блиц-турнир), что, по всей видимости, означает, что данное явление в 2005 г. не было достаточно распространенным, социально значимым, обращающим на себя внимание.

² Опросник Марселя Пруста. URL: <https://4brain.ru/blog/опросник-марселя-пруста/>

В то же время в «Толковом словаре современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия» (под ред. Г. Н. Складневской. М.: Астрель, 2001. 944 с.) есть отдельные статьи и «блиц-интервью», и «блиц-опрос» [24, с. 77].

Наличие квазиприваки «блиц-» (в некоторых случаях «блиц») — в функции самостоятельного слова) сближает БИ с такими разными феноменами, как блицкриг, блиц-партия и блиц-турнир в шахматы, ассоциативный блиц-эксперимент, собеседование и допрос в формате блиц³.

В современных интернет-медиа журналисты фактически проводят БИ и в рамках других жанров, лишь отчасти пересекающихся с интервью, например интеллектуальных ток-шоу. Так, на авторской программе Дм. Куликова «Право знать» приглашается один гость — «интересный человек» (политик, политолог, писатель, режиссер и т. д.) и четверо участников, которые, вместе с ведущим, задают гостю вопросы; тот дает, как правило, развернутые и компетентные ответы; обычно за час передачи участники успевают пройти два круга вопросов и ответов. Когда времени остается мало (во втором круге), иногда предлагается «спрашивать в режиме блица», таким образом, «блиц» понимается не как самостоятельный жанр, а как режим/формат, в котором могут проходить и видоизменяться другие жанры — в данном случае интеллектуальное ток-шоу.

Жанрами-источниками, сыгравшими значимую роль в формировании БИ, по нашему мнению, следует считать: (1) «обычное интервью» (от которого БИ унаследовало жанрово-ролевую структуру, прагматические целеустановки, тональность (может быть кооперативным и конфликтным (провокативным); может быть с узким специалистом, представителем власти, религиозным деятелем, «звездой» кино, эстрады, ТВ и т. п.). При этом БИ

³ Ср. описание «Блица» на профессиональном собеседовании и рекомендации «рекрутерам»: «Благодаря Блицу можно проверить, как быстро соискатель ориентируется в ситуации и переключается, насколько он способен схватывать информацию на лету и оперативно выдавать готовые решения. Кроме того, когда у соискателя нет возможности подумать и развернуто прокомментировать свою точку зрения, его ответы считаются наиболее достоверными без социально-желаемого контекста. Методика предполагает, что рекрутер в быстром темпе задает вопросы соискателю и ждет от него 5–7 односложных ответов на конкретную тему: Какими качествами должен обладать руководитель / менеджер по продажам / командный игрок и т.д.?; Сформулируйте ваше отношение к жизни (бизнесу, семье, коллегам, сотрудникам); Назовите ТОП-5 наиболее эффективных тактик (советов, фишек, приемов, секретов, способов) в переговорах» (<https://brainpower.ru/news/20.htm>).

менее похоже на жанр беседы, к которому тяготеют прототипные разновидности ток-шоу на ТВ, в т. ч. телеинтервью; (2) тестирование разных типов (тесты учебные (учебно-контрольные), медицинские (диагностические, профилактические, посткурационные и реконвалесцентные), психологические, социальные, лингвистические (на знание родного и изучаемого языка), юмористические, эзотерические и мистические и т. д.). В жанровом отношении тесты рассчитаны на закрытые однословные или открытые (часто развернутые) ответы — в этом отношении тесты отличаются от опросников в БИ, которые, несмотря на общее стремление к краткости, обычно не предполагают ответов «да» и «нет»; (3) жанры делового дискурса / бизнес-дискурса (собеседование при приеме на работу, назначении на ряд должностей, прежде всего связанных с руководящей деятельностью; в некоторых странах — при получении гражданства); наконец, (4) с художественной литературой сближает БИ внимание к форме речи (приветствуется яркость и выразительность).

БИ совмещает признаки не только разных жанров, но и разных типов дискурса: дискурса СМИ, ТВ, психологического (поддискурс научного), художественного (или околохудожественного), развлекательного, юмористического, а также межличностного разговорного.

2. Прагматика блиц-интервью

Жанровое своеобразие БИ проистекает из внутренне противоречивой природы, обусловленной иногда совпадающими, а иногда несовпадающими интересами интервьюируемого, интервьюера и телезрителя.

Для зрителя во всех телепровокациях и подобных агональных и частично агональных шоу являются привлекательными «живые эмоции». Интервьюируемому задают неожиданный, часто сложный вопрос, времени подготовить ответ нет, в результате велика вероятность искренней эмоциональной реакции.

Отсюда противоречивая, даже парадоксальная природа БИ: с одной стороны, ожидается интересный, продуманный, глубокий ответ, желательно также в совершенной форме, с другой — ценится мгновенность ответа, а отвечающий в цейтноте. На самом деле здесь нет противоречия: задается вопрос о важном, часто общего характера, затрагивающий жизненные позиции интервьюируемого и его «выстраданное», давно сложившееся мнение по этому поводу, и предполагается, что готовый, четко сформулированный ответ уже есть —

а формат БИ лишь поможет выявить, «обнажить» его. Этому способствует и лимит времени, протекающий из самой природы БИ: ответы предполагаются скорее краткие (хотя, конечно, на практике иногда бывают развернутые).

По этой причине более естественными являются БИ с взрослыми, состоявшимися людьми, т. к. их ответы на важные жизненные вопросы представляют собой выводы, сделанные на основе большого жизненного опыта. Но не невозможны и БИ с молодыми, даже подростками — отчасти они интересны самим интервьюируемым, который, может быть, впервые оказался в такой ситуации и задумался над такими вопросами, отчасти — имеют характер развлекательный (для зрителей). Одни и те же вопросы также могут быть заданы одним и тем же людям с интервалом в несколько лет (известно, что такие ответы давал В. Высоцкий).

Ср. несколько таких глубоких, парадоксальных, «художественных» ответов на БИ писателей Александра Проханова и Эдуарда Лимонова: **Проханов** — в интервью для «Московского комсомольца» накануне 85-летия (26.02.2023):

В последний раз мне было стыдно... секунду назад.

На меня сильно повлиял... сам факт моего рождения.

Люди ошибаются, когда говорят, что... они люди.

Мне до сих пор обидно за... петуха, который в роковой для него день не догнал курицу (<https://www.mk.ru/politics/2023/02/26/aleksandr-prokhanov-esli-putin-oderzhit-istoricheskuyu-pobedu-on-stanet-triumfatorom.html>).

Лимонов — на передаче «Познер» (передача была записана в 2018, а вышла в свет в марте 2020 г., после смерти Лимонова):

Познер. *Значит, поскольку у нас время на исходе, к сожалению, и Марсель Пруст, хорошо вам знакомый, и мой добрый знакомый, просил меня (с улыбкой) оттуда передать вам некоторые вопросы, я их передаю. <...> Как бы вы сказали, какое ваше главное достоинство?*

Лимонов. *Я думаю, что я очень талантливый человек, очень неглупый!*

Познер. *А что вам не нравится в себе?*

Лимонов. *Ну... я пришел рано.*

Познер. *Несмотря на то, что вы еретик, как вы сказали, все-таки представим себе, что вы ушли на тот свет и встретили Всевышнего. Что вы ему скажете?*

Лимонов (смеется). *Поскольку я еретик, то я попытаюсь его как бы победить и, может быть,*

съесть. Человечества цель, я считаю, это разгадать свою собственную загадку: зачем мы? До сих пор никто толком не сказал. Если встретит Создателя, то попытаться любыми методами заставить его ответить, что у нас за загадка, а потом убить и съесть его, вот что надо сделать (https://vk.com/video808199126_456240804).

3. Опросник

Жанр письменного психологического, личностного, «гостевого» и т. п. опросника, предназначенного для использования в БИ (конечно, не только, но преимущественно, представляется, именно для этой цели), является весьма популярным, существует множество готовых опросников, начиная с широко известного Марселя Пруста (см. выше). Так, в Интернете на специализированных сайтах хранится множество готовых опросников, подобно тому как хранятся тексты тостов, поздравлений, пожеланий. Создаются фэндомы, форумы, где придумывают всё новые интересные вопросы (см., например: https://vk.com/topic-343152_25708894?ysclid=ls5raq7q1i293365200; <https://ahaslides.com/ru/blog/funny-questions-to-ask/>).

Вопросы, как правило, емкие и краткие (по крайней мере, предполагаются такими), а также обычно общие и глобальные, без конкретных деталей — злободневности, повышенной личностности, личностной провокативности. Поэтому информация и оценка в БИ касаются более постоянного порядка вещей (не столько деталей, сколько закономерностей данного порядка), чем в обычном интервью, имеют скорее характер выводов, чем информирования как такового. В БИ практически отсутствуют вопросы-просьбы дать оценку или прокомментировать какие-то злободневные события или поступки какого-то известного человека — из области политики, культуры, эстрады и т. д., которые составляют большую часть обычных интервью (хотя это и не невозможно и даже может представлять большой интерес в силу названных выше качеств БИ).

Предлагаемая **классификация** вопросов в БИ/опроснике, конечно, имеет предварительный характер: ее почти так же сложно составить, как и в обычных интервью (см.: [11; 3]): интервьюер может спросить «обо всём», однако, думается, есть ряд констант, присущих именно БИ:

- О прошлом, важных событиях в жизни интервьюируемого.
  - Как Вы выбрали свою профессию?
  - Я был абсолютно счастлив в тот день, когда...

– Были у вас периоды в жизни, когда вы хотели с ней покончить?

– Какой был самой лучшей, самый значимый подарок в вашей жизни?

– Моей самой экстравагантной выходкой было...

- О настоящем.

– В каком сериале вы сейчас снимаетесь?

– Как вы проводите свободное время?

– Какую кухню вы предпочитаете?

– А ваши сны сбываются?

- О предполагаемом (желаемом) будущем.

– Чего бы вы хотели от будущего?

– Опишите, какой вы видите свою жизнь через 20 лет?

- О взглядах и позициях интервьюируемого.

– Какой фактор внес основной вклад в ваши успехи к настоящему моменту?

– Любимый литературный герой?

– Что вы больше всего ненавидите?

– Ваше любимое блюдо, напиток?

– Ваш девиз?

– Если надо было выбирать между патриархатом и матриархатом, чтобы вы выбрали и почему?

- Его выводы о жизни:

- выбор «лучшего и худшего» (что больше всего ценится)

– Качества, которые вы больше всего цените в женщине?

– К каким порокам вы чувствуете наибольшее снисхождение?

– Какое ваше любимое занятие?

- мнение по «вечным вопросам»

– Верите ли вы в конец света?

– Чувствуете ли вы себя частью Вселенной?

– Как вы относитесь к смертной казни?

– Считаете ли вы правдой, что домашние животные похожи на своих хозяев?

- определения (что такое / кто такой ...?)

– Что такое, по вашему мнению, свобода?

– Кто такой, по вашему мнению, хороший человек? А плохой?

– Что для вас означает русский народ?

- Вопросы «экспериментального» характера («что было бы, если..?», «хотели ли бы вы, чтобы?..»).

– Если бы была возможность вернуться лет на 10 назад, чтобы вы изменили в своей жизни?

– Хотели бы вы, чтобы о вас написали книгу?

И прожили ли вы свою жизнь так, чтобы ее было интересно читать большой аудитории?

– Если бы вы могли быть невидимкой, куда бы вы пошли?

– Если бы вы у вас была возможность сменить пол на один день, сменили бы и чем бы занимались в новом для себя образе?

– Как вы относитесь к детям? Не хотели бы их завести?

– Стали бы вы дружить со своим двойником? Почему?

– Имея в своем распоряжении час аудиенции с президентом РФ, какие темы вы бы подняли и о чем, собственно, вели беседу?

– Насколько безвыходной должна быть ситуация, чтобы вы нарушили закон?

- Провокационные.

– Вы считаете себя самым лучшим, достойным хвалы из всех людей на земле?

– Зачем вы ходите в салон красоты?

– Вы получаете оргазм во время секса?

– Сколько раз в день вы подмываетесь?

– Вы когда-нибудь пытались облизать пальцы ног?

– Какой предмет в твоей спальне сейчас самый унизительный?

Разговор о сложившихся жизненных позициях, в отличие от разговора о текущих событиях, предполагает наличие и готовых, сложившихся сообщений/текстов о данных позициях, часто включая сложившиеся формы, отсюда дополнительная возможность (в целом больше, чем у обычного интервью) получить «на выходе» качественный текст. Кроме того, на такие вопросы приветствуются ответы с интенцией **воздействия** — **советы** слушателям (которые тоже обычно касаются долгосрочных программ, положения вещей в мире и т. п.).

Отдельный случай — **юмористический** опросник, популярный как на ТВ, так и в ситуациях игрового, развлекательного общения. Примеры юмористических вопросов:

– Почему дунул волк, а крышу снесло поросятам?

– Что самое смешное вы когда-либо видели в своей ленте?

– С кем из великих вы хотели бы встретиться на ринге, подраться?

– Что из Даров Смерти вы бы выбрали: мантию-невидимку, бузинную палочку или воскрешающий камень?

– Какой ваш любимый мем или шутка, связанная с работой?

– Если бы ваш супруг был цветным, каким бы он был?

– Вы правда читали все эти вопросы?

Наверное, нет необходимости пояснять, что граница между юмористическими и неюмористическими опросниками не всегда жесткая. Отдельные

юмористические или полуюмористические вопросы могут «проникать» и во вполне серьезные интервью и даже составляют их довольно значительную часть. Обычно считается нормальным (и даже приветствуется), что интервьюируемый в БИ дает юмористические ответы на серьезные (даже подчеркнута серьезные) вопросы: в чем смысл жизни? есть ли Бог?

Ср. интервью певца **Юрия Лозы** для «Московского комсомольца» накануне 70-летия:

На меня сильно повлиял... кто только не влиял.

Если бы я не был собою, то непременно стал бы... собой.

Люди ошибаются, когда говорят, что... они что-то знают.

Мою шутку не поняли, когда... да всё время не понимают. (<https://www.mk.ru/social/2024/01/31/predlagayut-vypit-tabletki-i-zatknutsya-yuriy-loza-rasskazal-kak-boretsya-s-nedrugami.html?ysclid=ls2z6h5qr2670275841>)

Заключение

Проведенное исследование позволило выявить основные тематические и иллокутивно-прагматические характеристики БИ, отличающие его от «обычного» интервью (на СМИ, ТВ, интернет-ресурсах) (притом, что существуют понятия «формат/режим блица», применимые к другим жанрам — таким как ток-шоу).

Для БИ характерен особый тип отношений между интервьюером и интервьюируемым (менее агональны, личностны и провокационны; более, так скажем, безличны), качеством вопросов (как правило, более глубокие, меньше или нет злободневных вопросов, личных и о личностях), а также наличие речежанрового симбиоза интервью с принципиально другим жанром — письменным опросником, который используется в готовом или несильно модифицированном виде. Надо сказать, что сам по себе опросник (являющийся разновидностью анкетирования, призванного максимально раскрыть личность опрашиваемого в широких или узких (узкоспециальных) заданных рамках), не «привязан» по своей природе ни к жанру интервью, ни к СМИ, тем не менее на их пересечении порождает этот качественно новый, оригинальный жанр — БИ.

Любое ли использование в интервью готового опросника, подобного рассмотренным здесь, превращает «обычное интервью» в БИ? Интуитивно представляется, что любое или почти любое, однако для уверенного ответа на этот вопрос, касающийся очень важной для настоящего речежанрового исследования проблемы жанровой природы, жанровой идентификации, требуется полноценное специальное исследование на большом фактическом материале.

Список источников

1. Бабич Н. Г. Президентское интервью как жанр политического дискурса и его лингвопрагматические характеристики (на материале английского и русского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2015. 20 с.
2. Бандурка Т. Н. Стандартизации личностного опросника на выявление особенностей полимодального восприятия у школьников // *Фундаментальные и прикладные исследования современной психологии. Результаты и перспективы развития* / отв. ред. А. Л. Журавлёв, В. А. Кольцова. М. : Институт психологии РАН, 2017. С. 401–408.
3. Голанова Е. И. Устный публичный диалог: жанр интервью // *Русский язык конца XX столетия (1985–1995)*. М. : Языки рус. культуры, 1996. С. 427–452.
4. Гольдин В. Е. Ассоциативный эксперимент как речевая игра // *Жизнь языка : сб. статей к 80-летию Михаила Викторовича Панова*. М. : Языки славянской культуры, 2001. С. 226–233.
5. Гольдин В. Е. Концептуальные переменные образа мира по данным ассоциативных словарей // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 26–30 мая 2010 г.)*. Вып. 9 (16). М. : Изд-во РГГУ, 2010. С. 97–101.
6. Гольдин В. Е., Сдобнова А. П. Ассоциативный словарь как особый источник данных о внутренней семантической сети // *Вопросы искусственного интеллекта (Вестник ИСМИИ РАН)*. 2010. № 2. С. 89–97.
7. Доева З. У. Интервью как жанр журналистики // *Журналистика XXI века: исторический опыт и современное развитие : межвузовский сборник научных трудов*. Владикавказ : Северо-Осетинский государственный университет им. К. Л. Хетагурова, 2015. С. 241–247.
8. Елисеева М. Б., Вершинина Е. А. Макатуровский опросник речевого и коммуникативного развития детей раннего возраста // *Специальное образование: методология, теория, практика : сб. научно-ме-*

тодических трудов с международным участием. СПб. : Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2017. С. 167–169.

9. Залевская А. А. Некоторые проявления специфики языка и культуры испытуемых в материалах ассоциативных экспериментов // *Этнопсихоллингвистика*. М. : Наука, 1988. С. 34–48.

10. Зубова А. В. Методики исследования сфокусированности личности на себе и шкал опросника когнитивных ошибок // *Психология диалога и мир человека (тренды современного образования) : сборник научных трудов*. Уфа : Башкирский государственный университет, 2023. С. 276–282.

11. Иванова И. В. *Жанр интервью: формы бытования и языковые особенности* : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Астрахань, 2009. 20 с.

12. Караулов Ю. Н. Русский ассоциативный словарь как новый лингвистический источник и инструмент анализа языковой способности // *Русский ассоциативный словарь. Книга 1. Прямой словарь: от стимула к реакции. Ассоциативный тезаурус современного русского языка. Часть 1*. М. : Помовский и партнеры, 1994. С. 190–210.

13. Кодола Н. В. *Интервью как жанр публицистики (содержание и методика обучения)* : автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2006. 22 с.

14. Крюкова Е. А., Шестова М. А., Корнилова Т. В. Эмоциональный интеллект: черта или способность (к результатам русскоязычной адаптации опросника «Черты эмоционального интеллекта») // *Способности и ментальные ресурсы человека в мире глобальных перемен*. М. : Институт психологии РАН, 2020. С. 1694–1700.

15. Куфтяк Е. В. Изучение психологических защит с помощью методики «Опросник стилей защит»: связь с копингом и психологическим благополучием (на примере юношеского возраста) // *Методологические и прикладные проблемы медицинской (клинической) психологии. К 90-летию Ю. Ф. Полякова : коллективная монография*. М. : ООО «Сам Полиграфист», 2018. С. 117–127.

16. Лейбман И. Я. О принципе построения и возможности использования опросника межкультурного развития, предложенного Институтом межкультурной коммуникации // *Этнопсихология: вопросы теории и практики : сб. науч. трудов*. М. : Московский городской психолого-педагогический университет, 2010. С. 58–66.

17. Леонтьев А. А. Общие сведения об ассоциациях и ассоциативных нормах // *Словарь ассоциативных норм русского языка*. М. : Изд-во МГУ им. М. В. Ломоносова, 1977. С. 5–16.

18. Лудильщикова Н. А. Социологическое анкетирование студентов как источник изучения их речевой культуры // *Проблемы речевой коммуникации : межвуз. сб. науч. трудов / под ред. М. А. Кормилицыной, О. Б. Сиротининой*. Саратов : Изд-во СГУ, 2007. С. 179–185.

19. Мелехова Н. А. *Исповедальное телевизионное интервью как речевой жанр масс-медиа* : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ярославль, 2010. 20 с.

20. Невежина Е. А. Анкетирование как способ изучения региона на примере сопредельных регионов Франции и Бельгии: раздел учебной программы «Регионоведение Франции» // *Франкофония: «центр» и «периферия» в языке и культуре : сб. / под ред. Т. Ю. Загрязкиной*. М. : МГУ, 2018. С. 155–161.

21. Попова О. Ю., Стернина М. А. Анкетирование студентов по эффективности курса английского языка как фактор совершенствования учебного процесса // *Английский для нефилологов. Проблемы ESP — 2017*. Воронеж : Воронежск. гос. университет, 2017. С. 32–36.

22. Попова Т. И. *Телевизионное интервью: семантический и прагматический аспекты* : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2004. 40 с.

23. Постникова О. А. Анкетирование слушателей как одно из направлений совершенствования качества обучения в рамках дополнительных образовательных программ по английскому языку // *Английский для нефилологов. Проблемы ESP — 2017*. Воронеж : Воронежск. гос. университет, 2017. С. 63–67.

24. Склярская Г. Н. *Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия*. М. : Астрель, 2001. 944 с.

25. Храмов Е. В. *Концептуально-конструктивная и эмпирическая валидизация опросника структуры темперамента (ОСТА)* : автореф. дис. ... канд. псих. наук. М., 1992. 20 с.

26. Шмелева Е. Я., Шмелев А. Д. *Русский анекдот: текст и речевой жанр*. М. : Языки славянской культуры, 2002. 144 с. (Studia philologica. Series minor).

References

1. Babich NG. Prezidentskoye interv'yu kak zhanr politicheskogo diskursa i yego lingvopragmaticheskiye kharakteristiki (na materiale angliyskogo i russkogo yazykov) = Presidential interview as a genre of political discourse and its linguopragmatic characteristics (based on the English and Russian languages): Abstract of thesis. Moscow, 2015. 20 p. (In Russ.).
2. Bandurka TN. Standartizatsii lichnostnogo oprosnika na vyyavleniye osobennostey polimodal'nogo vospriyatiya u shkol'nikov = Standardization of a personality questionnaire to identify the features of polymodal perception in schoolchildren. In: Fundamental'nyye i prikladnyye issledovaniya sovremennoy psikhologii. Rezul'taty i perspektivy razvitiya = Fundamental and applied research in modern psychology. Results and development prospects. Ed. A. L. Zhuravlev, V. A. Koltsova. Moscow, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences; 2017. Pp. 401–408. (In Russ.).
3. Golanova EI. Ustnyy publichnyy dialog: zhanr interv'yu = Oral public dialogue: interview genre. In: Russian language at the end of the 20th century (1985–1995). Moscow, Languages of Russian Culture; 1996. Pp. 427–452. (In Russ.).
4. Goldin VE. Assotsiativnyy eksperiment kak rechevaya igra = Associative experiment as a speech game. In: Zhizn' yazyka: Sb. statey k 80-letiyu Mikhaila Viktorovicha Panova = Life of language: Collection of articles for the 80th anniversary of Mikhail Viktorovich Panov. Moscow, Languages of Slavic Culture; 2001. Pp. 226–233. (In Russ.).
5. Goldin VE. Kontseptual'nyye peremennyye obraza mira po dannym assotsiativnykh slovarey = Conceptual variables of the image of the world according to associative dictionaries. In: Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nyye tekhnologii: Po materialam yezhegodnoy Mezhdunarodnoy konferentsii "Dialog" (Bekasovo, 26–30 maya 2010 g.) = Computer linguistics and intellectual technologies: Based on the materials of the annual International conference "Dialogue" (Bekasovo, May 26–30, 2010). Issue 9 (16). Moscow, Publishing house of the Russian State University for the Humanities; 2010. Pp. 97–101. (In Russ.).
6. Goldin VE, Sdobnova AP. Assotsiativnyy slovar' kak osobyi istochnik dannykh o vnutrenney semanticheskoy seti = Associative dictionary as a special source of data on the internal semantic network. *Issues of artificial intelligence (Bulletin of the National Scientific Research Institute of the Russian Academy of Sciences)*. 2010;(2):89-97. (In Russ.).
7. Doeva ZU. Interv'yu kak zhanr zhurnalistiki = Interview as a genre of journalism. In: Zhurnalistika XXI veka: istoricheskiy opyt i sovremennoye razvitiye. mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov = Journalism of the 21st century: historical experience and modern development. interuniversity collection of scientific papers. Vladikavkaz, North Ossetian State University named after K. L. Khetagurov; 2015. Pp. 241–247. (In Russ.).
8. Eliseeva MB, Vershinina EA. Makarturovskiy oprosnik rechevogo i kommunikativnogo razvitiya detey rannego vozrasta = MacArthur questionnaire of speech and communicative development of young children. In: Spetsial'noye obrazovaniye: metodologiya, teoriya, praktika. Sb. nauchno-metodicheskikh trudov s mezhdunarodnym uchastiyem = Special education: methodology, theory, practice. Collection of scientific and methodological works with international participation. St. Petersburg, Publishing house of the Herzen State Pedagogical University; 2017. Pp. 167–169. (In Russ.).
9. Zalevskaya AA. Nekotoryye proyavleniya spetsifiki yazyka i kul'tury ispytuyemykh v materialakh assotsiativnykh eksperimentov = Some manifestations of the specificity of the language and culture of the subjects in the materials of associative experiments. In: *Ethnopsycholinguistics*. Moscow, Nauka; 1988. Pp. 34–48. (In Russ.).
10. Zubova AV. Metodiki issledovaniya sfokusirovannosti lichnosti na sebe i shkal oprosnika kognitivnykh oshibok = Methods for studying the personality's focus on oneself and the scales of the cognitive errors questionnaire. In: *Psikhologiya dialoga i mir cheloveka (trendy sovremennogo obrazovaniya)* = Psychology of dialogue and the human world (trends in modern education). Ufa, Bashkir State University; 2023. Pp. 276–282. (In Russ.).
11. Ivanova IV. Zhanr interv'yu: formy bytovaniya i yazykovyye osobennosti = Interview genre: forms of existence and linguistic features. Abstract of thesis. Astrakhan; 2009. (In Russ.).
12. Karaulov YN. Russkiy assotsiativnyy slovar' kak novyy lingvisticheskiy istochnik i instrument analiza yazykovoy sposobnosti = Russian associative dictionary as a new linguistic source and tool for analyzing language ability. In: *Russian associative dictionary. Book 1. Direct dictionary: from stimulus to response. Associa-*

tive Thesaurus of the Modern Russian Language. Part 1. Moscow, Pomovsky and Partners; 1994. Pp. 190–210. (In Russ.).

13. Kodola NV. Interv'yu kak zhanr publitsistiki (soderzhaniye i metodika obucheniya) = Interview as a Genre of Journalism (Content and Teaching Methods): Abstract of thesis. Moscow; 2006. (In Russ.).

14. Kryukova EA., Shestova MA., Kornilova TV. Emotsional'nyy intellekt: cherta ili sposobnost' (k rezul'tatam russkoyazychnoy adaptatsii oprosnika "Cherty emotsional'nogo intellekta") = Emotional Intelligence: Trait or Ability (based on the results of the Russian-language adaptation of the Emotional Intelligence Traits questionnaire). In: Human Abilities and Mental Resources in the World of Global Change. Moscow, Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences; 2020. Pp. 1694–1700. (In Russ.).

15. Kuftyak EV. Izucheniye psikhologicheskikh zashchit s pomoshch'yu metodiki "Oprosnik stiley zashchit": svyaz' s kopingom i psikhologicheskim blagopoluchiyem (na primere yunosheskogo vozrasta) = Study of psychological defenses using the "Defense Styles Questionnaire" technique: connection with coping and psychological well-being (using adolescence as an example). In: Metodologicheskkiye i prikladnyye problemy meditsinskoy (klinicheskoy) psikhologii. K 90-letiyu YU.F. Polyakova = Methodological and applied problems of medical (clinical) psychology. On the 90th anniversary of Yu. F. Polyakov. Moscow; 2018. Pp. 117–127. (In Russ.).

16. Leibman IY. O printsipe postroyeniya i vozmozhnosti ispol'zovaniya oprosnika mezhkul'turnogo razvitiya, predlozhenogo Institutom mezhkul'turnoy kommunikatsii = On the principle of construction and the possibility of using the questionnaire of intercultural development proposed by the Institute of Intercultural Communication. In: Ethnopsychology: issues of theory and practice. Moscow, Moscow City Psychological and Pedagogical University; 2010. Pp. 58–66. (In Russ.).

17. Leontiev AA. Obshchiye svedeniya ob assotsiatsiyakh i assotsiativnykh normakh = General information on associations and associative norms. In: Slovar' assotsiativnykh norm russkogo yazyka = Dictionary of associative norms of the Russian language. Moscow, Publishing house of Moscow State University. Lomonosov; 1977. P. 5–16. (In Russ.).

18. Ludilshchikova NA. Sotsiologicheskoye anketirovaniye studentov kak istochnik izucheniya ikh rechevoy kul'tury = Sociological questionnaire survey of students as a source of studying their speech culture. In: Problems of speech communication. Saratov, Saratov State University Publishing House; 2007. P. 179–185. (In Russ.).

19. Melekhova NA. Ispovedal'noye televizionnoye interv'yu kak rechevoy zhanr mass-medial'nogo diskursa = Confessional television interview as a speech genre of mass media discourse. Abstract of thesis. Yaroslavl; 2010. (In Russ.).

20. Nevezhina EA. Anketirovaniye kak sposob izucheniya regiona na primere sopredel'nykh regionov Frantsii i Bel'gii: razdel uchebnoy programmy "Regionovedeniye Frantsii" = Questionnaire survey as a method of studying a region using the example of adjacent regions of France and Belgium: section of the curriculum "Regional Studies of France". In: Frankofoniya: "tsentr" i "periferiya" v yazyke i kul'ture = Francophonie: "center" and "periphery" in language and culture: collection of scientific works. Edited by T. Yu. Zagryazkina. Moscow, Moscow State University, 2018. Pp. 155–161. (In Russ.).

21. Popova OY, Sternina MA. Anketirovaniye studentov po effektivnosti kursa angliyskogo yazyka kak faktor sovershenstvovaniya uchebnogo protsessa = Questioning students on the effectiveness of the English language course as a factor in improving the educational process. In: Angliyskiy dlya nefilologov. Problemy ESP — 2017 = English for non-philologists. Problems of ESP — 2017. Voronezh, Voronezh state University; 2017. Pp. 32–36. (In Russ.).

22. Popova TI. Televizionnoye interv'yu: semanticheskiy i pragmaticheskiy aspekty = Television interview: semantic and pragmatic aspects. Abstract of thesis. St. Petersburg; 2004. (In Russ.).

23. Postnikova OA. Anketirovaniye slushateley kak odno iz napravleniy sovershenstvovaniya kachestva obucheniya v ramkakh dopolnitel'nykh obrazovatel'nykh programm po angliyskomu yazyku = Questioning of Listeners as One of the Directions for Improving the Quality of Teaching within the Framework of Additional Educational Programs in English. In: Angliyskiy dlya nefilologov. Problemy ESP — 2017 = English for Non-Philologists. Problems of ESP — 2017. Voronezh, Voronezh State University; 2017. Pp. 63–67. (In Russ.).

24. Sklyarevskaya GN. Tolkovyy slovar' sovremennogo russkogo yazyka. Yazykovyye izmeneniya kontsa XX stoletiya = Explanatory Dictionary of the Modern Russian Language. Language Changes at the End of the 20th Century. Moscow, Astrel Publishing House; 2001. 944 p. (In Russ.).

25. Khramov EV. Kontseptual'no-konstruktnaya i empiricheskaya validizatsiya oprosnika struktury temperamenta (OSTA) = Conceptual-Constructive and Empirical Validation of the Temperament Structure Questionnaire (OSTA). Abstract of thesis. Moscow; 1992. (In Russ.).

26. Shmeleva EY, Shmelev AD. Russkiy anekdot: tekst i rechevoy zhanr = Russian anecdote: text and speech genre. Moscow, Languages of Slavic Culture; 2002. 144 p. (Studia philologica. Series minor). (In Russ.).

Информация об авторе

В. В. Дементьев — доктор филологических наук, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики.

Information about the author

V. V. Dementyev — Dr. Sci. (Philology), Professor of the Department of Language Theory and History, and Applied Linguistics.

Статья поступила в редакцию 06.09.2025; одобрена после рецензирования 28.12.2025; принята к публикации 14.01.2026.

The article was submitted 06.09.2025; approved after reviewing 28.12.2025; accepted for publication 14.01.2026.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 81.119

DOI: 10.47475/1994-2796-2026-508-2-155-164

КАТЕГОРИЯ РЕТРОСПЕКЦИИ В КРЕОЛИЗОВАННОМ МЕДИАТЕКСТЕ: РЕМИНИСЦЕНЦИЯ И ПРЕЦЕДЕНТНОСТЬ КАК СПОСОБЫ ЕЁ ВЫРАЖЕНИЯ (на материале прессы Германии)

Татьяна Александровна Ленкова

Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, Рязань, Россия, talenk@yandex.ru, 0000-0001-8391-5000

Аннотация. Исследование посвящено применению категории ретроспекции в креолизованном медиатексте. Новизна работы заключается в том, что заявленная текстовая категория впервые анализируется на материале немецкой прессы, причем не в ее классическом литературном понимании, а как категория, присущая поликодовому тексту публицистического стиля и поэтому по-особому в нем преломляющаяся. В работе обобщены взгляды отечественных лингвистов на категорию ретроспекции в связи с ее применением в заголовочном комплексе креолизованного медиатекста, рассмотрены современные типы классификации категории ретроспекции и предложена своя классификация. Приемы реминисценции и прецедентности заявляются в работе как одни из самых часто встречающихся для оформления визуальной ретроспекции. Исследование проводилось в основном на заголовочных комплексах титульных статей с помощью метода лингвистического анализа. Цель исследования — выявить специфику выражения категории ретроспекции в семиотически осложненном медиатексте, а также специфику функций данной текстовой категории. Проведенное исследование позволило сделать вывод о том, что визуальная прецедентность и реминисценция как приемы визуальной ретроспекции наряду с информирующей и воздействующей функцией, присущей текстам СМИ в целом, выполняют интенсифицирующую функцию (экономящую вербальные средства выражения за счет использования других неязыковых средств презентации информации). Вновь выявленная специфическая функция визуальной ретроспекции отвечает современным потребностям целевой аудитории и позволяет печатным изданиям поддерживать конкурентоспособность на медиарынке.

Ключевые слова: категория ретроспекции, визуальная ретроспекция, визуальная реминисценция, визуальная прецедентность, креолизованный медиатекст, заголовочный комплекс, интенсифицирующая функция

Для цитирования: Ленкова Т. А. Категория ретроспекции в креолизованном медиатексте: реминисценция и прецедентность как способы её выражения (на материале прессы Германии) // Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 2 (508). С. 155–164. DOI: 10.47475/1994-2796-2026-508-2-155-164.

Original article

THE CATEGORY OF RETROSPECTION IN CREOLIZED MEDIA TEXT: REMINISCENCE AND PRECEDENCE AS WAYS OF ITS EXPRESSION (Based on the German Press)

Tatyana A. Lenkova

S. A. Yesenin Ryazan State University, Ryazan, Russia, talenk@yandex.ru, 0000-0001-8391-5000

Abstract. This study examines the use of the category of retrospection in a creolized media text. The novelty of this work lies in the fact that this textual category is analyzed for the first time using German press material, not in its classical literary sense, but as a category inherent to the polycoded journalistic style of text and therefore refracted in it in a unique way. This paper summarizes the views of Russian linguists on the category of retrospection in relation to its use in the title complex of a creolized media text. It examines modern types of classification of the category of retrospection and proposes its own classification. The techniques of reminiscence and precedence are stated in the paper as among the most frequently used in the design of visual retrospection. The study was conducted primarily on the title complexes of title articles using the method of linguistic analysis. The purpose of the study was to identify the specific expression of the category of retrospection in a semiotically complex media text, as well as the specific functions of this text category. The conducted study allowed us to conclude that visual precedence and

reminiscence as techniques of visual retrospection, along with the informative and influential functions inherent in media texts in general, perform an intensifying function (saving verbal means of expression due to the use of other non-linguistic means of information presentation). The newly identified specific function of visual retrospection meets the contemporary needs of the target audience and allows print publications to maintain competitiveness in the media market.

Keywords: category of retrospection, visual retrospection, visual reminiscence, visual precedent, creolized media text, headline complex, intensifying function

For citation: Lenkova TA. The Category of Retrospection in Creolized Media Text: Reminiscence and Precedence as Ways of its Expression (Based on the German Press). *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2026;(2(508):155-164. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2026-508-2-155-164.

Введение

Понятие категории ретроспекции существует в литературоведении не один десяток лет, однако в связи с идущими в обществе процессами визуализации, мультимедиализации, цифровизации ее содержательное наполнение претерпевает в последнее время некоторые изменения. Актуальность предлагаемого исследования обусловлена не только тем, что категория ретроспекции мало изучена в визуальном аспекте, но и тем, что подобный вид ретроспекции имеет свои отдельные особенности и может быть применим не только с воздействующей и информирующей функцией, но и с целью экономии издательской страницы, с целью интенсификации восприятия большого массива информации, выраженного визуально, но скрытого вербально.

И. Р. Гальперин, давший дефиницию тексту в классическом его понимании, полагал, что текст, развертываясь во времени и пространстве, не может избежать прерывистости из-за большого объема, поэтому последовательность фактов излагается в нем не всегда правильно [6].

С середины 1980-х гг. в обществе проявляются тенденции цифровизации и визуализации, которые наиболее яркую реализацию получили в публицистическом стиле. Общепринято, что у текстов массовой информации есть две основные функции — информирующая и воздействующая [22]. Чтобы каждая из функций осуществлялась в полной мере, тексты средств массовой информации должны иметь четкую и логичную структуру, медиаадресант не может позволить себе в рамках даже очень объемного материала смешение фактов.

Заявленная И. Р. Гальпериным проблема, характерная для классических вербально оформленных текстов, в креолизованном медиатексте решается по-иному.

Во-первых, сами медиатексты не являются такими уж большими, чтобы у медиаадресанта как автора не было возможности избежать прерывистости повествования. «Информационная перегрузка»

[7] снимается благодаря наличию нескольких семиотических кодов. Часть вербальной информации визуализируется, что, несомненно, облегчает общее восприятие материала. Редакции традиционных газет и журналов в поисках эффективной организации и оптимального содержания нашли решение в мультимедиализации [11], которая стала ответом на изменчивые потребности аудитории и следствием развития научно-технического прогресса.

Во-вторых, визуальная составляющая креолизованного медиатекста, которая оформляется прежде всего в медиадизайн, может быть двух видов: логической и метафорической [8]. Позволим себе разделить визуальный инструментарий на две части: к логическому направлению медиадизайна отнесем средства инфографики, то есть таблицы, схемы, шкалы и собственно саму структуру статьи, поскольку она тоже может иметь смыслообразующую функцию; к визуально-стилистическому, или метафорическому, направлению (в терминологии М. Р. Желтухиной) принадлежат такие художественные средства, как фото, рисунок, карикатура.

В-третьих, традиционный текстовый тип дизайна, согласно Д. А. Носаеву, постепенно трансформируется в текстографический [18]. Заголовочный комплекс в креолизованных медиатекстах превратился в навигационный механизм, способствующий оптимальному восприятию информации: данные преподносятся порционно — часть информации содержится в заголовке и подзаголовке, часть в подписи под визуальной составляющей, часть в лиде статьи или вводке, и только потом, приняв решение читать/не читать, медиаадресант переходит непосредственно к самому вербальному материалу [14].

В-четвертых, последовательное накопление информации невозможно без удержания в памяти информации, полученной ранее. Медиаадресанту важно большой массив данных «передать» медиаадресату, проинформировать его и, таким образом, воздействовать. Проще преподнести

ту информацию, которая будет вызывать какой-либо эмоциональный или интеллектуальный отклик, вызывать ассоциации. Для этого нужно опираться на фоновые знания представителей целевой аудитории, использовать такой прием, как категория ретроспекции, учитывать многие другие когнитивные категории медиадискурса [12], возможности эвокативного воздействия на реципиента [13].

Практически каждый медиатекст основан на ретроспекции, которая как категория текста предполагает целенаправленное действие со стороны медиаадресанта как автора. Перед нами стоит задача разобраться в том, как заявленная категория проявляет себя в заголовочном комплексе креолизованного медиатекста.

Определений понятия «ретроспекция» существует довольно много. По И. Р. Гальперину, «ретроспекция — грамматическая категория текста, объединяющая формы языкового выражения, относящие читателя к предшествующей содержательно-фактуальной информации» [6].

Н. В. Брускова полагает, что под ретроспекцией следует понимать последовательность изложения событий, когда последующий отрезок текста отсылает читателя к событиям, имевшим место раньше событий, описанных в предыдущем отрезке [4].

Вышеуказанные дефиниции относятся более к литературоведению, поскольку термин пришел изначально оттуда. Проблематикой ретроспекции занимались видные отечественные исследователи М. М. Бахтин [3], Д. С. Лихачев [15], Б. А. Успенский [20], называя ретроспекцию «воскрешением прошлого».

Однако есть попытки рассмотрения ретроспекции несколько с иной стороны, а именно не с позиции текста, а с позиции медиаадресата, воспринимающего этот текст. Так, например, М. М. Бубличенко указывает на то, что синонимом понятия «ретроспекция» является понятие «ретрокогниции» [5]. Иными словами, «ретроспекция» имеет отношение к медиаадресанту как к автору материала, так как именно он «заглядывает» в прошлое с тем, чтобы читатель с помощью «ретрокогниции», то есть познания прошлого, смог глубже проникнуть в замысел медиаадресанта.

Методы и материал исследования

Методологической основой работы является комплексный подход, обусловленный междисциплинарным характером исследования текстов СМИ: при анализе заголовочного комплекса креолизованного медиатекста применялись метод лингвистического наблюдения, метод случайной выборки, интерпретативный анализ, социолингвистический анализ,

психолингвистический анализ в аспектах создания и восприятия текста. Материалом исследования послужили периодические издания Германии — газета «Die Osrseezeitung» и журнал «Der Spiegel» за 1985–2019 гг. Общий объем проанализированного материала составляет 50 выпусков.

Результаты исследования и их обсуждение

В литературоведении глубоко разработана проблема дифференциации ретроспекции на виды. О. Л. Чернорицкая, обобщая теоретический материал по интересующей нас теме, говорит о том, что следует различать прямую ретроспекцию, когда в ходе повествования осуществляется непосредственное обращение к прошлому; косвенную, при которой прошлое упоминается лишь опосредованно, например через документы; линейную, когда события описываются в строгом хронологическом порядке; нелинейную, для которой характерна некоторая непоследовательность изложения событий [21]. Кроме того, ретроспекцию можно подразделить на объективно-авторскую (восприятие временного континуума медиаадресантом) и субъективно-читательскую (возвращение медиаадресатом к уже прочитанному для составления более четкой картины событий).

Согласно О. Л. Чернорицкой, функциями ретроспекции являются: создание многомерной картины действительности, реализация принципов психологизма, формирование исторической перспективы, осуществление философского осмысления реальности. Использование категории ретроспекции помогает восстановить события прошлого, переосмыслить или переоценить ситуацию, отобрать нужное/ненужное, создать последовательность и связь всех содержательных частей, активизировать познавательную деятельность медиаадресата.

О. Л. Чернорицкая особо выделяет функции ретроспекции в реалистической прозе:

- а) идеологическая (формирование авторской концепции истории, выражение философской позиции, создание исторического комментария);
- б) психологическая (раскрытие внутреннего мира персонажа, демонстрация эволюции характера, анализ мотивации поступков);
- в) композиционная (создание нелинейной структуры повествования, формирование многоуровневого хронотопа, создание художественных параллелей).

Вербальными средствами для выражения ретроспекции служат простые противопоставления, например, здесь — там, теперь — тогда; противопоставления времени и видов глагола, например,

настоящее время — прошедшее время; повторы, цитаты [1].

В текстах средств массовой информации источниками ретроспекции служат такие текстовые категории, как вертикальный контекст, фоновые знания, интертекстуальность и прецедентные тексты. В соответствии с этим можно было бы дифференцировать ретроспекцию несколько иначе, чем это было принято ранее, а именно на ретроспекцию вертикального контекста или фоновых знаний, ретроспекцию интертекстуальности и ретроспекцию прецедентности.

В научной литературе встречаются разные классификации категории ретроспекции, но они не относятся напрямую к языку массмедиа. Не претендуя на правильность и завершенность, мы предприняли одну из первых попыток подобной классификации на материале массмедийных текстов [14].

В основу классификации может быть положен *источник ретроспекции*. В соответствии с этим ретроспекция бывает интертекстуальной, прецедентной и ретроспекцией фоновых знаний.

Следующий критерий — *объем ретроспективной информации*, согласно которому ретроспекция подразделяется на «распространенную» (одно предложение и более) и «не распространенную» (слово, фраза).

Третьим критерием для классификации категории ретроспекции предлагаем считать *пространственно-временное отношение преподносимой информации к моменту действительности*, то есть то, насколько удалена/приближена ретроспекция к нашим дням и нашим интересам.

Последний критерий классификации — *форма выражения* — является особенностью языка средств массовой информации. Соответственно по форме выражения ретроспекция может быть либо вербальной, либо иконической, либо синтезом этих двух форм. Вербальная форма выражения категории ретроспекции привычна и традиционна. Креолизованный медиатекст обладает возможностью «напомнить» читателю о тех или иных событиях с помощью иллюстраций, фотоснимков, схем. Подобная ретроспекция почти никогда не нуждается в дополнительном социокультурном комментарии, она доходчива, экспрессивна и экономична.

Одними из самых распространенных способов проявления категории ретроспекции в креолизованном медиатексте являются реминисценция и прецедентность, которые могут оформляться не только вербально, но и визуально.

Реминисценция

В литературе реминисценцией называется неявная отсылка к другому тексту, рассчитанная на ассоциации читателей. Реминисценцией можно также называть воспроизведение медиаадресантом как автором в тексте отдельных элементов своего или чужого произведения при помощи явных или скрытых цитат, заимствования образов. Реминисценции могут присутствовать в любом фрагменте текста: в названии, подзаголовке, названиях глав/ рубрик произведения [2].

Под визуальной реминисценцией понимается творческий прием в искусстве, который заключается в использовании структуры, отдельных элементов или мотивов более ранних произведений искусства на ту же или близкую тему [9]. Визуальная реминисценция (визуальное цитирование) используется как прием в медиадискурсе, при котором в тексте или на обложке издания используются отсылки к известным ранее произведенным текстам, изображениям или событиям. Это элемент интертекстуальности — свойства текстов, при котором они явно или неявно ссылаются друг на друга.

Источники реминисценций в медиматериалах могут быть разными: устойчивые выражения, цитаты из художественной литературы, критических, философских сочинений, фильмов, рекламные слоганы, политические лозунги. Реминисценция позволяет создателю использовать знакомые зрителю образы, чтобы изменить восприятие своего произведения. Она проявляется на разных носителях графического дизайна: в товарном знаке, фирменном стиле, журнале, буклете, плакате, сайте и других.

Реминисценция в печатных СМИ — одно из ключевых выразительных средств конструирования медиатекста. Использование визуальных реминисценций в медиадискурсе выполняет различные функции, такие как привлечение внимания читателей, поскольку заголовки с реминисценциями способны вызвать у читателя ассоциации, апеллируя к его фоновым знаниям и эмоциям; аргументация мысли — реминисценции помогают реализовать больше смыслов, используя их как аргументацию; создание комического эффекта благодаря неоднозначности содержания реминисценций и возможности создания комического эффекта, поскольку они известны и прочно закреплены в сознании определенного социума.

Важно, чтобы реминисценция, будь она вербальная или визуальная, легко декодировалась, то есть была бы доступна для понимания целевой

аудиторией. Для этого медиаадресанту необходимо опираться прежде всего на фоновые знания медиаадресата.

Приведем несколько примеров вербально-визуальной реминисценции на материале прессы Германии. Так, в журнале «Der Spiegel» № 43 за 1998 г. [27] помещена титульная статья выпуска, оформленная креолизированным медиатекстом.

На данной обложке мы наблюдаем сразу несколько реминисценций-аллюзий, которые расчитаны, скорее всего, исключительно на немецкую целевую аудиторию, причем старшего поколения. Во-первых, медиаадресант использует в оформлении медиадизайна цвета национального флага Германии — черный, красный, желтый. Это прямая отсылка-обращение к конкретной целевой аудитории — гражданам Германии. Медиаадресант умело «поработал» с каждым из цветов.

Красный цвет, символизируя огонь, прекрасно коррелирует с языками пламени в правом нижнем углу. Из-под сгорающего и опепеленного кусочка бумаги как бы случайно видна фраза «*Grosse Koalition gegen den Rechtsstaat*» (*Большая коалиция против правового государства*). Это историческая ретроспективная информация-напоминание, что в прошлом страна уже переживала нападки на правовое государство.

Желтый в язычках пламени, часто ассоциирующийся с опасностью, «работает в паре» с надписью «*Lausch*» (*Будь осторожен, прислушайся!*). Надписи на данной обложке представляют особый интерес и играют свою собственную немаловажную роль. Следующая надпись «*Angriff auf die Presse Freiheit*» (*Посягательство на прессу и свободу*) выполнена тоже в очень интересной манере, поскольку из-за необычного орфографического решения может трактоваться двояко. Так, если существительные *Presse Freiheit* соединить и написать одним сложным словом, то получится «*посягательство на свободу слова*». Если же между этими существительными поставить союз *und*, то перед нами уже «*посягательство на прессу и свободу*». Однако союз отсутствует, и сделано это намеренно, чтобы придать заголовку большей экспрессивности и эмоциональности. В любом случае, это вновь отсылка к прошлому Германии, к временам национал-социализма, когда попирались многие конституционно закрепленные права и свободы. В памяти у многих жителей Германии старшего возраста сохранились ночные погромы, сожжение книг на площадях.

Если охарактеризовать категорию ретроспекции в данном креолизованном медиатексте с позиций

литературоведения, то ее можно считать косвенной или опосредованной, нелинейной и авторской. Если мы будем полагаться на предложенную нами классификацию ретроспекции, то перед нами пример проявления вербально-визуальной ретроспекции, нераспространенной ретроспекции фоновых знаний.

Основная функция проанализированной ретроспекции с использованием реминисценции и аллюзии при помощи в основном визуальных средств заключается не в информировании читателя, а в воздействии и даже манипуляции, поскольку идущий сразу вслед за изобразительной частью материала вербальный фрагмент говорит всего лишь о некоторых изменениях в жилищном законодательстве Германии: «*Offenen Verfassungsbruch*» *nannte der SPIEGEL die Einschränkungen von Artikel 13 des Grundgesetzes* («*Die Wohnung ist unverletzlich*») (*SPIEGEL назвал ограничения статьи 13 Основного закона* («*Квартира неприкосновенна*») «открытым нарушением конституции».

Следующий пример взят из того же источника под № 6 за 2019 г. [29]. На визуальной составляющей креолизованного медиатекста изображен учебный парусник «*Gorch Fock*». «*Горх Фок*» — трехмачтовый барк, построенный в учебных целях по заказу ВМС Германии на гамбургской верфи. Назван он в честь известного немецкого писателя-мариниста Ганса Кинау, который подписывал свои произведения псевдонимом Горх Фок и известен как писатель-маринист в приключенческом жанре. При пристальном рассмотрении изобразительной составляющей креолизованного медиатекста читателя также ожидает «приключение».

Во-первых, название парусника отсылает нас к конкретному человеку, писателю и моряку, жизнь которого была полна приключений. Родился Ганс Кинау в Гамбурге, там же был построен и корабль.

Возникает вопрос, почему заголовок статьи звучит как «*Das Narrenschiff*» («*Корабль дураков*»), ведь это название отсылает нас к триптиху Иеронима Босха, единственно сохранившаяся часть которого называется «Аллегория чревоугодия и сладострастия» [23]. Подобная отсылка читателя к всемирно известному произведению искусства позволяет нам говорить не только об аллегории, но и о реминисценции. Подзаголовок материала объясняет всё: «*Gorch Fock: Einst Stolz der Marine, heute Symbol für das Elend der Bundeswehr*» («*Горх Фок: когда-то гордость военно-морского*

флота, а сейчас символ казнокрадства и нищеты бундесвера»).

Данная ретроспекция и реминисценция как ее прием имеют двуплановый характер. С одной стороны, произведение искусства, как правило, знакомо большинству образованных людей, вне зависимости от пола, возраста или национальности. С другой стороны, только жителям Германии известны подробности истории парусника. Полагаем, что мы можем смело из целевой аудитории «немцы» убрать лиц женского пола и юного возраста, поскольку парусник был заложен почти век назад, и далеко не все женщины увлекаются флотом. Эти факторы влияют на значительное уменьшение целевой аудитории. Данный пример предлагает синтез визуальной аллегии и вербальной реминисценции с обязательной опорой на фоновые знания.

Обобщая проанализированные примеры оформления категории ретроспекции в форме реминисценции, скажем, что использование данного приема имеет в медиатексте, наряду с указанными ранее функциями, еще одну, характерную, по всей вероятности, именно для языка СМИ, — «экономическую» целесообразность: медиаадресант как автор, опираясь на фоновые исторические знания своего массового медиаадресата, вводит его в тему, приглашает вспомнить нечто произошедшее когда-либо, подталкивает к размышлению и анализу современности, используя при этом, как правило, квинтэссенцию вербальных и визуальных возможностей уже в заголовочном комплексе и экономя на традиционном вербальном тексте непосредственно самой статьи.

Прецедентность

Следующий способ выражения категории ретроспекции — прецедентность. Впервые термин «прецедентный текст» был употреблен лингвистом Ю. Н. Карауловым в работе «Русский язык и языковая личность» в 1987 г. [10]. Он понимал под прецедентными текстами тексты, значимые для конкретной личности в познавательном и эмоциональном отношении, известные широкому окружению (включая предшественников и современников), к которым говорящий неоднократно обращается в речи. Визуальная прецедентность в лингвистике — это явление, при котором прецедентные феномены выражены с помощью визуальных средств. Данное понятие введено Л. А. Мардиевой в 2011 г. [16]. Публикаций на тему визуальной прецедентности на данный момент достаточно мало, можем лишь упомянуть недавнюю работу

С. Ю. Павлиной, посвященную анализу прагматических аспектов прецедентных феноменов, используемых в британских и американских предвыборных плакатах [19].

Л. А. Мардиева разделяет прецедентные визуальные феномены и прецедентные визуальные образы. Первые означают хранящиеся в памяти представителей определенного социокультурного сообщества зрительные образы культурного пространства. Второе понятие — это результат материализации визуального образа в текстовых структурах, вербальных и невербальных.

Казанскому исследователю принадлежит не только термин «визуальная прецедентность», но и первая попытка классификации данного понятия. Итак, прецедентные феномены, согласно Л. А. Мардиевой, могут быть следующие: прецедентные жестовые стигматы, которые включают все узнаваемые телодвижения; прецедентные предметы [17].

Попробуем проанализировать данную классификацию на примерах немецкой прессы. Любопытными представляются статьи на одну и ту же тему: выборы в Передней Померании. Материалы опубликованы в разных немецких изданиях, в журнале «Der Spiegel» и в газете «Die Ostseezeitung». В журнале статья называется «*Der mächtig nette Herr Holm*» («крайне/страшно милый господин Хольм»), а в газете «*Der nette Herr Holm von der afd-ein Rechter auf dem Weg zum Schweriner OB*» («Милый господин Хольм из АДГ-правый на пути к Шверинскому ОБ») [25; 24]. Интересно, что даже жест главного персонажа фотографии подмечен обоими медиаадресантами как авторами медиа-сообщения, что говорит о прецедентности этого феномена в обществе. Изображение производит на читателя неоднозначное впечатление, поскольку милый и улыбчивый человек использовал жест, характерный для времен нацистской Германии. Этот жест, в данном случае, возможно, совершенно произвольный, тут же получил вербальное подкрепление в виде эпитета *mächtig* — «страшно» и фотоподписи в журнале «Der Spiegel» — «*Spitzenkandidat mit zwei Gesichtern*» («Кандидат в лидеры с двумя лицами»). Как известно, для Германии — это печально знакомый знак, «кин» (телодвижение) жеста — приветствия вытянутой рукой трансформировался с течением времени в Германии 1930-х — начала 1940-х гг. в приветствие фюрера «Heil Hitler!» («Да здравствует Гитлер!»), приобретя на долгие годы совершенно четкие коннотации и став одним из исторических маркеров эпохи.

Следующий пример взят из журнала «Der Spiegel» № 12 от 18 марта 1985 г. На титульной статье номера было помещено фото нового секретаря политбюро КПСС М. С. Горбачева [26]. На заднем плане помещено изображение серпа и молота — символа Союза Советских Социалистических Республик. Серп не всегда символизировал крестьянство, а молот — рабочий класс. Чуть позже скрещенные орудия труда стали использоваться для обозначения дружбы двух трудящихся классов. Только потом серп и молот превратились в один из символов СССР и теперь воспринимаются не иначе как визуальный прецедентный феномен, а точнее в классификации Л. А. Мардиевой, прецедентный предмет.

На следующей обложке журнала «Der Spiegel» № 10 от 5 марта 2007 г. «Der Staat Gasprom» («Государство Газпром») нам встречается еще один визуальный прецедентный феномен-предмет — на голове В. В. Путина шапка-ушанка со звездой. Этот предмет и создаваемый им образ давно вошли в сознание не только русских людей, но особенно иностранцев как нечто ассоциирующееся только с Россией [28]. Более того, подзаголовок звучит как «Putins Energie-Imperium» («Энергетическая империя Путина»). Эта вербальная подпись со словом «империя» является, на наш взгляд, тоже прецедентной, так как Россию всегда считали империей.

Проанализированные случаи визуальной прецедентности свидетельствуют о том, что с помощью того или иного образа медиаадресант как автор публицистического материала может не только оперативно и «энергоэкономично» (без лишних

затрат вербальных ресурсов) информировать, но и воздействовать на своего медиаадресата.

Выводы

Проведенное исследование позволило нам сделать следующие выводы.

Во-первых, категория ретроспекции в креолизованных медиатекстах служит снятию прерывистости повествования, о которой как о проблеме больших текстов писал И. Р. Гальперин. С одной стороны, этому способствует сама структура медиатекста, разделенная на определенные фрагменты, но, с другой стороны, сама сущность семиотически осложненного текста позволяет ему интенсифицировать самого себя: огромные информационные пласты не подаются вербально, они визуализируются, вбирая в себя самые разнообразные пласты знаний (исторические, политические, социальные, лингвокультурные). Всё то, что еще тридцать лет назад оформилось бы «безразмерной» вербальной статьей, сейчас может быть умещено в одну визуальную или вербально-визуальную вставку.

Во-вторых, визуальные реминисценция и прецедентность в современных креолизованных медиатекстах довольно часто оформляют категорию ретроспекции, основываясь прежде всего на фоновых знаниях представителей целевой аудитории. Этот факт должен быть непременно учтен при продуцировании материала, чтобы не возникало аберрантного понимания.

В-третьих, исследование визуальной ретроспекции и способов ее выражения находится, по нашему мнению, в самом своем начале, а потому представляется чрезвычайно перспективным.

Список источников

1. Алещанова И. В., Сергеева О. В., Желтухина М. Р. Виды и функции цитат в англоязычном цифровом медиадискурсе // Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 2 (496). С. 46–53. DOI: 10.47475/1994-2796-2025-496-2-46-53.
2. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М. : Совет. энциклопедия, 1966. 607 с.
3. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. Работы разных лет. М. : Азбука : Азбука-Аттикус, 2024. 672 с.
4. Брускова Н. В. Категории ретроспекции и проспекции в художественном тексте: на материале немецкого языка : дис. ... канд. филол. наук. М., 1983. 181 с.
5. Бубличенко М. М. Большой изотерический справочник. Ростов н/Д. : Феникс, 2010. 252 с.
6. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М. : Наука, 1981. 139 с.
7. Еляков А. Д. Информационная перегрузка людей // Социологические исследования. 2005. № 5. С. 114–121.
8. Желтухина М. Р. Тропологическая суггестивность массмедиаального дискурса: о проблеме речевого воздействия тропов в языке СМИ : монография. М. : Ин-т языкознания РАН ; Волгоград : Изд-во ВФ МУПК, 2003. 656 с.
9. Жуков А. С. Литературные реминисценции в материалах СМИ // Филология и лингвистика в со-

временном обществе : материалы II Междунар. науч. конф. (г. Москва, февраль 2014 г.). М. : Буки-Веди, 2014. С. 148–151.

10. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М. : УРСС, 2004. 261 с.
11. Кирия И. Мультимедиа и новые принципы новостей // Журналистика и конвергенция: почему и как традиционные СМИ превращаются в мультимедийные / под ред. А. Г. Качкаевой. М. : 2010. С. 30–47.
12. Коновалова М. В. К вопросу о когнитивной категории в медиадискурсе // Вестник Челябинского государственного университета. 2019. № 4 (426). С. 100–108.
13. Коновалова М. В. Эвокативное воздействие на примере вербализации концепта „Нью-Йорк“ в заголовках медиатекстов // Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 6 (500). С. 106–114.
14. Ленкова Т. А. Функции категории ретроспекции в медиалингвистике (на материале современной прессы Германии) // Российский научный журнал. 2011. № 5 (24). С. 253–259.
15. Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X–XVII веков. Л., 1987. 256 с.
16. Мардиева Л. А. Коллективная культурная память общества (прецедентные визуальные образы и феномены) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2011. № 3 (15). С. 202–207.
17. Мардиева Л. А. Визуальная прецедентность как объект лингвистических исследований: современное состояние и перспективы развития // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2023. Т. 165, № 3. С. 19–32.
18. Носаев Д. А. Влияние элементов графической модели периодического издания на его успешность // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Филология и искусствоведение. 2013. Вып. 3. С. 207–212.
19. Павлина С. Ю. Функционирование прецедентных феноменов в визуальной политической коммуникации // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. № 1. С. 93–101.
20. Успенский Б. А. Избранные труды : в 3 т. Т. 1. М. : Языки рус. культуры, 1996. 605 с.
21. Чернорицкая О. Л. Ретроспектива. Ретроспекция. URL: <https://rexgolg.ru/page28> (Дата последнего обращения: 19.01.2026).
22. Шелестюк Е. В. Речевое воздействие: онтология и методология исследования: монография. М. : Флинта : Наука, 2014. 344 с.
23. Корабль дураков. URL: <https://collections.louvre.fr/ark:/53355/cl010062860> (Дата последнего обращения: 19.01.2026).
24. Die Ostseezeitung. URL: <https://www.ostsee-zeitung.de/politik/regional/der-nette-herr-holm-von-der-afd-ein-rechter-auf-dem-weg-zum-schweriner-ob-CXKTDTLJQ5BULFJ27S5NNXAP7Y.html> (Дата последнего обращения: 19.01.2026).
25. Der Spiegel. URL: <https://www.spiegel.de/politik/deutschland/afd-will-bei-wahl-in-mecklenburg-vorpommern-cdu-ueberholen-a-1109922.html>
26. Der Spiegel. URL: <https://www.spiegel.de/spiegel/print/index-1985-12.html> (Дата последнего обращения 19.01.2026)
27. Der Spiegel. URL: <https://www.spiegel.de/spiegel/print/index-1998-43.html> (Дата последнего обращения 19.01.2026)
28. Der Spiegel. URL: <https://www.spiegel.de/nachrichtenarchiv/artikel-05.03.2007.html> (Дата последнего обращения 19.01.2026)
29. Der Spiegel. URL: <https://www.spiegel.de/spiegel/print/index-2019-6.html> (Дата последнего обращения 19.01.2026)

References

1. Aleshchanova IV, Sergeeva OV, Zheltukhina MR. Types and functions of quotations in English-language digital media discourse = Vidy i funktsii tsitat v angloyazychnom tsifrovom mediadiskurse. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2025;(2(496):46-53. DOI: 10.47475/1994-2796-2025-496-2-46-53. (In Russ.).
2. Akhmanova OS. Dictionary of linguistic terms = Slovar' lingvisticheskikh terminov. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya; 1966. 607 p. (In Russ.).

3. Bakhtin MM. Problems of Dostoevsky's Poetics. Works from Different Years = "Problemy poetiki Dostoevskogo. Raboty raznykh let". Moscow, Azbuka; Azbuka-Attikus; 2024. 672 p. (In Russ.).
4. Bruskova NV. Kategorii retrospektsii i prospektzii v khudozhestvennom tekste: na materiale nemetskogo yazyka = Categories of Retrospection and Prospection in Literary Texts: A Study of the German Language. Doctoral dissertation (Cand. Sci. [Philol.]). Moscow; 1983. 181 p. (In Russ.).
5. Bublichenko MM. The Great Isoteric Reference = Bol'shoi izotericheskii spravochnik. Rostov on Don, Feniks; 2010. 252 p. (In Russ.).
6. Gal'perin IR. Text as an Object of Linguistic Research = Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya. Moscow, Nauka; 1981. 139 p. (In Russ.).
7. Elyakov AD. Information overload of people = Informatsionnaya peregruzka lyudei. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2005;(5):114-121. (In Russ.).
8. Zheltukhina MR. Tropological Suggestiveness of Mass Media Discourse: On the Problem of the Speech Impact of Tropes in the Media Language = Tropologicheskaya suggestivnost' massmedial'nogo diskursa: o probleme rechevogo vozdeistviya tropov v yazyke SMI. Monograph. Moscow; 2003. 656 p. (In Russ.).
9. Zhukov A. S. Literary Reminiscences in Media Materials = Literaturnye reministsentsii v materialakh SMI. In: *Filologiya i lingvistika v sovremennom obshchestve: materialy II Mezhdunar. nauch. konf.* (Moscow, February, 2014). Moscow, Buki-Vedi; 2014. Pp. 148–151. (In Russ.).
10. Karaulov YuN. Russian language and linguistic personality = Russkii yazyk i yazykovaya lichnost'. Moscow, URSS; 2004. 261 p. (In Russ.).
11. Kiriya I. Multimedia and New News Principles = Mul'timedia i novye printsipy novostei. In: *Journalism and Convergence: Why and How Traditional Media Are Turning into Multimedia Media = Zhurnalistika i konvergentsiya: pochemu i kak traditsionnye SMI prevrashchayutsya v mul'timediinye*. Ed by A. G. Kachkaeva. Moscow; 2010. Pp. 30–47. (In Russ.).
12. Konovalova MV. On the issue of cognitive categories in media discourse = K voprosu o kognitivnoi kaiegorii v mediadiskurse. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2019;(4(426):100-108. (In Russ.).
13. Konovalova MV. Evocative impact on the example of the concept "New York" in media text headlines = Evokativnoe vozdeistvie na primere verbalizatsii kontsepta „N'yu-Iork“ v zagolovkakh mediatekstov. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2025;(6(500):106-114. (In Russ.).
14. Lenkova TA. The functions of the retrospective category in media linguistics (based on the contemporary German press) = Funktsii kategorii retrospektzii v medialingvistike (na materiale sovremennoi pressy Germanii). *Rossiiskii nauchnyi zhurnal*. 2011;(5(24):253-259. (In Russ.).
15. Likhachev DS. The Development of Russian Literature in the 10th-17th Centuries = Razvitie russkoi literatury X–XVII vekov. Leningrad; 1987. 256 p. (In Russ.).
16. Mardieva LA. Collective cultural memory of society (precedent visual images and phenomena) = Kollektivnaya kul'turnaya pamyat' obshchestva (pretsedentnye vizual'nye obrazy i fenomeny). *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiiskaya i zarubezhnaya filologiya*. 2011;(3(15):202-207. (In Russ.).
17. Mardieva LA. Visual Precedence as an Object of Linguistic Research: Current State and Development Prospects = Vizual'naya pretsedentnost' kak ob'ekt lingvisticheskikh issledovaniy: sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki*. 2023;165(3):19-32. (In Russ.).
18. Nosaev DA. The impact of the elements of a periodical's graphical model on its success = Vliyanie elementov graficheskoi modeli periodicheskogo izdaniya na ego uspehnost'. *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Filologiya i iskusstvovedenie*. 2013;(3):207-212. (In Russ.).
19. Pavlina SYu. The functioning of precedent phenomena in visual political communication = Funktsionirovanie pretsedentnykh fenomenov v vizual'noi politicheskoi kommunikatsii. *Vestnik VGU. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*. 2023;(1):93-101. (In Russ.).
20. Uspenskii BA. Selected Works: In 3 Volumes. Vol. 1 = Izbrannye trudy: v 3 t. T. 1. Moscow; 1996. 605 p. (In Russ.).
21. Chernoritskaya OL. A retrospective = Retrospektiva. Available from: <https://rexgolg.ru/page28> [Accessed 19 January 2026]. (In Russ.).
22. Shelestyuk EV. Speech impact: ontology and research methodology = Rechevoe vozdeistvie: ontologiya i metodologiya issledovaniya. Monograph. Moscow; 2014. 344 p. (In Russ.).
23. Korabl' durakov. Available from: <https://collections.louvre.fr/ark:/53355/cl010062860> [Accessed 19 January 2026]

24. Die Ostseezeitung. Available from: <https://www.ostsee-zeitung.de/politik/regional/der-nette-herr-holm-von-der-afd-ein-rechter-auf-dem-weg-zum-schweriner-ob-CXKTDTLJQ5BULFJ27S5NNXAP7Y.html>. [Accessed 19 January 2026]

25. Der Spiegel. Available from: <https://www.spiegel.de/politik/deutschland/afd-will-bei-wahl-in-mecklenburg-vorpommern-cdu-ueberholen-a-1109922.html> [Accessed 19 January 2026]

26. Der Spiegel. Available from: <https://www.spiegel.de/spiegel/print/index-1985-12.html> [Accessed 19 January 2026]

27. Der Spiegel. Available from: <https://www.spiegel.de/spiegel/print/index-1998-43.html> [Accessed 19 January 2026]

28. Der Spiegel. Available from: <https://www.spiegel.de/nachrichtenarchiv/artikel-05.03.2007.html> [Accessed 19 January 2026]

29. Der Spiegel. Available from: <https://www.spiegel.de/spiegel/print/index-2019-6.html> [Accessed 19 January 2026]

Информация об авторе

Т. А. Ленкова — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры романо-германских языков и методики их преподавания.

Information about the author

T. A. Lenkova — Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Romance and Germanic Languages and Methods of Teaching.

Статья поступила в редакцию 15.10.2025; одобрена после рецензирования 29.12.2025; принята к публикации 14.01.2026.

The article was submitted 15.10.2025; approved after reviewing 29.12.2025; accepted for publication 14.01.2026.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

**ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ,
КОГНИТИВНОЕ КАРТИРОВАНИЕ ДИСКУРСА
TRANSLATION STUDIES, COGNITIVE MAPPING OF DISCOURSE**

---

*Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 2 (508). С. 165–174.
Bulletin of Chelyabinsk State University. 2026;(2(508)):165-174.*

Научная статья

УДК 81'25

DOI: 10.47475/1994-2796-2026-508-2-165-174

**КОГНИТИВНОЕ КАРТИРОВАНИЕ ДИСКУРСА
КАК МЕТОД ОРГАНИЗАЦИИ ЭКСПЕРТНОГО ЗНАНИЯ ПЕРЕВОДЧИКА**

Анна Валерьевна Валиева¹, Ирина Николаевна Ремхе²

¹Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова, Нерюнгри, Россия, ilage@yandex.ru, 0000-0002-8826-331X

²Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, rilix@mail.ru, 0000-0001-6441-6804

Аннотация. В условиях растущих требований к переводу специализированных текстов особую актуальность приобретают методы, которые позволяют ускорить процесс погружения переводчика в новую предметную область и структурировать сложное экспертное знание. В данной статье рассматривается когнитивное картирование дискурса с двух позиций: как естественный процесс, присущий человеческому сознанию и неосознанно активирующийся в процессе работы переводчика с текстом, с одной стороны, и как целенаправленный метод организации экспертного знания переводчика, составляющий основу макростратегии на предпереводческом этапе, с другой. Авторы выдвигают гипотезу о том, что когнитивная карта может служить эффективным инструментом систематизации и визуализации для структурирования новых знаний и репрезентации уже имеющихся, что позволяет оптимизировать процесс анализа дискурса, снизить когнитивную нагрузку и тем самым повысить качество перевода. Для проверки гипотезы было проведено экспериментальное исследование с участием 25 респондентов разного уровня экспертности. В ходе эксперимента была создана когнитивная карта инженерного дискурса «технология горных разработок» с применением современных инструментов (NLP, LLM, IOctopus). Эффективность карты оценивалась с помощью сравнения качества переводов контрольного и основного текста с использованием индекса TQI, а также через опросы и анализ тональности отзывов респондентов. В статье представлены промежуточные количественные и качественные результаты экспериментального исследования. Было выявлено, что использование когнитивной карты способствует статистически значимому улучшению качества перевода — в среднем на 22,4%. Качественный анализ выявил положительное восприятие инструмента большинством респондентов (76%) и показал, что характер взаимодействия с картой варьируется в зависимости от уровня экспертности переводчика. Исследование демонстрирует, что когнитивное картирование является эффективным инструментом для трансфера экспертных знаний и формирования переводческой компетенции в рамках специализированного дискурса.

Ключевые слова: когнитивное картирование, когнитивная макростратегия, экспертные знания, специализированный дискурс, качество перевода (TQI)

Для цитирования: Валиева А. В., Ремхе И. Н. Когнитивное картирование дискурса как метод организации экспертного знания переводчика // Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 2 (508). С. 165–174. DOI: 10.47475/1994-2796-2026-508-2-165-174.

Original article

COGNITIVE MAPPING OF DISCOURSE AS A METHOD OF STRUCTURING TRANSLATOR EXPERTISE

Anna V. Valieva¹, Irina N. Remkhe²

¹ TI(b) NEFU after M. K. Ammosov, Neryungri, Russia, ilage@yandex.ru, 0000-0002-8826-331X

² Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, rilix@mail.ru, 000-0001-6441-6804

Abstract. In the context of growing demands for the translation of specialized texts, methods that accelerate the translator's immersion into a new subject area and structure complex expert knowledge are becoming increasingly relevant. This article examines cognitive mapping of discourse from two perspectives: on the one hand, as a natural process inherent to human consciousness, subconsciously activated when a translator works with a text, and on the other hand, as a deliberate method for organizing a translator's expert knowledge, forming the basis of a macrostrategy at the pre-translation stage. The authors hypothesize that a cognitive map can serve as an effective tool for systematization and visualization, useful for structuring new knowledge and representing existing knowledge, thereby optimizing the process of discourse analysis, reducing cognitive load, and consequently improving translation quality. To test this hypothesis, an experimental study was conducted involving 25 respondents with varying levels of expertise. As part of the experiment, a cognitive map of the engineering discourse "mining technology" was created using modern tools (NLP, LLM, IOctopus). The effectiveness of the map was assessed by comparing the quality of translations of control and main texts using the TQI index, as well as through surveys and sentiment analysis of respondent feedback. The article presents intermediate quantitative and qualitative results of the experimental study. It was found that the use of the cognitive map contributed to a statistically significant improvement in translation quality — on average by 22.4%. Qualitative analysis revealed a positive perception of the tool by the majority of respondents (76%) and showed that the nature of interaction with the map varies depending on the translator's level of expertise. The research demonstrates that cognitive mapping is an effective tool for transferring expert knowledge and developing translation competence within a specialized discourse.

Keywords: cognitive mapping, cognitive macrostrategy, expertise/domain specific knowledge, translation quality index (TQI)

For citation: Valieva AV, Remkhe IN. Cognitive Mapping of Discourse as a Method of Structuring Translator Expertise. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2026;(2(508):165-174. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2026-508-2-165-174.

Введение

Многообразие и сложность переводческих задач требуют от переводчика не только глубоких лингвистических знаний, но и понимания специфики дискурсов различных предметных областей. Проблематика перевода специализированного дискурса становится особенно актуальной в условиях современного мира, где сложные варианты коммуникации требуют от переводчиков экспертного понимания профессиональной сферы, в которой протекает переводческая деятельность, и высокой скорости усвоения сложных знаний. Это обуславливает *актуальность* настоящего исследования. *Научная новизна* состоит в разработке макростратегии перевода специализированных текстов, основанной на использовании когнитивной карты как инструмента для структурирования экспертного знания. *Объектом* исследования является процесс организации экспертного знания переводчика. *Цель* данного исследования заключается в экспериментальной проверке эффективности когнитивного картирования как метода организации экспертного знания переводчика на предше-

водческом этапе и оценке его влияния на качество перевода специализированных текстов.

В качестве *гипотезы* выдвигается предположение о том, что когнитивное картирование представляет собой естественный процесс аккумуляции новых знаний, который активируется неосознанно при работе переводчика с новым дискурсом. Оптимизация данного процесса в рамках макростратегии подготовки к переводу состоит в передаче экспертных знаний за счет систематизации и визуализации когнитивной карты дискурса. Данный подход позволяет обеспечить более эффективное погружение в тематику текста оригинала и, как следствие, повысить качество и точность перевода, а также снизить когнитивную нагрузку на переводчика или терминолога.

Макростратегия технического перевода представляет собой один из методов организации предпереводческого этапа, направленного на оптимизацию понимания и структурирования терминосистемы узкоспециализированного дискурса. Для переводчика процесс понимания сложных смысловых структур специализированного текста и про-

гнозирования потенциальных переводческих решений может быть доведен до автоматизма путем создания когнитивных карт. *Когнитивное картирование* рассматривается как процесс интериоризации и структурирования нового знания, а также репрезентации и актуализации имеющегося знания, что является необходимым условием для понимания дискурса на предпереводческом этапе.

Методы исследования включают анализ теоретического материала в области когнитивной лингвистики, когнитивного переводоведения и терминоведения наряду с методом экспериментального исследования с привлечением переводчиков разного уровня экспертности с целью проверки эффективности когнитивной карты как инструмента макростратегии. Для анализа результатов эксперимента используются количественно-качественный подход с применением индекса TQI (индекс качества перевода), опрос респондентов и анализ тональности отзывов.

Формирование экспертного знания в переводческой деятельности

В современном переводоведении мы зачастую сталкиваемся с терминами «переводчик-профессионал» и «переводчик-эксперт». Разграничение данных понятий связано с непрекращающимся поиском возможностей повышения эффективности переводческой деятельности, которая соотносится с определением экспертности в переводе. Данный вопрос остается актуальным на сегодняшний день и рассматривается с различных точек зрения, включая социокогнитивную, социотехническую, дидактическую и др. [15; 18; 20]. В данном исследовании мы придерживаемся мнения, что *экспертность переводчика* определяется продолжительностью переводческого опыта в рамках узкой специализации (домена), *процедурализацией* знаний и *метакогнитивной* регуляцией.

Определяя динамику развития переводчика в профессии от новичка до эксперта, вслед за Д. Шлагер и Х. Риску, можно выделить трехуровневую градацию: переводчик-новичок (novice) переводчик-профессионал (non-expert), переводчик-эксперт (expert) [20, с. 232]. Уровень эксперта достигается при получении достаточного переводческого опыта, наряду с работой в реальных условиях профессиональной переводческой деятельности. Опираясь на социокогнитивный ракурс Д. Шлагер и Х. Риску, а также ситуативный подход к переводческой компетенции Р. М. Мартина, к основным факторам, определяющим экспертность переводчика, относим следующие:

1. *Среда*. Экспертность переводчика определяется повседневными практиками и социотехническим взаимодействием (окружением) в рамках узкой специализации, которая обозначается термином «домен» (domain/domain-specific) [18, с. 6]. Продолжительная работа в рамках определенной сферы деятельности или определенной тематики является одним из необходимых условий для формирования экспертного уровня.

2. *Когниция*. Речь идет о когнитивных ресурсах и механизмах, обеспечивающих не только объем знаний и информации, а качество этих знаний, их репрезентацию и организацию в сознании переводчика. В этом смысле важно отметить уровень экспертного мышления переводчика как некоей системы, где знания аккумулируются и структурируются в соответствии с тем доменом, в котором протекает переводческая деятельность [18, с. 3].

3. *Метакогниция*. Изменения метакогнитивного характера при формировании экспертного уровня знания у переводчика начинаются с процесса аккумуляции знаний параллельно с выработыванием осознанности (awareness) и понимания природы и структуры проблемы в определенной сфере профессиональной деятельности [20, с. 233]. В этом случае мы говорим не о накоплении опыта, а в большей степени о метазнаниях, их выявлении, систематизации, накоплении и хранении [18, с. 25].

Формирование экспертного знания представляет собой сложный социокогнитивный процесс. В отличие от простого накопления опыта, подлинная *экспертность* переводчика возникает на пересечении трех взаимосвязанных плоскостей: глубокой предметной специализации (домена), когнитивных стратегий и социотехнического окружения в профессиональном сообществе. Понимание профессионального знания является неотъемлемой частью экспертности переводчика и рассматривается как динамический процесс *моделирования* предметной области на основе имеющегося профессионального опыта, на который накладываются приобретенные знания для создания нового *конструкта*, позволяющего работать в рамках специализированного дискурса. В качестве моделирующего основания рассматривается *когнитивная карта* как сложная многоуровневая ментальная модель, отражающая уровень экспертности.

Механизм когнитивного картирования в организации экспертного знания переводчика

Понимание и структурирование информации человеком, в том числе в процессе перевода,

осуществляется посредством базовых ментальных структур, таких как концепт, фрейм, сценарий (скрипт) и схема. Эти универсальные инструменты систематизации опыта отражены в классических трудах известных зарубежных ученых в области когнитивной лингвистики (Ч. Филлмор [13], М. Минский [17], Р. Шанк [19]) и составляют основу когнитивного картирования дискурса как естественного процесса, свойственного человеческому мышлению.

В современных работах по когнитивной лингвистике и когнитивному переводоведению акцент смещается в сторону изучения специфики активации ментальных структур для усвоения и актуализации знаний в переводческой деятельности. На примере обобщенного анализа процессов восприятия и интерпретации в процессе перевода текстов различных жанров с применением методов нейровизуализации и айтрекинга в исследовании Х. Ду доказывалось утверждение о том, что «перевод представляет собой сложную мыслительную деятельность, опосредованную активацией разнообразных структур знания — от концептов и фреймов до ментальных пространств и культурных схем» [3, с. 270]. Применительно к техническому дискурсу, стоит отметить рассуждения Л. А. Нефедовой, И. Н. Ремхе, согласно которым его основу составляет сложное знание, организованное в виде фрейма и сценария [6; 9]. Данный принцип создает когнитивную базу для актуализации экспертных знаний переводчика в мультязычной среде. В подобном формате проводится исследование Н. К. Яшиной, как пример частного использования когнитивной модели перевода в рамках отдельно взятого дискурса пищевой промышленности [12, с. 95–96].

Если рассматривать процесс когнитивного картирования как таковой, понимаемый в русле идей Дж. Д. Новака как способ структурирования и хранения информации об окружающем мире (см. подробнее у Е. А. Грудевой [2, с. 34]), то очевидной становится тенденция к его использованию в качестве инструмента для прикладных исследований. Так, в когнитивном терминоведении (Л. А. Манерко, В. Ф. Новодранова) когнитивное картирование используется для описания и моделирования терминологических систем [4; 5]. Таким образом, когнитивная карта, интегрируя фреймово-сценарную организацию знания и визуализируя связи между концептами, выступает не только как модель ментального процесса, но и как практический метод анализа дискурса, представляющий значитель-

ный интерес для когнитивного переводоведения и терминоведения.

Процесс понимания¹ нового знания переводчиком также представляет собой когнитивное картирование, при этом когнитивная карта в сознании переводчика формируется на двух или более языках. Репрезентация и актуализация знания в процессе перевода происходит за счет активизации ментальных структур, которые положены в основу когнитивной карты конкретного дискурса. Когнитивная карта, сформированная в результате длительной работы в рамках конкретного дискурса, представляет собой экспертное знание переводчика.

Когнитивное картирование способствует формированию и закреплению экспертных знаний переводчика, поскольку представляет собой формат систематизированного и структурированного знания об узкоспециализированной области или дискурса, с которым работает переводчик. Данный метод способствует развитию экспертного мышления на основе качественной подборки материалов и позволяет аккумулировать профессиональные знания, которые потребуются для перевода с глубоким пониманием в рамках заданного ситуативного фрейма. Это составляет универсальную *макростратегию* на предпереводческом этапе.

В условиях современных возможностей использования переводческих инструментов с встроенными компонентами на основе ИИ рассмотрение экспертного знания переводчика перемещается в плоскость социотехнического, сетевого взаимодействия. С позиции когнитивной транслатологии в зарубежных исследованиях используется термин «*артефакт*», который определяется в контексте экспертной деятельности как внешний инструмент, использующийся параллельно с внутренними стратегиями. Взаимодействие с артефактом требует от пользователя определенных навыков и знаний, что в свою очередь определяет уровень его экспертности [14, с. 205–206].

Переводческий инструментарий снижает когнитивную нагрузку переводчика и в ряде случаев позволяет добиться большей эффективности в переводе при правильном применении технологий. Происходит конвергентное взаимодействие

¹ Вслед за Л. М. Алексеевой и С. Л. Мишлановой «понимание» трактуется как процесс. «Понимание — не просто анализ семантики слов, а конструктивный процесс. С этой целью переводчик должен обладать умением моделировать, т. е. составлять формулу исходного текста» [1, с. 105–106].

метакогнитивных навыков переводчика (критическое мышление, построение стратегии) и технологической поддержки со стороны инструментов, включая системы обработки естественного языка (в том числе CAT-системы и большие языковые модели), а также AI-хостинги для создания когнитивных карт и обработки текстовой информации.

Инструменты для обработки естественного языка NLP выполняют автоматизированную обработку текстов (токенизация, лемматизация, синтаксический анализ и др.) и часто интегрируются в лингвистические программы. Большие языковые модели (LLM) и нейросетевые системы способны не только анализировать большие объемы данных, но и генерировать, обобщать и редактировать текст, демонстрируя понимание контекста.

ИИ-инструменты для создания когнитивных карт помогают визуализировать дискурс и фрагменты реальности. Их функционал включает анализ текста, определение связей между понятиями и визуализацию в формате диаграмм. Эти системы позволяют редактировать и оптимизировать структуру карты, а также генерировать новые узлы на основе анализа данных. Примерная структура работы включает предварительную обработку лингвистических данных с помощью NLP, генерацию карты в формате Markdown посредством LLM и ее последующую визуализацию с помощью ИИ-инструментов.

Анализ эффективности когнитивного картирования на предпереводческом этапе

Эффективность действия когнитивной карты как инструмента для реализации универсальной переводческой макростратегии определяется с помощью эксперимента при участии переводчиков разных уровней, от новичков до экспертов. На данный момент получены предварительные данные, которые свидетельствуют о валидности результатов и возможности их дальнейшего анализа. Экспериментальное исследование состоит из двух этапов.

На основе уже имеющегося глоссария и лингвистического корпуса текстов на первом этапе исследования была создана когнитивная карта части инженерного дискурса «технология горных разработок». Данные материалы представляют собой значимый источник когнитивной информации, формирующей основу когнитивной карты специалиста в соответствующей предметной области. Они включают концептуальный компонент, детер-

минирующий терминологические и общетехнические понятия, а также фреймы и скрипты, которые лежат в основе коллокаций. Указанные материалы обеспечивают понимание ситуации, раскрывают причинно-следственные и поведенческие связи, а также выявляют ситуативные элементы дискурса данной предметной области.

В процессе составления использовались системы обработки естественного языка (NLP) (в большей степени *sketch engine*) и большие языковые модели LLM (*ЯндексGPT*, *VseGPT*), а также инструмент для создания интерактивных когнитивных карт *IOctopus*². Данные инструменты ускорили и облегчили процесс составления когнитивной карты, однако их применение требует обязательного участия квалифицированного специалиста в данной предметной области. Это обусловлено тем, что в результате автоматизированной генерации и обработки данных возможны искажения, которые могут привести к несоответствию карты реальному профессиональному дискурсу.

Информация на карте представлена в трех форматах: видеоформат, схемы и изображения, а также текстовый формат. На рис. 1 представлен фрагмент части инженерного дискурса «технология горных разработок».

Мультиmodalность представленной информации должна обеспечить эффективное усвоение фактической, терминологической и стилистической информации респондентами. Именно эти параметры учитываются в количественном анализе переводов. Когнитивная карта, составляемая в процессе реализации макростратегии предпереводческого анализа дискурса, необязательно должна выглядеть именно так, однако в инженерных, научных и научно-технических дискурсах визуальная составляющая несет очень важную функцию — понимание технологических процессов и пространственных понятий. Поэтому кроме текстовой составляющей обязательно должна присутствовать графическая и видеoinформация.

Для анализа эффективности когнитивной карты на втором этапе исследования респондентами производился перевод двух текстов. Тексты насыщены фактической и соответствующей терминологической информацией из субдискурсов добывающего дискурса таким образом, чтобы данная информация максимально не пересекалась. Это необходимо для того, чтобы избежать интерференции

² Сервис создания ментальных карт онлайн IOctopus. URL: https://mind-map-online.ru/?utm_medium=affiliate_14987211 (дата обращения: 25.09.2025)

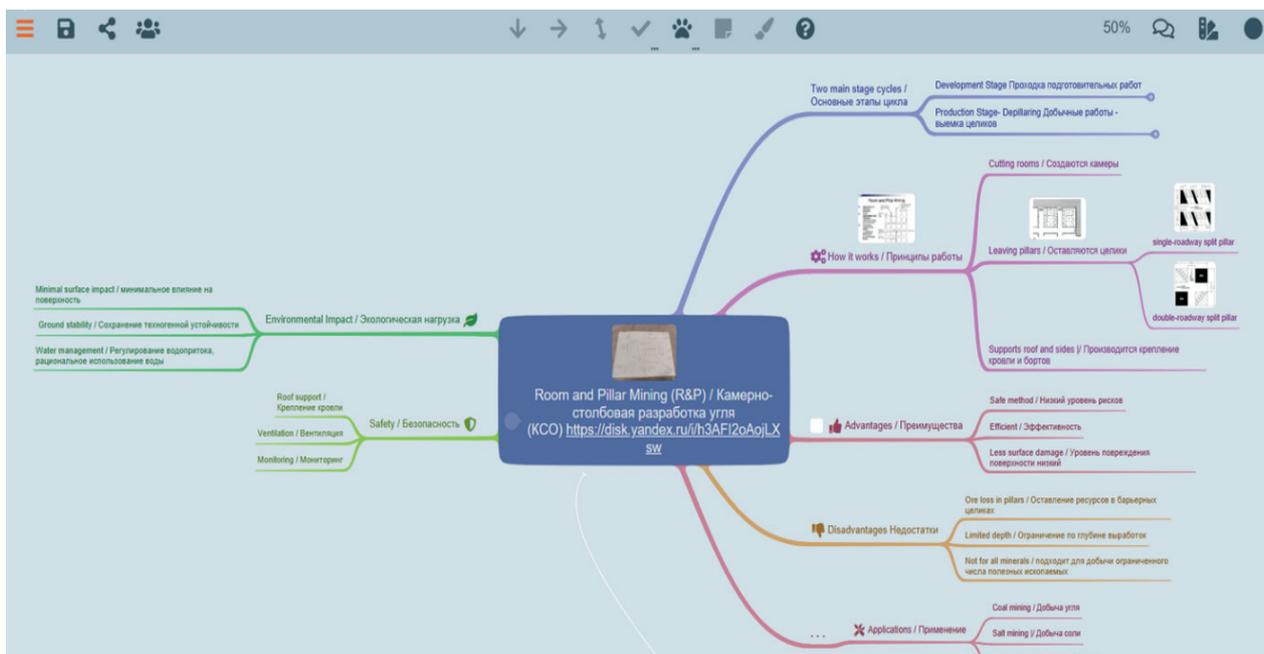

Рис. 1. Когнитивная карта «технология горных разработок» в сервисе IOctopus (часть узлов)
 Fig. 1. Cognitive map “mining technology” in the IOctopus service (part of the nodes)

знаний для чистоты эксперимента. Для выборочной оценки качества рекомендуется использовать случайные, но связанные фрагменты текста размером 250–1 000 слов. Это позволяет оценить связность и логичность текста [7, с. 170–174]. Объем контрольного текста составил 280 слов (1 718 знаков с пробелами) и основного текста — 233 слова (1 410 знаков с пробелами).

Уровень сложности текстов определялся на основе дискурсивных составляющих (плотность информации, концептуальная составляющая, фреймы, скрипты) и лингвистических (лексических/терминологических и синтаксических) элементов. В числе важных факторов рассматривались следующие: плотность информации (низкая концентрация фактов) в пределах абзаца, наличие маркеров логических связей, преобладание распространенной доступной специальной терминологии, а также почти полное отсутствие аббревиатур и символов. Тексты из узкоспециального дискурса оценены на уровне 3–4 баллов по 10-балльной шкале экспертами с длительным опытом в данной области. Умеренный уровень сложности текстов обеспечил разнообразие респондентов, без целенаправленного отбора специалистов.

Для анализа результатов принят качественный-количественный подход [16, с. 57]. Переводы контрольного и опорного текстов анализируются с помощью количественного показателя TQI «Индекс качества перевода» [8; 11], активно применяемого в переводческих агентствах [10] и в практике Союза переводчиков России [7]. Контроль-

ный текст переводится респондентом без опоры на когнитивную карту, основной текст — с опорой на когнитивную карту. Фактическая и терминологическая информация в данных текстах не совпадает. Анализируются индивидуальные изменения показателей каждого респондента. Кроме того, проводится опрос каждого респондента и по результатам опроса анализируется его отзыв о когнитивной карте. Анализ тональности отзыва респондента производится с помощью ресурса *Megaputer Sapremo*³.

На данный момент в эксперименте приняли участие 25 респондентов. Анализ результатов экспериментального исследования продемонстрировал, что использование когнитивной карты способствовало улучшению качества перевода. Результаты количественного анализа показали среднее увеличение качества перевода на 22,4% (от 15 до 30%) при переходе от контрольного текста, выполненного без опоры на карту, к основному тексту, переведенному с использованием карты. Качественный анализ дополнительно обеспечил понимание отношения респондентов к когнитивной карте через опросы и анализ тональности отзывов. В результате подтвердилось положительное восприятие этого инструмента (76% респондентов).

Полученные предварительные данные подтверждают гипотезу о том, что когнитивное картирование может служить эффективным инструментом

³ Серверная библиотека алгоритмов анализа неструктурированных текстовых данных. URL: <https://sapremo.megaputer.ru/>

для трансфера экспертных знаний в определенной предметной области и для повышения качества перевода. Стратегия, предложенная в ходе исследования, позволяет организовать и ускорить процесс вхождения⁴ переводчика в новый дискурс.

Поскольку когнитивное картирование представляет собой антропоморфный процесс, оно заставляет задуматься, как работает человеческое понимание. Соответственно, экспертность переводчика проявляется в том, как он строит когнитивную карту. При анализе результатов эксперимента возникли вопросы: Чем новичок отличается от эксперта? Можно ли это увидеть на основе ошибок или комментариев?

В ходе эксперимента были выявлены случаи, когда, несмотря на отсутствие опыта работы в предлагаемой узкоспециализированной области дискурса, респондент при переводе с опорой на когнитивную карту близко подходит к уровню эксперта, набирая 85 % качества против экспертных 95–100 % (42 % респондентов в группах профессионалов с опытом в нетехнических и других технических тематиках).

Из комментариев со стороны переводчиков-новичков, с опытом работы в других технических тематиках до четырех лет и с опытом работы в нетехнических тематиках до семи лет, становится понятно, что карта рассматривается как основная опора, которая, снижает трудности восприятия текста и способствует расширению знаний в тематической области: *«карта охватила почти все тематические разделы, необходимые для перевода данного текста», «значительно облегчило перевод, предоставив всю используемую терминологию, а также общий контекст материала», «поскольку у меня практически не было опыта работы с тематикой горной промышленности, поначалу возникли определенные трудности с пониманием специализированной терминологии и сути описываемых процессов... однако обращение к карте значительно упростило задачу».*

⁴ «В основе содержания вербальной стадии переводческой деятельности лежит понятие когнитивного механизма дискурса, соотношенного с развитием личности в деятельности. Это комплементарный механизм адаптации и индивидуализации в процессе самоопределения личности, обуславливающий ее интеграцию в совместную деятельность с последующим закреплением полезного результата. В самом общем виде развитие личности переводчика может быть представлено как процесс его вхождения в новую социальную среду и интеграции в ней в результате этого процесса» [1].

Заключение

Проведенное исследование подтверждает актуальность и необходимость изучения процессов когнитивного картирования в условиях перевода специализированного дискурса. Доказана важность экспертного понимания предметной области и применения когнитивного картирования для повышения качества переводческой деятельности. Предварительные результаты эксперимента доказывают, что когнитивное картирование дискурса является эффективным инструментом организации экспертного знания переводчика и оптимизации процесса перевода специализированных текстов. Экспериментальные данные демонстрируют, что использование когнитивных карт на предпереводческом этапе способствует значительному повышению качества перевода (в среднем на 22,4%), снижению когнитивной нагрузки и ускорению погружения в новую предметную область.

В ходе теоретико-экспериментального исследования было установлено, что когнитивная карта служит не только средством визуализации и структурирования терминосистемы, но и катализатором экспертного мышления, активируя фреймворки структуры и сценарии, необходимые для глубокого понимания дискурса. При этом характер взаимодействия с картой варьируется в зависимости от уровня экспертности переводчика: новички используют ее как статичный справочник, тогда как эксперты воспринимают ее как динамичную, прогностическую модель, дополняющую их собственную концептуальную систему. Когнитивное картирование функционирует как имплицитный механизм ассимиляции дискурсивных норм, где процедурное знание, полученное из когнитивной карты, доминирует над декларативным.

Представленные промежуточные результаты подтверждают, что интеграция современных технологий, таких как NLP, LLM и ИИ-инструменты для визуализации, открывает новые возможности для автоматизации и оптимизации процесса когнитивного картирования, что особенно актуально в условиях растущих требований к скорости и точности перевода. Перспектива для продолжения исследования может быть связана с адаптацией когнитивного картирования для разнообразных типов специализированного дискурса, а также в различных условиях переводческих деятельности, как в коллективных проектах, так и в качестве алгоритма в индивидуальной работе переводчика.

Список источников

1. Алексеева Л. М. Трансфер знания: инновации и технологии : монография. Пермь, 2022. 206 с.
2. Грудева Е. А. Ментальные структуры в лингвокогнитивной парадигме // Международный научно-исследовательский журнал. 2021. № 7-3 (109). С. 33–37. DOI: 10.23670/IRJ.2021.109.7.073.
3. Ду Х. Роль когнитивной лингвистики в понимании процессов восприятия и интерпретации текста при переводе // Управление образованием: теория и практика. 2024. № 1-2. С. 265–273. DOI: 10.25726/c3852-9347-4601-е.
4. Манерко Л. А. Вариативность в понимании термина «когнитивная карта» в когнитивных науках и терминоведении // Языковая личность в контексте времени : сборник материалов Международной научно-практической конференции 26 ноября 2010 г. СПб. : Санкт-Петербургский гос. ун-т экономики и финансов, 2010. С. 160–162.
5. Манерко Л. А., Новодранова В. Ф. Концептуальная и когнитивная карта как методологический аппарат когнитивно-коммуникативного терминоведения // Когнитивные исследования языка. 2014. № 19. С. 275–284.
6. Нефедова Л. А., Ремхе И. Н. Когнитивные особенности перевода научно-технического текста // Вопросы когнитивной лингвистики. 2008. № 2(15). С. 91–101.
7. Письменный перевод. Рекомендации переводчику, заказчику и редактору / Союз переводчиков России, Нац. лига переводчиков Translation Forum Russia ; [сост.: Н. Дупленский]. 3-я ред. М. : Р. Валент, 2015. 175 с.
8. Полякова Н. В. Оценка качества письменного перевода: проблема поиска эффективных стандартов, критериев и параметров // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2022. № 1 (219). С. 54–64. DOI: 10.23951/1609-624X-2022-1-54-64.
9. Ремхе И. Н. Понятие фрейма в области специализированного перевода // Когнитивные исследования языка. 2014. № 18. С. 802–805.
10. Тишин, Д. Количественная оценка качества письменного перевода. Практический опыт. М. : Бюро переводов «Окей». 2009. 36 с.
11. Чемезов Я. Р. Применение индекса TQI для повышения качества перевода // Язык и культура. 2017. № 37. С. 261–272. DOI: 10.17223/19996195/37/18.
12. Яшина Н. К. Моделирование процесса перевода в когнитивном аспекте // Международный научно-исследовательский журнал. 2020. № 8-3 (98). С. 93–97. DOI: 10.23670/IRJ.2020.98.8.087.
13. Fillmore Ch. Frames and the Semantics of Understanding // Quaderni di Semantica. 1985. Vol. 6, no. 2. P. 222–254.
14. Hutchins E. The technology of team navigation // Intellectual teamwork: Social and technological foundations of cooperative work / ed. by J. Galegher, R. Kraut, C. Egido. New Jersey : Erlbaum, 1990. P. 191–221.
15. Jääskeläinen R. Are All Professionals Experts? Definitions of Expertise and Reinterpretation of Research Evidence in Process Studies // Translation and Cognition / ed. by G. Shreve, E. Angelone. Amsterdam : John Benjamins, 2010. P. 213–227.
16. Martín R. M., De León C. M. Translation and cognitive science // The Routledge Handbook of Translation and Cognition. London : Routledge, 2020. P. 52–68.
17. Minsky M. A framework for representing knowledge. Cambridge, 1974. URL: https://royallib.com/book/minskiy_marvin/freymi_dlya_predstavleniya_znaniy.html (дата обращения: 15.09.2025)
18. Martín M. R. Situating Translation Expertise: A Review with a Sketch of a Construct // The Development of Translation Competence: Theories and Methodologies from Psycholinguistics and Cognitive Science / ed. by J. W. Schwieter, A. Ferreira. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2014. P. 2–56.
19. Schank R., Abelson R. P. Scripts, plans, goals and understanding: An inquiry into human knowledge structures. New Jersey : Erlbaum. 1977. 248 p.
20. Schlager D., Risku H. Contextualising translation expertise // Translation, Cognition & Behavior. 2023. Vol. 6, no. 2. P. 230–251.

References

1. Alekseeva LM, Mishlanova SL. Knowledge transfer: innovation and technology: monograph. Perm; 2022, 206 p. (In Russ.).

2. Grudeva EA. Mental Structures in the Paradigm of Cognitive Linguistics. *Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal*. 2021;(7-3(109)):33-37. DOI: 10.23670/IRJ.2021.109.7.073. (In Russ.).
3. Du Kh. The Role of Cognitive Linguistics in Understanding Text Perception and Interpretation in Translation. *Upravlenie obrazovaniem: teoriya i praktika*. 2024;(1-2):265-273. DOI: 10.25726/c3852-9347-4601-e. (In Russ.).
4. Manerko LA. Variability in Understanding the Term “Cognitive Map” in Cognitive Science and Terminology. In: *Yazykovaya lichnost' v kontekste vremeni: sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii 26 noyabrya 2010 g.* St. Petersburg, Sankt-Peterburgskij gos. un-t ekonomiki i finansov, 2010, pp. 160–162. (In Russ.).
5. Manerko LA, Novodranova VF. Conceptual and Cognitive Map as a Methodological Framework of Cognitive and Communicative Terminology Studies. *Kognitivnye issledovaniya yazyka*. 2014;(19):275-284. (In Russ.).
6. Nefedova LA, Remkhe IN. Cognitive Aspects of Scientific and Technical Text Translation. *Voprosy kognitivnoj lingvistiki*. 2008;(2(15)):91-101. (In Russ.).
7. Pis'mennyj perevod. Written Translation: Guidelines for the Translator, Client, and Editor. In: *Soyuz perevodchikov Rossii, Nats. liga perevodchikov Translation Forum Russia [sost.: N. Duplenskij]. 3-ya redaktsiya.* Moscow, R. Valent; 2015. 175 p. (In Russ.).
8. Polyakova NV. Assessment of Written Translation Quality: The Challenge of Finding Effective Benchmarks, Criteria, and Parameters. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2022;(1(219)):54-64. DOI: 10.23951/1609-624X-2022-1-54-64. (In Russ.).
9. Remkhe IN. The Concept of Frame in Specialized Translation. *Kognitivnye issledovaniya yazyka*. 2014;(18):802-805. (In Russ.).
10. Tishin D. Quantitative Assessment of Written Translation Quality: A Practical Study. Moscow, Byuro perevodov “Okej”; 2009. 36 p. (In Russ.).
11. Chemezov YaR. Applying the TQI Index to Enhance Translation Quality. *Yazyk i kul'tura*. 2017;(37):261-272. DOI: 10.17223/19996195/37/18. (In Russ.).
12. Yashina NK. Modeling the Translation Process: A Cognitive Aspect. *Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal*. 2020;(8-3(98)):93-97. DOI: 10.23670/IRJ.2020.98.8.087. (In Russ.).
13. Fillmore Ch. Frames and the Semantics of Understanding. *Quaderni di Semantica*. 1985;6(2):222-254.
14. Hutchins E. The technology of team navigation. In: *Intellectual teamwork: Social and technological foundations of cooperative work.* Ed. by J. Galegher, R. Kraut, C. Egido. New Jersey, Erlbaum; 1990. Pp. 191–221.
15. Jääskeläinen R. Are All Professionals Experts? Definitions of Expertise and Reinterpretation of Research Evidence in Process Studies. In: *Translation and Cognition.* Ed. by G. Shreve, E. Angelone. Amsterdam, John Benjamins; 2010. Pp. 213–227.
16. Martín RM, De León CM. Translation and cognitive science. In: *The Routledge Handbook of Translation and Cognition.* London, Routledge; 2020. Pp. 52–68.
17. Minsky M. A framework for representing knowledge. Cambridge, 1974. Available from: https://royallib.com/book/minskiy_marvin/freyimi_dlya_predstavleniya_znaniy.html (accessed: 15.09.2025)
18. Martín M. R. Situating Translation Expertise: A Review with a Sketch of a Construct. In: *The Development of Translation Competence: Theories and Methodologies from Psycholinguistics and Cognitive Science.* Ed. by J. W. Schwieter, A. Ferreira. Newcastle upon Tyne, Cambridge Scholars Publishing; 2014. Pp. 2–56.
19. Schank R, Abelson RP. Scripts, plans, goals and understanding: An inquiry into human knowledge structures. New Jersey, Erlbaum; 1977.
20. Schlager D, Risku H. Contextualising translation expertise. *Translation, Cognition & Behavior*. 2023;6(2):230-251.

Информация об авторах

А. В. Валиева — старший преподаватель кафедры экономических, гуманитарных и общеобразовательных дисциплин Технического института (филиала).

И. Н. Ремхе — доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры теории и практики перевода.

Information about the authors

A. V. Valieva — Senior Lecturer, Department of Economic, Humanitarian and General Education Disciplines, Technical Institute (branch).

I. N. Remkhe — Dr. Sci. (Philology), Docent, Associate Professor at the Department of Theory and Practice of Translation.

Статья поступила в редакцию 06.11.2025; одобрена после рецензирования 01.12.2025; принята к публикации 14.01.2026.

The article was submitted 06.11.2025; approved after reviewing 01.12.2025; accepted for publication 14.01.2026.

Вклад авторов: оба автора сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.